

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА

Электронный сборник материалов
Международной научно-практической конференции, посвященной
25-летию юридического факультета БрГУ имени А. С. Пушкина

Брест, 26 ноября 2021 г.

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2022

ISBN 978-985-22-0434-7

Об издании – 1, 2

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2022

1 – сведения об издании

УДК 341.41(082)
ББК 67.40

Редакционная коллегия:

О. В. Бреский (отв. ред.), **Ж. А. Луцевич**, **О. Я. Сливко**

Рецензенты:

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
УО «Белорусский государственный экономический университет»,
кандидат юридических наук, доцент **В. В. Лосев**

доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления
УО «Барановичский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент **М. В. Андрияшко**

Проблемы правового регулирования общественных отношений: теория, законодательство, практика [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию юрид. фак. БрГУ им. А. С. Пушкина, Брест, 26 нояб. 2021 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. В. Бреский (отв. ред.), Ж. А. Луцевич, О. Я. Сливко. – Брест : БрГУ, 2022. – 335 с. – Режим доступа: <http://rep.brsu.by/handle/123456789/7607>.

ISBN 978-985-22-0434-7.

В материалах сборника представлены результаты исследований белорусских и зарубежных авторов по актуальным проблемам правового регулирования общественных отношений.

Издание адресуется студентам, аспирантам, преподавателям, практическим работникам, а также всем, кто интересуется проблематикой правовой регламентации современных общественных отношений.

Разработано в PDF-формате.

УДК 341.41(082)
ББК 67.40

Текстовое научное электронное издание

Системные требования:

тип браузера и версия любые; скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая; дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2022

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 10, Microsoft Office 2013;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор А. А. Лясник, компьютерный набор и верстка А. А. Лясник;
- дата размещения на сайте: 21.04.2022;
- объем издания: 2,42 МБ;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады

Петровский Н. А. Метод аналогии в судебной практике Античного Рима..	10
Телятицкая Т. В. Цели административной ответственности на современном этапе	13
Россихин В. В., Россихина Г. В. Вопросы регулирования цифровизации образования Украины	16
Добкіна К. Р. Договірне регулювання посередництва в Україні: сучасний стан та перспективи розвитку	19
Варакулина М. В. Потенциал формирования цифровой экономики в Республике Беларусь.....	23
Теребей А. П. Закон о защите персональных данных: проблемные аспекты	26
Цюга С. А. Органы, обеспечивающие правовую охрану избирательного процесса.....	29
Бреский О. В. Модели альтернативного судебному разрешению споров. Медиация.....	33
Загорнов А. А. Определение судебной власти в актах судебной реформы 1864 года.....	37
Сливко О. Я. Предупреждение как профилактическая мера воздействия по административно-деликтному законодательству Республики Беларусь	40
Луцевич Ж. А. Особенности использования инспекционно-досмотровых комплексов при проведении таможенного контроля	43
Пожарная О. В. Выборность как один из основных принципов формирования магистратур в античных государствах	47
Панин О. И. Проблемы применения законодательства по защите прав потребителей в случае ликвидации продавца или изготовителя	49
Дудчик А. И. Сравнительная характеристика мер административного воздействия, применяемых к несовершеннолетним по законодательству Беларуси и России	53
Барановская И. М. Направления совершенствования законодательства Республики Беларусь при оказании медицинской помощи и предоставлении услуг в период COVID-19.....	56

Секция 1. Проблемные вопросы общей теории и истории государства и права

Байсейтов Б. Б. Роль батыров в традиционном казахском обществе	59
Башкова П. В., Клімовіч А. А. Класіфікацыя права Францыска Скарыны.....	62

Бурак Я. А. К вопросу о понятии коррупции в сфере образования	65
Викторович Е. С. Роль сегментирования в политическом процессе	67
Голубева Л. Л. Развитие наследственных правоотношений в Статуте Великого княжества Литовского 1566 года	70
Даркович С. С. Остракизм как специфический институт древнегреческого права и элементы его проявления в современном законодательстве	74
Жук Д. Д. Истоки теории юридических фактов в праве Древнего Рима ...	76
Завацкі Я. І. Экалагічнае пытанне ў дзейнасці XXVIII з'езда КПСС (2–13 ліпеня 1990 года).....	78
Займист Г. И. Методологическая культура магистрантов-юристов: формирование в процессе обучения.....	81
Кавецкий С. Т. Некоторые аспекты аномического развития в современном социуме	84
Клетаница М. С. Закон «О внутренней безопасности» и его последствия для политической системы США.....	87
Куликовская М. А. Сравнительно-правовой аспект в исследовании уголовного права во Франции.....	89
Михайловская Т. С. Система правосудия в контексте Европейского союза	91
Пашкевич Я. Б. Роль медиатора в урегулировании семейных споров.....	94
Середа А. С. Процесс посредничества при решении конфликтов в ходе реализации крестьянской реформы	97
Степанов О. В. Проблемные аспекты роли социальных сетей в правовом воспитании молодежи в белорусском обществе	101
Тущая Ю. Г. Создание и деятельность саморегулируемых организаций: историко-правовой аспект	104
Фролова Н. А. О диалектическом единстве развития и безопасности современного государства.....	106

Секция 2. Актуальные проблемы конституционного права

Абдулин Р. С. Конституционная законность как основа общего режима законности	110
Амиров Н. К. Конституционно-правовые вопросы обеспечения общественного согласия и политической стабильности.....	113
Анюховская Н. В., Ястреб Д. С. Защита прав адвокатов, участвующих в уголовном процессе в качестве защитника: конституционно-правовой аспект	116
Беляк В. В. Право на судебную защиту.....	119
Бондарук Н. В. Проблема смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь.....	121
Горобец Н. А. Анализ реформы децентрализации публичной власти в Сумской области Украины.....	124

Гурина М. В. Деятельность судов общей юрисдикции в правовой охране конституции	127
Журович Н. А. Реализация конституционного права на юридическую помощь.....	130
Игнатенко А. С. Конституционная обязанность защиты Республики Беларусь: ограничения прав граждан при прохождении воинской службы.....	133
Кирвель И. Ю. Реализация права на судебную защиту в условиях чрезвычайных и эпидемиологических ситуаций	136
Колодинская И. В. Особенности предоставления социальных отпусков работникам, допущенным к вступительным испытаниям при приеме в учреждения образования	139
Копыткова Н. В., Субботина Л. А. Право несовершеннолетнего на предпринимательскую деятельность	142
Лебедев Н. Ю. Один из проблемных аспектов реализации конституционного принципа неприкосновенности жилища в Российской Федерации	145
Луцевич Н. А. Право на жизнь и смертная казнь: проблемы конституционно-правовой регламентации в Республике Беларусь.....	149
Маркин С. Ю. Собственное изображение физического лица как объект правовой охраны	152
Прудников Е. В. Конституционно-правовой смысл добросовестного приобретения имущества	156
Слабоспицкий А. С., Байдина Е. В. Реализация принципа доступности правосудия (опыт Республики Казахстан).....	159
Шавцова А. В. Совершенствование названия Концепции национальной безопасности Республики Беларусь	161

Секция 3. Проблемы регулирования административно-правовых, административно-деликтных и административно-процессуальных отношений

Андрейчук М. Н. Правовое регулирование ответственности за административные правонарушения, посягающие на права и свободы человека и гражданина, в Республике Беларусь и Российской Федерации ..	165
Антончик Е. В. Административная ответственность несовершеннолетних .	168
Астапенко Е. В. Проблема административно-правового регулирования миграционных процессов в мире и Республике Беларусь	171
Бублий Е. Н. Причины совершения административных правонарушений несовершеннолетними.....	174
Василевич С. Г. Нормы о профилактике правонарушений в новом КоАП как отражение гуманизации административной ответственности...	176

Васько В. А. Конкуренция в сфере хозяйственной деятельности субъектов электроэнергетики: проблемы и перспективы.....	180
Горбач Е. Н. Опыт правового регулирования цифровой экономики в Европейском союзе	183
Казьянин И. И. Материальная ответственность военнослужащих и особенности ее применения	186
Крутовцова К. Д. Особенности привлечения к административной ответственности за нарушение размещения рекламы на транспортных средствах	189
Кудель Д. А. Проблемные аспекты правового обеспечения защиты граждан, имущества и территорий при возникновении чрезвычайных ситуаций	193
Кузьмина Е. В. Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере незаконного использования товарного знака	196
Куриленко А. А. Ювенальная юстиция как способ профилактики детских правонарушений	199
Митько В. Г. Профилактические меры воздействия, применяемые за совершение административного правонарушения.....	201
Мошук К. Д. Основы административно-правового статуса общественных объединений	204
Новик А. Н. Особенности административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства Республики Беларусь	208
Петухова В. Е. Некоторые особенности привлечения к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.....	211
Пилипенко Є. О. Проблеми питання притягнення до адміністративної відповідальності за правопорушення, передбачені ч. 1 ст. 122-2 КУпАП....	214
Прокопук М. М. Структура и содержание административно-правового статуса граждан Республики Беларусь	216
Рамазанова Н. О. О современной трактовке незаконной миграции	218
Сейпианова М. Д. Система органов, осуществляющих профилактику правонарушений несовершеннолетних	221
Сейтжанова М. Е. Борьба с коррупцией в Республике Казахстан: взгляд сквозь призму административно-правовых отношений	224
Тельпук В. И. К вопросу об административной ответственности за насилие в семье	226
Теодорович Н. Л. Нотариат во Франции и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ	229
Черешко А. Н. Правовое регулирование девиантного поведения несовершеннолетних.....	231
Шклёда Н. Ю. Правовой статус несовершеннолетних по административному законодательству Республики Беларусь	234

Секция 4. Международно-правовые основы регулирования прав человека

Авдейчук А. А. Роль международного права по противодействию терроризму	237
Верхолазова Е. С. Реализация конституционного права на судебную защиту иностранным гражданам и лицам без гражданства	240
Кришталь В. В. Обеспечение прав человека в рамках трансплантации органов и тканей человека.....	243
Ластовская А. И. Нарушают ли геномные исследования права человека?	248
Лемешевский О. О. О некоторых вопросах молодежной трудовой миграции.....	251
Махлянкова М. В. Имплементация конвенции как способ предотвращения безгражданства.....	253
Полешко А. Н. Международно-правовые основы регулирования права человека на защиту личной информации в контексте цифровизации медицины.....	256
Садикова Я. М. Трансформація міжнародних стандартів в сфері правосуддя в процесі їх впровадження	258
Saskevich V. V., Emelyanovich O. V. Integration of gender dimension in teaching and research	261
Скалкович А. С. Международно-правовые основы регулирования прав ребенка.....	262
Солоневич А. В. Проблема беженцев в современном мире	266
Старун Е. А. Комитет ООН по правам ребенка: особенности практики в системе защиты прав человека	268
Хацук Ж. В. Правовое регулирование миграционного кризиса в Европейском союзе	272
Чугунова Т. И. Самозащита прав в контексте руководящих принципов ООН для защиты интересов потребителей.....	275
Шепелевич Е. Н. Участие Министерства иностранных дел Республики Беларусь в обеспечении реализации международных норм о правах человека	278

Секция 5. Актуальные проблемы финансового и таможенного права

Артюх П. П. Вопросы таможенной защиты прав интеллектуальной собственности	281
Баранова Е. А. Применение антидемпинговых мер в международной торговле.....	284
Баранчук О. А., Парфенов А. Д. Применение технических средств при проведении таможенного контроля в Республике Беларусь	286

Бобков В. О. Проблемы эффективного ведения финансовой политики ..	290
Богданёнок Ю. А. Внедрение и использование безбумажных технологий при оформлении, организации перевозок грузов в международном сообщении	293
Вакула А. А. Перспективы правового регулирования краудфандинга в ЕАЭС	295
Голубева В. А., Авдашкова А. О. Правовое регулирование криптовалют в Российской Федерации и Республике Беларусь	299
Гузенко О. П. Нотатки з питань правового регулювання сутності державного фінансового аудиту	301
Дорняк К. И. Источники правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности в цифровой экономике	304
Замалюдинова Я. В. Проблемы и пути совершенствования проведения таможенного контроля после выпуска товаров	307
Кадала В. В. Деякі правові аспекти в сфері державного фінансового контролю	310
Квятович А. А. Применение информационных систем и технологий в деятельности таможенных органов Республики Беларусь	313
Коршенкова А. Н. Предприятие как имущественный комплекс: особенности иностранных инвестиций	316
Кунай Н. М. К вопросу о расширении административно-процессуальных полномочий органов пограничной службы в Республике Беларусь	319
Мицкович И. В. Таможенные органы в системе государственного управления Республики Беларусь	322
Нарута Д. Н. Особенности развития таможенного законодательства Европейского союза, регулирующего вопрос перемещения культурных ценностей через таможенную границу	325
Скобелев В. П. Допустим ли возврат государственной пошлины при отказе лица от апелляционной жалобы в период нахождения дела в суде первой инстанции?	327
Скуратов В. Г. Льготы по налогообложению в системе ипотечного жилищного кредитования	331
Шостак Д. Т. Борьба с незаконным оборотом контрафактной и фальсифицированной продукции	333

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Н. А. ПЕТРОВСКИЙ

Беларусь, Барановичи, Барановичский государственный университет

МЕТОД АНАЛОГИИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ АНТИЧНОГО РИМА

Анализ как древнейших, так и более поздних памятников римского права свидетельствует о том, что именно римские юристы создали и теоретически обосновали аналогию как универсальный метод юридического мышления и использовали его в правоприменительной практике. Причем первоначально аналогия применялась ими очень часто и преимущественно как процессуальный прием, который со временем превращается в самостоятельный метод, используемый в судебной практике.

В подтверждение этого факта можно привести ряд цитат из Дигест императора Юстиниана. Так, авторитетный юрист Юлиан в 19-й книге «Дигест» прямо говорит о необходимости применения аналогии: «Ни законы, ни сенатусконсульты не могут быть написаны таким образом, чтобы они обнимали все случаи, которые когда-либо произойдут, но достаточно, чтобы они распространялись на то, что большей частью случается» (Julian D. 1. 3. 10).

В дальнейшем исключительно в интересах правоприменения он конкретизирует данное положение: «Не могут все отдельные случаи быть предусмотрены законом или сенатусконсультом. Но когда в каком-либо случае смысл их ясен, то осуществляющий юрисдикцию может применить их к сходным (обстоятельствам) и сообразно с этим вынести решение» (Julian D. 1. 3. 11).

Ульпиан в 1-й книге «Комментариев к эдикту курульного эдила» также опосредованно указывает на целесообразность применения метода аналогии: «Ибо, как говорит Педий, поскольку законом введено то или иное правило, имеется удобный случай, чтобы было восполнено путем толкования или, во всяком случае, путем судебной практики то, что имеет в виду те же потребности» (Ulpian D. 1. 3. 1).

Павел в 1-й книге «Руководства» прямо указывает на необходимость применения метода аналогии в процессуальном праве: «Поверенный может быть назначен также и для заявления о запрете нового строительства, и для совершения стипуляций, например, по поводу завещательных отказов, грозящего вреда, исполнения судебного решения, хотя гарантии скорее следует предоставлять рабу общины: но и если гарантии будут

предоставлены уполномоченному, управляющему делами общины должен даваться производный (по аналогии) иск» (Paul D. 3. 4. 10).

В Своде императора Юстиниана практически все знаменитые римские юристы так или иначе касаются вопроса применения метода аналогии как в теории познания права, так и в сфере правоприменения. Универсальность метода аналогии проявляется также и в том, что он используется в регулировании всего спектра правоотношений античного римского общества.

Важно подчеркнуть и тот факт, что римские юристы все же вкладывали в понятие «аналогия» несколько иной смысл, нежели современные правоведы. В настоящее время значение аналогии как приема юридического мышления и как способа преодоления пробелов в праве тесно связано с разделением законодательной, исполнительной и судебной властей и с той зависимостью, в которой находится последняя от первой. Речь идет о том, что аналогия составляет одно из важных средств в руках правоприменителя, и прежде всего в руках судебной власти, давая ей некоторую возможность поддерживать объективное право в соответствии с конкретными жизненными ситуациями в тех случаях, когда направленная к этой цели деятельность законодательства зачастую не может оперативно ликвидировать пробелы в праве.

Однако римский суд прибегает к аналогии не столько потому, что он не хочет пользоваться другими, более прямыми средствами, а потому, что он не вправе делать этого, так как устранение пробелов в праве является компетенцией исключительно законодательной власти. Иное значение имела аналогия в архаический период юридического мышления, когда она только лишь зарождалась как самостоятельный институт права. В тот период не было реального разделения властей. И в силу этого долгое время судебное решение представляло собою акт непосредственного формулирования правовых норм, т. е. в известной степени деятельность законодательная сливалась с судебной. В данном случае роль метода аналогии трудно переоценить. Появление самостоятельных законов (*lex*), изданных римскими гражданами, *de facto* несколько не уменьшило власти судебных органов в области объективного права.

Несмотря на принимаемые временами специальные законодательные акты, в Риме главное участие в формулировании права граждан (*jus civile*) выпало все-таки на долю представителя судебной власти – претора и окружавших его юристов-профессионалов, и если в сравнительно поздний период деятельности претора формула и эдикт выражали некоторое различие двух функций преторской деятельности, то непосредственная внутренняя связь, существовавшая между ними, почти совершенно не прерывалась.

Таким образом, в древности суд в Риме и формулирование норм права сначала сливались, а потом шли рука об руку. Вследствие этого юриди-

ческое мышление не знало такой сферы, где оно было бы принуждено пользоваться ограниченной свободой и находилось бы в зависимости от высшего внешнего авторитета. В силу этого умозаключение по аналогии представляло собой излюбленное средство античной теоретической юриспруденции и судебной практики, и в пользовании им она выходила далеко за границы, соблюдаемые в этом отношении современной юриспруденцией и современной судебной практикой [1, с. 84].

Аналогия служила органом консерватизма, одновременно оставляя целостной форму объективного права и подводя под действие этой формы вновь нарождавшиеся общественные отношения. При этом не природа аналогии определяла пределы ее использования и, следовательно, пределы римского юридического консерватизма, а, напротив, этот последний обуславливал ее применение. При этом древняя аналогия в отличие от современной представляла часто искусственный прием, употреблявшийся весьма часто и потому остававшийся верным самому себе не по существу, а только по форме. Причем этой формы было вполне достаточно. Она вполне обезоруживала своеобразную робость древнего ума в творчестве новых понятий и принципов и давала возможность правоприменительному процессу не становиться вразрез с естественным ходом общественного развития.

Следует подчеркнуть тот факт, что каким бы путем ни образовались первоначальные нормы, регулирующие юридические сделки, последующее развитие объективного права в античную римскую эпоху совершалось посредством широкого применения аналогии.

Применяя метод аналогии, юристы рассуждали так: законодатель создает норму, формулируя в ней общий принцип, но не как общее правило, а, как правило, для конкретного узкого круга отношений. При этом в жизни, помимо этого узкого круга отношений, существуют и другие отношения, которые законодатель в силу каких-то обстоятельств не заметил, но которые схожи с уже предусмотренными отношениями. Исходя из сложившихся обстоятельств и руководствуясь требованиями *aequitas* (равенства, сходства), юрист (чаще всего претор) распространяет созданную законодателем норму на все аналогичные случаи и создает в процессе правоприменения ряд аналогичных норм, которые в конечном итоге выразят тот общий принцип, который был сформулирован законодателем.

В случае расширительного толкования юрист интерпретирует норму не по букве, а по идее, смысл которой законодатель выражает в текстуальном содержании нормы. В случае же применения метода аналогии юрист развивает саму мысль законодателя дальше. Иначе говоря, речь идет не об исправлении неправильной редакции нормы, не соответствующей мысли законодателя, а об исправлении недостатка в самой идее законодателя,

поскольку идея законодателя была слишком узка и должна быть расширена в процессе правоприменения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муромцев, С. А. О консерватизме римской юриспруденции / С. А. Муромцев. – М., 1875. – 189 с.

К содержанию

Т. В. ТЕЛЯТИЦКАЯ

Беларусь, Минск, Белорусский государственный экономический университет

ЦЕЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В соответствии с поручением Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2019 г. была поставлена задача принципиально пересмотреть законодательство об административной ответственности, исключив карательный уклон и усилив его профилактическую направленность. В целом такая работа была проведена. Однако вряд ли можно с уверенностью сказать, что поставленные задачи были достигнуты в полном объеме, поскольку в новом административно-деликтном законодательстве большей частью была проведена корректировка отдельных норм, без выработки основополагающих целей административной ответственности и определения путей их достижения.

В то же время, как справедливо отмечает выдающийся белорусский ученый-криминалист В. М. Хомич, «на рубеже XX и XXI веков (эпоха бурных социальных и технологических трансформаций, экономической и социальной нестабильности, развращающее обогащение меньшинства и деградирующее обнищание большинства) существенно обострились старые и появились новые факторы социально-экономического и социокультурного характера, имеющие самое непосредственное отношение к воспроизводству современной преступности» [1, с. 71]. Соответственно появились новые цели и административной ответственности, поскольку «цели в праве не возникают спонтанно, они обусловлены общественными процессами, ввиду социальности самого права. В социуме существует необходимость охраны общественных отношений, их регулирования, совершенствования, искоренения или уменьшения удельного веса отклоняющегося поведения» [2, с. 20].

Следует согласиться с мнением А. Н. Крамника, который отмечал, что «в самом общем виде административная ответственность преследует

социальную цель: свести до минимума совершение административных правонарушений, добиться такого положения, чтобы ими не дезорганизовывалась работа людей, организаций, не подвергалась опасности жизнь человека, его здоровье, была благополучная окружающая природная среда и т. д.» [3, с. 281]. Соответственно ошибочное определение целей и отступление от них могут снизить или вообще затормозить темпы развития, повлечь большие социальные потери.

Как позитивный фактор следует отметить то, что если в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) 2003 г. говорится о целях административных взысканий, то уже в новом КоАП – о целях административной ответственности, хотя сами цели существенных изменений не претерпели.

В соответствии со ст. 6.1 КоАП 2003 г. административное взыскание, налагаемое на физическое лицо, применялось в целях воспитания физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждения совершения новых правонарушений как самим физическим лицом, совершившим такое правонарушение, так и другими физическими лицами. Административное же взыскание, налагаемое на юридическое лицо, применялось в целях предупреждения совершения новых административных правонарушений.

Ст. 4.1 КоАП 2021 г. закрепляет, что административная ответственность имеет своей целью воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждение совершения новых правонарушений как лицом, его совершившим, так и другими физическими или юридическими лицами.

Можно заметить, что административная ответственность, как и в целом юридическая ответственность, преследует частную и общую превенцию правонарушений.

В соответствии с ч. 8 ст. 4.2 КоАП 2003 г. физическому лицу, совершившему административное правонарушение, должно было быть назначено административное взыскание, необходимое и достаточное для его воспитания. Там же закреплялось, что административное взыскание не имеет своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий (для сравнения ч. 1 ст. 1.5 нового КоАП: наложение административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, не имеет своей целью унижение его человеческого достоинства, причинение ему физических или нравственных страданий). При этом согласно ч. 9 этой же статьи административное взыскание, налагаемое на юридическое лицо и индивидуального предпринимателя, не имеет целью причинение вреда их деловой репутации (для

сравнения ч. 5 ст. 1.4 нового КоАП: административное взыскание, налагаемое на юридическое лицо и индивидуального предпринимателя, не имеет своей целью приведение к экономической несостоятельности (банкротству), причинение вреда их деловой репутации). Не возражая в целом против данных формулировок, отметим, однако, что в любом случае «обычно в цивилизованных странах уровень деловой репутации умалывается, если субъект является правонарушителем» [4, с. 129].

В широком смысле цель административной ответственности состоит в «формировании правосознания граждан и всего общества, при котором соблюдение правовых предписаний становится нормальным желаемым поведением, а правонарушение осуждается» [5, с. 93].

Таким образом, законодательство об административной ответственности призвано защищать важные социальные ценности посредством угрозы наложения взыскания, которое применяется в целях предупреждения посягательства на эти самые ценности. В таком случае административные взыскания должны быть такими и применяться таким образом, чтобы защищаемые ценности сохранялись в своем первоначальном виде. Но возможно ли это? Полагаем, что нет.

Прав С. М. Зырянов, говоря о том, что «целеполагание только тогда реализует свое руководящее предназначение, когда оно не просто будет продекларировано, но когда оно будет красной нитью проходить через все положения законодательства об административных правонарушениях, включая его процессуальную часть, в том числе положения, регулирующие порядок исполнения административных наказаний» [5, с. 93]. На цели и задачи административно-деликтного законодательства должны ориентироваться абсолютно все, включая правоприменителей, т. е. нормы КоАП должны применяться исключительно в указанных целях. Этого, к сожалению, не наблюдается. Более того, разработчики нового КоАП вопреки фундаментальным правовым основам, разграничивающим сферы регулирования гражданского, уголовного и административного права, говорят о функции правосознания, возмещения вреда, причиненного правонарушением (гражданско-правовая ответственность) – ч. 4 ст. 4.1 или восстановления социальной справедливости (уголовная ответственность) – ч. 3 ст. 4.1.

Особую озабоченность вызывает приобретающая огромные масштабы монетизация административной ответственности. Штрафы сейчас предусмотрены практически за все административные правонарушения. Более того, они рассматриваются как источник пополнения республиканского бюджета и прямо планируются там в «доходной части». Вследствие такого подхода на первый план выходит задача умножения административной деликтности, поскольку чем больше будет наложено штрафов, тем больше

денег поступит в государственную казну. Это извращает саму суть юридической ответственности, искажает как правосознание всего общества, так и профессиональное правосознание и, безусловно, никоим образом не служит целям административной ответственности, обозначенным в законодательстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомич, В. М. Уголовный закон и обеспечение верховенства права в противодействии преступности / В. М. Хомич // Актуал. проблемы уголов. права на соврем. этапе. – 2020. – № 9. – С. 71–81.

2. Липинский, Д. А. Цели и функции административных наказаний / Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина // Адм. право и практика администрирования. – 2017. – № 2. – С. 20–37.

3. Крамник, А. Н. Административное право. Ч. 2. Административно-деликтное право : учеб. пособие / А. Н. Крамник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : БГУ, 2009. – 379 с.

4. Василевич, С. Г. Актуальные проблемы административно-деликтного права на современном этапе / С. Г. Василевич. – Минск : БГУ, 2017. – 279 с.

5. Зырянов, С. М. Цели административной ответственности / С. М. Зырянов // Актуальные проблемы и перспективы административного и административно-процессуального права : сб. ст. – М. : РГУП, 2020.

К содержанию

В. В. РОССИХИН¹, Г. В. РОССИХИНА²

¹Украина, Харьков, Харьковский национальный университет радиоэлектроники

²Украина, Харьков, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ

Сегодня мы являемся свидетелями того, как современный уровень социально-экономического развития человечества ускоряется и требует адаптации ко всем изменениям в экономической, общественной, политической и культурной жизни и, как следствие, требует от человека все более разнообразной, многоуровневой и разноплановой подготовки. Чтобы владеть необходимыми компетенциями XXI в., дети должны получать их еще в школе и затем использовать всю жизнь. В мае 2018 г. в Париже представителями правительств стран ЕС были сформированы ценности Европейского пространства высшего образования, проанализировав которые можно выделить пять основных интересных трендов в обучении и преподавании: 1) интернационализация обучения, 2) диджитализация образования,

3) изменение концепции преподавания, 4) совершенствование учебной среды, 5) разработка и имплементация институциональных политик и стратегий [1].

В образовании сегодня одним из самых популярных словосочетаний стало «дистанционное обучение». Постановлением Кабмина Украины № 211 от 11 марта 2020 г. на всей территории Украины был введен карантин [2], следствием которого стал перевод учебных заведений на дистанционное обучение. Именно карантин активизировал проблему дистанционного обучения, показал реальное положение и внедрение скорых мер по выявлению недоработок в процессе дистанционного обучения [3, с. 67].

«Плюсы» дистанционного образования – свобода и гибкость графика учебного процесса, индивидуальный темп обучения, доступность образования в любой точке мира через доступ в Интернет, увеличение числа учащихся (люди, которые действительно хотят получать образование, но не имеют возможности постоянно присутствовать в университете, с удовольствием соглашаются именно на дистанционное обучение), выгодная цена (дистанционное образование является наиболее доступной формой в финансовом плане) и экстерриториальность (т. е. нет привязки к определенной территории). «Минусы» дистанционного образования – исключение влияния на успешность, ограниченное время на общение с однокурсниками и преподавателем (и, как следствие, меньше ответов на волнующие вопросы, меньше дополнительной информации и практических советов), зависимость от доступа в сеть Интернет, недостаток практических занятий [4].

Основными векторами развития цифрового образования являются: а) скорость – обучение идет в ногу со временем, ведь обычное накопление знаний давно потеряло свою актуальность; б) энтузиазм и мотивация – основополагающие принципы в образовании, где преподаватели становятся координаторами, направляя учеников в онлайн- и офлайн-режиме; в) доступность материалов в режиме реального времени, что упрощает процесс получения новых знаний; г) междисциплинарный контент – стирает жесткие границы между производством, бизнесом и другими сферами, поэтому требует объединять знания из различных сфер жизни [5].

Следует отметить, что развитие технологий приводит к внедрению новых инструментов обучения и делает учебный процесс более эффективным. Однако бездумное применение этих инструментов приводит к обратному эффекту, когда реальное познание заменяется иллюзорным, а обучение превращается в простые развлечения. На практике только единичные преподаватели решаются на замену рекомендованного списка лабораторных работ и широкое использование цифровых измерительных комплексов с обработкой результатов физического эксперимента на компьютере [6].

Что касается качественной характеристики процесса диджитализации образования, то для решения задач трансформации требуется построение образовательной политики на всех уровнях образования. К сожалению, до сих пор в Украине нет целостного документа, который бы регулировал образовательную политику на государственном уровне. Указом Президента Украины «О Национальной стратегии развития образования в Украине на период до 2021 года» предусмотрены отдельные положения, регулирующие отдельные разделы образовательной политики, в частности раздел, касающийся информатизации образования [7]. Таким образом актуализируется потребность выделения цифровой политики как составной образовательной политики, а в некоторых случаях и как ее основы: стремительное развитие и активное использование цифровых технологий во всех сферах жизни «требует» системного подхода к трансформации системы образования. Цифровая образовательная политика влияет на систему образования в целом, и от нее напрямую зависит деятельность всех участников учебного процесса: преподавателей, учащихся, администрации, стейкхолдеров. Кроме того, цифровая образовательная политика является движущим элементом развитой страны с высоким уровнем экономического и социального благосостояния [8].

Одним из путей решения проблемы построения эффективной цифровой политики является изучение и юридическая имплементация опыта других стран, поскольку в русле углубления интеграционных процессов и развития международного разделения труда становится актуальным проведение странами общей образовательной политики, приспособление национальных систем подготовки кадров к кардинально изменившимся условиям мирового рынка, существующей в его наиболее динамичных сегментах профессионально-квалификационной структуры рабочей силы [9]. Кроме того, ученые и представители международных организаций и ведущих транснациональных корпораций (Cisco, Intel, Microsoft, Google) много внимания уделяют разработке рекомендаций и инструментов трансформации системы образования с опорой на цифровые [10].

Обобщение зарубежного и отечественного опыта, анализ путей и инструментов цифровой трансформации образования позволяют резюмировать, что современная система образования требует цифровой трансформации, обеспечивающей качество образовательного процесса. Это обуславливает внедрение развитых форм и методов обучения, способствующих становлению личности будущего специалиста. Благодаря стремительному развитию цифровых технологий и современных технотрендов, системный подход к трансформации системы образования предусматривает комплексное взаимодействие всех участников образовательного процесса, выработку и правовое регламентирование цифровой образовательной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rossikhina, H. Problems of education digitization in Ukraine [Electronic resource] / H. Rossikhina, V. Rossikhin, T. Kaganovska // Advances in Economics, Business and Management Research. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019). – Vol. 105. – Mode of access: <https://doi.org/10.2991/iscde-19.2019.144>.
2. Про запобігання поширенню на території України гострої респіраторної хвороби COVID-19, спричиненої коронавірусом SARS-CoV-2 [Електронний ресурс] : постановою Кабінету Міністрів України, 11 берез. 2020 р., № 211. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/211-2020-%D0%BF>.
3. Digitalization of education as a driver of digital transformation of Ukraine / V. Rossikhin [et al.] // ScienceRise. – 2020. – № 3. – С. 66–70.
4. 5 трендів вищої освіти в Європі [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://gohigher.org/5_trendiv_vyshchoi_osvity_u_eyvropi.
5. Кендюхов, О. Концепція національного освітнього проекту [Електронний ресурс] / О. Кендюхов. – Режим доступу: https://dt.ua/EDUCATION/cifrova-shkola-314536_.html.
6. Сучасні інформаційно-комунікаційні технології : навч. посіб. / Г. Г. Швачич [та ін.]. – Дніпро : НМетАУ, 2017. – 230 с.
7. Національна стратегія розвитку освіти в Україні на період до 2021 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/344/2013>.
8. Rossikhin, V. Legal regulation issues of cryptocurrency circulation in Ukraine [Electronic resource] / V. Rossikhin, M. Burdin, O. Mykhalskyi // Baltic Journal of Economic Studies. – 2018. – Vol. 4, № 3. – Mode of access: <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2018-4-3-254-258>.
9. Digital Agenda for Europe [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/digitalagenda>.
10. Rossikhina, H. Local taxes and charges in local budgets' income generation / H. Rossikhina, Y. Svitlychna, O. Brusakova // Baltic Journal of Economic Studies. – 2018. – Vol. 4, № 4.

К содержанию

К. Р. ДОБКІНА

Україна, Київ, Інститут управління, технологій та права
Державного університету інфраструктури та технологій

ДОГОВІРНЕ РЕГУЛЮВАННЯ ПОСЕРЕДНИЦТВА В УКРАЇНІ: СУЧАСНИЙ СТАН ТА ПЕРСПЕКТИВИ РОЗВИТКУ

Цьогоріч Україна відзначила свою 30-річницю незалежності. За цей час відбулося дуже велика кількість змін, які доторкнулися, в тому числі, і ринкових економічних відносин, які характеризуються активацією всіх сфер суспільного життя, перш за все, зростанням виробництва, збільшенням обсягу товарообігу, розширенням спектру наявних послуг і виникнення нових. Ринкові відносини відродили інститут посередництва, яке,

у свою чергу, в своїх різноманітних формах сприяє ефективному розвитку ринкової інфраструктури.

В рамках інтеграції України до Європейського Союзу необхідним є досягнення певного рівня узгодженості законодавства нашої країни з правовими нормами Євросоюзу. Натомість, станом на сьогоднішній день існують розбіжності й суперечності в регулюванні певних питань, зокрема, посередницьких договорів на національному рівні, що, у свою чергу, негативно позначається на практиці його застосування.

На сьогоднішній день сфера послуг, як свідчить практика, є однією з найперспективніших галузей економіки, яка досить стрімко розвивається, а переважна більшість організацій певною мірою надають послуги за досить широким спектром діяльності. Відносини між виробниками і споживачами або за участю економічних та юридичних посередників, що діють в інтересах виробників та (або) споживачів «з метою створення умов для виникнення нових правовідносин у сфері підприємницького обороту» щодо реалізації товарів та (або) послуг юридично, можуть опосередковуватися договорами.

Посередницькі договори є досить поширеними договорами, адже вони є договорами, за якими одна сторона вчиняє дії від імені та в інтересах іншої особи, яку він представляє. Тобто, вони допомагають набувати та (або) реалізовувати права та обов'язки іншим особам. Ст. 21 Конституції України передбачає, що усі люди є вільними і рівними у своїй гідності та своїх правах. За загальним правилом учасники цивільних відносин особисто набувають цивільних прав та обов'язків шляхом укладення правочинів. Проте, нерідко фізичні та юридичні особи змушені користуватися послугами осіб, які здійснюють для них різні дії, що тягнуть виникнення, зміну або припинення цивільних правовідносин для такої особи.

Тобто, посередницькими є договори про надання послуг, які направлені на зміну суспільних відносин, а посередництвом є, як правило, добровільна діяльність. Саме посередницьке правовідношення являє собою вид зобов'язального правовідношення, яке виникає на підставі такого юридичного факту, як договір. Якщо ж це позадоговірне уповноваження особи на вчинення дій в інтересах третіх осіб – це представництво.

Особливістю посередницького договору є подвійність його предмета. Предметом посередницького договору є правомірні дії, які визнаються правом як юридичні факти, вчинювані в чужих інтересах і з метою юридичного замісництва і які можуть бути спрямовані на об'єкти матеріального світу.

Тобто, посереднику ніколи не належить право власності на матеріальний об'єкт посередницького зобов'язання, адже посередник діє завжди між власником і майбутнім власником. Посереднику надано право розпоряджа-

тися на власний розсуд чи за власною волею даним об'єктом тільки у межах наданих повноважень, або, іншими словами, це критерії розмежування між повноваженням-зобов'язанням і повноваженнями власника.

При кваліфікації правовідношення як такого, що опосередковує посередницькі послуги, не слід підміняти поняття «вчинення дій юридичного характеру» наданням юридичних послуг. Будь-яка правомірна дія, яка спричинила (навіть без попередньої спрямованості на це) правові наслідки, буде вважатися такою, що має юридичний характер.

Елементи посередництва присутні і в інших договірних видах, таких як транспортна експедиція, фінансові послуги. Це є свідчення, з одного боку, змішаності договірних видів, а з іншого – необхідності пошуку цивільно-правових форм оформлення економічного посередництва, яке є набагато ширшою категорією, ніж посередництво юридичне. В економічному розумінні посередницькими є всі зобов'язання, які опосередковують рух товару від виробника до безпосереднього споживача.

Проте, посередницькі договори є досить поширеними не тільки в цивільному, а й в господарському обороті, адже досить часто суб'єкти підприємництва змушені звертатися за допомогою до інших осіб (професійних посередників, що можуть надати відповідну посередницьку послугу за плату) тому, що з різних причин не можуть самотійно вчинити ті чи інші юридичні та (або) фактичні дії – провести переговори з потенційними контрагентами, укласти господарський договір, продати товар або здати в оренду приміщення.

Якщо говорити про джерела українського законодавства, що регулюють дані відносини, то, в першу чергу, необхідно зазначити про загальні норми, які містяться у цивільному законодавстві, зокрема, положення про зобов'язання, відповідальність, загальні норми про надання послуг, а також спеціальні норми, серед яких норми про доручення, комерційне представництво, комісію.

Розділ III ЦК України визначає положення щодо окремих видів зобов'язань, до яких входять і договірні зобов'язання. Норми ЦК України визначають поняття договорів доручення, комісії, які, не дивлячись на наявність спільних рис, адже виконавець (довірений, комісіонер) діє в інтересах і за рахунок довірителя як за договором доручення, так і за договором комісії, проте за договором комісії результатом діяльності послугонадавача є не стільки сам процес посередницького характеру, скільки результат цієї діяльності, який завершується правочином із третьою особою.

Також ЦК України в ст. 243 передбачено такий підвид договірного представництва, як комерційне представництво, яке застосовується у сфері підприємницької діяльності. В п. 1 даної статті говориться, що «комерційним представником є особа, яка постійно та самотійно виступає предста-

вником від імені підприємців при укладенні ними договорів у сфері підприємницької діяльності». Підставою виникнення представництва є письмовий договір між представником та особою, яку він представляє.

Ще один вид договорів, який широко застосовується суб'єктами підприємницької діяльності, але не легалізований у чинному ЦК України – це договір консигнації. Термін «консигнація» походить від латинського слова *consignatio* 'письмовий доказ, документ'. У словниках радянських часів консигнація визначалась як форма комісійного продажу товарів зі складу консигнатора в капіталістичних країнах.

На даний час визначення договору консигнації міститься у п. 2 постанови Кабінету Міністрів України «Про затвердження Порядку видачі висновку щодо продовження граничних строків розрахунків за окремими операціями з експорту та імпорту товарів, установлених Національним банком» від 13 лютого 2019 р. № 104, за яким договір консигнації – це операція з реалізації товарів, відповідно до яких одна сторона (консигнатор) зобов'язується за дорученням іншої сторони (консигнанта) продати протягом визначеного часу дії угоди консигнації за обумовлену винагороду з консигнаційного складу від свого імені товари, які належать консигнанту.

Проте, не дивлячись на різноманіття посередницьких договорів, які містяться в чинному ЦК України, вони не охоплюють своїм регулюванням усієї різноманітності зв'язків, які виникають у процесі діяльності підприємців. Сторони прагнуть створити таку модель посередницьких відносин, яка давала б можливість максимально зняти обмеження та вимоги, що пред'являються до зобов'язань за договорами комісії й доручення, а потреба в обслуговуванні, яке припускає стійкі довготривалі зв'язки між контрагентами користується дедалі більшим попитом. Тому, виокремлюють ще один вид посередницького договору – агентського.

ЦК України не легалізував такої самостійно існуючої конструкції, як агентський договір. Правове регулювання укладення, виконання, зміни і припинення агентського договору здійснюється відповідно до положень гл. 31 Господарського кодексу України «Комерційне посередництво (агентська діяльність) у сфері господарювання». Крім цього, про можливість надання агентських послуг зазначено у ст. 4 Закону України «Про зовнішньоекономічну діяльність», ст. 14.1.36 Податкового кодексу України, ст. 116–119 Кодексу торговельного мореплавства України та інших актах.

В теорії цивільного права існує практика називати агентський договір терміном «угода», «договір» чи «контракт» і не давати спеціальних назв його сторонам. У багатьох випадках, законодавцем використовується термін «агентська угода» – наприклад, Закони України «Про застосування реєстраторів розрахункових операцій у сфері торгівлі, громадського харчування та послуг», «Про транзит вантажів». Іноді використовується

конструкція «договір про надання агентських послуг», або «агентський договір». Можна також відзначити, що стосовно деяких спеціальних видів агентів і правочинів, які укладаються з ними, застосовуються спеціальні терміни (наприклад, «консигнаційна угода», «консигнатор і консигнант», «довіритель», «повірений»).

Відповідно, необхідно впорядкувати термінологію в законодавстві України за єдиним зразком, зокрема використовувати словосполучення «агентський договір» із метою виключення двозначного тлумачення. Не варто ототожнювати терміни «посередництво» та «агентська діяльність», оскільки агентування – це лише одна з форм здійснення цивільно-правового посередництва, кінцевою метою якого є встановлення договірних зобов'язань між принципалом і третьою особою.

К содержанию

М. В. ВАРАКУЛИНА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Глобализация и регионализация экономических процессов, расширение коммуникаций, в том числе с использованием информационных технологий, индивидуализация личности и рост правового и политического самосознания людей выступают основными трендами развития современного общества. Данные процессы происходят на фоне быстрого увеличения объема информации и скорости ее изменения. Вопросы развития и использования цифровых технологий сегодня являются одними из ключевых при построении современной экономики. Информация стала одним из важнейших факторов производства наряду с трудом, капиталом, природными ресурсами. Именно поэтому глобальным трендом развития современного общества становится цифровизация экономических отношений, цифровая трансформация экономики и общества в целом. Одновременно практически во всех аналитических докладах указывается на образование и углубление цифрового разрыва между странами и региональными объединениями. В более ранних публикациях был проведен анализ условий, перспектив и проблемных точек цифровизации национальной экономики Республики Беларусь. В данной статье будут сформулированы вопросы и направления их решения в сфере правового обеспечения экономических отношений в условиях цифровизации.

Цифровая экономика развивается высокими темпами, растет объем глобального трафика, развивается интернет людей, интернет вещей, происходит вытеснение новыми видами экономической деятельности традиционных. Современный маркетинг практически полностью электронный, как и многие другие сферы управленческой деятельности. Безусловно, аналоговая экономика в настоящее время остается доминирующей, тем не менее, по прогнозам китайской компании Huawei, темпы роста цифровой экономики будут в два раза выше, чем «аналоговой», к 2025 г. вклад цифровой экономики в мировой ВВП может достигнуть более 24 % [1].

Одновременно необходимо достаточно четко осознавать, что уже сегодня в мировой экономике наметилась очень сильная страновая дифференциация и тенденция глобального доминирования двух стран – США и КНР – в сфере цифровых технологий. Об этом свидетельствует статистика, ежегодно публикуемая в докладах ООН по обзорам цифровой экономики, на это указывают прогнозы таких организаций, как Всемирный банк, Евразийский банк развития и др.

Цифровизация экономики оказывает существенное влияние и на развитие рынка труда. С одной стороны, будут проявления структурной безработицы, с другой – появятся новые виды деятельности и новые виды занятости. Таким образом, рынок труда должен быть готов предлагать трудовые ресурсы с новыми компетенциями, в том числе цифровыми, чтобы удовлетворить спрос на специалистов нового типа. Вместе с тем виртуальные офисы, цифровые технологии формируют предпосылки для использования удаленной занятости как одной из основных форм.

В этих условиях возникает объективная потребность в построении упорядоченной, «юридически оформленной» системы подготовки специалистов, способной достаточно быстро реагировать на появление новых профессий. К сожалению, в Республике Беларусь процесс внесения изменений в классификатор специальностей, открытия подготовки по новым цифровым специальностям достаточно инертен. Поэтому сегодня нанимателю проще найти работника даже без образования и подготовить его самостоятельно. Это существенно ухудшает правовое положение работника, поскольку он становится «привязанным» к одному нанимателю.

Требуется дальнейшее упорядочение и регулирование удаленной занятости работников. Остаются открытыми некоторые вопросы охраны труда в условиях цифровизации занятости. По нашему мнению, именно юридическое сообщество, а также профсоюзы должны обратить внимание на вопросы упорядочения правовых отношений и создания юридических предпосылок для эффективного саморегулирования рынка труда в условиях цифровизации экономики.

Во-вторых, современная IT-индустрия в Республике Беларусь ориентирована на экспорт и выполнение работы на заказ (аутсорсинговая

модель). Однако в данной ситуации очень сложно говорить о цифровизации экономики. По сути, сама экономика продолжает оставаться аналоговой, причем не самой лучшей моделью с точки зрения ее результативности. Необходимы программы по внедрению цифровых технологий на отечественных предприятиях, прежде всего реального сектора экономики. На современном этапе мы можем говорить лишь об успешном проекте по цифровизации финансового сектора (в данном отношении страна действительно добилась очень весомых результатов и занимает позицию на уровне экономически развитых европейских стран), а также по цифровизации сектора связи и информации, т. е. в стране создается цифровая инфраструктура, но за этим процессом не происходит цифровизация реального сектора экономики. Необходим переход белорусских IT-компаний к продуктовой модели – созданию отечественных IT-продуктов прежде всего для внутреннего рынка. Пока же белорусская IT-индустрия работает на формирование цифрового потенциала других стран. Тем самым продолжается углубляться дифференциация между странами, о которой говорилось ранее.

Преодоление подобных тенденций возможно в условиях интеграционных объединений. Например, Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) в 2016 г. определил приоритетные направления в сфере цифровизации пространства стран ЕАЭС, в том числе:

- развитие нормативно-правовой базы ЕАЭС и гармонизация законодательств;
- формирование единого цифрового пространства для увеличения взаимного товарооборота с внедрением электронной торговли;
- расширение практики использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для повышения эффективности трансграничного взаимодействия между органами государственной власти, хозяйствующими субъектами и физическими лицами;
- разработка и реализация совместных проектов и программ, направленных на цифровую трансформацию стран ЕАЭС [2]. В 2017 г. ЕАЭС была принята Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 г.

В настоящее время в соответствии с классификацией Всемирного банка экономика Республики Беларусь относится к типу «переходных» цифровых экономик. Если сравнивать со странами ЕАЭС, то наша страна характеризуется самой стабильной долей товаров ИКТ в экспорте, а также является лидером по экспортоориентированности ИКТ.

В докладе Евразийского банка развития «Цифровой потенциал стран – участниц ЕАБР» отмечается, что необходима интеграция усилий для преодоления цифрового разрыва. Среди основных направлений цифрового сотрудничества выделяются в том числе и создание совместно используемых

цифровых платформ, использование базовых реестров, реализация трансграничных электронных государственных закупок, модернизация электронных таможенных систем и др. Принятие решений в данной сфере потребует формирования соответствующего правового обеспечения.

Внедрения цифровых технологий в экономику нашей страны происходит очень динамично (темп роста IT-сектора за последние десять лет – увеличение в 20 раз). Однако имеются вопросы, требующие быстрого решения, а также формирования правовых условий для реализации новых экономических моделей. К сожалению, сегодня экономика и сфера экономических отношений развиваются намного динамичнее, чем сфера правового регулирования экономики. Очень важно, чтобы вопросы правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики стали одними из ключевых в повестке проблем, обсуждаемых юридическим научным сообществом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евразийский банк развития, 2019: Цифровой потенциал стран – участниц ЕАБР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/551/EABR_Digital_Potential_06_2019.pdf. – Дата доступа: 10.10.2021.

2. Всемирный банк, 2017: Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%92%D0%91.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2021.

К содержанию

А. П. ТЕРЕБЕЙ

Беларусь, Брест, Брестская областная коллегия адвокатов

ЗАКОН О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

15 ноября 2021 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон) [1]. Закон является первым нормативным правовым актом в Республике Беларусь, комплексно регулирующим особенности защиты персональных данных, а также прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных.

До принятия Закона использование персональных данных регулировалось Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» [2], Законом Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения» [3],

а также иными нормативными правовыми актами, касающимися прав использования персональных данных в определенных сферах.

В настоящем исследовании мы рассмотрим отдельные проблемные аспекты правового регулирования защиты персональных данных в Республике Беларусь.

1. Определение термина «персональные данные».

Персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано (абз. 9 ст. 1 Закона) [1]. Из определения следует, что законодатель установил широкий подход к определению термина «персональные данные». При этом остается невыясненным, будут ли относиться к персональным данным адрес электронной почты, номер телефона и имя субъекта.

Полагаем, что необходимо использовать комплексный подход и оценивать персональные данные в совокупности с иной информацией о субъекте. Например, если адрес электронной почты содержит имя и фамилию субъекта, то считаем, что подобный адрес электронной почты следует относить к персональным данным.

Для отнесения номера телефона к персональным данным необходимо проанализировать общедоступную информацию из сети Интернет, а также используемых субъектом мессенджеров. Если при помощи сети Интернет и мессенджеров возможно по номеру телефона идентифицировать физическое лицо, значит, номер телефона будет относиться к персональным данным.

Кроме того, в Законе отсутствует указание на то, будут ли относиться к персональным данным об устройствах пользователей (IP-адрес, локация, рекламные идентификаторы, информация о пользовательском поведении). Полагаем, что по аналогии с законодательством Европейского союза (далее – ЕС) вышеуказанные данные необходимо относить к персональным.

2. Отсутствие экстерриториального действия Закона.

В ЕС основным источником правового регулирования защиты персональных данных является General Data Protection Regulation (GDPR). Он действует на территории ЕС с 25 мая 2018 г. GDPR имеет экстерриториальное действие. Это означает, что GDPR применяется ко всем компаниям независимо от места их нахождения, если они обрабатывают персональные данные лиц, находящихся на территории ЕС.

В Законе Республики Беларусь не закреплено его экстерриториальное действие. Полагаем, что это является существенным недостатком, поскольку в подобной ситуации не защищаются персональные данные граждан Республики Беларусь. При этом считаем, что экстерриториальность действия Закона может проявляться только в случае, если персональные данные обрабатываются постоянным представительством иностранной организации на территории Республики Беларусь.

3. Заключение договора с уполномоченным лицом.

Уполномоченное лицо – государственный орган, юридическое лицо Республики Беларусь, иная организация, физическое лицо, которые в соответствии с актом законодательства, решением государственного органа, являющегося оператором, либо на основании договора с оператором осуществляют обработку персональных данных от имени оператора или в его интересах (абз. 9 ст. 1 Закона) [1].

Ст. 7 Закона регулируются взаимоотношения между оператором и уполномоченным лицом. В указанной статье установлены обязательные требования, которые должны быть определены, в том числе в договоре между оператором и уполномоченным лицом. Например, цели обработки персональных данных и перечень действий, которые будут совершаться уполномоченным лицом с персональными данными.

В то же время в Законе не отражены следующие вопросы:

- Какой вид договора должен быть заключен между оператором и уполномоченным лицом? Полагаем, что отношения между оператором и уполномоченным лицом должны регулироваться договором поручения.

- Возможно ли внесение вышеуказанных обязательных требований в действующий договор между оператором и уполномоченным лицом, а не заключение отдельного договора?

- В каком объеме необходимо доводить до сведения субъекта персональных данных информацию об уполномоченных лицах?

Поскольку вышеуказанные проблемные вопросы не нашли отражения в Законе, полагаем, что ответы на них должны быть выработаны Национальным центром защиты персональных данных и представлены в виде разъяснений и обзоров практики правоприменения.

4. Согласие субъекта персональных данных.

Полагаем, что в процессе правоприменения возникнут вопросы с использованием некоторых терминов и словосочетаний, используемых в Законе.

Согласие субъекта персональных данных представляет собой свободное, однозначное, информированное выражение его воли, посредством которого он разрешает обработку своих персональных данных (п. 1 ст. 5 Закона) [1]. Согласно ч. 2 п. 5 ст. 5 Закона, до получения согласия субъекта персональных данных оператор обязан простым и ясным языком разъяснить субъекту персональных данных его права, связанные с обработкой персональных данных, механизм реализации таких прав, а также последствия дачи согласия субъекта персональных данных или отказа в даче такого согласия. Эта информация должна быть предоставлена оператором субъекту персональных данных в письменной либо электронной форме, соответствующей форме выражения его согласия, отдельно от иной предоставляемой ему информации [1].

Представляется, что проблемным аспектом выступает использование словосочетания «отдельно от иной предоставляемой информации». Каким образом информация должна быть предоставлена субъекту, чтобы считалось, что она предоставлена отдельно? Соблюдается ли вышеуказанное требование, если информация будет предоставлена субъекту иным шрифтом либо с использованием абзацного отступа? Либо данное требование означает, что информация должна быть предоставлена обязательно в виде отдельного документа?

Полагаем, что использование двусмысленных слов и выражений в нормотворчестве является недопустимым. Подобное будет способствовать злоупотреблению правами со стороны операторов и нарушению прав субъектов обработки персональных данных.

Исходя из вышеизложенного следует, что, несмотря на прогрессивность Закона, многие его положения нуждаются в разъяснениях со стороны Национального центра защиты персональных данных. В дальнейшем необходимо провести тщательный анализ положений Закона, особенностей его практического применения, что позволит выявить проблемные аспекты и устранить их в процессе законотворчества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З : в ред. от 24 мая 2021 г. № 111-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. О регистре населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 418-З : в ред. от 6 янв. 2021 г. № 90-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

С. А. ЦЮГА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ОРГАНЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ПРАВОВУЮ ОХРАНУ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Последние избирательные кампании как в Республике Беларусь, так и в других странах носят конфликтный и политически острый характер. В этой сфере возросло количество правонарушений, вызванных и социаль-

ной напряженностью в обществе. В связи с тем, что посредством избирательного процесса объективируется воля избирателей и происходит реализация конституционного права гражданина избирать и быть избранным, актуальной становится деятельность органов, обеспечивающих правовую охрану избирательного процесса. В соответствии с законодательством Республики Беларусь, к таким органам можно отнести суды, прокуратуру и органы внутренних дел.

Следует отметить, что вопросам участия рассматриваемых органов в избирательном процессе в науке конституционного права уделяется мало внимания со стороны ученых-конституционалистов. Среди белорусских ученых можно назвать С. А. Альфера, который в своем учебном пособии «Избирательное право» посвятил отдельный параграф судебному порядку обжалования нарушенных избирательных прав граждан, где рассмотрел особенности судебного порядка рассмотрения жалоб на действия избирательных комиссий, а также различные виды ответственности, предусмотренные за нарушение избирательного законодательства, и отметил, что «в зависимости от того, нормами какой отрасли права предусмотрена ответственность, различается конституционно-, административно-, гражданско-, уголовно-правовая, материальная и дисциплинарная ответственность. За нарушения норм избирательного законодательства наиболее типично применение конституционно-правовой (ответственность по избирательному законодательству), административной, уголовной и финансовой ответственности» [1].

В Декларации о критериях свободных и справедливых выборов закреплено, что «государственные органы должны обеспечить такие условия, когда при голосовании исключается подкуп или другие противозаконные действия, сохраняются безопасность и целостность процесса голосования, а подсчет голосов проводится подготовленным персоналом и может быть выведен на монитор и/или подвергнут беспристрастной проверке... Государства должны обеспечить меры для того, чтобы случаи нарушения прав человека и жалобы, относящиеся к избирательному процессу, рассматривались быстро и эффективно во временных рамках избирательного процесса такими независимыми и беспристрастными органами, как избирательные комиссии или суды» [2].

Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств устанавливает, что «легитимный и публичный характер выборов, защита и реализация избирательных прав и свобод граждан, кандидатов, политических партий (коалиций), участвующих в выборах, воплощение в правоприменительной практике конституционных принципов организации избирательного процесса обеспечиваются судебными, административными и иными средствами защиты» [3].

В Послании Конституционного Суда Республики Беларусь говорится, что «правовые ограничения должны обеспечивать баланс между конституционными правами и свободами граждан и публичными интересами государства и общества. Любые ограничения конституционных прав и свобод должны быть не только юридически допустимыми, социально оправданными, но и справедливыми, необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений» [4].

В Республике Беларусь имеется достаточная законодательная основа, призванная обеспечивать безопасность избирательного процесса. Предусмотрены различные виды юридической ответственности за электоральные правонарушения. Так, в Избирательном кодексе Республики Беларусь содержится отдельная глава об ответственности за нарушение требований данного кодекса (гл. 12). Здесь также закреплены случаи, когда можно обратиться в суд за защитой своих избирательных прав.

Особенности рассмотрения жалоб на действия Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательной комиссии, комиссии по референдуму, комиссии по проведению голосования об отзыве депутата, на решение органов, образовавших комиссию, закреплены в ст. 341–343 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь.

Имеются соответствующие нормы в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 10.9) и в Уголовном кодексе Республики Беларусь (ст. 191, 192) об ответственности за нарушение законодательства о выборах и порядка осуществления избирательных прав, за воспрепятствование осуществлению избирательных прав и работе Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательных комиссий и пр.

В настоящее время идет активный процесс совершенствования конституционного и избирательного законодательства, в том числе и в области правовой регламентации ответственности за совершение избирательных правонарушений. «Проблема обеспечения конституционной законности в реализации избирательных прав граждан, установленного порядка выборов от преступных посягательств, выстраивания уголовного законодательства в соответствии с конституционными принципами является постоянной составляющей уголовной политики, в том числе и связанной с уголовной ответственностью за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, в частности защиты избирательных прав субъектов избирательных правоотношений» [5, с. 571].

Судебная практика привлечения к ответственности за нарушение законодательства о выборах и порядка осуществления избирательных прав в Республике Беларусь только начинает складываться. Чаще всего в период

избирательной кампании с жалобами по вопросам подготовки и проведения выборов граждане обращаются в соответствующие местные представительные, исполнительные органы или избирательные комиссии. Жалобы на решения нижестоящих комиссий рассматриваются вышестоящей комиссией либо Центральной комиссией Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, статус которой, полагаем, следует закрепить в Конституции Республики Беларусь в отдельной статье, тем самым подчеркнув важность данного органа в системе государственных органов Республики Беларусь.

Проанализируем статистику обращений граждан на примере выборов Президента Республики Беларусь. Так, в 2010 г. по республике таких обращений было 867, в 2015 г. – 1274, а в 2020 г. – 41 955. Как видим, их количество растет от выборов к выборам, что говорит о желании граждан активно участвовать в избирательном процессе и отстаивать свои права.

Органы прокуратуры осуществляют свою деятельность в избирательном процессе в соответствии с действующим законодательством, регламентирующим их деятельность. Полагаем, полномочия данных органов как по защите избирательных прав граждан, так и по охране избирательного процесса следует расширить, применив опыт Российской Федерации, например законодательно закрепить, что при рассмотрении в суде дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан участие прокурора является обязательным, а особенности полномочий прокурора в административном судопроизводстве по защите избирательных прав граждан предусмотреть в отдельных статьях Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, закрепив правовые основания участия прокурора в избирательных правоотношениях, не нарушая при этом принцип невмешательства в деятельность избирательных комиссий.

Органы внутренних дел в избирательном процессе обеспечивают правопорядок и общественную безопасность на избирательном участке с момента получения членами избирательных комиссий бюллетеней для голосования, осуществляя круглосуточное дежурство. Соблюдение требований законодательства о выборах на избирательном участке обеспечивается участковой избирательной комиссией при содействии сотрудника органов внутренних дел, который не имеет права вмешиваться в какие-либо избирательные процедуры. В случае возникновения правонарушения (например, проведение предвыборной агитации в день голосования, воспрепятствование работе участковой комиссии, вброс бюллетеней в ящики для голосования, мелкое хулиганство и пр.) сотрудник органов внутренних дел должен принять меры по его пресечению, удалить виновных лиц из помещения для голосования независимо от их правового статуса в избира-

тельном процессе и решить вопрос о привлечении их к административной ответственности. После пресечения правонарушения сотрудниками милиции председатель участковой избирательной комиссии информирует территориальную избирательную комиссию об инциденте.

Для того чтобы избирательные действия осуществлялись без нарушений и не вызывали конфликтных ситуаций, необходимо не только знание действующего законодательства всеми участниками избирательного процесса, но и следование правовым предписаниям, должностным инструкциям и рекомендациям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альфер, С. А. Избирательное право Республики Беларусь [Электронный ресурс] : пособие для студентов вузов / С. А. Альфер. – Режим доступа: <https://lawbook.online/pravo-belarus-izbiratelnoe/sudebnyiy-poryadok-objalovaniya-narusheniya-60517.html>. – Дата доступа: 13.11.2021.

2. Декларация о критериях свободных и справедливых выборов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://st.golosinfo.org/2014/02/Deklaratsiya-o-kriteriyah-svobodnyh-i-spravedlivyh-vyborov.pdf>. – Дата доступа: 13.11.2021.

3. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=N00200099>. – Дата доступа: 14.11.2021.

4. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2020 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/document-69753>. – Дата доступа: 14.11.2021.

5. Избирательное право / А. С. Прудников [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 655 с.

К содержанию

О. В. БРЕСКИЙ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

МОДЕЛИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО СУДЕБНОМУ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ. МЕДИАЦИЯ

Медиация – это альтернативный традиционному судебному способ урегулирования конфликтов. Он представляет собой переговоры спорящих сторон с участием независимого лица – медиатора – в целях выработки взаимоприемлемого решения. Среди многообразия альтернативных способов разрешения споров именно медиация предоставляет сторонам возможность достичь соглашения, отражающего их истинные интересы и потреб-

ности на основе исчерпания конфликта. И только процедура медиации получила в Беларуси законодательное закрепление.

Медиация является органичным дополнением судебной системы и призвана способствовать совершенствованию общественных отношений, повышению доверию общества к институту права. Медиация содействует обеспечению такого фундаментального права человека, как право на доступ к справедливости, так как процедура начинается только по воле сторон и проводится исходя из их потребностей (т. е. обеспечивается справедливая процедура), все решения по ее итогам принимаются только в случае, когда стороны сочтут результат справедливым и исполнимым (справедливое решение).

Сегодня медиация – это признанный и востребованный метод разрешения споров во всем мире. В 1990-х гг. в США происходит институционализация медиации, что связано с ее взаимодействием с судебной системой. За 10 лет у большинства людей сформировалось хотя бы мимолетное знакомство с процессами медиации и арбитража (даже если они иногда их путают). Даже традиционные юридические формы понимают значение «альтернативных» процессов. Все чаще клиенты используют возможности альтернативного разрешения споров. В середине 1990-х гг. даже Американская ассоциация адвокатов, стремясь идти в ногу с возросшей жизнеспособностью альтернативных процессов, повысила статус своего Постоянного комитета по разрешению споров до постоянной секции. В Беларуси развитие медиации происходит по схожему алгоритму. Флорида стала применять альтернативные методы разрешения споров с середины 1970-х гг. Были созданы специальные центры и пилотные программы медиации при разводах в рамках судебного разбирательства. Эти центры действовали при поддержке локальных властей и Офиса администратора государственных судов (OSCA), а также Главного судьи Верховного суда Флориды. OSCA провела исследование программ, ею были выпущены учебные и организационные пособия, а также был продолжен критический анализ законодательства. Автор отмечает, что эти программы не получили бы такого быстрого и полного распространения, если бы не поддержка Верховного суда Флориды. В исследовании, проведенном OSCA, были сделаны выводы о том, что программы медиации работают, а в организационных руководствах представлены пошаговые инструкции и информация о том, как создавать программы медиации. Учебные пособия и руководящие принципы обеспечивали некоторую степень согласованности и качества, а также необходимый контроль, что обеспечило доверие к программе. Обнаружилось, что программы медиации процветали в основном в тех штатах, в которых суды предоставили институциональные площадки для медиаторов.

В течение всего нескольких лет большая часть дел центров альтернативного разрешения споров переместилась от этих сообществ к судам. Этот сдвиг неудивителен, учитывая трудности, с которыми центры альтернативного разрешения споров сталкивались при возбуждении медиативного производства. Количество случаев, когда общественный центр медиации фактически выступает посредником, значительно ниже, чем количество запланированных судебных дел, центры сталкивались с постоянной проблемой, что приводило к неутешительно низкому количеству дел. В рамках своих усилий развития медиации Верховный суд Флориды в 1990-х гг. переориентировал внимание медиаторов на суды, и это привело к росту числа дел и возобновлению приверженности концепции осуществления альтернативных способов разрешения споров по месту жительства.

В 1987 г., после того как Флорида достигла большого успеха в программах медиации при разводе, законодательный орган Флориды принял один из самых полных в стране, связанный с судом закон о медиации и арбитраже. Судьям было предоставлено широкое право по своему усмотрению передавать любое гражданское дело на рассмотрение медиатору. Первоначальный план в соответствии с законом 1987 г. заключался в реализации пилотного проекта медиации, связанной с судом, в одном судебном округе, чтобы оценить пилотный проект, а затем распространить его на все остальные схемы. Однако по разным причинам программы медиации начали действовать по всему штату немедленно. В 1995 г. более 75 тыс. дел были рассмотрены посредством медиации, связанной с судом, во всех двадцати судебных округах Флориды.

Беларусь заняла активную позицию по развитию медиации. В 2013 г. был принят Закон «О медиации», который установил организационные и правовые условия существования медиации. В развитие закона разработаны правила проведения медиации, правила этики медиатора и другие правовые акты, направленные на регулирование правоотношений в сфере медиации. 18 декабря 2019 г. был принят Закон Республики Беларусь «Об изменении законов» № 277-3, которым были внесены дополнения в Закон «О медиации». Пакет дополнений в закон вступил в силу с 1 июля 2020 г. В целом в Беларуси сформирована хорошая нормативная основа для существования и развития института медиации.

За шесть лет реализации Закона «О медиации» в Беларуси все еще не сложилась медиация как институт, действительно дополняющий судебную систему. Согласно поступающей в Минюст информации, специалистами в 2019 г. было проведено около 900 медиаций, при том что в республике на настоящее время зарегистрировано около 1000 медиаторов, т. е. на одного медиатора приходится одна проведенная медиация в год. При этом в 2019 г. из 900 проведенных медиаций только 650 завершились заключением медиативного соглашения.

Практика, основанная на применении действующего законодательства о медиации, постепенно выявляет вопросы, проблемы и направления, требующие более глубокого исследования и проработки. Участники круглого стола обсудят модель и концепцию имплементации законодательства о медиации в Беларуси и в Брестской области, в том числе вопросы институционализации медиации, интеграции медиации в работу судов, распространения медиативной практики, активного вовлечения судебной системы и судейского сообщества, а также других профессиональных сообществ в эту работу, развития социального партнерства, совершенствования культуры разрешения споров, разгрузки судов, повышения доверия к системе разрешения споров, развития культуры дружественного, мирного разрешения споров посредством досудебных и внесудебных методов урегулирования споров.

Важной задачей является как можно более широкое информирование сторон споров о целях и возможностях метода медиации.

Современная общественная и экономическая ситуация создает условия, в которых судебная система и медиация должны и могут взаимодополнять друг друга. Государство заинтересовано в сопряжении усилий судебной системы и института медиации прежде всего с целью совершенствования правовой системы, повышения доверия к институтам государственной власти, гармонизации деловых и общественных отношений в целом. Медиацию и суд объединяют общие задачи в виде разрешения споров, хотя данные способы урегулирования различаются по своей природе и принципам, на основании которых строится деятельность каждого института.

Развитие медиации прямо связано с деятельностью судов и взаимодействием медиации и судебной системы, а также с широким социальным партнерством, позволяющим институту медиации стать важным и активным элементом жизни государства и общества.

Использование медиации со временем становится настолько распространенным, что от определения ее как «альтернативной» формы разрешения споров все чаще отказываются в пользу таких терминов, как «дополнительная», «соответствующая» или просто «форма разрешения споров». Термин «институционализация» используется для обозначения формы работы любого юридического лица (государственного или иного), которое в качестве юридического лица применяет процедуры альтернативного разрешения споров в качестве части своей деятельности. К примеру, это могут быть школы, которые развивают программы посредничества между коллегами, суды, которые устанавливают правила для управления процедурами обращения к медиации, правительственные учреждения, которые включают медиацию при разработке правил и инструкций.

К содержанию

А. А. ЗАГОРНОВ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В АКТАХ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Судебная власть, представляющая собой один из видов государственной власти, прошла в своем становлении ряд этапов. Одним из них стала судебная реформа 1864 г., проводившаяся в Российской империи, куда входили и белорусские земли. Именно в ходе этой реформы оформилось понятие *судебной власти*, а ее реализация получила достаточно полное закрепление в правовых актах. Стало меняться само отношение к судебной власти со стороны администрации и общества в целом, трансформировались как аппарат такой власти, так и ее значение в общественном развитии.

Сама судебная власть характеризуется сложностью и многоаспектностью. В организационном смысле такую власть можно определить как функционирующую на основе закона и в порядке, установленном законом, систему судебных учреждений.

Разрешение конфликтных ситуаций между субъектами общественных отношений на основе норм права, осуществляемое специальными органами государственной власти, стало рассматриваться в качестве одного из приоритетных направлений деятельности государства.

Исторически всякое законодательство, в том числе и судебное, развивается как приспособление правового регулирования к практическим потребностям общества в соответствии с его внутренними закономерностями. Целью широкой модернизации, проводившейся в Российской империи во второй половине XIX в., являлось приведение всех сторон жизни государства в соответствие с новыми условиями развития.

Судебная реформа 1864 г. призвана была кардинально изменить судоустройство и судопроизводство, создав эффективный механизм защиты личности и собственности, способствуя тем самым поступательному развитию государства. Данная реформа являлась частью единого комплекса реформ – крестьянской, земской, городской, образовательной, цензурной – и, по справедливому замечанию многих исследователей, была наиболее прогрессивной и последовательной.

В основе судебных преобразований указанного времени лежала идея, уже распространенная среди юристов, о «правлении закона» как о нормативном принципе устройства государства и общества [1, с. 305]. Новое право, установленное государством, должно было обеспечить защиту личных, политических, экономических прав и свобод граждан.

В указе императора Александра II Сенату от 20 ноября 1864 г. говорилось о том, что судебная реформа призвана была утвердить «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность» [2, № 41473].

Основными законами судебной реформы 1864 г. стали уставы – «специальные законодательные акты, изданные для известного ведомства и имеющие в виду определенную отрасль материального права» [3, с. 147–148]. В уставах впервые был законодательно регламентирован принцип формального равенства всех подданных перед законом и судом, независимости суда от администрации.

Они представляли собой четыре основополагающих для судебной организации и процесса акта: «Учреждение судебных установлений», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Первый из данных законов посвящен судоустройству, второй и третий – гражданскому и уголовному процессам, четвертый содержал нормы материального права о небольших уголовных и административных правонарушениях.

Первый закон – «Учреждение судебных установлений» – провозгласил новые принципы судоустройства и учредил новую систему судебных органов. В первых двух статьях устава говорилось о том, что судебная власть принадлежит судам, распространяется на всех лиц и по всем делам.

Устав провозгласил ряд демократических принципов судоустройства: состязательность, устность, гласность. Часть судебных органов стала выборной, более четко были определены судебные инстанции.

Устав проводил кардинальное изменение в системе судебных инстанций. Выделялись мировые судьи, съезды мировых судей, окружные суды, судебные палаты и правительствующий Сенат в качестве верховного кассационного суда. Эти места определялись как суды общей юрисдикции (гражданской и уголовной).

Второй закон – «Устав гражданского судопроизводства» – отделил гражданское судопроизводство от уголовного, приспособил его к новой судебной системе, охватил всю систему гражданских правоотношений.

Гражданский процесс, как и уголовный, строился на общедемократических началах отделения суда от администрации, гласности, устности, состязательности, равенстве перед судом, участии адвоката в процессе. Вместе с тем характер гражданского процесса, определявшийся частным, а не публичным интересом, большей инициативой сторон, был предельно полным воплощением принципа состязательности и отличался от уголовного процесса.

Третий закон – «Устав уголовного судопроизводства» – закреплял принципы уголовного судопроизводства, порядок производства в мировых судебных установлениях, порядок производства в общих судебных, регла-

ментацию предварительного следствия, и в особенности следственных действий, порядок предания суду, порядок производства в окружных судах и порядок обжалования решений общих судебных установлений, исполнение судебных приговоров [4, с. 17–18].

Четвертый закон судебной реформы – «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» – посвящался регулированию материальных правоотношений и адресовался конкретным правоприменительным органам – мировым судьям.

Таким образом, судебная реформа получила достаточно совершенное и полное законодательное обеспечение. На основе данных законов определились такие сущностные признаки судебной власти, как исключительность, самостоятельность и легальность. При этом следует отметить, что создававшиеся институты судебного права во многом опережали время и вступали в противоречие с системой государственной власти, изменения в которой назревали, но еще не перешли в плоскость реализации.

Судебная власть стала важным фактором развития государства при сохранении монархической формы правления. Верховная власть для сохранения потенциала изменений должна была продолжить курс на модернизацию государственно-правовых институтов, на дальнейшую интеграцию новых конституционных начал в право и государство.

Само создание правового государства невозможно без выстроенных механизмов правовой защиты личности, ее прав, гарантированных эффективной судебной системой. Разработка соответствующих правовых конструкций во второй половине XIX в. привела к коренному изменению судоустройства и процессуального законодательства, что открывало возможность построения государственной жизни на новых демократических принципах.

Выделение в результате реформы 1864 г. судебной власти в самостоятельный властный феномен имело далеко идущие последствия. В новых условиях судебная власть все более приобретала значимость для общества и всего государственного механизма. Именно со второй половины XIX в. ее можно рассматривать в качестве серьезной составляющей государственного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захарова, Л. Г. Великие реформы в России, 1856–1874 / Л. Г. Захарова, Б. Эклоф ; под ред. Дж. Бушнелла. – М., 1992. – 450 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881) : в 55 т. – СПб., 1830–1884. – Т. 39, отд. 2.
3. Исаев, М. А. Лекции по истории русского права и государства / М. А. Исаев. – М. : МГИМО(У), 2001. – Вып. 3, ч. 2. – 242 с.
4. Кутафин, О. Е. Судебная власть в России: история, документы : в 6 т. / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин ; отв. ред. А. В. Наумов. – М. : Мысль, 2003. – Т. 3 : От свода законов к судебной реформе 1864 г. – 893 с.

К содержанию

О. Я. СЛИВКО

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КАК ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МЕРА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вступивший в силу 1 марта 2021 г. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) в качестве одной из основных задач декларирует предупреждение административных правонарушений. Это возможно путем реализации органами, ведущими административный процесс, профилактических мер воздействия.

Впервые в административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь введены профилактические меры воздействия. Этот институт применяется как одна из мер принуждения при совершении лицом административного правонарушения. Но в силу его малозначительности или иных условий, установленных законодательством, лицо освобождается от административной ответственности с применением к нему профилактических мер воздействия. Основная цель применения таких мер – воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждение совершения новых правонарушений как лицом, его совершившим, так и другими физическими или юридическими лицами [1, ч. 2 ст. 4.1].

Лица, совершившие административное правонарушение, подвергаются административному воздействию. Это в первую очередь меры административного взыскания. Профилактические меры воздействия как альтернатива административным взысканиям также закреплены в разделе III КоАП. В административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь устанавливаются следующие виды таких мер: устное замечание, предупреждение и меры воспитательного воздействия.

В КоАП 2003 г. предупреждение являлось мерой административного взыскания и представляло собой самое мягкое по правовым последствиям взыскание. В связи с тем, что в действующем законодательстве внесены изменения в целях гуманизации административной ответственности, предупреждение выведено из списка административных взысканий.

Несмотря на то что в нынешнем КоАП предупреждение – это профилактическая мера воздействия, содержание легального определения практически идентично КоАП 2003 г. Предупреждение состоит в письменном предостережении лица, совершившего административное правонарушение, о недопустимости противоправного поведения с его стороны и о правовых

последствиях повторного совершения данного административного правонарушения [1, ст. 5.3]. Схожее определение содержал и КоАП 2003 г. Однако КоАП 2021 г. включает дополнение нормы положением о разъяснении последствий повторного совершения административного правонарушения. И в данном случае такая конструкция не случайна.

Освобождение от административной ответственности с применением к лицу предупреждения имеет ряд условий. Основное из них – совершение лицом административного проступка или значительного административного правонарушения. Если же совершенное правонарушение относится к категории грубых правонарушений, то предупреждение не может быть применено.

Административные проступки – это административные правонарушения, незначительные по степени общественной вредности, и за их совершение предусмотрено применение только одного вида взысканий – штрафа. При этом в кодексе установлен верхний предел размера штрафа: 1) для физического лица – десять базовых величин; 2) для индивидуального предпринимателя – двадцать пять базовых величин; 3) для юридического лица – пятьдесят базовых величин [1, ч. 2 ст. 2.2.]. Например, ст. 18.8 КоАП Республики Беларусь «Нарушение правил пользования метрополитеном».

К значительным административным правонарушениям относятся виновные противоправные деяния, за совершение которых предусмотрена ответственность в виде конфискации, депортации, штрафа в размере, превышающем: 1) для физического лица – десять базовых величин; 2) для индивидуального предпринимателя – двадцать пять базовых величин; 3) для юридического лица – пятьдесят базовых величин [1, ч. 3 ст. 2.2.]. Например, ст. 24.18 КоАП Республики Беларусь «Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь», ч. 2 ст. 24.19 «Нарушение пограничного режима».

Среди субъектов административной ответственности выделяются несовершеннолетние лица. К ним в соответствии со ст. 9.3 КоАП может быть применено предупреждение вне зависимости от категории административного правонарушения.

В то же время КоАП закрепляет ряд статей, по которым лица не подлежат освобождению от административной ответственности при совершении административного проступка [1, ч. 4 ст. 8.3]. Например, правонарушение по ст. 18.28 «Безбилетный проезд» хоть и является административным проступком, но лицо, совершившее его, не освобождается от административной ответственности с вынесением предупреждения.

Второе условие – лицо, совершившее административное правонарушение, должно признать факт совершения им правонарушения и выразить согласие на освобождение от административной ответственности

с вынесением предупреждения [1, ст. 8.3]. Стоит отметить, что в отличие от устного замечания предупреждение выносится уже в процессе ведения административного процесса. Здесь в соответствии с ПИК оАП административный процесс осуществляется в ускоренном порядке. Однако эта норма не применяется в случае фиксации правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами.

Третьим и наиболее важным при вынесении предупреждения условием является отсутствие в течение одного года до совершения административного проступка административного взыскания и неприменения освобождения от административной ответственности за такое же нарушение.

Законодатель установил это условие с целью смягчения ответственности и применения к лицам, впервые совершившим административные проступки, не административного взыскания, а иных мер воздействия. Возникает вопрос о том, как на практике проконтролировать соблюдение этих условий и выяснить, применялось ли в течение года к лицу освобождение от административной ответственности. Процессуальный порядок оформления предупреждения остался прежним. Оно оформляется в письменном виде и обязательно заносится в Единый государственный банк данных о правонарушениях. Однако, если должностное лицо, которое ведет административный процесс, не может на месте получить сведения о наличии оснований для освобождения, факт наличия таких оснований устанавливается исходя из сведений, сообщенных лицом, совершившим административное правонарушение [2, ч. 3 ст. 10.5].

Отдельно обращают на себя внимание нормы о вынесении предупреждения при совершении лицом значительного административного правонарушения. Степень общественной вредности таких деяний выше, и они составляют порядка 65 % от всех совершаемых правонарушений. Помимо указанных выше условий, в соответствии с ч. 2 ст. 8.3 КоАП обязательно учитываются конкретные обстоятельства совершения правонарушения, в том числе наступившие вредные последствия, личность правонарушителя. И только при одновременном соблюдении этих условий к лицу может быть применено предупреждение.

Стоит отметить ряд особенностей процессуальных норм применения предупреждения. Применяется ускоренный порядок ведения административного процесса. Протокол об административном правонарушении не составляется, а выносится постановление об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения [2, ч. 1 ст. 10.5]. Такое постановление вступает в силу с момента его вынесения. Если постановление было вынесено на основании недостоверных сведений, полученных от лица, в отношении которого оно вынесено, то постановление утрачивает силу. И административный процесс будет осуществляться в общем порядке [2, ч. 3 ст. 10.5].

Как отмечалось выше, предупреждение может быть вынесено при совершении административного проступка или значительного административного правонарушения. Однако ст. 10.5 ПИКоАП и в названии, и в тексте ч. 1 содержит указание лишь на административные проступки. Считаем целесообразным уточнить норму ПИКоАП и изложить название статьи в новой редакции «Освобождение от административной ответственности за совершение административного проступка *или значительного административного правонарушения* с вынесением предупреждения». Кроме того, в ч. 1 ст. 10.5 ПИКоАП добавить норму «При наличии оснований для освобождения от административной ответственности, предусмотренных ч. 1 ст. 8.3, ч. 2 ст. 8.3 или ч. 1 ст. 9.3 КоАП, лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, выносится постановление об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

Ж. А. ЛУЦЕВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСПЕКЦИОННО-ДОСМОТРОВЫХ КОМПЛЕКСОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

В век современных технологий и стремления к ускорению осуществления задач возникает необходимость не только в обеспечении быстроты реализации функций в деятельности государственных органов, но и в обеспечении данных процессов без потери качества. Одним из направлений совершенствования этих процессов в деятельности таможенных органов является использование инспекционно-досмотровых комплексов. С их помощью таможенный контроль товара осуществляется без вскрытия

и разгрузки грузового транспортного средства, демонтажа узлов и элементов кузова машины. Сегодня это наиболее действенный инструмент таможенного контроля, позволяющий повысить эффективность осмотра при сокращении времени пребывания транспорта в пункте пропуска.

Уже в первом полугодии 2018 г. 670 правонарушений выявлено таможенными органами Беларуси с применением инспекционно-досмотровых комплексов. Это на 11 % больше, чем за аналогичный период 2017 г. Всего с применением инспекционно-досмотровых комплексов осуществлен таможенный контроль около 152 тыс. транспортных средств. Экономическая целесообразность эксплуатации инспекционно-досмотровых комплексов составила 93 рубля дохода на один рубль затрат [1].

В то время как физический досмотр транспортного средства может занимать до 4 часов, среднее время на сканирование грузовика с применением инспекционно-досмотрового комплекса и анализ результатов – 10 минут. В настоящее время таможенными органами эксплуатируется 10 инспекционно-досмотровых комплексов: 4 мобильных, 5 стационарных и один железнодорожный.

Только в 2020 г. использование инспекционно-досмотровых комплексов принесло в доход государства более 10 млн рублей, а в течение последних пяти лет использование инспекционно-досмотровых комплексов возвращает в среднем около 40 рублей дохода на один рубль затрат. В 2020 г. с применением инспекционно-досмотровых комплексов выявлено более 1750 нарушений, в том числе и преступления, связанные с попытками перемещения через таможенную границу крупных партий наркотиков.

Неинтрузивные технологии контроля позволяют быстро проверить содержимое транспортных средств без необходимости разгрузки товара, таким образом подтвердить или опровергнуть результаты оценки рисков [2].

Комплекс оперативных задач таможенных органов, для решения которых требуется применение технических средств таможенного контроля, виды объектов таможенного контроля и условия его проведения позволяют представить класс интроскопических средств таможенного контроля в виде отдельных подклассов: 1) досмотровая рентгеновская техника (далее – ДРТ); 2) инспекционно-досмотровые комплексы (далее – ИДК) [3].

ИДК предназначены для интроскопии крупногабаритных объектов таможенного контроля, которые отличаются значительными размерами, весом, составом конструкционных материалов, повышенной плотностью загрузки различными видами перевозимых в них товаров [4, с. 299]. Такая аппаратура позволяет детально просматривать отдельные зоны объекта контроля и его содержимого и увеличивать изображения в несколько раз. В зависимости от варианта исполнения ИДК может быть мобильным или стационарным. Наибольшую достоверность контроля обеспечивают

стационарные комплексы. С их помощью таможенный контроль товаров осуществляется без вскрытия и разгрузки транспортного средства, демонтажа элементов кузова машины и т. п. Сегодня это наиболее действенный инструмент таможенного контроля, повышающий эффективность осмотра при сокращении времени пребывания транспорта в пункте пропуска через таможенную границу. Наиболее популярными производителями ИДК являются компании Nuctech (Китай) и Rapiscan (Великобритания) [3].

Вместе с тем в Республике Беларусь нет в открытом доступе нормативного правового акта, определяющего порядок использования инспекционно-досмотровых комплексов. С позиции правового регулирования данного вопроса в нормативной базе есть Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 мая 2016 г. № 7 «Об общих положениях об оснащении пунктов пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза инспекционно-досмотровыми комплексами и их использовании» [5] и санитарные нормы и правила «Требования к обеспечению радиационной безопасности при обращении с лучевыми досмотровыми установками» (утверждены постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь 24.12.2015 № 134) [6]. Однако второй документ устанавливает санитарные требования к помещению, безопасности использования и т. д., а первый носит рекомендательный характер.

В связи с изложенным выше считаем целесообразным принятие нормативного правового акта о порядке использования инспекционно-досмотровых комплексов, который закрепил бы понятие инспекционно-досмотрового комплекса, их виды, требования, порядок размещения и использования, а также ответственных лиц за причиненный вред при использовании инспекционно-досмотровых комплексов.

В частности, необходимо, на наш взгляд, обязательное закрепление в предлагаемом акте следующих положений рекомендаций [5].

Следует использовать ИДК, которые обеспечивают:

а) получение теневого изображения содержимого объекта контроля в одной или двух проекциях в зависимости от модификации ИДК и предварительную идентификацию объекта контроля;

б) оценку местоположения и линейных размеров объекта контроля;

в) просмотр теневого изображения конструктивных полостей и пространств объекта контроля (например, между стенками транспортных средств, потолочными перекрытиями и полами контейнеров);

г) детальный и фрагментарный просмотр изображений отдельных зон объекта контроля с возможностью увеличения изображения;

д) распознавание и визуализацию групп материалов объекта контроля;

е) сохранение теневого изображения объекта контроля в памяти ИДК, запись его на носителе информации;

ж) возможность передачи информации об объекте контроля в электронном виде в соответствии с разделом V настоящего документа;

и) отображение на мониторе ИДК информации об объекте контроля, дате и времени проведения сканирования;

к) контроль состояния ИДК и выдачу сообщения о его техническом состоянии, состоянии систем видеонаблюдения и радиационной безопасности ИДК.

ИДК должны быть безопасны для жизни и здоровья человека, животных и растений, в том числе с точки зрения радиационной безопасности.

В отношении ИДК границы зоны ограничения доступа должны устанавливаться так, чтобы при любом допустимом режиме работы ИДК мощность дозы фотонного излучения на внешней границе зоны ограничения доступа не превышала 1,0 мкЗв/ч [5].

Данный нормативный правовой акт позволит четко определить порядок использования инспекционно-досмотровых комплексов, способы защиты прав лиц, которым использованием инспекционно-досмотровых комплексов может быть причинен вред здоровью или ущерб перемещаемым товарам и транспортным средствам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Беларуси используется пять мобильных и пять стационарных инспекционно-досмотровых комплексов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bamap.org/information/news/2018_07_20_95320/. – Дата доступа: 15.11.2021.

2. Осмотр транспортного средства с применением инспекционно-досмотрового комплекса занимает 10 минут, а эксплуатация ИДК окупается в 40 раз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gtk.gov.by/ru/news1-ru/view/osmotr-transportnogo-sredstva-s-primeneniem-inspektsionno-dosmotrovogo-kompleksa-zanimaet-10-minut-a-eks-pluatatsija-idk-okupaetsja-v-40-raz-16391-2021/>. – Дата доступа: 15.11.2021.

3. Юшковская, А. Н. Интроскопические средства таможенного контроля [Электронный ресурс] / А. Н. Юшковская ; науч. рук. Е. С. Голубцова // НИРС-75 : материалы науч.-практ. конф. студентов и курсантов, Минск, 25 апр. 2019 г. / Белорус. нац. техн. ун-т ; редкол.: Е. С. Голубцова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БНТУ, 2019.

4. Основы таможенной службы : учеб.-метод. пособие / И. И. Дубик [и др.]. – Минск : Амалфея, 2013. – 336 с.

5. Об общих положениях об оснащении пунктов пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза инспекционно-досмотровыми комплексами и их использовании [Электронный ресурс] : Рекомендация Коллегии Евраз. экон. комис., 17 мая 2016 г., № 7 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01600113>. – Дата доступа: 15.11.2021.

6. Санитарные нормы и правила «Требования к обеспечению радиационной безопасности при обращении с лучевыми досмотровыми установками» [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва здравоохранения Респ. Беларусь 24.12.2015, № 134. – Режим доступа: https://radbez.bsmu.by/library/sanpin_LDU.pdf. – Дата доступа: 15.11.2021.

К содержанию

О. В. ПОЖАРНАЯ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ВЫБОРНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ МАГИСТРАТУР В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Современная наука абсолютно справедливо полагает, что демократия вместе с ее основными институтами возникла в эпоху Античности, когда в качестве своеобразного противопоставления тяжеловесным древне-восточным государствам имперского типа стали возникать полисы. В этих городах-государствах на фоне отмирания старых патриархальных порядков происходило зарождение и последующее развитие республиканской формы правления с принципиально новыми структурами и политико-правовыми механизмами. Именно здесь наряду с идеями гражданских свобод и политического плюрализма происходило становление концепции разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Практическая реализация этой теории в каждом конкретном античном государстве имела свои специфические черты, но в целом, согласимся с мнением А. Б. Егорова, «и республиканское, и демократическое начала в греческих полисах были выражены гораздо более отчетливо, нежели в Риме» [1, с. 34].

Эту тенденцию мы можем проследить в том числе и на примере того, как происходило замещение государственных должностей в Афинах и Риме. В обоих государствах формирование магистратур базировалось на ряде схожих принципов (коллегиальность, срочность и др.), основополагающим среди которых был принцип выборности.

Примечательно, что большинство публичных должностей в Афинах замещалось посредством жребия. Эта процедура, участие в которой мог принять любой свободный полноправный гражданин полиса, исключала возможность манипулирования общественным мнением и практически на нет сводила вероятность фальсификаций. В нейтральном характере результатов жребия сам Аристотель видел одно из проявлений истинной демократии, противопоставляя его выборам, которые, по его мнению, могли привести к установлению олигархии [2].

Кроме того, краткосрочные магистратуры, сформированные подобным способом, отражали идею, господствовавшую в греческих полисах и предполагавшую, что участие в управлении государством является не столько правом, сколько обязанностью, своего рода общественной нагрузкой каждого добропорядочного и ответственного гражданина. Так

на практике реализовывалось еще одно утверждение Аристотеля, который писал, что базисом демократического строя является свобода, а «одно из ее условий – по очереди быть управляемым и править» [3].

Однако в Афинах существовал ряд должностей, замещение которых все-таки предполагало проведение выборов, причем посредством открытого голосования. В первую очередь речь шла о стратегах, в обязательном порядке обладающих навыками в военной сфере для осуществления верховного руководства и командования армией. Особый статус этой магистратуры и степень ее значимости для полиса подчеркивались возможностью неоднократного переизбрания и дополнительными требованиями, которые предъявлялись к кандидатам на должность. Стратеги должны были не только удовлетворять стандартным цензам (гражданство, возраст), но и обладать недвижимостью, а также состоять в браке.

Что касается Древнего Рима, то избрание жребием здесь практиковалось крайне редко. В подавляющем большинстве случаев формирование римских магистратур требовало проведения голосования граждан за того или иного кандидата на народном собрании. Высших должностных лиц (консулов, преторов и др.) избирали на центуриатных комициях, низшее звено римской администрации (квесторы, эдилы) комплектовалось в ходе работы трибунных комиций.

И если в раннереспубликанском Риме доступ к занятию государственных должностей был относительно свободен, то с каждым столетием в результате модификации электорального производства выборные начала все больше ограничивались. Особо серьезные изменения в этой сфере произошли после принятия во II в. до н. э. Закона Виллия (*Lex Villia annalis*), закрепившего правило, согласно которому замещение высших должностей в государстве становилось возможным лишь после последовательного прохождения лицом всех ступеней иерархической лестницы. При этом закон косвенным путем устанавливал минимальный возраст для кандидата на пост квестора. Отныне низшую должность среди римских магистратов мог занять лишь человек, который на протяжении 10 лет нес воинскую повинность или хотя бы заявлял в течение этого времени о себе как о потенциальном воине. Учитывая все эти требования законодательства, а также введенный двухгодичный срок, который следовало выдерживать при смене должностей, на место претора и консула могли претендовать лишь граждане, перешагнувшие 40-летний рубеж. Позже законом Суллы (*lex Cornelia de magistratibus*) возрастные цензы для кандидатов на должность квестора, претора и консула были закреплены уже непосредственно и составляли соответственно 30 лет, 40 лет и 43 года [4, с. 144].

Кроме того, в эпоху поздней республики в Риме начала усложняться процедура выдвижения на публичную должность. На голосование народ-

ного собрания стали выноситься лишь те кандидатуры, которые по ряду пунктов прошли предварительное согласование у действующих магистратов, что делало практически невозможным вариант самовыдвижения.

Отметим также постепенное увеличение имущественного ценза для претендентов на государственные должности, что в сочетании с безвозмездным характером деятельности магистратов автоматически лишало возможности участвовать в управлении государством представителей малоимущих слоев населения. В Афинах также существовали имущественные цензы, однако там оплачивалась работа не только избранных должностных лиц – даже рядовые граждане могли рассчитывать на определенное денежное вознаграждение за посещение народного собрания.

Таким образом, представляется, что в Древних Афинах идея равенства возможностей граждан в вопросе доступа к выборным государственным должностям с последующей реализацией политико-административных функций получила более качественное практическое воплощение. Но при этом в обоих полисах власть в лице магистратов не противостояла обществу как чуждая сила, поскольку в той или иной степени являлась порождением его воли, следствием проведенных выборов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Егоров, А. Б. Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории) / А. Б. Егоров // Вестн. СПбГУ. Сер. 2, История. – 2009. – № 4. – С. 34–47.
2. Аристотель. Политика. Книга четвертая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/aristotel/arpol4.html>. – Дата доступа: 15.11.2021.
3. Аристотель. Политика. Книга шестая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/aristotel/arpol6.html>. – Дата доступа: 15.11.2021.
4. Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. – М. : Статут, 2004. – 540 с.

К содержанию

О. И. ПАНИН

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СЛУЧАЕ ЛИКВИДАЦИИ ПРОДАВЦА ИЛИ ИЗГОТОВИТЕЛЯ

В связи с тем что в Республике Беларусь все больше и больше либерализуется бизнес, процедура ликвидации не составляет большой сложности. Зачастую из-за этого потребитель может оказаться в сложной

ситуации по применению своих законных прав, а именно когда недостатки товара начинают проявляться во время ликвидации или после ликвидации продавца или изготовителя.

Согласно п. 4 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 09.01.2002 № 90-3 «О защите прав потребителей» (далее – Закон), потребитель вправе в случае реализации ему товара ненадлежащего качества предъявить продавцу следующие требования: замена недоброкачественного товара товаром надлежащего качества, соразмерное уменьшение покупной цены товара, незамедлительное безвозмездное устранение недостатков товара, возмещение расходов по устранению недостатков товара, расторжение договора розничной купли-продажи, а также возврат уплаченной за товар денежной суммы.

Также согласно п. 5 ст. 20 Закона указанные выше требования, за исключением требований относительно соразмерного уменьшения покупной цены товара, расторжения договора розничной купли-продажи и возврата уплаченной за товар денежной суммы, могут быть предъявлены изготовителю товара.

Как уже было сказано выше, достаточно часто возникает ситуация, когда недостатки товара проявились или стали обнаруженными к моменту, когда продавец или изготовитель прекратили свою деятельность. Пунктом 6 ст. 20 Закона предусмотрено, что в случае экономической несостоятельности (банкротства) продавца (изготовителя), приостановления или прекращения его деятельности, отсутствия у потребителя достоверных сведений о продавце (изготовителе) либо в случае места нахождения (места жительства) изготовителя за пределами Республики Беларусь потребитель вправе предъявить требования относительно замены недоброкачественного товара товаром надлежащего качества; незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара; возмещения расходов по устранению недостатков товара поставщику, представителю [1].

Важно учитывать, что согласно ст. 21 Закона все вышеназванные требования могут быть предъявлены в течение гарантийного срока или срока годности товара.

Определения лиц, указанных в конце п. 6 ст. 20 Закона, закреплены в ст. 1 Закона, где поставщик – это организация, индивидуальный предприниматель, осуществляющие на территории Республики Беларусь деятельность по реализации приобретенного товара другим организациям, индивидуальным предпринимателям, иным физическим лицам для использования его в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием, в том числе организация, индивидуальный предприниматель, осуществляющие деятельность по ввозу товара на территорию Республики Беларусь для его последующей реализации на территории Республики Беларусь [1].

Представитель изготовителя, продавца, поставщика, исполнителя (далее – представитель) – организация, индивидуальный предприниматель, осуществляющие деятельность на основании договора с изготовителем (продавцом, поставщиком, исполнителем) и уполномоченные им на принятие и (или) удовлетворение требований потребителей в отношении товара (результата работы, услуги) ненадлежащего качества [1].

Очень важно иметь в виду, что согласно п. 22 Положения «О ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования», утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 № 1 (далее – Положение), юридическое лицо считается ликвидированным, а деятельность индивидуального предпринимателя – прекращенной с даты принятия регистрирующим органом решения о внесении записи в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГР) об исключении их из этого регистра [2].

Прежде чем вышеописанная запись будет сделана, должна быть произведена процедура ликвидации, в течение которой юридическое лицо и индивидуальный предприниматель не могут считаться прекратившими свою деятельность. Более того, процедура ликвидации не является препятствием для потребителя реализовать свои права в связи с приобретением товара ненадлежащего качества.

В соответствии с п. 6 Положения собственник имущества (учредители, участники) либо орган юридического лица, уполномоченный уставом (учредительным договором – для коммерческой организации, действующей только на основании учредительного договора), принявший решение о ликвидации юридического лица, назначает ликвидационную комиссию (ликвидатора), распределяет обязанности между председателем и членами ликвидационной комиссии (в случае назначения ликвидационной комиссии) и устанавливает порядок и сроки ликвидации [2]. После назначения ликвидационной комиссии к ней переходят полномочия по управлению делами юридического лица, что означает уполномоченность данного органа рассматривать вопросы непогашенных требований. Именно в этот орган потребителю следует обращаться в случае обнаружения неисправностей приобретенного товара. Для того чтобы потребителю реализовать свои права, ему необходимо заявить свои требования в установленном порядке и приобрести статус кредитора.

Сведения, согласно п. 12 Положения, о том, что юридическое лицо (индивидуальный предприниматель) находится в процессе ликвидации (прекращения деятельности), о порядке и сроке заявления требований его кредиторами размещаются в глобальной компьютерной сети Интернет на официальном сайте юридического научно-практического журнала «Юстиция Беларуси» с последующим опубликованием в приложении к указанному журналу.

Порядок удовлетворения требования кредиторов устанавливается ст. 60 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК): требования потребителей как кредиторов в связи с приобретением товара ненадлежащего качества могут быть отнесены в четвертую очередь, т. е. такие требования будут удовлетворены после удовлетворения требований граждан, перед которыми ликвидируемое юридическое лицо несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью путем капитализации соответствующих повременных платежей; произведения расчетов по выплате выходных пособий, вознаграждений по авторским договорам, оплате труда лиц, работающих по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам; погашения задолженности по платежам в бюджет и государственные внебюджетные фонды, а также удовлетворяются требования кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества ликвидируемого юридического лица, за счет и в пределах средств, полученных от реализации заложенного имущества;

Требования каждой следующей очереди удовлетворяются после полного удовлетворения требований предыдущей очереди, а в случае недостаточности имущества ликвидируемого юридического лица имущество распределяется между кредиторами соответствующей очереди пропорционально суммам требований, подлежащих удовлетворению, если иное не установлено законодательными актами [3].

В случае если ликвидационная комиссия уклоняется либо отказывает в рассмотрении требований кредитора, законодатель, согласно п. 4 ст. 60 ГК, предоставляет кредитору право обратиться в суд с иском к ликвидационной комиссии до утверждения ликвидационного баланса.

Согласно п. 6 ст. 60 ГК требования кредиторов, не удовлетворенные из-за недостаточности имущества ликвидируемого юридического лица, считаются погашенными. Погашенными считаются также требования кредиторов, не признанные ликвидационной комиссией (ликвидатором), если кредитор не обращался с иском в суд, а также требования, в удовлетворении которых решением суда кредитору отказано.

Таким образом, проблема применения законодательства по защите прав потребителей в случае ликвидации продавца или изготовителя заключается в его комплексности, поскольку нормы, необходимые потребителю для понимания порядка и специфики защиты своего права, находятся в разных нормативных правовых актах. Для эффективной защиты своего права, связанного с приобретением товара ненадлежащего качества, при взаимодействии с организациями на стадии ликвидации потребителю необходимо получить статус кредитора и осуществить действия, направленные на включение в список кредиторов. В случае получения отказа, уклонения в рассмотрении своих требований потребитель имеет право обратиться в суд.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. О государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 1 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

А. И. ДУДЧИК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Административное принуждение выражается в действиях уполномоченных органов и их должностных лиц по предупреждению, пресечению и раскрытию административных правонарушений. Административные взыскания признаются разновидностью мер административного принуждения и являются мерой административной ответственности.

Совершение административных правонарушений влечет применение мер административных взысканий, которые менее суровы, чем наказания за преступления, т. е. не влекут судимости как при уголовной ответственности, и налагаются специальными органами, которые наделены правом привлечения к административной ответственности (органами внутренних дел, таможенными органами, судами и др.).

Превентивная цель применения административных взысканий состоит в предотвращении совершения не только административного проступка, но и других правонарушений: дисциплинарных проступков, преступлений и иных, в том числе и их рецидивов.

Все виды административных взысканий, предусмотренные в ст. 6.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь), тесно связаны между собой и образуют единую систему, которую объединяет общая цель: защита право-

порядка, воздействие на лиц, совершивших административные нарушения, предупреждение совершения новых нарушений. Перечень мер административного взыскания, применяемых к правонарушителям, закреплен в ст. 6.2 КоАП Республики Беларусь и предусматривает следующие виды административных взысканий:

- 1) штраф;
- 2) общественные работы;
- 3) административный арест;
- 4) лишение права заниматься определенной деятельностью;
- 5) депортация;
- 6) конфискация;
- 7) взыскание стоимости;
- 8) запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

В указанной статье содержится исчерпывающий перечень административных взысканий, отличающихся тяжестью наказания и наступающими для лица последствиями. Однако все административные взыскания, расположенные в перечне в определенной последовательности, имеют общую цель, они дополняют друг друга, и в этом смысле можно говорить об определенной системе взысканий.

Также КоАП Республики Беларусь предусматривает профилактические меры воздействия, применяемые к нарушителям. Перечень таких мер содержится в ст. 5.1 КоАП Республики Беларусь и состоит из устного замечания, предупреждения, мер воспитательного воздействия (в отношении несовершеннолетних).

Интересными для исследования являются меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним в случаях, предусмотренных гл. 9 КоАП Республики Беларусь. В КоАП Республики Беларусь 2021 г. впервые за период существования страны была введена глава (гл. 9), которая регулирует административную ответственность несовершеннолетних. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП Российской Федерации) подобная глава отсутствует, что усложняет процесс профилактической работы с несовершеннолетними, так как необходимо по КоАП Российской Федерации искать нормы, относящиеся к ответственности несовершеннолетних.

Общий возраст административной ответственности по законодательству Беларуси установлен с 16 лет, однако за некоторые правонарушения, которые указаны в ст. 4.2, наступает с 14 лет. При этом по законодательству России возраст административной ответственности установлен с 16 лет за все виды административных правонарушений.

Система мер административных взысканий Российской Федерации содержится в ст. 3.2 КоАП Российской Федерации и состоит из 10 мер воз-

действия. Сравнивая виды взысканий, применяемые в Беларуси и России по отношению к несовершеннолетним, можно отметить следующие различия. Так, по законодательству Беларуси к несовершеннолетним с 2021 г. могут применяться следующие меры воспитательного воздействия (ст. 9.4 КоАП Республики Беларусь): разъяснение законодательства, возложение обязанности принести извинения потерпевшему, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга. Стоит отметить, что для достижения цели могут применять как одну меру, так и несколько.

Таким образом, административное взыскание является мерой административной ответственности, которая применяется к лицу, совершившему административное правонарушение. Применение административного взыскания призвано способствовать восстановлению справедливости, является основанием для взыскания с физического или юридического лица возмещения вреда. В отношении несовершеннолетних наиболее часто применяются такие административные взыскания, как предупреждение и штраф.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что административное взыскание является пока единственной мерой в системе мер административного принуждения и ответственности, посредством которой достигаются ее цели, в отличие от уголовного права. Полагаем, что это является не совсем обоснованным. Цель административной ответственности в отношении несовершеннолетних можно было бы достичь применением и иных мер принудительного воздействия, а не только путем наложения и исполнения административного взыскания. Для решения этой проблемы важную роль отводят системе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 01.07.2021 г. № 286-ФЗ // КонсультантПлюс. – М., 2021.

К содержанию

И. М. БАРАНОВСКАЯ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРЕДОСТАВЛЕНИИ УСЛУГ В ПЕРИОД COVID-19**

Правовое регулирование охраны здоровья граждан имеет особое значение в области здравоохранения и является необходимым фактором жизнедеятельности государства.

Наличие значительного числа специализированных нормативных правовых актов, действующих в Республике Беларусь, говорит о необходимости их объединения и кодификации путем принятия Кодекса Республики Беларусь об охране здоровья граждан, что будет являться важным шагом в реформировании правового регулирования деятельности учреждений здравоохранения Республики Беларусь при оказании медицинской помощи и предоставлении услуг.

Наиболее эффективным способом для реализации предоставления гражданам гарантий в области охраны здоровья и совершенствования деятельности учреждений здравоохранения в Республике Беларусь является принятие единого кодифицированного правового акта – Кодекса Республики Беларусь об охране здоровья граждан, регулирующего деятельность учреждений здравоохранения.

На наш взгляд, Кодекс Республики Беларусь об охране здоровья граждан должен включать усовершенствованную систему здравоохранения и качественного оказания лечебной, диагностической, профилактической и реабилитационной медицинской помощи, предоставления услуг. Структура вышеназванного Кодекса должна закреплять:

- полномочия органов государственной власти Республики Беларусь и органов местного самоуправления в области охраны здоровья граждан;
- организацию охраны здоровья граждан в Республике Беларусь;
- использование современных средств коммуникаций для дистанционного предоставления врачебных и консультационных услуг;
- права граждан в области охраны здоровья; права отдельных групп населения в области охраны здоровья (например, права семьи, беременных женщин и матерей, несовершеннолетних граждан и т. д.);
- права граждан при оказании медико-социальной помощи (права пациента, право граждан на информацию о состоянии здоровья и др.);
- основы организации медицинской деятельности по планированию семьи и регулированию репродуктивной функции человека;

- гарантии осуществления медико-социальной помощи гражданам;
- порядок осуществления медицинской экспертизы;
- организацию донорства;
- права и социальную поддержку медицинских и фармацевтических работников;
- обязанности субъектов охраны здоровья граждан;
- ответственность субъектов охраны здоровья граждан за причинение вреда здоровью граждан;
- основы международного сотрудничества.

Предоставление медицинской помощи с применением телемедицинских технологий и оказание качественных медицинских услуг должно регулироваться единым нормативным правовым документом в виде Кодекса Республики Беларусь об охране здоровья граждан. Указанный законодательный акт должен определять основы государственной политики, закреплять организационные, экономические и социальные основы государственного регулирования в сфере охраны здоровья граждан Республики Беларусь в области деятельности учреждений здравоохранения и охраны здоровья граждан, устанавливать гарантии прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также быть обязательен к исполнению всеми гражданами, учреждениями здравоохранения и органами государственного управления независимо от их ведомственной принадлежности.

В связи с распространением эпидемии коронавируса COVID-19 врачи столкнулись с беспрецедентной нагрузкой, и широкое применение телемедицины, способное ее облегчить, стало актуальным как никогда.

В медицинских учреждениях Республики Беларусь все шире используется электронный документооборот, цифровые карты, рецепты и перспективные наработки в области телемедицины. Ключевым элементом и основой ее развития стала республиканская система телемедицинского консультирования, позволяющая специалистам организаций здравоохранения различных уровней дистанционно получать консультации по сложным случаям болезни у более опытных специалистов.

В ситуации распространения эпидемии коронавируса COVID-19 одним из способов получения медицинской помощи являются медицинские онлайн-услуги. Однако эпидемия COVID-19 показала, что существующая нормативная правовая база в сфере здравоохранения Республики Беларусь не в полной мере отвечает сегодняшним реалиям. В настоящее время для предотвращения распространения эпидемии коронавируса возникла острая необходимость юридического закрепления и урегулирования дистанционных форм оказания медицинской помощи и услуг при использовании современных медицинских технологий в отдельном нормативном правовом документе.

Так, в целях совершенствования законодательства об электронном здравоохранении Республики Беларусь необходимо принять систематизированный нормативный документ – Кодекс Республики Беларусь об охране здоровья граждан и включить в него главу «О телемедицине». Телемедицина – это использование современных средств коммуникаций для дистанционного предоставления врачебных и консультационных услуг, что особенно актуально в период распространения эпидемии коронавируса COVID-19.

Обоснованным, на наш взгляд, представляется мнение Л. В. Макущенко, отмечающего основные характерные черты термина «телемедицина», которые должны иметь законодательное закрепление. К ним он относит:

– удаленность участников (участниками телемедицинских сеансов могут быть не только пациенты и врачи, но и медицинские учреждения, сети медицинских учреждений);

– использование информационных технологий (первые проекты в сфере телемедицины базировались на применении телевидения и радио, а сегодня используются высокоскоростные телефонные линии, цифровые информационные технологии, компьютеры, периферийное оборудование, оборудование для видеоконференцсвязи, программное обеспечение.

В главе «О телемедицине» Кодекса Республики Беларусь об охране здоровья граждан необходимо закрепить такие понятия, как «услуги электронного здравоохранения», «дистанционные лечебно-диагностические манипуляции», «электронная история болезни», «телемедицина», «телемедицинские консультации», «телемедицинский мониторинг» и т. д. Также в Кодексе должна предусматриваться возможность применения телемедицинских технологий не только при первичном консультировании, но и в целях наблюдения за состоянием здоровья пациента.

Таким образом, принятие Кодекса Республики Беларусь об охране здоровья и включение в него главы «О телемедицине» позволит обеспечить четкое правовое регулирование оказания врачебной помощи с применением телемедицинских технологий.

К содержанию

СЕКЦИЯ 1
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Б. Б. БАЙСЕЙТОВ

Республика Казахстан, Алматы, Белорусский государственный университет

РОЛЬ БАТЫРОВ В ТРАДИЦИОННОМ КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В прежние века в ходе различных войн и конфликтов в традиционном казахском обществе появляется особая социальная группа, которую называют батырами. Батыры были мужественными и смелыми воинами. Титул или звание батыра не передавался по наследству. Звание батыра надо было заслужить в ходе сражений, в результате поединка с сильнейшими вражескими воинами. Особенно роль батыров возрастала в ходе войны. На батыров возлагались большие задачи. В первую очередь это связано с подготовкой войска, руководством отрядами народного ополчения. Батыры в традиционном казахском обществе выполняли роль военных вождей. Они обладали большой военной властью. В каждом казахском роду или жузе были батыры. Наиболее известные своей храбростью и военным талантом батыры возглавляли крупные воинские соединения на уровне родов и жузов. В целом батыры являлись военачальниками. Батыры своими подвигами прославляли казахские роды и жузы, казахское ханство. Батыры вели подготовку воинов к сражениям, передавали свой ратный опыт молодежи, организовывали оснащение отрядов оружием и другими необходимыми средствами. В случае войны, нападения врагов батыры обязаны были собрать свои отряды и выдвигаться к ханской ставке. В степи существовала своеобразная система оповещения об опасности: те, кто первым сталкивался с вражескими отрядами, или ханы направляли гонцов для оповещения других о нападении врагов. Также, когда казахские правители объявили о начале похода, они отправили во все стороны государства вестовых, которые держали в руках штандарты. Гонцы на полном скаку влетали в аулы с криками «Аттан!» [1, с. 74–76]. Благодаря такой системе быстрого оповещения казахские роды успевали собрать и объединить свои отряды. Отряды казахских родов и жузов под руководством батыров могли действовать как сообща, так и по отдельности. Командование, координация действий, связь и другие вопросы решались батырами. Роль батыров очень возрастала в период военных действий, особенно в период джунгарского нашествия.

Батырство было одним из важных элементов или социальных групп традиционного казахского общества. Батыры были не только военными вождями, военачальниками. Они часто управляли целыми родами, активно участвовали в общественно-политической жизни традиционного казахского общества. Как пишет М. А. Сарсембаев, «в разные периоды истории казахского общества батыры проявляли себя не только мужественными воинами и предводителями военных отрядов, но и талантливыми управленцами родов, общин, входя таким образом в состав элитных социальных групп кочевого общества. Немало батыров можно было видеть среди казахских старшин-родоначальников, которые занимали солидное место во внутригосударственной организации номадов. Так, в числе 67 старшин родоплеменных подразделений трех казахских жузов, зафиксированных на рубеже XVIII–XIX веков, находилось 25 батыров, или 37,3 % от общего числа всех старшин» [2, с. 57]. О возросшей роли старшин родов писал и С. Л. Фукс в своей докторской диссертации «Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в.». О войске С. Л. Фукс говорит как об ополчении, когда род выставлял самостоятельный отряд, имевший свое знамя с цветом, соответствующим родовому знамени; замечает, что войско являлось орудием политической власти старшин, а не хана [3, с. 75]. Если анализировать общественно-политическую ситуацию с этой точки зрения, то батыры имели достаточно большое влияние на хана. Батыры пользовались поддержкой ханов и в свою очередь сами поддерживали хана. Это еще раз показывает то важное положение, которое занимали батыры в казахском обществе.

Батыры, как военные вожди разного уровня (на уровне родов или всего ханства), были обязательными участниками военного совета. Военный совет подразумевает проведение совещания среди военачальников, обсуждение плана похода. Ханы и правители родов всегда советовались с батырами, планы военных походов или организации обороны обсуждались непременно с участием батыров, как командиров военных отрядов и подразделений. Скорее всего, такой военный совет был чем-то наподобие современного генерального штаба, однако он был более представительный с учетом того, что в ханстве было много родов и соответственно батыров. Старинный обычай собирать военный совет с участием батыров говорит о многом. Батыры были военачальниками на разных уровнях: всего ханства – один из батыров мог возглавлять все казахское войско, одни батыры возглавляли крупные подразделения из десяти тысяч или тысячи воинов, другие батыры руководили небольшими подразделениями. В истории Казахстана были известные батыры, такие как Шакшак Жанибек, Богембай-батыр, Санырык, Тайлак Олжабай, Богенбай, Кабанбай, Тулебай, Есет и др. Многие известные батыры были не только смелыми и отважными

воинами, выигрывавшими вооруженные поединки, но и командирами крупных воинских формирований, состоящих из тысячи воинов. Наиболее известные своим военным талантом батыры командовали еще более крупными военными соединениями: батыр Шакшак Жанибек – наиболее крупным военным соединением Среднего жуза, Богенбай-батыр – объединенным войском из представителей трех дружественных народов.

В конце XVI в. в Казахском ханстве началась политическая борьба за верховную власть. Это привело к коренным политическим реформам. Юридически эти изменения были закреплены в своеобразной конституции – «Есім ханның ескі жолы», принятой как дополнение к кодексу Касым хана. В этом правовом акте определялись полномочия хана, биев и батыров, а также их взаимные обязанности и права [4, с. 122–123]. В законах Есим-хана много норм уделялось воинской обязанности, регулированию военного дела с помощью норм обычного права казахов. Включение правовых норм о военном деле и институте батырства в свод законов Казахского ханства говорит об их исключительно важной роли. Придание большого внимания роли батыров, их полномочиям и функциям показывает, какое важное социальное и общегосударственное значение имел институт батырства в Казахском ханстве и казахском обществе. Даже в современном, казалось бы, цивилизованном мире практически все государства придают большое значение правовому регулированию вопросов обороны и национальной безопасности. В те далекие и очень суровые времена существовал актуальный общественный запрос на институт батырства. У многих народов древности мы можем наблюдать своеобразные институты профессиональных военных. На Руси это были богатыри и витязи, в Японии – самураи, в европейских странах – рыцари, в империи Чингис-хана были бахадуры. Институт батырства где-то имеет схожие корни, схожее происхождение и назначение. Но специфика военной и политической обстановки в Великой степи наложила свой отпечаток на этот уникальный социальный, политический и военный институт. Среди народа живет светлая память об этих легендарных воинах и героях.

Институт батырства сопровождал Казахское ханство практически на протяжении всей его истории, был вплетен в его историю, политическую, военную и социальную организацию. Жизнь казахов в те далекие времена во многом зависела от возможности защищать свои земли. Институт батырства как институт профессиональных военных существовал в казахском обществе во всех регионах, на всех уровнях, во всех трех жузах, во всех казахских родах. Институт батырства был широко распространен на всей территории Казахского ханства. Народ видел в батырах своих защитников, их подвиги воспевались в народном творчестве. Ханы видели в них одну из важнейших опор ханской власти. Не случайно известные

во всем ханстве или жузе батыры возглавляли войска Казахского ханства, народное ополчение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиев, А. Керей и Жанибек. История, личность, время / А. Галиев. – Алматы : Аруна, 2004. – 92 с.
2. Сарсембаев, М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи / М. А. Сарсембаев. – Астана : Ин-т законодательства Респ. Казахстан, 2015. – 342 с.
3. Тлепина, Ш. В. С. Л. Фуке и его докторская диссертация «Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в.» [Электронный ресурс] / Ш. В. Тлепина // Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. / С. Л. Фуке ; под общ. ред. С. Ф. Ударцева. – Астана : Юрид. кн. Респ. Казахстан ; СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2008. – С. 75. – Режим доступа: <http://repository.kazguu.kz/handle/123456789/728>.
4. Кузембайулы, А. История Казахстана : учеб. для вузов / А. Кузембайулы, Е. А. Абиль. – 8-е изд., перераб. и доп. – Костанай : Костан. регион. ин-т ист. исслед., 2006. – 350 с.

К содержанию

П. В. БАШКОВА, А. А. КЛИМОВИЧ

Беларусь, Мінск, Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт

КЛАСІФІКАЦЫЯ ПРАВА ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ

Францыск Скарына – яскравы прадстаўнік палітыка-прававой думкі беларускага Адраджэння. Ён вядомы не толькі як беларускі першадрукар, а найперш як філосаф, гуманіст, пісьменнік, правазнаўца. Варта адзначыць, што Скарына з’яўляецца адным з выдатных прадстаўнікоў прававой думкі Вялікага Княства Літоўскага. Яго дзяржаўна-прававыя ідэі грунтаваліся на глыбокім вывучэнні сусветнай гісторыі і практычнай дзейнасці шматлікіх сучасных яму еўрапейскіх дзяржаў.

Права, паводле Ф. Скарыны, – чалавечае ўсталяванне, якое ўзнікае ўсюды і ў кожнага народа. Пры гэтым у розныя часы ўзнікненне права спалучаецца са стварэннем дзяржавы і дзейнасцю першых цароў і кіраўнікоў, маючы, аднак, у сваім узнікненні прыродна-боскую сутнасць. Адпраўным пунктам патрэбнасці і нават неабходнасці функцыянавання права з’яўляецца ўзнікненне ўлады. Таксама важным момантам у разуменні права для Скарыны было тое, што права павінна суадносіцца са звычаямі той тэрыторыі і таго часу, на якім існуе гэта права [1, с. 42].

Адным з ключавых момантаў яго даследаванняў можна лічыць класіфікацыю права. Францыск Скарына прапанаваў іерархічную сістэмнаю класіфікацыю права, прадстаўленую ў прадмове да «Другога закона» апошняй кнігі «Пяцікніжжа» Маісея [1, с. 46].

Першы ўзровень скарынаўскай класіфікацыі выяўлены ў вядомым дыхатафічным дзяленні на натуральнае і пісанае права. Такі падзел права існаваў задоўга да Скарыны, але для Вялікага Княства Літоўскага і айчын-ных мысліцеляў гэта было нечым новым. Менавіта «дваякі закон» з'яўляўся асновай усіх прававых і маральных паняццяў у Ф. Скарыны. «Прироженное», ці, як мы прывыклі яго называць, «натуральнае права» чалавеку даецца ад Бога і, адпаведна, з'яўляецца з нараджэння прыродным законам, які стварае сістэму забарон і дазволаў. Гэта значыць, што натуральнае права ўласціва кожнаму чалавеку ў роўнай ступені і кожны ім надзелены ад нараджэння незалежна ад класавай і саслоўнай прыналежнасці. Для нагляднасці парушэння натуральнага закона ён прыводзіць прыклад «познание греха своего» Каінам, а менавіта забойства ім роднага брата Авеля. Зыходзячы з гэтага, справядлівасць, якая выяўляецца ў захаванні сістэмы забарон і дазволаў, з'яўляецца боскім, дадзеным з нараджэння паняццем, у якім закладзены элемент любві да Бога.

Пад пісаным жа правам Скарына разумеў боскае і земскае права: «Закон же написанный или от бога ест данный, яко суть книги Моисеевы и светое Евангелие, или от людей установленный, яко суть правила светых отець, на сборех прописаные» [1, с. 47]. У якасці боскага закону Скарына разглядае закон, заключаны ў Боскім Евангеллі, у правілах айцоў царквы і выяўлены ў кананічным праве, г. зн. у правілах, прынятых царкоўнай уладай. Пад земскім правам разумеліся нормы, якія былі прыняты народамі, арыстакратыяй і земствам.

Далей Скарынам у залежнасці ад грамадскіх адносін вызначаўся другі ўзровень дзялення права. Земскае права змяшчала ў сабе шэраг галін, якія прымаліся народам, дзяржавай. Да іх адносіліся:

1. «Посполитае» права. Гэта агульнае права, якое ўтрымлівала ў сабе нормы грамадзянскага і сямейнага права, дамоўныя адносіны і грамадзянскія адносіны ў сферы злачынства і пакарання: «яко мужа и жены почтливое слушение, детей пильное выхавание, близко живущих схождение, речи позыченное извращение, насилию силою отпрение, ровная свобода всем, общее имение всех» [1, с. 47].

2. Язычніцкае права, на думку Ф. Скарыны, уяўляе сабой нормы, якія рэгулююць «...яко земель чужих мечем достование, градав и мест утвержение, послов без пересказы отпущение, миру до часу приреченого выполнение, войны неприятелем свои оправдание». Мяркуецца, што язычніцкае права ёсць права народаў, якія гавораць на розных мовах, што па сутнасці з'яўляецца вызначэннем міжнароднага права [1, с. 48].

3. Права царскае (дзяржаўнае) рэгламентуе пытанні ўспадкоўвання і абрання гасудара, рэгулюе сістэму кіравання і прызначэння яе службовых асоб: «...встановить себе воеводы, о сотники... повинитесь убо всякому созданию человечию господа ради... аще дарю, яко преобладающему, или

князем, яко от него посланым... воздатие же всем долги, ему же дань-дань, ему же честь-честь...» [1, с. 48].

4. Ф. Скарына вылучае таксама права «рицарскае» (ваеннае), якое рэгульнае пытанні камплектавання і матэрыяльнага забеспячэння арміі, парадак размяшчэння вайсковых падраздзяленняў, адказнасць за ваенныя злачынствы і злачынствы супраць мірнага насельніцтва («...яко справовати полки, знати своя места, розумети глас труб, делити користи давати оброки...») [1, с. 48].

5. Самастойнымі галінамі права Скарына называе гарадское («местьскае»), марское і гандлёвае (купецкае) права.

Так, дзяленне права, распрацаванае Скарынам, у значнай ступені садзейнічала развіццю не толькі прававой тэорыі, але і кадыфікацыі.

Але на гэтым удзел Скарыны ў развіцці беларускага права не сканчаецца. На пачатку XVI ст. у ВКЛ распрацоўваецца і выдаецца ўнікальны прававы дакумент – першы Статут ВКЛ 1529 г. Статут уяўляў сабой цэласны, кадыфікаваны і выразна структураваны закон, што было для таго часу навацыяй. Унікальнасць дадзенага дакумента заключалася ў стварэнні новай сістэмы, якая ўключала ў сябе нормы, інстытуты, раздзелы, а таксама такія структурныя адзінкі, як інтытуляцыя, прэамбула і раздзелы. На жаль, дакладных дадзеных пра аўтараў і распрацоўшчыкаў дадзенага Статута не засталася, і вызначыць, хто ж прымаў удзел у падрыхтоўцы дакумента, немагчыма. Але ёсць гіпотэза, паводле каторай менавіта Францыск Скарына ўдзельнічаў у стварэнні Статута 1529 г. Гэту ідэю распрацоўваюць такія беларускія вучоныя, як Т. І. Доўнар і В. Н. Матарас [1, с. 43–44], Я. А. Юхо [2, с. 26–27]. Я. А. Юхо грунтуе дадзеную ідэю на тым, што сярод навукоўцаў-юрыстаў, якія жылі ў той час у Вільні, дзе вялася асноўная праца над распрацоўкай Статута, можна назваць толькі Францыска Скарыну [2, с. 73].

Адным з ключавых довадаў на карысць таго, што Скарына ўсё ж такі ўдзельнічаў у падрыхтоўцы Статута, з’яўляецца праява яго прававых думак у самім Статуце. Класіфікацыя пісанага права, прадстаўленая ў працах Скарыны, адлюстравана ў самім тэксце Статута.

Першы раздзел Статута «аб гаспадарскай персоне» ўяўляе сукупнасць нормаў дзяржаўнага права, якія Скарына вызначаў як царскае права [3, с. 31–40]. Па такім жа прынцыпе можна правесці аналогію і з іншымі раздзеламі, прысвечанымі нормам ваеннага права, якія вызначаюцца ў Скарыны як рыцарскае [3, с. 41–49]; чацвёртага і пятага раздзелаў – шлюбна-сямейныя адносіны і пытанні апякунства – як нормы агульнага грамадзянскага права паспалітага [3, с. 50–67].

Такім чынам, тэарэтычныя ідэі, выказаныя Скарынам, былі скарыстаны ў першым Статуце ВКЛ, што дае падставу меркаваць пра ўдзел Скарыны ў падрыхтоўцы праекта Статута ВКЛ 1529 г. У дадатак, на падставе

работ, якія былі апублікаваны да прыняцця Статута, відаць, што Скарына ведаў і мясцовае звычайнае права, і гісторыю рымскага права, і права замежных краін. Гэта значыць, што ён меў усебаковае ўяўленне аб праве і абгрунтавана мог прымаць удзел у распрацоўцы гэтага дакумента.

Такім чынам, можна меркаваць, што Францыск Скарына стаіць ля вытокаў беларускай навукі тэорыі дзяржавы і права. Грунтуючыся на прадмове да «Другога закона» апошняй кнігі «Пяцікніжжа» Маісея, можна сцвярджаць, што Францыскам Скарынам была распрацавана першая на тэрыторыі ВКЛ шматузроўневая, дэталізаваная класіфікацыя права. Першая сістэматычная крыніца права ВКЛ – Статут 1529 г. – з’яўляецца прыкладам практычнага прымянення скарынаўскай класіфікацыі. У сувязі з тым што ідэі Францыска Скарыны выкарыстоўваліся ў Статуце Вялікага Княства Літоўскага 1529 г., можна меркаваць, што ён прымаў удзел у яго стварэнні.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды. – Минск : Ред. журн. «Пром.-торговое право», 2017. – 320 с.
2. Юхо, І. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. А. Юхо ; рэд. Т. Ф. Есіпенка. – Мінск : Беларусь, 1991. – 236 с.
3. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Отд. правовых наук АН БССР ; под ред. К. И. Яблоскинса. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 130 с.

К содержанию

Я. А. БУРАК

Беларусь, Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Коррупция на сегодняшний день является универсальным признаком для любой сферы. Она появляется там, где существует деятельность человека, при этом совсем не важен характер этой деятельности: коррупция, как часть системы, всегда будет сопровождать общество и государство. Коррупцию можно рассматривать с совершенно разных сторон жизни: социальной, экономической, политической и даже культурной. Неотъемлемой частью культурной жизни общества является образование. В современном мире можно бесконечно дискутировать на тему наибольшей важности какой-либо из сфер жизни общества, но, на наш взгляд, нельзя выбрать один из главных институтов государства, так как все они взаимодействуют и взаимодополняют друг друга. Говоря об актуальности проблемы

коррупции в сфере образования, следует указать на то, что во всех сферах нашей жизни работают люди в соответствии со своей профессией, свои навыки они получают не от рождения, а в процессе образования.

В учебных заведениях, начиная со школьных времен, происходит формирование и становление личности человека как гражданина государства, члена общества, отдельного индивида со своими принципами, взглядами и установками. Очень важно, чтобы именно в этот период жизни человека в него закладывались качественные знания, общепринятые принципы морали и права. Именно от процесса обучения и воспитания личности зависит, какой специалист будет выполнять свою работу в будущем. Поэтому именно образование и является фундаментом для построения успешного государства.

В данный момент перед системой образования встал ряд проблем и вопросов, которые требуют незамедлительного решения. И одной из таких проблем является проникновение коррупции в сферу образования. Можно говорить о том, что коррупция в указанной сфере представляет угрозу национальной безопасности Республики Беларусь. Такой вид коррупции опасен, так как система образования, а именно высшие и средние специальные учебные заведения, ежегодно пополняет кадры сферы управления, а также иные сферы дипломированными специалистами. Но все же реальный уровень знаний и навыков искажается за счет коррупционных проявлений. Следствием этого является нахождение специалиста на должности, соответствующей диплому об образовании, но не соответствующей уровню подготовленности, из чего также вытекают свои проблемы – от некачественного оказания услуг до торможения развития всего государства в целом.

В научных трудах о противодействии коррупции указывается на необходимость искоренять ее причины, а также условия существования, но на данный момент этот вопрос не является центральным и найти простое перечисление таких причин представляется затруднительным. Таким образом, можно указать на практическую оторванность национальной антикоррупционной политики от воздействия на причины и условия, вследствие которых возникает коррупционная ситуация.

На наш взгляд, можно выделить следующие причины наличия и процветания указанной категории в сфере образования:

- низкая оплата труда;
- перенесение рыночных отношений в образовательную среду;
- безразличное отношение субъектов коррупционной сделки к ее совершению, либо правовой нигилизм.

В системе образования зачастую процесс обучения сводится к «делке», целью которой с одной стороны является извлечение прибыли,

с другой – выгоды в виде, например, положительной оценки. Также опасность коррупции в указанной сфере заключается в формировании коррупционного мышления, где взятка – норма, способ решения проблемы, т. е. образуется нейтральное или даже положительное отношение к такой категории, а осознание ценности получаемых знаний и вовсе теряется. На наш взгляд, развитие общества и государства без грамотных, квалифицированных молодых специалистов имеет плачевные перспективы. Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать понятие коррупции в сфере образования – это отношения между субъектами в сфере образования, направленные на взаимовыгодное «сотрудничество», негативно влияющие на образовательный процесс, следствием чего является нахождение на должности низкоквалифицированного специалиста. Для решения этой проблемы следует законодательно закрепить указанный вид коррупции, разработать систему мер предупреждения и борьбы с коррупцией в сфере образования, так как она специфична и требует особого внимания и регламентации.

К содержанию

Е. С. ВИКТОРОВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

РОЛЬ СЕГМЕНТИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Благодаря всеобщей компьютеризации, спутниковому и кабельному телевидению, а также мобильной связи, возможности пропагандистского воздействия на общественное сознание резко возросли, а привести эти возможности к некоему единому знаменателю помогает политический маркетинг. Политический маркетинг включает в себя несколько этапов. «Первый – социальный, экономический, политический, психологический анализ места действия. Второй – выбор стратегии, определение методов обработки различных групп избирателей, выбор темы кампании, тактика использования местных и национальных СМИ. Третий этап – продвижение кандидата» [1, с. 421].

Одним из важнейших постулатов коммерческого маркетинга является необходимость сегментирования рынка, т. е. разделения потребителей на группы, отличающиеся по определенным объективным признакам, которые могут повлиять на их отношение к тому или иному товару.

Сегментирование политического рынка – это разбивка населения, рассматриваемого в качестве потенциального объекта политико-технологического процесса, на группы, различающиеся по определенным объективным признакам, способным повлиять на их отношение к поли-

тическому товару, предлагаемому субъектом управления. Выделяемые в процессе сегментирования политического рынка группы принято называть адресными, так как в отношении каждой из них должны предприниматься «адресные» способы воздействия, предполагающие учет ее специфики, особенностей «структурного давления».

Весьма успешно подобные сегментации разрабатываются в США. По аналогии с общенациональной сегментацией потребительского рынка в 1987 г. в США был проведен общенациональный опрос свыше 4 тыс. американцев и при этом выделено девять опорных параметров: религиозные убеждения, степень идеологической терпимости, представления о социальной справедливости, отношение к воинствующему антикоммунизму, степень разочарования в политической системе, наличие веры в американскую исключительность, оценка собственного социального статуса, отношение к федеральному правительству (т. е. проблема центра и штатов), отношение к предпринимательству [2, с. 30].

Выдвигая кандидата в том или ином округе, организаторы кампании должны учесть, что собой этот округ представляет: является ли он однородным (прежде всего в социальном отношении, т. е. живут ли здесь люди преимущественно одного и того же достатка) или дифференцированным; какие социально-демографические, культурно-политические и прочие характеристики здесь доминируют.

Поскольку современные общества глубоко дифференцированы, то сегментирование политического рынка может осуществляться по многим критериям. Наиболее распространенным в политической (особенно электоральной) практике является обращение к следующим основаниям:

1. Демографическому, позволяющему разделить население по половозрастному признаку.

2. Социально-профессиональному, дающему возможность выделить людей, занимающихся различными видами деятельности. Возможно выделение больших групп: лица наемного труда и предприниматели, люди физического и умственного труда, а также конкретных социально-профессиональных групп – рабочие, студенты, банкиры, учителя и т. д.

3. Территориально-поселенческому, указывающему на место проживания: регион, столица, город, сельский населенный пункт. Как показывают исследования, в любой стране можно говорить о так называемом «региональном менталитете», т. е. о совокупности стереотипов сознания, традиций и привычек, образа мысли, ценностей, присущих жителям определенной местности.

4. Этническому. Данное основание особенно важно, если политическая кампания проходит в регионах компактного проживания нескольких этносов.

5. Имущественному расслоению, дающему картину о принадлежности населения к беднейшим, бедным, обеспеченным, зажиточным и богатым слоям.

6. Принадлежности к организациям: работники определенного предприятия, учреждения, члены партии, общественно-политического движения.

Выделяют первичную маркетинговую информацию (собирается только для данной ситуации по специальному заказу и вряд ли будет в дальнейшем использоваться другими участниками политического рынка, например: телефонный опрос, интервью в фокус-группах), и вторичную информацию в виде данных общенациональных опросов, статистических отчетов госорганов и т. д.

Однако следует помнить, что сегментирование – не самоцель, а необходимое условие выбора адресных групп.

Ф. Гоулд, один из ведущих специалистов Великобритании в области проведения политических кампаний, отмечает, что на семинарах Национального демократического института международной политики (США), проходивших в 1993 г. в России, «спрашивали представителей российских политических партий, к кому они намерены апеллировать. Обычно следовал ответ: к промышленным рабочим, студентам, женщинам, крестьянам, лицам пожилого возраста и т. д., и вскоре оказывалось, что в список включена каждая из групп российского общества. Мы все совершаем подобную ошибку, пытаясь обратиться ко всему и каждому. Однако суть ведущей к успеху политической стратегии заключается в том, чтобы делать выбор и часто жесткий выбор. Необходимо признать, что вы не можете адресовать свой политический призыв всем – вам придется выбирать» [3].

Адресные группы – это те социальные группы, которые выделяются в процессе сегментирования политического рынка и на которые будет осуществляться специфическое воздействие. Прежде всего речь идет о рекламной продукции и выступлениях политиков, в которых должны учитываться особенности восприятия этими группами политических явлений и их групповые интересы. Адресные группы, доступные для информационного воздействия субъекта политического процесса, называют целевыми группами. Фактически процесс выбора адресных групп завершается превращением некоторых из них в целевые, которые становятся главными «мишенями» информационной политики субъекта политического управления. Если выбор «мишеней» был проведен корректно, то уже на старте политической кампании субъект политического управления будет обладать необходимыми данными о специфике каждой целевой группы и, следовательно, реально использовать в своих целях фактор «внешнего структурного давления».

В нашей стране маркетинговые технологии в политическом процессе, и сегментирование рынка в частности, в настоящее время пока не нашли

широкого применения. Управление политической системой зачастую не учитывает региональную специфику и особенности социальных общностей.

Недоучет социокультурной дифференциации различных регионов Беларуси, слабое внимание к структуре социальных и политических функций и качеству их осуществления приводят, как правило, к упрощенным, стандартизированным подходам к решению задач регионального развития. Все это обуславливает необходимость адресной региональной политики государственной власти, основанной на анализе региона как территориальном сообществе во взаимосвязи его культурных, экономических и социальных параметров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев, К. С. Политология : учебник / К. С. Гаджиев. – М., 2005. – 460 с.
2. Саломатин, А. Ю. Политический маркетинг как основа политических технологий и PR-кампаний в постмодернизирующемся обществе /А. Ю. Саломатин // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Обществ. науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 26–35.
3. Гоулд, Ф. Стратегическое планирование избирательной кампании [Электронный ресурс] / Ф. Гоулд // ПОЛИС. – 1993. – № 4. – С. 134–138. – Режим доступа: <http://www.umk.virmk.ru/study/U-DISCIPLINA/U-posob/Gould.htm>. – Дата доступа: 27.11.2021.

К содержанию

Л. Л. ГОЛУБЕВА

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

РАЗВИТИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СТАТУТЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1566 ГОДА

Статут Великого княжества Литовского 1566 г. (далее – Статут 1566 г.) дополнил и детализировал наследственные правоотношения [1]. Это было связано главным образом с разрешением всем феодалам полного права распоряжения недвижимым имуществом. В разделе III, посвященном шляхетским правам и вольностям, говорилось о порядке наследования отцовского имущества, причем оговаривалось, что только законнорожденные дети имели право на наследование имущества. Супружеский союз в большинстве случаев освещался благословением церкви, хотя встречались примеры и гражданского брака. Женщины, состоящие в таком браке, назывались женами невенченными [2, с. 34–35]. Как и прежде, признавались незаконнорожденными дети от брака с невенченной женой, а также те дети, от которых отказался отец. Статут 1566 г. говорил о том, что

внебрачные дети даже после того, как их отец женился на матери, оставались в состоянии незаконнорожденных («бенкартов») и не имели права на наследование отцовского имущества (разд. III, арт. 23). Относительно наследования материнского имущества повторялся принцип Статута Великого княжества Литовского 1529 г. (далее – Статут 1529 г.): все дети имели право на равную долю в наследстве [3].

Статут 1566 г. уточнил и расширил нормы, регулирующие наследование материнского и отцовского имущества. При получении в наследство материнского имущества, как и по Статуту 1529 г., оно делилось поровну. Рассмотрение вопроса о наследстве материнского имущества в разд. III «О вольностях шляхецких и о размноженью Великого княжества Литовского» и разделе V «О праве посагу» дает основание говорить о связи между приданным матери и наследственной массой ее имущества (разд. III, арт. 14; разд. V, арт. 13, 14).

Относительно отцовского наследства Статут 1566 г. внес некоторые дополнения. Порядок наследования отцовского имущества рассматривался в разделе о шляхетских вольностях, что подразумевало право наследования после отца только законными детьми-шляхтичами и рассматривало передачу отцовского имущества по традиции как льготу, подаренную высшей властью.

Закон регулировал вопросы наследования имущества детьми от нескольких браков, учитывая при этом разный размер приданого, внесенного женщинами – матерями этих детей. В связи с этим говорилось, что сыновья сначала осуществляли взаиморасчет между собой, а потом делили наследство. В случае смерти одного из родителей его часть наследства переходила к остальным братьям. Дочери получали отцовское имущество в наследство только в случае отсутствия сыновей наследодателя.

Статут 1566 г. регламентировал и вопросы наследования имущества в боковых линиях родства в случае отсутствия детей у наследодателя. При этом отцовское имущество наследовалось «по мечу», это значит ближайшими родственниками отца, а материнское – «по кудели», т. е. родственниками матери (разд. III, арт. 13, 14).

Относительно положения вдовы-шляхтянки Статут 1566 г. закрепил новые положения о том, что если она выходила замуж раньше шести месяцев после смерти мужа, то могла потерять вено; если выходила замуж за человека «простага стану», то лишалась всего имущества (разд. V, арт. 11, 12).

Важным в развитии статутного законодательства было то, что в Статуте 1566 г. появился целый раздел, специально посвященный наследственному праву, – «О тестаментях». В нем перечислялся круг лиц, которые были лишены права делать завещательные записи, регламентировался порядок оформления завещаний духовными и светскими лицами, повторя-

лись положения Статута 1529 г. о лицах, которые не могли быть свидетелями при составлении завещаний, и др. Дополнительно говорилось о порядке оформления завещаний в чрезвычайных условиях (на войне, в дороге и др.). Законодатель ввел новое положение, согласно которому запрещалось завещать имущество холопу без предварительного оформления вольной (разд. VIII, арт. 4). Впервые в законе регламентировался порядок оформления завещаний «людьми простага стану» (разд. VIII, арт. 5). Закон перечислил основания, в силу которых завещание признавалось недействительным, а также впервые указал на причины, в силу которых отец имел право лишить детей наследства.

Что касается правового положения женщин, то согласно статутам Великого княжества Литовского женщина считалась всю жизнь находящейся под опекой (Статут 1529 г., разд. I, арт. 18). До замужества ее опекунами являлись родители, после их смерти – близкие родственники, в замужестве – муж, во вдовстве – специальные опекуны. Однако реальная жизнь уже в начале XVI в. в Великом княжестве Литовском мало считалась с этим патриархальным воззрением на женщину как на полуправное существо [2, с. 36]. Статут 1529 г. весьма мало ограничивал гражданскую правоспособность женщины, в полной мере признавал за нею имущественные права. Срок совершеннолетия в Статуте 1529 г. был определен для мужчин 18 лет, для девушек – 15 лет.

Статут 1566 г. повторил положение Статута 1529 г. относительно совершеннолетия мужчин и женщин (разд. III, арт. 32), в Статуте Великого княжества Литовского 1588 г. (далее – Статут 1588 г.) срок совершеннолетия для девушек был снижен до 30 лет (разд. VI, арт. 1) [4; 5]. С этого возраста девушка становилась владелицей наследственного имущества в случае ее сиротства.

В наследовании имущества закон сделал различие между полами. Подобно всем кодексам древнеславянского и германского права, Статут 1529 г. также в принципе исключал дочерей из наследства родовых имений при наличии сыновей, что вытекало из понятия о первоначальной основе права наследства и что вполне согласовалось с требованиями феодального строя государства, в котором владение земельной собственностью всегда было сопряжено с обязанностью военной службы [2, с. 36]. Однако исключение это не было безусловным: материнские имения дочери и сыновья наследовали в равных долях, из отцовского имущества дочери, независимо от того, сколько их было, получали в приданое деньги и вещи на сумму, равную стоимости четвертой части этих имений (разд. IV, арт. 7); если не было сыновей, дочери наследовали и отцовские имения. Эти положения были узаконены Статутом 1529 г., а потом это узаконение было сохранено и в последующих статутах Великого княжества Литовского.

Статут 1566 г. (разд. V, арт. 14) предвидел случай: если один шляхтич имел несколько жен и они сделали разные «внесения» в деньгах, то сыновья независимо от того, сколько бы их ни было от всех жен, делили отцовские имения на равные части; если же какая-нибудь из жен внесла больше, то, как говорилось в законе, все «лишки» выделялись или выравнивались перед разделом. Стоимость этой большей части выплачивалась братьям или сыновьям той жены, которая внесла больше имущества. После выравнивания долей родительские имения делились на равные части между детьми всех этих жен.

Материальное обеспечение женщины связывалось с таким последствием брака, как развод. Статут 1566 г. говорил о том, что развод должен был происходить перед духовным судом, согласно христианскому праву. Закон защищал женщину и в том случае, если духовный суд признавал виновным в разводе мужа; жене в данном случае оставалось то обеспечение, которое ей записал муж. В случае если суд признавал виновной жену, она теряла внесение, которое внесла в дом мужа, и обеспечение, записанное ей мужем.

Таким образом, можно сделать вывод, что Статут 1566 г. существенно дополнил и развил положения, касающиеся регламентации наследственного права. Он уточнил порядок наследования имущества по закону и по завещанию. Особое внимание было уделено наследованию по завещанию, о чем свидетельствует введение в Статуте нового раздела «О тестаментях», а также приложение к тексту Статута образцов составления наследственных записей.

Новый закон уже в большей мере заботился о защите прав женщины, о ее материальном обеспечении в случае вдовства и даже развода, вторгаясь при этом в прерогативу церкви.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо ; рэдкал.: Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.
2. Голубева, Л. Л. Наследственное право феодальной Беларуси (по законодательству Великого княжества Литовского) / Л. Л. Голубева. – Минск : ФУСТ БГУ, 2002. – 89 с.
3. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 254 с.
4. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.
5. Балашэнка, С. А. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года: юбілейнае выданне / С. А. Балашэнка, Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубева. – Мінск : Прынткорп, 2010. – 614 с.

К содержанию

С. С. ДАРКОВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ОСТРАКИЗМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПРАВА И ЭЛЕМЕНТЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Право, представляя собой систему общеобязательных и санкционированных силой государственного принуждения норм, прошло длительную, растянутую на несколько тысячелетий, историю развития. Однако и сегодня во многих правовых институтах мы можем найти отзвук древних, казалось бы, давно отживших свое установлений, проводя весьма интересные параллели и глубже постигая смысл современного законодательства.

Одним из примеров такого явления может выступать остракизм – специфический институт древнегреческого права, который не имеет аналогов в мировой истории. Остракизм был зафиксирован в ряде эллинских городов-государств. Среди них – Аргос и Кирена, Милет и Сиракузы, а также находящийся на периферии в далеком Крыму Херсонес Таврический [1]. Но все же большинство исторических сведений об остракизме пришло к нам из Древних Афин – античного полиса, где зародилось само понятие демократии, где активная гражданская позиция жителей рассматривалась практически как обязанность.

Народные голосования в Афинах проводились довольно часто и по совершенно разнообразным вопросам. А с VI в. до н. э. после проведения реформ Клисфена народное собрание периодически созывалось для того, чтобы провести процедуру остракизма. Остракизм (от греч. ‘черепок, скорлупа’) возник практически сразу после свержения в Афинах тирании и был введен с целью недопущения установления подобного государственного строя в будущем. Этот политико-правовой институт представлял собой вид народного голосования, итогом которого могло стать изгнание из полиса на определенный срок (чаще всего на 10 лет) любого человека, обладающего серьезным политическим влиянием и, как следствие, представляющего потенциальную угрозу афинской демократии. По истечении этого срока, а иногда и раньше (по решению народного собрания иногда объявлялась своеобразная амнистия) изгнанный гражданин при желании возвращался в Афины, где мог вести прежнюю жизнь, без всяких ограничений пользоваться всеми правами, в том числе и политическими.

Отметим, что остракизм не подразумевал лишения гражданского статуса, конфискации имущества и прочих негативных последствий для удаленного из полиса человека. Будучи формой узаконенного изгнания, эта

уникальная процедура применялась не в качестве санкции за уже совершенное преступление, а исключительно в превентивных целях, выступая своего рода «профилактической» мерой, направленной против возможной концентрации власти в руках одного лица. Поэтому совершенно обоснованно можно утверждать, что ostracism не являлся наказанием в чистом виде, хотя и применялся в отношении граждан, представлявших лишь гипотетическую опасность (т. е. здесь мы сталкиваемся со своеобразным применением презумпции виновности).

Теоретическое обоснование ostracism именно как превентивной меры дал великий древнегреческий философ Аристотель в книге «Политика». Он считает ostracism важным явлением в обществе при борьбе с «неправильными формами правления», а именно с олигархией и тиранией. «Лучше же всего... наладить дело так, чтобы никто слишком не выдавался своим могуществом, будет ли оно основываться на обилии друзей или на материальном достатке; в противном случае лучше удалять таких людей за пределы государства» [2].

В настоящее время процедура ostracism не применяется, однако этот термин прочно вошел в наш быт вместе с идеей правомочного отвержения обществом определенных субъектов ввиду их потенциальной опасности. В уголовно-процессуальной сфере примером такого общественного неприятия может выступать нахождение обвиняемого на скамье подсудимых, где он должен присутствовать в ходе всего судебного процесса вплоть до вынесения приговора, который, возможно, будет и оправдательным. Заключение лица под стражу с целью его принудительного обособления от общества и прерывания связи с внешним миром также можно рассматривать как некое подобие ostracism. Аналогичный результат с негативным посылом отчуждения достигается при помощи домашнего ареста. Несет на себе отпечатки архаичной процедуры ostracism и такая мера пресечения, как подписка о невыезде.

Таким образом, мы можем констатировать, что действующее законодательство в ряде случаев не до конца избавляется от наследия прошлых веков, порой сохраняя, пусть и в практически неузнаваемой форме, некоторые институты древнего права, модифицированные с учетом потребностей современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суриков, И. Е. Институт ostracism в античной Греции: к общей оценке феномена [Электронный ресурс] / И. Е. Суриков // История и современность. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/145620/>. – Дата доступа: 14.11.2021.
2. Аристотель. Политика [Электронный ресурс] / Аристотель. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/264564/read-politika-aristotel/~47>. – Дата доступа: 14.11.2021.

3. Карлов, В. П. Формы остракизма в уголовном процессе и их влияние на правосознание, правопонимание и правоприменение / В. П. Карлов // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 1, № 4. – С. 128–134.

К содержанию

Д. Д. ЖУК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ИСТОКИ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В ПРАВЕ ДРЕВНЕГО РИМА

Юридические факты – одна из центральных категорий в цивилистике. В современной правовой доктрине понятие «юридические факты» трактуется следующим образом: это жизненные обстоятельства (действия или события), с которыми правовая норма связывает возникновение, изменение или прекращение юридических отношений. Традиционно юридические факты подразделяются на события и действия. Критерием такого деления выступает наличие либо отсутствие волевого элемента, лежащего в основе возникшего правоотношения. Так, события представляют собой явления реальной действительности, существование которых никак не зависит от воли субъекта правоотношений. Действиями же, наоборот, называют такие жизненные обстоятельства, которые происходят по воле субъекта.

Однако такое понимание юридических фактов сложилось далеко не сразу, а стало следствием длительной эволюции правовых норм, фундамент которых закладывался еще в римском праве. При этом многие ученые, как зарубежные, так и отечественные, отмечают, что юридическая мысль Древнего Рима даже на пике своего развития так и не достигла должного уровня теоретических обобщений и, как следствие, «не осознала необходимости в выведении такой абстрактной категории, как юридические факты» [1, с. 497].

Согласимся с тем, что право Древнего Рима еще не разработало концепции юридических фактов, поскольку с присущей эпохе казуистичностью пока применялось лишь к отдельным аспектам регулируемых правоотношений, однако, бесспорно, заложило базис этой теории. Действительно, для римской юриспруденции характерно отсутствие категорий, являющихся наиболее важными системообразующими элементами в построении теории юридических фактов. Но данная теория строится на основе составных элементов, к которым относятся следующие понятия: *factum*, *conventio*, *раста* и т. д. Эти термины являются достаточно обобщенными, однако всегда однородными и достоверно передающими свое юридическое содержание, что дает основание говорить об их целевом предназначении для массового использования.

Кроме того, в Институциях Юстиниана, базирующихся на трудах видных римских юристов, мы можем найти упоминания об основаниях возникновения обязательств, к которым относились контракты и квазиконтракты, деликты и квазиделикты. Отдельные аспекты будущей теории юридических фактов прослеживаются и в институтах сроков, односторонней сделки, правомерных и неправомерных юридических актов. Подчеркнем, что именно на примере института сделки, которым достаточно плотно занималась римская юриспруденция, можно проследить, как совершенствовался уровень абстрактных построений в праве Древнего Рима. А ведь сделка, по меткому замечанию А. А. Дворецкой, «относится к ключевому понятию на пути к выработке концепта юридических фактов» [2, с. 23].

Но при всем при этом приходится констатировать, что ни самого понятия юридического факта, ни тем более стройной их системы разработано и сформулировано не было. Однако, на наш взгляд, это несколько не умаляет заслуг римских юристов, а, наоборот, увеличивает важность обозначенных ими определений, дальнейший процесс развития и обогащения которых шел «по пути формирования идеи о сложном юридическом факте, о факте как прообразе права, систематизации юридических фактов, охватывающих фактические обстоятельства, за которыми закон признает юридическое значение» [3, с. 99].

Рецепция римского права государствами Западной Европы дала новое дыхание исследованию теоретических положений о юридических фактах. Слабо разработанный в этой сфере понятийный аппарат был обусловлен тем, что римские источники содержали, скорее, отдельные казусы, делая упор на практическую сторону применения права. Теперь же пришла очередь создания теоретических конструкций, правил и принципов, которые, подчеркнем это, имели в своей основе все-таки примеры из повседневной жизни, описанные и зафиксированные именно римскими юристами.

Таким образом, в Древнем Риме были разработаны основы того, что в современной цивилистике именуется теорией юридических фактов. Пусть единичные, но логичные и устойчивые понятия, сформулированные римскими юристами, были восприняты и развиты последующей правовой наукой, став фундаментом теории юридических фактов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витушко, В. А. Курс гражданского права. Общая часть : науч.-практ. пособие : в 5 т. / В. А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 2001. – Т. 2. – 717 с.
2. Дворецкая, А. А. Теория юридических факторов в римском праве, его историографии и в общей теории права : пособие для студентов вузов / А. А. Дворецкая. – Минск : Тесей, 2007. – 120 с.
3. Шевчук, С. С. Становление и развитие теории юридических фактов в праве (история и современность) / С. С. Шевчук // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 4. – С. 98–105.

К содержанию

Я. І. ЗАВАЦКІ

Беларусь, Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ЭКАЛАГІЧНАЕ ПЫТАННЕ Ў ДЗЕЙНАСЦІ ХХVІІІ З’ЕЗДА КПСС (2–13 ЛІПЕНЯ 1990 ГОДА)

У перыяд перабудовы рашэнні, прынятыя ХХVІІІ з’ездам КПСС, сталі лагічным працягам задач, пастаўленых савецкім кіраўніцтвам на чале з М. Гарбачовым у папярэднія гады. У прыватнасці, гэтыя задачы мелі дачыненне да аздараўлення экалагічнай абстаноўкі ў краіне. Аднак праз запавольванне росту эканомікі ў Савецкім Саюзе і ў далейшым яе спаду праблемы, звязаныя з аховай прыроды і рацыянальным прыродакарыстаннем, пераадольваліся надта марудна. У сваю чаргу, шматлікія рэгіёны краіны (у выпадку БССР гэта зона Чарнобыля) не выводзіліся са стану экалагічнага бедства [1, с. 1].

2 ліпеня 1990 г. на першым пасяджэнні адзначанага з’езда М. Гарбачоў выступіў па пытанні «Палітычная справаздача Цэнтральнага Камітэта КПСС ХХVІІІ з’езду КПСС і задачы партыі». У справаздачы таксама ўзнімалася праблема экалагічнай сітуацыі ў СССР, якую Генеральны сакратар вызначыў як «драматычную, а ў шэрагу рэгіёнаў проста крызісную» [2, с. 2]. Як адзначалася М. Гарбачовым, у мінулыя гады захады, якія прымаліся дзяржавай, аказаліся малаэфектыўнымі і няздольнымі палепшыць сітуацыю ў справе аховы прыроды. На яго меркаванне, першачарговымі мерапрыемствамі ў гэтым накірунку павінны былі стаць павышэнне адказнасці прадпрыемстваў, поўнае задзейнічанне ўсіх правоў і паўнамоцтваў саюзных рэспублік і органаў мясцовага самакіравання, усталяванне дзейснага дзяржаўнага і грамадскага кантролю за захаваннем прыродаахоўнага заканадаўства. Да таго ж савецкі лідар вылучыў ідэю скаардынаваных захадаў, якія патрэбна было зафіксаваць у новай Саюзнай дамоў, а таксама аб’яднання краін свету дзеля выратавання экалогіі на Зямлі [2, с. 2].

Падчас дзейнасці ХХVІІІ з’езда самая вострая экалагічная праблема БССР – наступствы чарнобыльскай катастрофы – уздымалася ў выступах двух айчынных дэлегатаў – першага сакратара ЦК КПБ Я. Сакалова і дырэктара сярэдняй школы № 2 г. Хойнікі В. Юрчанковай, якія ўзялі слова 5 і 9 ліпеня 1990 г. адпаведна.

У сваёй прамове беларускі лідар ставіў у віну саюзнаму цэнтру заса-крэчанасць маштабаў і характару тэхнагеннага бедства, непрыняцце пераканаўчых навуковых распрацовак па ўзроўнях бяспечнага пражывання людзей, а таксама адсутнасць сучаснага дыягнастычнага і лячэбнага абсталявання і медыкаментаў. «Чорная калясніца Чарнобыля так ці інакш пра-ехалася па лёсах мільёнаў людзей трох саюзных рэспублік. І ім будзе

незразумела, калі наш з'езд адмаўчыцца і не прыме дакумента з ацэнкамі Палітбюро і ўрада краіны за слабы ўдзел у выратаванні людзей, якія жывуць у гэтай зоне. Падкрэсліваю, менавіта выратаванні», – падсумаваў Я. Сакалоў [3, с. 3]. Напрыканцы свайго выступу ён заявіў, што КПБ лічыць ліквідацыю аварыі на ЧАЭС сваёй важнейшай праграмай мэтаў [3, с. 3].

В. Юрчанкова, у сваю чаргу, выказала скаргу ў адрас Міністэрства аховы здароўя СССР за некампетэнтнае лячэнне пацярпелага ад радыяцыйнага забруджвання насельніцтва і ў адрас Усесаюзнай цэнтральнай рады прафесійных саюзаў за неахайную арганізацыю аздаравлення дзяцей і дарослых з забруджаных раёнаў. Таксама дэлегат папярэдзіла, што з прычыны запозненых і недастатковых захадаў саюзнага ўрада сацыяльная напружанасць у чарнобыльскай зоне знаходзіцца на мяжы выбуху. На завяршэнні свайго прамовы В. Юрчанкова звярнулася да з'езда: «Усе дэлегаты раз'едуцца ў свае партыйныя арганізацыі. Дэлегатам з раёнаў, якія пацярпелі ад чарнобыльскай катастрофы, у ліку першых будзе зададзена пытанне: а што ж з Чарнобылем? Скажыце, што адказаць людзям?» [4, с. 3].

13 ліпеня 1990 г. XXVIII з'езд прыняў рэзалюцыю «Аб палітычнай ацэнцы катастрофы на Чарнобыльскай АЭС і ходу працаў па ліквідацыі яе наступстваў». У дакуменце канстатавалася няздольнасць шэрага саюзных міністэрстваў і ведамстваў захаваць жыццё і здароўе насельніцтва, іх непадрыхтаванасць да прыняцця неабходных першачарговых захадаў. На гэты конт у рэзалюцыі заяўлялася аб накіраванні ўсіх наяўных матэрыялаў па разгляданым пытанні ў Пракуратуру СССР. Варта падкрэсліць, што ў рэзалюцыі адзначалася і віна вышэйшага саюзнага і рэспубліканскага кіраўніцтва – Палітбюро ЦК КПСС, Савета Міністраў СССР, ЦК кампартый Украіны і Беларусі, Саветаў Міністраў УССР і БССР, якія своечасова не ацанілі маштабы бедства, яго магчымыя наступствы і не ажыццявілі рашучых дзеянняў па распрацоўцы і ўкараненні дзяржаўнай канцэпцыі бяспечнага пражывання насельніцтва на радыеактыўна пацярпелай зоне.

У цэлым прынятыя раней захады па ліквідацыі наступстваў чарнобыльскай катастрофы былі прызнаны XXVIII з'ездам недавальняючымі і недастатковымі. У гэтай сувязі з'езд выступіў за ўскладанне асаблівай адказнасці на камуністаў-кіраўнікоў у справе практычнага ажыццяўлення Дзяржаўнай саюзна-рэспубліканскай праграмы па ліквідацыі наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС, зацверджанай Вярхоўным Саветам СССР. Таксама з'езд выказаўся ў падтрымку неадкладнай рэалізацыі вычарпальных захадаў па ахове здароўя пацярпелага насельніцтва, за перасяленне людзей з забруджанай зоны, за аказанне выключнага клопату аб дзецях і ўсіх грамадзян, якія сталі ахвярамі чарнобыльскай трагедыі. Акрамя гэтага, па даручэнні з'езду Цэнтральны Камітэт КПСС новага складу павінен быў

вылучыць з партыйнага бюджэту 500 млн рублёў на рэалізацыю аздараўленчых мерапрыемстваў для дзяцей з забруджанай зоны [5, с. 2].

Ключавым дакументам XXVIII з'езда стала Праграмная заява «Да дэмакратычнага, гуманнага сацыялізму», зацверджаная 10 ліпеня 1990 г. Дадзенай заявай пацвярджалася лінія партыі па адыходзе ад аўтарытарнага рэжыму і заяўлялася аб захаванні ідэалаў Кастрычніцкай рэвалюцыі разам з дасягненнямі народаў СССР. У разуменні распрацоўшчыкаў Праграмнай заявы гуманны, дэмакратычны сацыялізм разглядаўся ў якасці грамадства, у якім на падставе шматукладнай эканомікі забяспечваліся найлепшыя ўмовы, у тым ліку для рацыянальнага прыродакарыстання. Праграма дзейнічаў КПСС, якая была прапісана ў разгледаным дакуменце, уключала экстранныя захады па выхадзе краіны з сацыяльна-эканамічнага крызісу. Адным з такіх захадаў з'яўлялася аказанне надзвычайнай дапамогі зонам экалагічнага і стыхійнага бедства, фарміраванне эфектыўных рычагоў стымулявання прыродаахоўнай дзейнасці. Таксама праграма прадугледжвала сацыяльныя гарантыі пэўным групам насельніцтва, сярод якіх фігуравалі сем'і, пацярпелыя ў выніку аварыі на Чарнобыльскай АЭС і ў іншых катастрофах. Дапамога ў іх адрас павінна была ўключаць больш якаснае сацыяльнае і медыцынскае абслугоўванне, ажыццяўленне спецыяльных праграм па забеспячэнні жыллём, таварамі і паслугамі. Праграмай падтрымліваўся курс партыі па будаўніцтве ў краіне рэгуляванай рынкавай эканомікі. Пры паэтапным пераходзе да рынку выказвалася неабходнасць ажыццяўлення навукова-тэхнічных і экалагічных праграм. У пытанні абнаўлення Савецкага Саюза распрацоўшчыкі праграмы абяцалі прыняцце тэрміновых экалагічных захадаў, якія спрыялі б захаванню асяроддзя пражывання [6, с. 1, 3].

У адпаведнасці з рэзалюцыяй «Па Палітычным дакладзе Цэнтральнага Камітэта КПСС XXVIII з'езду КПСС і задачах партыі», прынятай 10 ліпеня 1990 г., КПСС прапаноўвала да прыняцця новай Праграмы партыі дзяржаве і грамадству кіравацца адзначанай Праграмнай заявай [1, с. 2]. Сама праграма была апублікавана ў прэсе напрыканцы лета 1991 г. і павінна была быць зацверджана на пазачарговым XXIX з'ездзе КПСС. Аднак з'езд так і не адбыўся ў сувязі са жніўняўскім путчам 1991 г., адным з наступствам якога стала забарона Камуністычнай партыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Резолюции XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза: По политическому отчету Центрального Комитета КПСС XXVIII съезду КПСС и задачам партии // Совет. Белоруссия. – 1990. – 12 июля. – С. 1–2.

2. Идти дальше путем перестройки: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «Политический отчет Центрального Комитета КПСС XXVIII съезду КПСС и задачи партии» // Совет. Белоруссия. – 1990. – 4 июля. – С. 1–4.

3. Выступление Соколова Е. Е., первого секретаря Центрального Комитета Компартии Белоруссии // Совет. Белоруссия. – 1990. – 6 июля. – С. 3.

4. Выступление Юрченковой В. Л., директора средней школы № 2, город Хойники, Гомельская область // Совет. Белоруссия. – 1990. – 10 июля. – С. 3.

5. Резолюции XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза: О политической оценке катастрофы на Чернобыльской АЭС и хода работ по ликвидации ее последствий // Совет. Белоруссия. – 1990. – 15 июля. – С. 2.

6. К гуманному, демократическому социализму: Программное заявление XXVIII съезда КПСС // Совет. Белоруссия. – 1990. – 17 июля. – С. 1, 3.

К содержанию

Г. И. ЗАЙМИСТ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МАГИСТРАНТОВ-ЮРИСТОВ: ФОРМИРОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Профессиональная компетентность всегда будет занимать особое место при оценке личности дипломированного специалиста. Однако новейшие технологии и соответствующая им современная организация труда требуют от специалистов многих других качеств, далеко выходящих за рамки узкоспециальной подготовки. Этот уровень компетенций специалиста в специальных научных исследованиях обозначается как универсальные компетенции.

Универсальные компетенции ученые, работодатели рассматривают сегодня как весомый фактор успешности специалиста, в частности успешности в профессиональной деятельности в инновационных условиях, в условиях цифровой экономики.

Универсальные компетенции современного специалиста имеют сложную структуру: информационная культура профессионала; формальные (методические) компетенции; компетенции, характеризующие индивидуальное поведение специалиста; компетенции, определяющие социальное поведение специалиста, и т. п. Стержневым компонентом в структуре универсальных компетенций современного специалиста является, на наш взгляд, его методологическая компетентность. Методологическая культура (методологическая компетентность) специалиста поднимает на новый качественный уровень и универсальные, и узкопрофессиональные его компетенции.

Методологическая культура – это составная часть профессиональной культуры специалиста (в том числе и юриста), характеризующая степень глубины и основательности овладения специалистом знаниями основ

методологии специальной науки, умения применять эти знания творчески, с высокой эффективностью при организации профессионального процесса.

Методологическая культура юриста как специалиста представляет собой:

- систему знаний в области методологии юриспруденции;
- принятие позиции юриста-исследователя как лично значимой;
- владение методами юридического исследования;
- наличие позитивного опыта собственной исследовательской деятельности и опыта применения результатов исследования в области юриспруденции. В данных определениях акцентируется важность не только методологической культуры мышления юриста, но и практического действия, поскольку сегодня методологическая культура нужна юридической практике не меньше, чем юридической науке.

Формирование методологической культуры будущих юристов должно осуществляться на протяжении всего периода их обучения в рамках специальных курсов вузовского компонента и факультативов на первой ступени обучения, обязательного компонента второй ступени обучения – магистратуры, а также в рамках преподавания социально-гуманитарных, общепрофессиональных и специальных дисциплин.

Методологическая культура магистранта-юриста – это системное знание методологии юриста-исследователя и будущего практикующего юриста, которая, на наш взгляд, успешно и эффективно может осуществляться специальным обучением. Именно это понимание методологической культуры магистранта-юриста заложено в Образовательном стандарте Республики Беларусь, в котором предусмотрена учебная дисциплина государственного компонента «Современные проблемы и методология юридической науки», в процессе изучения которой магистрант должен закрепить и развить следующие универсальные компетенции:

УК-1. Быть способным выявлять и анализировать проблемы, закономерности и тенденции развития юридической науки, применять в научных и практических исследованиях основные методы научного познания (анализ, сопоставление, систематизация, абстрагирование, моделирование, проверка достоверности данных, принятие решений и др.), в самостоятельной исследовательской деятельности, генерировать и реализовывать инновационные идеи.

УК-2. Обладать высоким уровнем профессионального правосознания, правового мышления и правовой культуры, быть способным развивать и совершенствовать свой интеллектуальный и общекультурный уровень, строить траекторию профессионального развития и карьеры.

УК-3. Быть способным использовать фундаментальные правовые знания для анализа, верификации, оценки полноты объективной реальности

в ходе профессиональной деятельности, при необходимости восполнять и синтезировать недостающую информацию, работать в условиях неопределенности, рисков и неполноты информации [1]. В Образовательный стандарт нового поколения предусматривается введение универсальной компетенции – владеть методологией научного познания, быть способным анализировать и оценивать содержание и уровень философско-методологических проблем при решении задач научно-исследовательской и инновационной деятельности.

Актуальность и значимость преподавания данной дисциплины на второй ступени получения высшего образования обусловлена рядом факторов: недостаточным уровнем разработанности отдельных теоретических проблем юридической науки в целом; необходимостью постоянного совершенствования законодательства, регулирующего правоотношения, требующие применения к ним различных методов и подходов; необходимостью повышения методологической профессиональной культуры будущих юристов во всех сферах правовой деятельности на основе углубленных знаний в области правовой теории и методологии.

«Современные проблемы и методология юридической науки» – комплексная дисциплина, включающая совокупность научных знаний о современных теоретических и методологических подходах и тенденциях в юриспруденции, требующих от магистрантов фундаментальных и цельных знаний для самоактуализации в сфере юридического дискурса. Для реализации данной задачи, как показал наш опыт, успешной является практико-ориентированная методика преподавания дисциплины на основе электронных образовательных ресурсов (ЭОР) [2].

Электронные образовательные ресурсы разрабатываются на основе инновационной модели обучения магистрантов профессиональным методологическим навыкам. Наряду с научно-теоретическим материалом по темам курса, способствующим формированию у магистрантов знаний, в пособии содержатся практические задания, имитирующие исследовательскую профессиональную деятельность юриста и направленные на формирование практических методологических и научно-исследовательских навыков в сфере правовой деятельности. Важное значение в достижении цели преподавания магистрантам дисциплины «Современные проблемы и методология юридической науки» имеет контекстный подход, когда с помощью всех форм, методов и средств обучения моделируется предметное и социальное содержание усваиваемой методологической компетенции. В частности, в прикладном разделе указанного учебно-методического комплекса контекстный подход реализуется посредством моделирования предметно-ситуационных, социокультурных, событийно-прогностических, практико-правовых ситуаций, в которых магистранты

погружаются в определенную теоретическую или методологическую проблему юриспруденции, решение которой включает магистранта в методологические контексты юриста-исследователя или юриста-практика.

Популярными среди магистрантов практическими заданиями являются задания, связанные с собственным магистерским исследованием. Например, составить структурно-логическую схему парадигмы, принципов и установки собственного магистерского исследования; обосновать рациональные преимущества и ограниченные возможности интегративного подхода к праву и определить, насколько и как данный подход можно применить к собственному диссертационному исследованию; конструирование методологического аппарата магистерской диссертации, последнее особо значимо, так как это творческая работа магистранта, показатель его методологической культуры, залог получения им достоверных результатов исследования, возможность оценить результаты своей работы на их новизну и свой вклад в развитие той или иной научной проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Образовательный стандарт высшего образования (ОСВО 1-24 80 01-2019). Высшее образование. II ступень (Магистратура). Специальность 1-24 80 01 Юриспруденция [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь 26.06.2019 № 81 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/W21934552p_1571259600.pdf. – Дата доступа: 02.12.2021.

2. Займист, Г. И. Современные проблемы и методология юридической науки [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для специальности 1-24 80 01 «Юриспруденция» / Г. И. Займист ; под ред. С. М. Храмова. – Брест, 2020. – 827 с. – Режим доступа: <http://rep.brsu.by/handle/123456789/2763>. – Дата доступа: 01.11.2021.

К содержанию

С. Т. КАВЕЦКИЙ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Актуальность нового осмысления феномена аномии обуславливается, с одной стороны, тем, что она имеет глубокие гносеологические корни, а с другой стороны, тем, что глобализация современного мира наряду с несомненным прогрессом в области технологий, образования, информационной открытости, обеспечивающим людям более долгую, здоровую и качественную жизнь, привела к возникновению принципиально новых

вызовов и угроз для общественной стабильности. Характерной чертой современных обществ стала перманентная нестабильность и неопределенность, в реальной жизни ведущая к увеличению кризисов, скандалов и провокаций как на мировом уровне, так и в повседневной жизни людей. Изучение проблем аномии сталкивается со многими противоречиями и трудностями, что говорит как о недостаточной изученности проблемы, так и о научной ее актуальности.

Рассматривая структуру аномии на системном и личностном уровнях в более широком или узком смысле, необходимо относить к ее состояниям такие производные, как: 1) социокультурная травма; 2) парадоксальность; 3) кентавризм; 4) концепция фантомов; 5) имитации; 6) феномен молчаливого большинства; 7) рискофобия и рискофилия; 8) кризис легитимности и др.

Большое значение для изучения аномической структуры социума имеет категориальный анализ. Целью данного процесса является концептуализация, систематизация и уточнение видов феномена аномии.

Общественная аномия, по мнению Э. Дюркгейма, имеет два вида: экономический и семейный. Экономическая аномия – это нарушение установленного нормативного порядка, фиксирующего с относительной точностью максимальный уровень материального благосостояния каждого общественного класса. Семейная аномия – нарушение равновесия и дисциплины, обеспечиваемых семьей и семейной моралью. Социальная аномия неразрывно связана с кризисом социальной системы (политика, наука, культура и т. д.). Духовная аномия – потеря людьми смысла человеческой жизни в результате смены общественного строя, революций и войн. Политическая аномия – это трансформация и деградация социальных институтов, посредством которых завоевываются и реализуются властные отношения в обществе. Правовая аномия – это проявление системных и индивидуальных установок на внутреннее неприятие закона, что в итоге при массовом проявлении может повлечь дестабилизацию социальных процессов в обществе, развитие беспорядков, общую дезорганизацию и угрозу национальной безопасности. Криминальная аномия – это преступность, вызываемая социальными патологиями. Аномия социокультурная проявляется, когда возникает дезорганизация, несогласованность, в результате чего деформируются ключевые компоненты культуры. Инновационная аномия – характеристика социокультурной инновации, выражающаяся в дестабилизации в результате «навязывания» ее обществу. Под «нормальной аномией» понимается расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека.

На основании социологического анализа аномии делаем вывод о том, что определение аномии должно включать в себя базовые положения Э. Дюркгейма, социофилософский, социопсихологический, социокультур-

ный и социоправовой компоненты. Аномия (фр. *anomia* – отсутствие закона, организации) – состояние общественного сознания, обусловленное кризисом или трансформацией общества, противоречие между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать, что приводит к игнорированию социоправовых и социокультурных норм, к девиации и социальным отклонениям. На основании социологического анализа отчуждения можно сделать вывод, что это явление многомерно и многолико. Отчуждение (микроаномия) – это универсальная социологическая категория человеческого существования, социоэкономическое и психологическое состояние, для которого характерно ограничение творческой деятельности индивида, а сам он подчинен продукту своей жизнедеятельности.

Современная глобализация, начавшаяся во второй половине XX в. и продолжившаяся в XXI в., имеет свои экономические, исторические, политические и социокультурные особенности. Одной из причин глобализации является наличие феномена аномии в развитии современного сообщества, что проявляется в мегааномалиях, провоцирующих нестабильность социума.

Мегааномалии – это аномические процессы глобального мира в экономике, политике, культуре, которые несут угрозы человеческой цивилизации. Среди мегааномалий можно выделить следующие: 1) проблемы войны и мира; 2) экологические мегааномалии, связанные с процессами как загрязнения окружающей среды, так и «загрязнения мозгов»; 3) зависимость «бедного» Юга от «богатого» Севера; 4) международный терроризм, прошедший эволюцию от индивидуального террора до криминально-террористических государств; 5) обострившийся миграционный процесс; 6) дефицит продуктов питания, необходимых для нормального развития человечества; 7) углубление неравенства.

Одними из факторов глобальной нестабильности являются сотрясающие наш мир кризисы, угрозы и катастрофы – от локальных до вселенских.

Территория Беларуси, ее население в XX в. испытали большинство катаклизмов. Особенно острыми были социальные катастрофы: Первая мировая война (1914–1918 гг.), революции (1905–1907 гг., 1917 г.), Гражданская война (1918–1921 гг.), раздел страны в 1921 г. по Рижскому договору, сталинские репрессии (1930–1950-е гг.), Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), распад Советского Союза в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., глобальная катастрофа в Чернобыле в 1986 г., избирательные кампании 2010 и 2020 гг., пандемия COVID-19.

Белорусский социум на протяжении последних более 25 лет в силу исторических условий и геополитического положения, трансформационных изменений во всех сферах общественной жизни находится в переходном состоянии. Аномическое состояние белорусского общества оказывает негативное влияние на современное развитие и порождает социальные девиации.

К содержанию

М. С. КЛЕТАНИЦА

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

ЗАКОН «О ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ США

Характеристика любой политической системы страны неразрывно связана с методами осуществления государственной власти. Что касается развития политической системы США, то оно не всегда было последовательно демократичным.

Антидемократическое законодательство начало стремительно развиваться после Второй мировой войны 1939–1945 гг. в обстановке «холодной войны» и политики антикоммунизма. В этот период был издан ряд актов, вскоре получивших общее название антикоммунистических законов, целью которых был подрыв рабочего движения, а также ослабление влияния коммунистических партий в рабочем классе.

Главное место среди таких правовых актов принадлежит Закону «О внутренней безопасности» от 23 сентября 1950 г., известному еще как закон Маккарена – Вуда. Он преследовал цель подавить политическую деятельность прокоммунистических политических сил Америки, ослабить влияние коммунистической партии в рабочем классе. Основанием закона была идея, что коммунистические организации США создают реальную угрозу общественному строю и «существованию свободных американских учреждений», являясь подрывными организациями «коммунистической диктатуры иностранного государства». Если действия были расценены как содействующие установлению в США «тоталитарной диктатуры», то предусматривалось или тюремное заключение, или штраф, или то и другое.

По степени опасности «подрывные» организации классифицировались на «организации коммунистического действия» (Компартия США) и «организации коммунистического фронта» (любая демократическая организация, политические требования которой совпадали с требованиями Компартии США). Если организации, которые были признаны «коммунистическими», не прошли регистрацию в качестве «подрывной организации», а члены партии – в качестве «иностранцев» и не представили требуемые законом сведения в определенный срок, то также предусматривалось или тюремное заключение, или штраф, или то и другое.

Вскоре компартия начала борьбу с законом Маккарена – Вуда. В ноябре 1961 г. она официально известила Министерство юстиции о своем отказе регистрироваться, но в декабре 1962 г. федеральный суд присяжных

признал компартию «виновной» в нарушении закона. Компартия продолжала борьбу даже несмотря на то, что в мае 1962 г. началось судебное преследование 10 членов компартии. И в итоге она добилась того, что в 1965 г. Верховный суд США фактически отверг регистрацию по закону Маккарена – Вуда.

Законом был предусмотрен широкий перечень ограничений для членов коммунистических организаций. Например, было запрещено работать в государственном аппарате, на военных предприятиях, выезжать за границу и др. Кроме того, каждой зарегистрированной организации было запрещено пользоваться услугами почты для пересылки своих программ и пр.

Было создано Управление по контролю за подрывной деятельностью с целью проверки политической благонадежности (впоследствии отменено) [2, с. 316].

Президент мог провозгласить «чрезвычайное положение внутренней безопасности» в случае вторжения на территорию или во владение США неприятелей, а также «восстание внутри США», это дало возможность Генеральному атторнею держать под стражей любого, даже при малейшем подозрении, что он может принять «участие или сговориться с другими лицами принять участие в актах шпионажа и саботажа».

Таким образом узаконивалось антиконституционное право превентивного ареста и помещения в концлагеря неугодных режиму лиц без суда и следствия [1, с. 125].

Борьба компартии с законом продолжалась недолго. Со временем глава Верховного суда Уоррен должен был признать справедливость аргументов, выставленных компартией: закон Маккарена – Вуда является «противоконституционным ограничением права на ассоциацию». Благодаря авторитетному резюме главного судьи, закон Маккарена – Вуда прекратил свое действие.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что урон, причиненный компартии, был уже невосполним, и ее участие в политической жизни США стало минимальным, а потом вообще было сведено на нет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. История государства и права зарубежных стран : в 2 ч. / под ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. – М., 1999. – Ч. 2. – 712 с.

2. Попова, А. История государства и права зарубежных стран / А. Попова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2014. – 247 с.

К содержанию

М. А. КУЛИКОВСКАЯ

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ВО ФРАНЦИИ

На развитие и формирование особенностей любой правовой системы, в том числе и французской, непосредственное влияние оказывает так называемая преемственность. Преемственность в праве – заимствование правом того или иного государства положений прошлых либо современных ему правовых систем.

Преемственность – необходимый элемент закона отрицания, одного из основных законов диалектики. Процесс отрицания включает два неразрывно связанных между собой элемента: а) устранение старого, отжившего или не отвечающего изменившимся условиям; б) сохранение старого положительного, ценного, того, что необходимо для прогрессивного развития.

За период своего существования и развития право накопило немало из того, что в полной мере относится к достижениям человеческой цивилизации. Не воспользоваться этим наследием – значит сделать шаг назад в поступательном правовом движении [1, с. 134].

Если задачей стоит как можно лучше разобраться в уголовном праве Франции наших дней, следует обратить внимание на принятие Уголовного кодекса Франции 1810 г., который внес существенные изменения в уголовное право Франции. Чтобы понять историю создания Уголовного кодекса Франции 1810 г., следует окунуться во времена французской революции XVIII в. В это время Франция пережила значительные изменения в правовой системе своей страны.

Накануне революции Франция в правовом отношении разделялась на две области – писаного права и кутюмного права. Первое из них, представлявшее собой в основном реципированное римское право, господствовало на юге страны. Кутюмное право, зафиксированное в XVI в., доминировало в центре и на севере. В качестве источников права сохраняли значение королевские ордонансы, каноническое право и феодальные обычаи [2, с. 344].

Французское уголовное законодательство периода буржуазной революции восприняло передовые политико-правовые учения Руссо, Монтескье, Робеспьера, Марата и других выдающихся философов. Например, Монтескье одним из первых настаивал на том, что закон должен карать только внешние действия, признанные преступными, но не мысли, не намерения [3, с. 132].

Одним из самых значимых правовых актов, на основе прогрессивных идей которого был создан Уголовный кодекс Франции 1810 г., а также

развивалось все право в целом, была Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Декларация прав и свобод человек и гражданина от 26 августа 1789 г. – важнейший документ эпохи Великой французской буржуазной революции, заложивший принципы развития законодательства, последовавшего после крушения феодализма и феодальной системы права. Декларация содержала конституционные нормы, которые явились основополагающими для конституционного развития Франции. В Декларации предусмотрены положения, напрямую связанные с уголовным законодательством.

Непосредственно к уголовному праву относятся следующие положения Декларации:

«Закон вправе запрещать только поступки, вредные для общества, все, что не запрещено законом, дозволено» (ст. 5).

«Закон есть выражение общей воли. Он должен быть одинаков для всех и тогда, когда оказывает покровительство, и тогда, когда карает» (ст. 6).

«Никто не может быть обвинен, арестован или заключен под стражу иначе как в случаях, определенных законом, и в форме, им предписанной» (ст. 7).

«Закон должен устанавливать только строго и очевидно необходимые наказания; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и обнародованного до совершения преступления и законно примененного» (ст. 8).

В этих статьях Декларации нашли выражение принципы законности, равенства всех перед уголовным законом, пропорциональности наказаний и преступлений.

Однако как бы ни был удачлив Уголовный кодекс Франции 1810 г., уже в 1960–1970-х гг. (времена Пятой Республики) значительная часть его текста была пересмотрена, что привело к декриминализации ряда преступлений или к применению санкций, ограничивающих возможность совершения новых преступлений (запрет на занятие определенным видом деятельности, конфискация автомобиля и т. д.). Сама система исполнения наказаний претерпела значительную либерализацию (сокращение количества лишения свободы, создание режима «полусвободы», особенно с краткосрочным лишением свободы), когда содержание осужденного в местах лишения свободы совмещается с его заключением [4, с. 478].

В июле 1992 г. результатом предыдущей обширной реформы уголовного права стало принятие нового Уголовного кодекса Франции, который вступил в силу в 1994 г. и полностью заменил Уголовный кодекс 1810 г. Новый кодекс существенно отличается от предыдущего как по своей структуре, состоящей из четырех взаимосвязанных, но независимых законов, так и по своим базовым принципам, которые предполагают усиление борьбы с общественно опасными преступлениями, но сохраняют общедемократический и гуманистический характер.

Общие положения об уголовной ответственности, включившие введенные во французское уголовное право в предыдущие десятилетия, претерпели радикальный пересмотр.

Измененная во второй половине XX в. шкала социальных ценностей, новая структура самих преступных деяний повлекли за собой существенные изменения в особой части Уголовного кодекса Франции. Если в XIX в. уголовно-правовые репрессии были направлены прежде всего на защиту общественных интересов государства, то теперь в первую очередь (книга вторая) выдвигаются преступления и проступки против личности.

Способы защиты человека от разного рода посягательств в новом кодексе очень разнообразны и юридически тщательно проработаны.

Защита от посягательств на частную жизнь – это новая форма личной защиты. Кодекс содержит множество запрещенных преднамеренных посягательств на частную жизнь другого человека [5, с. 98].

Таким образом, Особенная часть нового Уголовного кодекса Франции отличается от Уголовного кодекса Наполеона новой градацией защищаемых в нем социальных ценностей, а также усилением защиты личности, общества и государства от новых видов преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. – Н. Новгород : Нижегород. высш. шк. МВД Рос. Федерации, 1993. – 544 с.
2. Рубаник, В. Е. История государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов / В. Е. Рубаник. – СПб. : Питер, 2011. – 544 с. : ил.
3. Аистова, Л. С. Уголовное право зарубежных стран : учеб. пособие / Л. С. Аистова, Д. Ю. Краев. – СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. – 132 с.
4. История буржуазного государства и права (1640–1917 гг.) / К. И. Батыр [и др.] ; под ред. З. М. Черниловского. – М. : Высш. шк., 1964. – 495 с.
5. Галанза, П. Н. История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. / П. Н. Галанза. – М. : Норма, 2007. – Т. 1.

К содержанию

Т. С. МИХАЙЛОВСКАЯ

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

СИСТЕМА ПРАВОСУДИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В реалиях современности очевидным становится тот факт, что отправление правосудия является ключевым звеном для стабильного функционирования общества. С момента возникновения цивилизации и до настоящего

времени сама конструкция судов и практика рассмотрения ими дел беспрерывно развивались и модифицировались.

Вместе с тем вопросы, имеющие отношение к осуществлению судебной власти, в частности их правовая регламентация, а также реализация мер, направленная на предоставление средств правовой защиты, являются актуальной проблематикой. А модель судоустройства Европейского союза является уникальной в силу своей природы, что и обуславливает интерес для научных изысканий.

Прежде всего стоит отметить, что Суд ЕС необходимо анализировать с двух позиций. В широком смысле Суд означает целостную систему органов, состоящую из двух основных элементов – Суда и Суда общей инстанции. В узком смысле он представляет собой элемент независимой судебной власти [1, с. 76]. Как и остальные национальные суды, данное учреждение призвано защищать гарантированные основным законом и актами Союза права и свободы граждан, юридических лиц, а также государственные и общественные интересы.

Рассмотрим наиболее важные аспекты, связанные с особенностями каждого правового образования в отдельности. Во-первых, на основании Лиссабонского договора, в частности ст. 19, состав Суда как высшего органа предусматривает одного судью от каждого члена Союза, а также 11 генеральных адвокатов. Во-вторых, избрание состава суда осуществляется на 6-летний срок на основе общего согласия правительств государств – членов Союза с возможностью переизбрания, с учетом принципа их независимости и удовлетворения критериям квалификации. В-третьих, положения договора определяют основную задачу Суда – охрана права при толковании и применении законодательства ЕС. В-четвертых, принятие решений совершается палатами (3 или 5 судей) и Большой палатой (15 судей).

Следует добавить, что немаловажным являются полномочия генеральных адвокатов, которые излагают свою правовую оценку по обстоятельствам дела в виде мотивированных заключений, упрощая и ускоряя судебный процесс. В-пятых, сфера компетенции Суда ЕС охватывает вынесение заключений в отношении дел, прямо отнесенных к его юрисдикции [2, с. 113].

Одновременно нововведением стало учреждение такого звена, как Суд общей инстанции, в силу Решения Совета № 88/591. Для него характерно следующее: состоит из двух судей, назначаемых правительствами после консультации с коллегией, на которую возложена задача по оценке пригодности судей [3, с. 389].

В рамках Суда общей инстанции осуществляется назначение президента на трехлетний период, а также секретаря со сроком полномочий на три года. Сами же дела подлежат рассмотрению камерами, состоящими

из трех или пяти судей, в особых ситуациях единолично. Более того, данное звено судебной системы имеет возможность реализовывать свои функции в рамках Большой палаты в силу экстраординарных условий.

Отличительной чертой Суда общей инстанции является отсутствие генеральных адвокатов, однако при исключительных обстоятельствах их функции могут быть исполнены судьей. Под сферу деятельности Суда общей инстанции подпадают дела в отношении исков против учреждений, агентств и всей институциональной структуры ЕС, которые прямо затрагивают интересы другой стороны, трудовые споры между сотрудниками и европейскими учреждениями, равно и иски, прямо отнесенные к его компетенции в согласии со ст. 256 ДФЕС [4, с. 56]. Нужно добавить, что решения могут быть обжалованы в двухмесячный период по узконаправленным вопросам права.

Перед тем как непосредственно сделать необходимые выводы в отношении деятельности организации, нужно выявить базис самого судоустройства. Действительно ли краеугольным камнем можно считать основополагающие принципы в данной области?

Принципы не только определяют и конкретизируют основные права и обязанности участников процесса, но прежде всего оказывают существенное влияние на развитие европейского права (прямое действие, ответственность государств и др.). Более того, именно они в силу своей императивности и многофункциональности определяют легитимность всей процедуры осуществления правосудия [5, с. 72].

Таким образом, при реализации европейской интеграции в сфере осуществления справедливого и беспристрастного разбирательства дел Европейский союз создал качественно новое правовое звено – Суд ЕС, который является центральным достижением Европейского союза, судом с беспрецедентной транснациональной властью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков, М. М. Европейское право до и после Лиссабонского договора : учеб. пособие / М. М. Бирюков. – М. : Статут, 2013. – 240 с.
2. Право Европейского Союза : учеб. для бакалавров / А. В. Жупанов [и др.] : под ред. С. Ю. Кашкина. – М. : Проспект, 2015. – 310 с.
3. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / отв. ред. С. Ю. Кашкин ; пер. А. О. Четверикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФА-М, 2017. – 650 с.
4. Основы права Европейского Союза: схемы и комментарии : учеб. пособие для вузов / С. Ю. Кашкин [и др.] ; под ред. С. Ю. Кашкина. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 136 с.
5. Ландо, Д. Д. Институциональное право Европейского Союза : учеб. пособие / Д. Д. Ландо, В. И. Самарин ; под ред. С. А. Балашенко, Т. Борича, Х. Херманна. – Минск : Зорны верасок, 2010. – 184 с.

К содержанию

Я. Б. ПАШКЕВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

РОЛЬ МЕДИАТОРА В УРЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ

В Республике Беларусь действует обширная нормативная правовая база, гарантирующая защиту брака, семьи, материнства, отцовства и детства. В современных условиях становления и динамичного развития гражданского общества участники спорных семейно-правовых правоотношений становятся все больше заинтересованными в самостоятельном урегулировании возникающих противоречий на взаимовыгодной основе при осуществлении ими контроля над используемой процедурой и ее результатом. Такие потребности не находят полного удовлетворения в рамках судебной процедуры, что обуславливает необходимость исследования и развития иных способов урегулирования правовых споров, в частности семейной медиации. 12 июля 2013 г. принят Закон Республики Беларусь «О медиации», который вступил в законную силу 24 января 2014 г.

В науке гражданского процессуального и хозяйственного процессуального права проблемные аспекты медиации зачастую рассматривались в рамках работ, посвященных вопросам альтернативного разрешения споров и примирения. Но главное отличие семейной медиации от других примиренческих процедур заключается в том, что, помимо сторон спора, в урегулировании конфликта принимает участие профессиональный медиатор. Закон «О медиации» содержит не только определение термина «медиатор», но и ряд конкретных требований к физическому лицу, претендующему на звание «профессиональный медиатор» [1, с. 54]. Медиатор определяется как физическое лицо, имеющее высшее юридическое или иное высшее образование, прошедшее подготовку в сфере медиации в порядке, устанавливаемом Министерством юстиции Республики Беларусь, либо имеющее опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством, получившее свидетельство медиатора, выдаваемое Министерством юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации.

Само определение не содержит возрастной критерий в отношении физического лица, участвующего в медиации в качестве медиатора. Так, Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» закрепляет положение о том, что осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут лица,

достигшие возраста 25 лет. Аналогичный возрастной критерий закреплен и в Законе «О медиации» от 28 января 2011 г. в Казахстане. Опыт внедрения и применения медиации в Казахстане свидетельствует о необходимости повышения возрастного критерия для медиатора до 30–35 лет независимо от того, занимается лицо медиацией на профессиональной или на непрофессиональной основе. Успех медиативной процедуры, помимо наличия у медиатора высшего профессионального образования, во многом определяется его личностными качествами, житейским опытом и зрелостью суждений [2]. Медиация в Республике Беларусь является конфиденциальным и неформальным способом упорядочения разногласий. Медиатор помогает найти оптимальный вариант из решения спора, выхода из ситуации, урегулировать разногласия и принять компромисс, удовлетворяющий стороны. Этот способ является наиболее приемлемой альтернативой разбирательству в судебных стенах. В связи с этим представляется необходимым ч. 1 ст. 4 Закона «О медиации» после слов «физическое лицо» дополнить словами «достигшее 30 лет». Одной из целей медиации является разгрузка судебной системы. Конечная же ее цель – мирное разрешение спора, заключение соглашения между конфликтующими сторонами, оказание им содействия в разработке взаимно приемлемых решений по локализации конфликта [3, с. 59].

В ч. 1 ст. 3 Закона «О медиации» не закреплен принцип нейтральности медиатора, а закреплен принцип независимости и беспристрастности медиатора. На наш взгляд, выделение независимости в качестве самостоятельного принципа медиации не вполне оправданно, так как независимость в медиации (в отличие от юрисдикционных способов разрешения споров) является желательным, но не обязательным требованием, предъявляемым к медиатору. Основная идея примирительной процедуры заключается в том, что стороны самостоятельно вырабатывают варианты урегулирования спора, в связи с чем внешнее воздействие на медиатора бессмысленно и вряд ли сможет привести к негативным последствиям. Следовательно, выделение принципа независимости как самостоятельного принципа медиации не оправданно. В свою очередь, беспристрастность, т. е. объективность и справедливость, медиатора по отношению к каждой из сторон должна лежать в основе всей его деятельности [4, с. 13]. Учитывая тесную взаимосвязь независимости и беспристрастности, можно прийти к выводу о том, что нейтральность медиатора складывается из двух компонентов – независимости (относительное требование) и беспристрастности (абсолютное требование). Следовательно, независимость и беспристрастность являются лишь составными элементами нейтральности медиатора, которые дополняют друг друга и находятся в тесной взаимосвязи.

Конфиденциальность – это один из основополагающих принципов медиации. Стороны, участвующие в ее процедуре, обязаны хранить в тайне и не использовать в корыстных и других посторонних целях полученную информацию. Конфиденциальность медиации позволяет сторонам спора обсуждать свои действительные интересы, не опасаясь их недобросовестного использования оппонентом [5, с. 19].

Согласно ч. 3 ст. 16 Закона «О медиации», стороны, медиатор, а также другие лица, участвовавшие в медиации, независимо от того, связаны ли судебное разбирательство, третейское разбирательство со спором, который являлся предметом медиации, не вправе ссылаться, если стороны не договорились об ином, в ходе судебного или третейского разбирательства на информацию, полученную в ходе медиации, о мнениях или предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможного урегулирования спора, равно как и о готовности одной из сторон принять предложение другой стороны об урегулировании спора; заявлениях и признаниях, сделанных одной из сторон [6]. Исходя из данного положения, можно сделать вывод, что вся информация, полученная в ходе проведения медиации, является конфиденциальной.

Таким образом, к медиатору предъявляются высокие требования в плане качеств, которые он должен иметь, развивать и совершенствовать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова, Л. В. Медиация – путь к саморегулированию конфликтов / Л. В. Власова // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2009. – № 5. – С. 52–55.
2. Ахметова, Е. В. Медиация в Казахстане: первый опыт внедрения и применения [Электронный ресурс] / Е. В. Ахметова, М. П. Блащенко, В. П. Карлаш // Специализированный межрайонный суд по делам несовершеннолетних Карагандинской области. – 2013. – Режим доступа: <https://krg.sud.kz/>.
3. Александров, Д. П. Вопросы развития и совершенствования института судебного посредничества / Д. П. Александров // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2008. – № 15. – С. 58–66.
4. Калашникова, С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.15 / С. И. Калашникова. – Екатеринбург, 2010. – 26 с.
5. Базовый курс медиации: рефлексивные заметки / М. С. Бойко [и др.]. – Минск : Медисонт, 2011. – 312 с.
6. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 марта 2013 г., № 58-З : в ред. Закона от 05.01.2016 г. № 355-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

К содержанию

А. С. СЕРЕДА

Беларусь, Жабинка, средняя школа № 3

ПРОЦЕСС ПОСРЕДНИЧЕСТВА ПРИ РЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Реализация крестьянской реформы 1861 г. породила необходимость широкого применения посредничества в таких сферах, как раздел собственности между крестьянами и помещиками, урегулирование мелких конфликтов, помощь в выстраивании новых правовых отношений в условиях изменившейся правовой реальности. Идея посредничества возникла на основе существовавшей в обществе Российской империи традиции досудебного и судебного посредничества, выраженного в широких неформальных и в ограниченных формальных практиках [1, с. 43; 2, с. 8; 3, с. 122].

Итогом правотворчества имперского правительства стало создание особого ведомства, занимавшегося исключительно вышеописанными проблемами, – института мировых посредников. Мировые посредники являлись представителями административно-полицейской и судебной власти для сельских жителей. К делам их ведомства относился широкий круг вопросов. Первостепенными являлись дела, связанные с разделом имущества и регулированием имущественных и экономических отношений между сторонами. Итоги процесса закреплялись путем составления особых документов – уставных грамот [4, с. 205]. Также мировым посредникам предоставлялось право разбора споров, связанных с наймом рабочей силы, арендой земли, имущественного вреда, если сумма иска не превышала 30 рублей.

Таким образом, на мировых посредников был возложен большой объем работы. Современник писал о данной ситуации следующее. «Не только земля, ...не только лес... но и вопросы о владении и пользовании другими менее значительными хозяйственными статьями вошли в число тех вопросов, которые приходилось решать мировому посреднику, иногда без ясных и положительных указаний на сущность и свойство подобных дел... порою корова, телушка, баран, сноп сена, мясина, приварок из картофеля, кучерский кафтан и лакейские сапоги составляли предметы разбирательства мировых учреждений. Очень понятно, что никакое «Положение» не может определить таких мелочей, а между тем... эти вопросы составляли такую важность, что они не только доходили до мировых съездов, но и вносились на усмотрение губернских по крестьянским делам присутствий и даже там составляли предмет недоумений и разногласий» [2, с. 8].

Предусматривалось, что мировой посредник «...может принять к своему рассмотрению всякий спор и иск гражданский, если обе спорящие

стороны будут просить его о решении их дела по совести» [4, с. 207]. Декларировалось, что мировой посредник обязан был первостепенно склонять конфликтующие стороны к примирению [4, с. 208, 212].

Процессуальный порядок действий выглядел следующим образом. Иски о рассмотрении дел возможно было приносить мировому посреднику «везде и во всякое время, письменно или словесно, лично или через доверенное лицо» [4, с. 207]. Особой формы заявления для рассмотрения дела не существовало [4, с. 207]. По требованию просителя посредник обязан был выдавать специальное удостоверение с подписью о принятии к рассмотрению или отклонении дела. В случае рассмотрения дел с участием более десяти лиц обязательным было присутствие одного или двух поверенных [4, с. 207].

Мировой посредник проводил разбор дела либо в месте своего жительства, либо на территории мирового участка. Перед подачей исков сотрудник должен был заранее объявить о своем появлении. При срочности дела мировой посредник обязан был максимально быстро рассмотреть дело [4, с. 207]. Разбор дела производился во время, удобное для обеих сторон, или без участия одной из сторон, но при наличии заверенных письменных отзывов. В случае неявки в силу объективных обстоятельств (тяжкая болезнь, прекращение сообщения или связи, насильственное задержание и т. д.) мировой посредник обязан был перенести дело либо в случае неоправданной неявки мог дважды оштрафовать ответчика на сумму от 25 копеек до 5 рублей и решить дело на основе имеющихся доказательств [4, с. 208].

Закон прямо предписывал мировому посреднику предпринимать все силы для примирения сторон: «посредник обязан был как перед разбирательством, так и во время разбирательства, и даже перед самым постановлением решения склонять стороны к примирению или к окончанию спора третейским разбором, указывая действительные, по его мнению, к тому способы» [4, с. 208, 212]. В случае соглашения на примирение мировой посредник давал спорящим для окончательного соглашения отсрочку на срок не более семи дней [4, с. 208].

Не склонив стороны к примирению, служащий приступал к устному разбирательству. Мировые посредники не вели протоколов дел. Официальный закон также не требовал протоколирования дел.

Источники показывают, что чертами судопроизводства было равноправие, состязательность и устность. Посредник поочередно выслушивал устные заявления и показания сторон. Поначалу заслушивалась сторона истца. Потом заслушивалась сторона ответчика или обвиняемого с представлением свидетельств и доказательств. Как истцы, так и ответчики имели право заявлять отвод свидетелям противника – всех лиц, состоящих

в родстве до второй степени включительно. В случае объявления других причин отвода (явной вражды и тому подобного), мировой посредник сам, по соображениям действительности, имел право принимать решение о допущении или недопущении отвода [4, с. 208]. Свидетели допрашивались без присяги, но с обязанностью давали показания по чистой совести. Помимо сбора доказательств, допроса истца, ответчика и свидетелей, мировой посредник имел право проводить следующие следственные действия: осмотр мест, истребование словесных или письменных объяснений, изучение соответствующих документов (конторских книг, мирских приговоров и т. д.), в случае необходимости входил в переписку с соответствующими учреждениями – в этом ему не было установлено никаких формальных ограничений [4, с. 209]. В случае разногласия по поводу убытков мировой посредник обязан был призвать на помощь «сведущих людей», известных посреднику «по своей добросовестности и беспристрастию» [4, с. 210].

Во время процесса имели право присутствовать посторонние лица, обязанные сохранять тишину. Нарушение тишины каралось от замечания и до предания зачинщика суду. При этом от посредника требовалось «оказывать снисхождение тем из поселян, кои, по малой образованности, не были в состоянии связно излагать обстоятельства дела» [4, с. 209]. Решение выносилось на основе «собранных доказательств, законоположении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и местных обычаев в случае их непротиворечивости существующим законам и Положениям о крестьянах» [4, с. 208]. По окончании разбора дела посредник постановлял о решении и объявлял о нем на словах, вслух и внятно всем присутствующим при разбирательстве дела объяснением, подлежит ли или не подлежит дело обжалованию и в какие сроки. Обо всех делах мировой посредник должен был оставлять краткие записи в особый журнал, тетрадь или книгу, исходя из индивидуального удобства. Каждая сторона могла требовать копию приговоров с взысканием пятнадцати копеек за копию в пользу писаря [4, с. 210]. Суммы, поступившие в счет штрафов, направлялись либо в крестьянские благотворительные учреждения, либо в запасные мирские суммы [4, с. 211].

Мировой посредник осуществлял надзор за исполнением своих решений. В случае неисполнения сотрудник обязан был требовать помощи сельского и волостного начальства либо полиции [4, с. 211]. Министерство внутренних дел прилагало много усилий для поддержки посредников местными властями: губернаторы постоянно получали циркуляры, требовавшие «...обращать особое внимание на то, чтобы законные требования и постановления мировых посредников были исполняемы неукоснительно как крестьянами, так и помещиками, чтобы земская полиция и вообще местные власти оказывали ревностное мировым посредникам содействие» [5, с. 48–49].

В случае несогласия на действия мирового посредника могла быть подана апелляция. Жалобы и апелляции рассматривались уездным съездом мировых посредников. Срок подачи жалобы составлял 30 дней. Жалоба подавалась либо непосредственно мировому посреднику, либо председателю уездного мирового съезда [4, с. 211]. Законом допускалось немедленное исполнение тех решений, которые формально могли быть оспорены, но неисполнение которых могло повлечь к невозвратным потерям оправдываемой стороны (как, например, при срочных полевых работах и т. д.), однако посредник должен был принимать меры к обеспечению имущественных прав обвиняемой стороны [4, с. 211].

Осуществляя крестьянскую реформу, правительство пошло на создание института мировых посредников, подотчетного Министерству внутренних дел. Основным направлением в работе института являлось урегулирование конфликтов при осуществлении реформы, надзор за исполнением постановлений. При осуществлении профессиональной деятельности мировыми посредниками основной упор делался не на наказание, а на примирение сторон. Для достижения поставленных задач была разработана весьма успешная процедура рассмотрения и разрешения дел, доступная и понятная для большей части населения, давшая возможность успешной реализации крестьянской реформы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загорнов, А. А. Отмена крепостного права и трансформация правового сознания крестьян Беларуси / А. А. Загорнов // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. – Мінск : БДУ, 2014. – Вып. 9. – С. 39–50.
2. Карнович, Е. П. Значение мировых посредников и очерк их деятельности в 1861 г. / Е. П. Карнович // Мировой посредник. – 1862. – 15 янв. – С. 8.
3. Гакстгаузен, А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / А. Гакстгаузен ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2017. – 672 с.
4. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях : [от 19 февраля 1861 г., № 36660] // Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. – Собр. 2-е. – СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. 36, отд. 1. – С. 202–217.
5. Рыбков, А. Г. Мировые посредники в крестьянской реформе 1861 года: на материалах Саратовской губернии / А. Г. Рыбков, М. М. Зинина. – Балаково : Балаков. ин-т экономики и бизнеса, 2010. – 171 с.

К содержанию

О. В. СТЕПАНОВ

Беларусь, Минск, филиал Российского государственного социального университета

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
В ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ
В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Как следует из проведенного изучения правовой литературы, процесс формирования правосознания и правовой культуры реализуется посредством правового воспитания населения. При этом в теории государства и права применительно к термину «правовое воспитание» имеются различные точки зрения исследователей [1]. Поэтому, не вступая в дискуссию относительно его определения и определяющих его содержание элементов, в качестве опорной дефиниции «правовое образование» автор данной статьи использует подход, предложенный Л. В. Мардахаевым, в соответствии с которым это способ внешнего выражения и организации передачи теоретического правового материала объекту воспитания [2, с. 158]. В рамках предмета нашего исследования таковым объектом является молодежь. В связи с этим совершенно верно отмечает С. П. Зайцева, что успех правового образования будет зависеть не только от удачно выбранного воспитателем способа передачи правового материала, но и от внутренней переработки личностью внешних воздействий [3].

В свете сказанного совершенно очевидным является тот факт, что в современном мире развитие, внедрение, усовершенствование и применение информационных технологий происходит повсеместно. Говоря о словосочетании «социальные сети», автор полагает приемлемым воспользоваться определением, изложенным в «Википедии», в соответствии с которым социальные сети – это онлайн-платформа, которую люди используют для общения, создания социальных отношений с другими людьми, имеющими схожие интересы или офлайн-связи [4]. Для определения прикладного аспекта роли социальных сетей в правовом образовании молодежи в Республике Беларусь автором был проведен в феврале 2020 г. – октябре 2021 г. социологический опрос обучающихся в учреждениях образования студентов очной и заочной форм получения образования. Из принявших участие в опросе респондентов 83 % составляют лица женского пола и 17 % мужского пола. Все респонденты пользуются социальными сетями. На первой строчке по популярности среди опрошенных, одновременно использующих две и более социальных сетей, находится сеть «ВКонтакте» (94 %), на втором месте – Instagram (90 %), третью позицию занимает Telegram (54 %). Меньше всего используются Twitter (10 %) и Facebook (2 %).

На вопрос, как много времени опрашиваемые проводят в социальных сетях, более половины (57 %) ответили, что от 2 до 5 часов, а 25 % отметили, что более 5 часов. Очевидно, что такое длительное времяпрепровождение негативно сказывается на физическом и психологическом здоровье молодого человека. И при этом респонденты не могут контролировать себя и часто проводят больше времени, чем они планировали. Существование тенденции к зависимости от социальных сетей подтверждают 92 % опрошенных лиц. Отвечая, с какой целью молодежь Беларуси присоединяется к виртуальным социальным сетям, примерно 75 % респондентов согласились, что используют их для общения с друзьями и обсуждения судебной практики, 24 % – в целях самовоспитания. С целью нахождения статей и учебно-методической литературы по правовой тематике опрашиваемые используют возможности социальных сетей довольно активно. На это указало около 78 % опрошенных лиц, ответив «согласен», а 13 % – «отчасти согласен». В то же время виртуальное общение между собой по вопросу рассмотрения отдельных правовых ситуаций молодые люди не считают равноценной заменой практической деятельности юридических служб в будущей профессии юриста. На это указало около 80 % опрошенных лиц.

Относительно возможностей общения и обучения в условиях коронавирусной инфекции в дистанционном режиме молодые люди высказались следующим образом. 83 % от общего количества заявили о желательности их перевода на дистанционную форму обучения в условиях тяжелой эпидемиологической ситуации. В этой группе около 63 % считают такой формат обучения безопасным, 10 % определяют комфортную работу в домашних условиях, 7 % связывают необходимость с уменьшением временных/материальных затрат на проезд к месту обучения и оплату услуг связи, с чем возникает временный резерв для успешного выполнения ими выданных заданий на правовую тематику, чуть более 12 % считают возможность сохранения трудового отпуска и оказание равных возможностей для обучения с дневной формой получения образования, около 8 % позиционируют с уменьшением материальных затрат, в том числе и сохранением полного объема выплат заработной платы по месту своей работы. Чуть более 9 % от общего количества заявили о нецелесообразности перехода обучения в систему удаленного доступа. По их мнению, это связано с лишними нагрузками по освоению технических возможностей системы, а также с лишением возможности общения с одногруппниками и совместного проведения досуга в неурочное время, исключением возможности общения с преподавателем напрямую.

Также проведенное исследование выявило изменение в подходе к знакомству среди молодежи. Так, около 53 % при знакомстве с парнем или девушкой предпочтет взять у них название аккаунта, нежели номер

телефона. Это связано с их неуверенностью, которая порождает неготовность к реальному общению, в результате чего они стараются свести его к минимуму посредством виртуального общения, с помощью которого им легче рассказать о себе, скрыть свои недостатки или приукрасить достоинства. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии изменений в правосознании респондентов, стремящихся к созданию благоприятного образа за счет технических возможностей. Около 66 % респондентов ответили, что при посещении какого-либо молодежного заведения готовы сделать фотографию для себя без выставления их образа в социальные сети, а 22 % не будут ничего фотографировать. Всего лишь 33 % опрошенных волнует количество отметок «мне нравится» под своими фотографиями. Говоря иными словами, в своих межличностных отношениях молодые люди стремятся руководствоваться не узколичными интересами, а требованиями правовых и моральных норм. Это повышает уровень их индивидуальной сознательности, вырабатывает привычку и убеждение соблюдать закон в широком смысле слова.

Таким образом, на основании вышеизложенного уместно сделать следующие выводы:

– роль социальных сетей в правовом воспитании и образовании молодежи в Республике Беларусь возрастает, основным направлением правового воспитательного процесса является обучающе-консультационное;

– социальные сети в настоящее время – это новый вид коммуникации между молодыми людьми, который «внедряется» в теоретико-правовую действительность современного общества и постепенно трансформирует ее из категории специальных знаний профессиональных юристов и правоприменителей в общедоступное восприятие правовых категорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емельянов, Б. М. Теория государства и права : учеб. курс / Б. М. Емельянов, С. А. Правкин. – М. : МИЭМП, 2004. – 64 с.

2. Мардахаев, Л. В. Социальная педагогика : учебник / Л. В. Мардахаев. – М. : Гардарики, 2006. – 269 с.

3. Зайцева, С. П. Особенности правового воспитания молодежи в современной России [Электронный ресурс] / С. П. Зайцева. – Режим доступа: http://www.tsutmb.ru/nauk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/mezhdunarodnyie/aktualnyie_problemyi_soczialno_kulturnoj_deyatelnosti/granty_i. – Дата доступа: 02.11.2021.

4. Социальная сеть [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. электрон. энцикл. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_сеть. – Дата доступа: 05.11.2021.

5. Колесниченко, М. Б. Социальные аспекты интернет-зависимости молодежи [Электронный ресурс] / М. Б. Колесниченко, В. В. Колупаева // Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyie-aspekty-internet-zavisimosti-molodezhi/viewer>. – Дата доступа: 06.11.2021.

К содержанию

Ю. Г. ТУЦКАЯ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Одной из задач государства является обеспечение благоприятных условий для развития экономики как путем непосредственного регулирующего воздействия, так и за счет создания стимулов самоорганизации и саморегулирования производителей товаров (работ, услуг). Сущность второго метода заключается в том, что субъекты предпринимательской или профессиональной деятельности, производящие товары, выполняющие работы и оказывающие услуги в той или иной области, объединяются в специально создаваемые некоммерческие организации. При этом такая саморегулируемая организация не только вырабатывает обязательные для всех ее членов стандарты и правила деятельности, но и получает возможность контролировать их выполнение, при необходимости прибегая к применению определенных мер ответственности.

Создание саморегулируемых организаций, призванных организовывать и упорядочивать деятельность субъектов рыночных отношений, издревле практиковалось в различных странах. Ремесленные и торговые корпорации, объединяющие лиц, занятых каким-то одним видом деятельности, получили широкое распространение в городах Малой Азии, Северной Африки, Древней Греции. Но в отношениях с третьими лицами такие объединения в качестве самостоятельного субъекта права пока не выступали.

Начиная с VI в. до н. э. в Древнем Риме также образуются профессиональные союзы ремесленников, хлебопеков, корабельщиков. Со временем объединения такого рода (*pistores, navicularii*) обретают достаточно развитую правовую форму и благодаря теоретическим изысканиям римских юристов наделяются рядом специфических черт, которые мы сегодня относим к признакам юридического лица. Так, например, в эпоху императорского Рима происходит обособление имущества созданных организаций от имущества их участников, появляются уставы, регулирующие деятельность корпораций.

Отметим, что такие профессиональные объединения чаще всего носили публичный характер, и даже те коллегии ремесленников, которые прямо не учреждались правительством, а образовывались самими физическими лицами, были отмечены элементами принуждения. Членство в союзах подобного рода было пожизненным, основные вопросы деятельности регламентировались уставами, которые должны были соответствовать

требованиям законодательства, что, по мнению ряда исследователей, характеризует эти объединения как «посреднические институты, связывавшие римских ремесленников, работников и торговцев с государством» [1, с. 96].

Следовательно, в указанный исторический период подобные объединения создавались не столько ради защиты прав и интересов его участников, сколько с целью создания удобного и эффективного механизма государственного контроля над деятельностью ремесленников и торговцев, а также централизованного сбора налогов.

В какой-то степени изначально аналогичные цели преследовало и создание цеховых объединений в эпоху Средневековья. Эти организации ремесленников решали многие вопросы, которые обычно регламентируются государством. Цехи, борясь за покупателя и предотвращая развитие конкуренции, определяли стандарты качества продукции и условия ее реализации, устанавливали минимальные цены, вводили ограничения на импорт и принимали иные меры протекционистского характера. Кроме того, лица, стоявшие во главе ремесленных цехов и купеческих гильдий, были уполномочены рассматривать споры, возникающие между членами корпораций.

Таким образом, можно сделать вывод, что средневековые объединения ремесленников и торговцев во многом приобрели черты, свойственные саморегулируемым организациям настоящего времени, хотя по сути ими еще пока не являлись. Первой же саморегулируемой организацией в современном понимании этого слова считается Нью-Йоркская фондовая биржа, основанная в 1792 г., которая с самого начала своей деятельности не только самостоятельно определяла систему правил торговли ценными бумагами, но и следила за тем, чтобы они должным образом исполнялись.

Что касается терминов «саморегулирование» и «саморегулируемая организация», то они появились в США и Великобритании только в начале XX в. При этом дефиниция «саморегулируемые организации» традиционно используется только для характеристики юридических лиц, действующих в сфере финансовых услуг. Остальные организации, целью которых является саморегулирование в какой-либо другой области, именуются саморегулируемыми ассоциациями и подчинены иному законодательству [2, с. 42].

В настоящее время саморегулируемые организации в странах с развитой рыночной экономикой охватывают многие сферы предпринимательской деятельности, занимаясь разработкой правил и стандартов деятельности для своих членов, осуществляя функции, сходные с лицензированием профессиональной деятельности, проводя проверки, основанные на жалобах потребителей, и др.

Подводя итоги, отметим, что саморегулируемые организации прошли длительный путь развития и отлично зарекомендовали себя в качестве

инструмента управления рынком, который функционирует за счет передачи государством некоторых своих функций иным субъектам в сфере предпринимательской и профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пухан, И. Римское право : базовый учеб. / И. Пухан, М. Поленак-Акимовская ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2000. – 448 с.

2. Грачев, Д. О. Саморегулируемые организации: зарубежный опыт и тенденции развития российского законодательства / Д. О. Грачев // Журн. зарубеж. законодательства и сравнит. правоведения. – 2006. – Вып. 3, № 6. – С. 42–46.

К содержанию

Н. А. ФРОЛОВА

Российская Федерация, Брянск, Брянский филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В условиях глобализационных коммуникаций со всей очевидностью ставится вопрос определения современным обществом пути прогрессивного безопасного развития. Это предполагает, в свою очередь, опережение возникающих рисков и угроз, а также наличие способности общественных и государственных институтов отвечать на внешние вызовы, адаптироваться к новым условиям.

Владеть анализом диалектики соотношения безопасности и развития в меняющихся реалиях означает предметно понимать, что наиболее сложной является социальная форма развития. Владеть ей – владеть пониманием социальных процессов, происходящих в обществе, своевременно определять ресурсы и подходы к решению возникающих проблемных вопросов, включая решения организационные, правовые, управленческие, информационные, финансовые и др.

На результативность развития современного общества как системы институтов и отношений оказывает непосредственное влияние практическая реализация законов социального управления, включая аспекты управленческой культуры и подлинных демократических процедур. Так, в управленческом концепте особого внимания заслуживают:

– закон интеграции управления, предусматривающий объединение различных действий на разных уровнях в единый управленческий процесс,

в том числе для поддержания жизнедеятельности и развития общества как сложной социальной системы;

- закон экономии времени, характеризующий эффективность управления;
- закон приоритетности социальных целей, направленный на развитие личности, повышение общественного благосостояния;
- закон возрастающей интеллектуальности в управлении, определяющий своевременный характер управленческого воздействия в различных сферах общественных отношений.

Отмеченное корреспондирует позиции известного ученого-экономиста В. Леонтьева (1905–1999), который не без оснований считал, что страна может обладать всеми ресурсами для развития, но отсутствие современной системы управления, основанной на интеллектуальной стратегии, автоматически отбрасывает ее в разряд отсталых [1, с. 8]. Сегодня определяющим становится именно управленческий ресурс как интегрально-интеллектуальный. При этом особую значимость приобретают укрепление самой государственности, социального потенциала страны, развитие ее территории с новым качеством жизненной среды, повышение результативности управления социальным развитием.

Осмысление реальной ситуации в области общественных отношений актуализирует необходимость формирования в современном государстве системы социальной безопасности, которая должна быть действенным и устойчивым явлением правовой действительности.

Отмеченное затрагивает достижение общественно значимой цели – создания устойчивого уровня социальной безопасности, гарантирующего должный правопорядок, результативность борьбы с преступностью, повышение качества жизни граждан, их общей и правовой культуры, прочность стабилизационных механизмов в обществе.

Обращенность к тематике, связанной с вопросами правовой политики государства в сфере социальной безопасности, определяется и практической целесообразностью, так как позволяет выявить потенциал гражданских институтов и применить его для реализации ценностей, обогащающих социальную практику, укрепляющих социальную стабильность и формирующих оптимальные пути дальнейшего развития самого государства.

Обозначенное в более широком смысле способствует обоснованному диалектическому пониманию достижения единства развития и безопасности как направления предметного, организационного и функционального характера. Значимые для современного общества вопросы теории и практики государственно-правовой сферы убедительно отражают осмысление актуальности безопасного развития всех жизнеобеспечивающих систем, необходимых для личности и общества в целом. Осознанию востребован-

ности социальной безопасности как качественно новой реальности в существующей действительности, как института, взаимосвязанного с развитием государственно-правовой системы, должен отвечать комплексный подход к формированию основ правовой политики государства, создающих правовые условия развития личности и всего социума.

Обращенность к безопасности и развитию как важнейшим категориям подчеркивает ту диалектическую содержательность вопроса, направленность которого требует соизмерять реальную взаимосвязь между внедрением новых технологий и инноваций с позиции развития и обеспечением безопасности практической деятельности государственных и общественных институтов в контексте опережающего и своевременного влияния на вызовы и источники различных угроз современному государству и социуму.

Достижение реальности системы социальной безопасности, имеющей качественные приоритеты, требует от общества и современного государства особого внимания. В своей сложной содержательной сущности социальная безопасность практически пронизывает все сферы жизнедеятельности общества. Надежный уровень как социальной, так и национальной безопасности зависит от характера отношений в сферах собственности и труда, от качества жизни, возможности удовлетворять потребности в образовании, культуре, семье, творчестве, от уровня социальной защиты граждан и решения государством и обществом социальных проблем, от общественного порядка, общегражданской и правовой культуры.

Предметную ценность имеют те элементы, которые сохраняют высокую степень значимости для перспективного развития государственности и укрепления ее цивилизационных основ, в частности:

- реальная практическая активность людей при осуществлении позитивных изменений в общественной жизни;
- опора на нравственные ценности, проверенные многолетним опытом народа, его более широкое участие в регулировании экономических, политических, культурных процессов;
- социальная обусловленность права, развитие социального мышления, активизация социально полезной деятельности экономических субъектов хозяйствования и институтов гражданского общества;
- содержательность приобретения правовых знаний, опыта правового общения, усвоения основ гражданственности, политических и правовых ценностей, формирование личностных образцов политической и правовой социализации;
- взаимодействие индивида и социума в укреплении безопасности как базового состояния, необходимого как для развития личности, так и

существования общества в целом, через диалектику общего и единичного и осознание ценности безопасности каждым гражданином государства;

– нахождение баланса между государственным обеспечением безопасности и самостоятельной деятельностью каждого человека в отдельности по обеспечению своей личной безопасности.

Развитие государства в условиях XXI в. представляет собой переход от прежнего состояния к новому. При этом переходе «единство и равновесие, достигнутые на базе старого центра, должны уступить место единству и равновесию, опирающимся на новое объединяющее начало», но равновесие должно оставаться ключевой категорией диалектики развития [2, с. 182–183].

Развитие и право на развитие человека, общества и государства в общетеоретическом контексте, подчеркивая свой фундаментальный характер и одновременно принцип безопасного существования и практической жизнедеятельности, обусловлены не только формированием их правового обеспечения, защитных механизмов, в целом правовой политикой государства, но и системной организацией национальной безопасности, действенным функционированием ее форм и видов в современных условиях.

Только диалектическая взаимосвязь теории и практики, продуманность и последовательность проводимых модернизаций смогут дать качество и стабильность для цивилизационного будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов, В. Н. Новая цивилизация XXI века: технологии становления / В. Н. Иванов. – М. : Знание : Муницип. мир, 2005. – 295 с.

2. Мальцев, Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой : монография / Г. В. Мальцев. – М. : Междунар. юрид. ин-т при Минюсте России, 2005. – 200 с.

К содержанию

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Р. С. АБДУЛИН

Российская Федерация, Курган, Курганский государственный университет

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ КАК ОСНОВА ОБЩЕГО РЕЖИМА ЗАКОННОСТИ

В повседневной жизни мы довольно часто обращаемся к термину «законность», охватывающему практически все социальные явления, все стороны жизни общества и государства. В любом федеральном законе об организации и деятельности органа публичной власти обязательно заглавным среди общеправовых принципов в деятельности данного органа выступает принцип законности. Иначе и не может быть, поскольку принцип законности является конституционным принципом и закреплен в ст. 15 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы [1]. Например, в деятельности полиции согласно Федеральному закону «О полиции» первыми выступают принципы соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина и законности (ст. 5, 6), а затем уже беспристрастность, открытость и публичность.

Отсюда следует, что принцип законности в деятельности любого государственного института определяется как средство или метод, позволяющий реализовать свои полномочия в рамках законности с установлением основных требований через законы и иные нормативные правовые акты, обеспечивая их реализацию и выполнение прежде всего в деятельности самого государства, его органов, а затем уже в поведении граждан и иных субъектов правоотношений. В качестве примера обратимся к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». Безусловно, для системы органов прокуратуры Российской Федерации принцип законности имеет особое значение, поскольку функциональное предназначение прокуратуры заключается в осуществлении прокурорами своих полномочий в строгом соответствии с действующими на территории Российской Федерации законами. При этом прокуроры в своей надзорной деятельности не имеют права выходить за пределы своих полномочий, но вместе с тем обязаны не оставлять ни один случай нарушения закона без соответствующего реагирования, не отказываться от принятия мер по устранению

нарушений и привлечению виновных к ответственности при наличии для этого предусмотренных законом оснований [2].

Даже из приведенных двух примеров видно, что качество деятельности конституционного государства заключается в создании режима законности и принятии юридически значимых решений по поддержанию стабильного уровня жизни, правопорядка, определенности правового регулирования, справедливости и обеспечения защищенности граждан в реализации своих конституционных прав. В этом случае и общество будет настроено на объективно-субъективное проявление доверия к праву и действиям государства, что в свою очередь влияет на эффективность реализации права и формирование мотивации правового поведения. Таким образом, подъем государства и общества к состоянию законности возможен только при обоюдном стремлении государственной власти в лице ее институтов и граждан к соблюдению законов и иных правовых предписаний.

Говоря о носителях, формирующих доверие граждан к закону и действиям государства, следует отметить, что одним из таких важнейших регуляторов является эффективное функционирование аппарата на всех уровнях государственной власти и муниципального управления. В свое время И. А. Ильин писал: «Государство по своей идее есть живая система всеобщего доверия, и тот, кто облечен властью, имеет священную и в то же время правовую обязанность поддерживать к ней доверие» [3]. Соблюдение представителями властных органов режима законности является ключевым правовым регулятором в мотивации поведения граждан и других участников правоотношений в обеспечении стабильности в государстве.

На современном этапе в результате изменений социальной структуры общества, формирования новых функциональных групп, в государственную и муниципальную службу проникла значительная маргинальная группа людей, отвергающая определенные ценности и традиции государственной службы. Она стала устанавливать и утверждать свою собственную систему дестабилизации обстановки в стране. В результате довольно распространенными стали коррупционные преступления, что, безусловно, привело к падению доверия к принимаемым законам, должностным лицам, да и в целом к государству. Можно привести значительное количество примеров, связанных с коррупционными правонарушениями и преступлениями в органах государственной власти и местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, правоохранительных и судебно-прокурорских органах. Такое положение ставит перед государством серьезную задачу создания такой системы государственного и муниципального управления, которая повысит качество доверительных отношений между государством и индивидом. Вот поэтому установление режима законности и следует рассматривать как обязательный универсальный общеправовой принцип деятельности государства.

Серьезным регулятором доверия граждан к закону и действиям государства является строгое соблюдение положений Конституции Российской Федерации. В свое время видный конституционалист Н. В. Витрук писал, что «ценность Конституции Российской Федерации в ее социально-политической сущности, легитимности. Она представляет собой результат достигнутого согласия всех политических сил, сочетания различных интересов. В силу этого Конституция является основой стабильности общества, его политической системы, общественного и государственного развития». Однако наряду с этим Н. В. Витрук замечает, что «конституционные идеалы и ценности – это еще не сама реальность: реальная ценность конституции определяется тем, насколько полно реализуются конституционные ценности, достигаются конституционные цели и идеалы, осуществляются правовые и социальные функции конституции» [4].

Режим законности в стране должен начинаться именно с конституционной законности, которая должна закладываться в любые нормативные правовые акты и соблюдаться неукоснительно, поскольку такие действия государства и его институтов также являются одним из методов формирования в обществе стабильности и доверия. В противном случае конституционные нормы могут превратиться в обычную декларацию.

Конституционная законность, как пишет Т. Я. Хабриева, это не просто часть общего режима законности, а его основа, ядро. Это обусловлено главными параметрами общественного и государственного строя, статуса человека и гражданина, которые определяет основной закон – Конституция [5]. Однако к глубокому сожалению приходится констатировать, что в реальной жизни пока еще не все конституционные принципы и нормы неукоснительно исполняются органами государственной власти, должностными лицами, что приводит к постепенному разочарованию общества деятельностью органов государственного управления и снижению к ним доверия.

Нарушение конституционных норм, представляющих собой ядро режима законности, в особенности на фоне общего экономического и психологического кризиса, связанного не только с пандемией, но и с продолжающейся постепенной утратой властными структурами своего влияния в обществе, может вести к нарастанию социальной напряженности в обществе. Поэтому в настоящее время действия всех органов государственной власти, должностных лиц должны быть четко определены и ограничены именно конституционными установлениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 : в ред. от 01.07.2021 г. № 265-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/.

3. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин // Теория государства и права. – М., 2003. – С. 368–369.

4. Витрук, Н. В. Верность Конституции / Н. В. Витрук. – М. : Изд-во РАП, 2009. – 272 с.

5. Хабриева, Т. Я. Конституция и законность / Т. Я. Хабриева // Законность в Российской Федерации. – М., 2008.

К содержанию

Н. К. АМИРОВ

Республика Казахстан, Алматы, Университет Нархоз

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В ст. 1 Конституции Республики Казахстан (далее – Конституция РК) закреплены такие основополагающие принципы деятельности республики, как общественное согласие и политическая стабильность [1]. Это одни из фундаментальных ценностей государственности. Государство существует, пока в нем есть согласие. Каждый народ желает добра и процветания в своем государстве. Процветание возможно только тогда, когда в государстве есть общественное согласие и политическая стабильность. Добиться этого очень сложно. Многие страны сталкиваются с различными испытаниями, которые начинают расшатывать спокойствие в стране. Для недопущения подобной ситуации должна быть гражданская ответственность граждан за судьбу своей страны. Между государством и политическими силами должен быть постоянный диалог. Крупные политические силы в стране должны получить возможность широкого участия в общественно-политической жизни страны, в решении важнейших вопросов. Президент Республики Казахстан в своем Послании народу Казахстана 1 сентября 2021 г. отмечает, что «в единстве и согласии мы смогли построить новое государство – это наше главное достижение. ...Мы должны беречь единство и согласие в обществе как зеницу ока. Необходимо, чтобы все граждане осознавали значимость гармоничных межэтнических и межконфессиональных отношений» [2]. Осознание всеми гражданами своей роли и ответственности в государственном и общественном развитии позволяет разрешать многие проблемы. Единство граждан позволяет обеспечивать согласие в обществе и стабильность в государстве.

Отсутствие общественного согласия и политической стабильности явилось одной из причин отделения Косово от Сербии, внутривосточной

ских конфликтов в Венесуэле, Боливии, Никарагуа, Перу и Кыргызстане. На постсоветском пространстве есть ряд горячих точек, непрекращающихся вооруженных конфликтов, различные иные противостояния между разными силами в обществе. Часто это происходит по причине недостаточности правового регулирования политических процессов в стране, безответственности некоторых политиков и партий, недостатка политической и правовой культуры, незрелости и слабого функционирования демократических институтов. Все это может привести к внешнему вмешательству. Молодым демократическим государствам необходимо прилагать все усилия для развития демократии, принципа разделения власти, учета всех более или менее значимых общественных интересов, обеспечения внутренней политической стабильности и общественного согласия.

Авторы научно-правового комментария к Конституции РК пишут, что принцип общественного согласия стоит на первом месте. «Выдвижение такого принципа обусловлено тем, что общество в силу различных объективных и субъективных факторов делится на различные слои, группы: классы, нации, сословия, конфессии и т. п. Такое деление означает наличие у различных социальных групп разных, несовпадающих мировоззрений, взглядов, идей, убеждений. Эти различия не должны служить причиной разногласий, противостояния, борьбы между ними» [3, с. 15–16]. Все социальные группы, общественно-политические силы, их лидеры и простые граждане должны осознавать свою ответственность за будущее страны. Особенно важна историческая ответственность политических деятелей, должностных лиц, находящихся у власти.

Любое государство должно быть устроено таким образом, чтобы проблемы решались путем диалога между властью и населением. Отсутствие какого-либо содержательного конструктивного диалога приводит к потере доверия населения к власти. Доверие общества к власти должно постоянно поддерживаться на достаточно высоком уровне. Доверие начинается со свободных, честных и реально альтернативных выборов, на которых выборные должностные лица и политические партии получают высокий мандат доверия от народа. Это своеобразный контракт, нечто подобное трудовому договору, когда народ в результате выборов нанимает на работу на определенный срок выборных должностных лиц. Доверие надо заслужить. Выборные должностные лица должны оправдать оказанное им доверие. Оправдание доверия требует честности, порядочности и профессионализма. Е. А. Литвинцева отмечает, что «доверие граждан – это одно из фундаментальных основ демократии» [4, с. 11]. Действительно, если население доверяет власти, то в обществе будет согласие. Если власть утрачивает доверие народа, то она утрачивает легитимность, право управлять страной. Демократия не может строиться на лжи, коррупции и несправедливости собственного народа.

Общественное согласие – основа политической стабильности в стране. Политическая стабильность для молодых независимых государств является важнейшим фактором сохранения независимости. В истории было много случаев, когда политическая нестабильность приводила к исчезновению целого государства, потере независимости или территорий. Во второй половине XVIII в. в результате междоусобицы и внешней агрессии прекращает свое существование ослабевшее Джунгарское ханство. Гражданская и межклановая война привела к фактическому распаду Сомали. Политическая нестабильность и гражданская война привели к разделению Судана. Тяжелый политический кризис и война в Сирии привели к потере контроля над рядом территорий. В результате политической конфронтации и войны Бангладеш отделился от Пакистана. Можно найти еще много примеров того, как ошибки властей и политиков приводили к серьезным проблемам в стране. На постсоветском пространстве также имеется немало проблемных зон и горячих точек. «Политическая стабильность так же, как и общественное согласие, достигается в результате непрерывной созидательной работы государства, общества, их институтов. Политическая стабильность устанавливается тогда, когда в обществе достигается единство политических, правовых идеалов и социокультурных ценностей» [3, с. 17]. Участие всех граждан в государственном строительстве, в защите своей родины возможно тогда, когда они объединены высокими идеями свободы, равенства и демократии.

Общественное согласие и политическая стабильность являются основой независимого государства. Государственность создается народом в результате достижения согласия в обществе в целях обеспечения политического, экономического, социального и культурного развития. В столь сложный период времени, переживаемый постсоветскими странами, очень важно не совершить ошибок, которые могут привести к ограничению или потере независимости, нарушению территориальной целостности. С учетом того, что население любой страны состоит из многих социальных групп, необходимо не допускать противоречия между ними, учитывать интересы всех групп. Множество проблем таят в себе вопросы государственного языка, межконфессиональных и межнациональных отношений, взаимоотношения с соседними народами и странами. В подобных отношениях необходимо добиваться конструктивного сотрудничества, расширять круг общих интересов, оберегать согласие в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Казахстан : принята на респ. референдуме 30 авг. 1995 г. : с изм. и доп. по состоянию на 23.03.2019 г. // Ведомости Парламента Респ. Казахстан. – 1996. – № 4. – Ст. 217.

2. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны» 1 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048>. – Дата доступа: 18.11.2021.

3. Конституция Республики Казахстан. Научно-правовой комментарий / под ред. Г. С. Сапаргалиева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Алматы : Жеті жарғы, 2004. – 584 с.

4. Литвинцева, Е. А. Доверие как основа общественного согласия / Е. А. Литвинцева // Диалог. – 2017. – № 2 (7). – С. 8–18.

К содержанию

Н. В. АНЮХОВСКАЯ, Д. С. ЯСТРЕБ

Беларусь, Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

ЗАЩИТА ПРАВ АДВОКАТОВ, УЧАСТВУЮЩИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В КАЧЕСТВЕ ЗАЩИТНИКА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

На сегодняшний день роль адвокатуры заключается в защите прав, свобод и интересов физических и юридических лиц, обеспечении доступа к правосудию. Государство, которое позиционирует себя как правовое, должно быть заинтересовано в том, чтобы адвокатура являлась высокопрофессиональным и независимым институтом. Эффективность правовой помощи, оказываемой адвокатом, определяется возможностью беспрепятственного осуществления им профессиональной деятельности.

В связи с особым статусом адвоката, а также в целях обеспечения доступности юридической помощи для населения государство обеспечивает гарантии независимости адвокатуры. Данные гарантии закреплены в ст. 16 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон об адвокатуре). Закон об адвокатуре устанавливает, что вмешательство в профессиональную деятельность адвоката, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещено [1, ст. 16]. Кроме того, Конституция Республики Беларусь также устанавливает запрет на противодействие оказанию правовой помощи [2, ст. 62].

На международном уровне также решен вопрос о недопустимости воспрепятствования деятельности адвокатов. Так, из п. 16 Основных положений о роли адвокатов (приняты Восьмым Конгрессом ООН) следует, что адвокату должна быть обеспечена возможность исполнять профессио-

нальные обязанности без запугивания, препятствий, беспокойства и неуместного вмешательства [3].

Адвокат, выполняя публичную функцию, участвует в отправлении правосудия, самостоятельно охраняет, защищает и представляет интересы, права и свободы. В связи с этим представляется необходимым воспитание должного уважения в обществе к профессии адвоката, что может быть достигнуто только при закреплении на законодательном уровне действенных механизмов защиты адвоката при осуществлении им законной профессиональной деятельности. В Уголовном кодексе Республики Беларусь установлены такие механизмы в отношении судей, сотрудников правоохранительных органов, например: предусмотрена уголовная ответственность за вмешательство в разрешение судебных дел или производство предварительного расследования (ст. 390), насилие в отношении судьи или народного заседателя (ст. 388), сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющим общественный порядок (ст. 362), насилие либо угрозу насилия в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности или иного лица, выполняющего общественный долг (ст. 366). Вышеуказанные положения о запрете на вмешательство в адвокатскую деятельность либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом не подкреплены юридической ответственностью за нарушение данного запрета.

Таким образом, в целях предотвращения и устранения нарушений профессиональных прав адвокатов считаем необходимым внести дополнения в гл. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в частности статьи следующего содержания:

«Нарушение права на защиту

1. Недопущение или непредоставление своевременно защитника, а также иное грубое нарушение права подозреваемого, обвиняемого на защиту, совершенное следователем, лицом, осуществляющим дознание, прокурором или судьей, – наказывается штрафом, или арестом, или арестом с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового.

2. Те же деяния, повлекшие осуждение невиновного в совершении уголовного преступления лица, или совершенные группой лиц по предварительному сговору, или повлекшие иные тяжкие последствия, – наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

«Вмешательство в деятельность защитника либо представителя лица

1. Вмешательство в какой бы то ни было форме в осуществление правомерной деятельности защитника по оказанию правовой помощи или

нарушение установленных законом гарантий его деятельности и профессиональной тайны – наказывается штрафом, или арестом, или ограничением свободы до трех лет.

2. Те же деяния, совершенные должностным лицом с использованием своего служебного положения, – наказываются ограничением свободы на срок от трех до пяти лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Кроме того, считаем также уместным в указанную главу ввести дополнения, касающиеся таких составов преступления, как угроза или насилие в отношении защитника либо представителя лица, а также посягательство на жизнь защитника в связи с деятельностью, связанной с оказанием правовой помощи.

Адвокат, осуществляющий защиту по уголовному делу, должен стать таким же «неудобным» для противодействия его профессиональной деятельности, как и судья, прокурор, следователь и т. д. Это поможет решить проблемы, которые напрямую связаны с процессуальным положением защитника и его правами. Обозначенные нормы закона, которые находятся в тесной связи с оказанием юридической помощи в уголовном процессе, вызывают сложность в их реализации на практике и соответственно требуют определенного законодательного разрешения с целью защиты прав и законных интересов лиц, попадающих в орбиту уголовно-процессуальной деятельности. Вышеуказанные изменения приведут к наиболее эффективной реализации права на защиту, предусмотренного Конституцией Республики Беларусь и международными актами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-З : принят Палатой Представителей 18 дек. 2011 г. : одобрен Советом Респ. 20 дек. 2011 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2021 г. № 118-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2021. – 64 с.

3. Основные положения о роли адвокатов [Электронный ресурс] : приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru>. – Дата доступа: 13.11.2021.

К содержанию

В. В. БЕЛЯК

Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

В настоящее время в правовой системе Республики Беларусь происходят глубинные изменения, что вызывает необходимость своевременного совершенствования судебных и внесудебных способов защиты прав человека, а также законодательства в данной области.

Одним из наиболее распространенных способов защиты прав и свобод человека является их судебная защита. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки (ст. 60) [1, с. 14]. Благодаря конституционной норме о праве на судебную защиту, граждане могут реализовать другие конституционные права и в случае необходимости получить защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов. В этом проявляется правовая ценность конституционной нормы права на судебную защиту.

Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту является абсолютным правом, т. е., во-первых, основным, личным и неотчуждаемым конституционным правом, а во-вторых, не подлежащим ограничению ни при каких обстоятельствах.

Как таковое, право на судебную защиту действует не только в период жизни человека, оно также обязывает государство установить правовые гарантии обеспечения судебной защиты достоинства и чести человека и после его смерти. К таким гарантиям можно отнести предусмотренное законодательством право близких родственников требовать реабилитации умершего в рамках уголовного процесса с соблюдением конституционного принципа осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон обвинения и защиты.

Обязательным элементом конституционного права на судебную защиту является право каждого на законный суд, т. е. право на рассмотрение его дела компетентным, независимым и беспристрастным судом.

Право гражданина на судебную защиту включает в себя такие основные составляющие, как:

- 1) право на обращение в суд;
- 2) право на справедливое судебное разбирательство;
- 3) право на обжалование судебного постановления;
- 4) право на реальное восстановление нарушенного интереса стороны – исполнение судебного решения.

В Республике Беларусь реализация гражданами права на обращение в суд гарантирована достаточно простым построением судебной системы и наличием в каждом районном центре основного звена судебной системы – районного (городского) суда, которому подсудны практически все категории споров, по которым граждане могут обращаться в суд, кроме споров по делам интеллектуальной собственности. Специализированная судебная коллегия по рассмотрению таких споров образована только в Верховном Суде.

Расширение сферы судебной юрисдикции, рост доверия граждан к судебной форме защиты нарушенного права обуславливают постоянное увеличение количества обращений граждан в суды за разрешением возникших споров.

Достаточно активно гражданами используется и право на обжалование действий государственных органов, иных организаций и их должностных лиц, ущемляющих права граждан.

Право на обращение в суд за защитой по отдельным категориям споров подразумевает обязательный досудебный порядок разрешения спора. Такой порядок в некоторой степени удлиняет продолжительность процедуры восстановления нарушенного права, однако не нарушает конституционного права на судебную защиту.

Вместе с тем право на обращение в суд и право на судебную защиту по гражданско-правовым спорам в определенной степени ограничены невозможностью использования отдельными гражданами квалифицированной юридической помощи. Это связано не столько с ее недоступностью, сколько с недооценкой гражданином ее значимости и нежеланием нести расходы по оплате такой помощи.

По уголовным делам проблемы с квалифицированной защитой не возникает, поскольку орган, ведущий уголовный процесс, обязан обеспечить участие защитника вне зависимости от его материального положения, а в ряде случаев и помимо его желания. В гражданском процессе участие представителя стороны связано только с волеизъявлением этой стороны и ее действиями по привлечению и оплате услуг такого представителя. Однако в состязательном процессе не может быть полноценной судебной защиты стороны, не обладающей должным уровнем юридической подготовки, в споре со стороной, пользующейся услугами квалифицированного представителя.

Также можно отметить, что конституционное право каждого на судебную защиту может считаться реализованным в полном объеме только при условии надлежащего исполнения судебных решений и восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций, поскольку реальное восстановление нарушенного права гражданина происходит не на стадии обращения в суд, не в процессе судебного разбирательства, а лишь при окончательном исполнении судебного решения.

По мнению В. С. Шевцова, конституционное право на судебную защиту предполагает возможность восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина, правомерность требований которых установлена в надлежащей судебной процедуре и формализована в судебном решении. Оно предполагает также и наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы реализовать данное конституционное право в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия [2, с. 233].

В условиях современного государства существуют различные способы защиты прав и свобод. Однако судебная форма защиты прав и свобод является одной из наиболее эффективных.

В нашем государстве оценка суда как карательного органа постепенно трансформируется и правосудие все чаще воспринимается в качестве средства разрешения различных конфликтных ситуаций.

От соблюдения принципов и гарантий правосудия зависит реализация гражданами своего права на судебную защиту. Как и любое конституционное право, оно характеризуется всеобщностью, стабильностью, неотчуждаемостью. Всеобщность права на судебную защиту заключается в том, что оно принадлежит каждому гражданину. Оно также является тем правом, которое не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах. Под защитой суда находятся не только основные, но и все остальные права и свободы. Из этого следует, что судебная защита является высшей конституционной формой защиты прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 63 с.

2. Шевцов, В. С. Право и судебная власть в Российской Федерации / В. С. Шевцов. – М., 2003. – 256 с.

К содержанию

Н. В. БОНДАРУК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРОБЛЕМА СМЕРТНОЙ КАЗНИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время проблема применения смертной казни все также продолжает быть актуальной. Она обсуждается не только в Республике Беларусь, но и во многих странах, в которых концепция гуманизма получила

широкое распространение. Это один их наиболее дискутируемых вопросов во всем мире. Он затрагивает правовые, нравственные, религиозные и другие аспекты.

Смертная казнь как вид наказания применялась еще в древние времена. Но на сегодняшний день большая часть стран мира отказалась от такой меры наказания, поскольку она нарушает неотъемлемое право на жизнь, которое закреплено во Всеобщей декларации прав человека, а также является жестоким, бесчеловечным наказанием. В некоторых государствах смертная казнь все же предусмотрена законодательством, однако не применяется на практике либо применяется в порядке исключения, например за терроризм или военные преступления. Тем не менее по состоянию на 2021 г. в 53 независимых государствах продолжается вынесение смертных приговоров с применением различных способов лишения жизни, таких как расстрел, обезглавливание, поражение электрическим током, введение смертельной инъекции и др.

По данным международной организации Amnesty International за 2020 г., чаще всего казни применяются в Китае, Иране, Египте, Ираке и Саудовской Аравии. Например, в Китае приведение наказания происходит с помощью введения смертельной инъекции. Точное количество смертных приговоров не сообщается, поскольку эти данные являются государственной тайной, но, как правило, в год их количество составляет несколько тысяч.

Необходимость применения смертной казни в цивилизованном обществе является очень спорной темой, обсуждаемой учеными и юристами. Существует несколько точек зрения по отношению к такой проблеме. Многие ученые и юристы выступают за отмену смертной казни, считая, что ее применение аморально и нецелесообразно. Например, кандидат юридических наук А. С. Никифоров утверждает, что смертная казнь не сокращает преступность, а, наоборот, способствует ее росту. Э. Ф. Побегайло отмечает, что применение смертной казни как способ борьбы с преступностью является наивным, но может использоваться в качестве превентивной меры воздействия на лиц, способных совершить преступление, и оказывать социально-психологическое воздействие на все население. Сторонником применения смертной казни является Я. Колоколов. Он рассматривает ее не только как правовое ограничение, но и как физическое уничтожение лица, которое обеспечивает общественную безопасность от подобных деяний со стороны этого человека.

Таким образом, сделав анализ мнений, можно прийти к убедительным выводам как в пользу применения смертной казни, так и в пользу ее отмены. Сторонники такой меры наказания считают, что она является сдерживающим фактором и необходимым последствием за совершение тяжкого преступления. Она является одним из способов контроля над общественностью и обеспечивает отсутствие повторности преступления.

Однако нет никаких убедительных доказательств, что смертная казнь в большей степени снижает уровень преступности в государстве, чем другие виды наказания. В исследовании, которое проводилось по заказу ООН в 1988 г. и было дополнено в 2002 г., изучалась связь между казнью и количеством убийств. Был сделан вывод, в соответствии с которым смертная казнь не влияет на снижение числа убийств в большей мере, чем применение менее сурового наказания – пожизненного заключения.

Также не стоит исключать возможность судебной ошибки в правоприменительной практике. Одна такая ошибка может сломать всю жизнь человека. При нехватке доказательств по делу суд может оправдать обвинительный приговор. Но в случае судебной ошибки приговоренному к смертной казни не вернут жизнь.

Республика Беларусь является единственной страной в СНГ и Европе, где до сих пор допустимо применение смертной казни на законодательном уровне. Согласно ст. 24 Конституции Республики Беларусь, смертная казнь носит исключительный и временный характер. Она может применяться только в отношении лиц, совершивших особо тяжкое преступление и только по приговору суда [1, с. 7]. К данному виду наказания приговариваются лица, которые спровоцировали геноцид, развязали и приняли участие в агрессивной войне, осуществили террористический акт, применили оружие массового поражения и т. д. Помиловать преступника, приговоренного к смертной казни, может только Президент Республики Беларусь.

Смертная казнь была введена в 1991 г., когда Республика Беларусь была признана независимой страной. За период с 1991-го по 2020 г. в Беларуси привели в исполнение более 400 смертных приговоров. Изначально выносилось до 47 приговоров в год. Но со временем их количество значительно сократилось. В течение последнего десятилетия ежегодно к расстрелу приговаривается от 2 до 9 человек. Расстрел является основным видом смертной казни в Беларуси. По закону нашей страны такое наказание не может применяться по отношению к женщинам, несовершеннолетним лицам и мужчинам старше 65 лет. При этом родственникам не выдают тело для погребения, не сообщают о месте его захоронения и о времени смерти.

Важным показателем уровня социального и культурного развития общества является отношение к смертной казни как к мере уголовного наказания. Чем грубее способы наказания его членов и пренебрежительнее отношение к человеку и его жизни, тем ниже уровень развития общества [2, с. 472].

Вопрос отмены смертной казни или ее сохранения в нашей стране считается открытым и весьма спорным. Для того чтобы отменить смертную казнь, необходимо подготовить общество [2, с. 475]. Об этом свиде-

тельствует референдум, проведенный 24 ноября 1996 г., на котором рассматривался этот вопрос. По результатам референдума, около 80 % проголосовавших граждан высказались за сохранение смертной казни. Это свидетельствует о неготовности населения на тот момент времени отказаться от такого вида уголовного наказания. В его применении общество видит проявление социальной справедливости и меру социальной защиты, а не меру эффективного наказания. Однако последние опросы общественного мнения свидетельствуют о значительном сокращении количества сторонников смертной казни.

В заключение можно сказать, что смертный приговор является все тем же убийством, только узаконенным государством, а применение смертной казни не является эффективной и необходимой мерой наказания в нашей стране. Изолировать преступника от общества и не допустить совершения им новых преступлений можно и без вынесения смертного приговора. Пожизненное заключение является прекрасной альтернативой смертной казни. Необходимо отметить, что мы живем в обществе, где на первом месте стоит человек как личность, его права и свободы. Вынесение же смертных приговоров нарушает главное право человека – право на жизнь, гарантированное Конституцией Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.

К содержанию

Н. А. ГОРОБЕЦ

Украина, Суми, Сумской филиал Харьковского национального университета внутренних дел

АНАЛИЗ РЕФОРМЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СУМСКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНЫ

После провозглашения независимости Украина пошла преимущественно по пути стран Восточной Европы. Система с доминантным центром и финансово и организационно зависимыми регионами не способствовала решению ни одной из имеющихся в Украине проблем и породила новые, более глобальные, в частности угрозу территориальной целостности и суверенитету.

Активная интеграция Украины в европейское сообщество определила необходимость базового обновления публичной власти, приведение ее к международным стандартам. В основу новой государственной политики заложены положения Европейской хартии местного самоуправления и лучшие мировые стандарты общественных отношений в этой сфере.

Для выявления успехов и неудач реформы децентрализации в Сумской области проведено исследование отношения жителей региона к процессам, происходящим в рамках реформы. Форма исследования – опрос с помощью закрытой анкеты. Жителям территориальных общин направлялась электронная версия анкеты по почте и социальным сетям, а также часть респондентов прошли очный опрос. Всего было опрошено 1023 человека. Теоретическая погрешность выборки не превышает 3 %. В качестве инструментария использовалась специально разработанная анкета.

На основе обработки и анализа полученной информации можно сделать следующие обобщения и выводы. У жителей Сумского региона отсутствует четкое понимание личной ответственности за развитие общества. Так, 69 % опрошенных указали, что не желают быть председателем своей территориальной общины, 15,7 % не знают, какие первые шаги они сделали бы на должности председателя. Только 42 % жителей ощутили улучшение качества услуг в своих населенных пунктах. Затруднение ответить на вопрос о том, что такое децентрализация публичной власти, возникло у 58 % опрошиваемых. 76,5 % опрошенных знают о создании в их населенном пункте территориальных общин, из них 62 % знают их название. Участие в жизни своего территориального общества через выборы принимают 59,4 % опрошиваемых, в инициативных группах по улучшению жизни общины – 22,3 % опрошиваемых, вообще не интересуются жизнью своей территориальной общины 36,8 % опрошиваемых.

До реформы практически 90 % бюджетов сельских и поселковых советов Сумской области были дотационными. Территориальные общины, получив ряд новых полномочий, начали закладывать первую основу в образовании, медицине, социальной защите, инфраструктуре и других направлениях. В то же время они ощутили потребность во многих специалистах: юристах, архитекторах, экономистах, финансистах, проектных менеджерах, специалистах по земельным вопросам. Реформа дала огромные преимущества, но воспользоваться ими можно только тогда, когда есть квалифицированные кадры.

Причинами нехватки качественных кадров недавно были низкая заработная плата, неразвитая социальная инфраструктура, отсутствие коммунального жилищного фонда и т. д. Все это послужило причиной оттока молодых квалифицированных кадров в город или за границу. В территориальных общинах почти отсутствуют специалисты, знающие иностранный

язык, основы менеджмента и финансов. Это приводит к низкой грантовой деятельности, отсутствию профессиональных планов выхода из кризиса, возможности разработки привлекательных инвестиционных программ для инвесторов и т. д.

Каждая община решает кадровую проблему своим методом. Некоторые создают более конкурентные условия труда, некоторые привлекают и обучают молодые кадры. Еще одним из вариантов является обучение работников территориальной общины.

Как и в других регионах, на Сумщине в процессе создания общин очень пассивно себя вели города, в первую очередь из-за нежелания мэров идти на новые выборы. К тому же города областного значения и так находятся в прямых отношениях с государственным бюджетом, поэтому, воспользовавшись преимуществами финансовой децентрализации, мэры не имеют рациональной мотивации рисковать должностью и объединяться с селами. Расконсервировал этот процесс принятый Верховной Радой закон, который автоматически приравнял города областного значения к состоятельным территориальным общинам и позволил соседним селам (поселкам) присоединяться к ним без проведения первых выборов.

Сумская область находится в процессе кардинальных перемен. Важным условием, которое усложняет этот процесс, является то, что реформирование происходит по всем направлениям деятельности власти в государстве и жизнедеятельности его граждан. Это порождает много проблем, связанных с согласованностью разных участков реформ, их взаимодействием и направленностью на достижение одной цели. Основной задачей для Сумского региона является формирование и поддержка состоятельных общин, развитие новой системы административно-территориальных единиц субрегионального уровня, что приведет к появлению округов, приближенным по размеру к аналогичным субрегиональным единицам в Европе и с четкими границами для надлежащего управления.

Для достижения более прогрессивного результата реформы децентрализации в Сумской области следует обеспечить локальную, территориальную идентификацию, равные возможности развития, самореализации и самоутверждения членов общины; обеспечить высокий уровень доверия к местным институтам (органам государственной власти и самоуправлению), возможность общественного контроля за их деятельностью; создать ощущение безопасности жителям общин.

К содержанию

М. В. ГУРИНА

Беларусь, Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ КОНСТИТУЦИИ

Конституция как нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой и закрепляющий основные права и свободы граждан, основы государственного устройства, нуждается в особой правовой охране. Механизм правовой охраны конституции многообразен и включает в себя различные средства и способы, реализуется значительным количеством государственных органов. Безусловно, ведущая роль в механизме правовой охраны Конституции Республики Беларусь принадлежит Конституционному Суду Республики Беларусь, который посредством конституционного контроля обеспечивает верховенство конституционного акта. При этом следует подчеркнуть, что Конституционный Суд, осуществляя предварительный и последующий конституционный контроль, не вправе возбудить производство по вопросу проверки конституционности нормативного правового акта по своей инициативе. Согласно ст. 116 Конституции Республики Беларусь, предложение о проверке конституционности нормативного правового акта могут вносить Президент Республики Беларусь, Палата представителей, Совет Республики, Верховный Суд Республики Беларусь, Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь (далее – ВХС, в настоящее время упразднен), Совет Министров Республики Беларусь [1]. Граждане, индивидуальные предприниматели, организации Республики Беларусь, полагающие, что их права, свободы и законные интересы нарушаются применением нормативного правового акта, в конституционности которого они сомневаются, вправе обратиться в Конституционный Суд только через указанные выше уполномоченные органы.

В условиях отсутствия закрепления в законодательстве Республики Беларусь института индивидуальной конституционной жалобы особая роль в обеспечении реализации конституционных положений, по нашему мнению, может быть отведена судам общей юрисдикции всех уровней. Во-первых, деятельность судебных органов напрямую направлена на обеспечение и восстановление нарушенных прав и интересов граждан и организаций, в том числе и закрепленных в Конституции Республики Беларусь, а во-вторых, это органы, чья юрисдикция распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве. В наибольшей степени целям улучшения косвенного доступа граждан и организаций к конституционному правосудию и реальному соблюдению конституционных прав и свобод

может способствовать реализация судами принципа прямого действия Конституции и развитие института преюдициального запроса.

Одним из важнейших принципов, обеспечивающих охрану и защиту конституционных положений, является принцип прямого действия Конституции. Значительная роль в реализации данного принципа отведена судебным органам. И несмотря на то, что в отличие от конституций других государств (например, Российской Федерации (ст. 15), Литовской Республики (ст. 6), Республики Польша (ст. 8)), данный принцип прямо не закреплён в Конституции Республики Беларусь он следует из содержания ч. 1 ст. 12 Конституции Республики Беларусь, согласно которой суды осуществляют правосудие на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов. Данный принцип означает, что нормы Конституции могут применяться судами (общими, экономическими) напрямую, тем самым подтверждая, что Конституция – это не декларативный документ, а реально работающий нормативный акт.

В большинстве случаев непосредственное применение судами общей юрисдикции норм Конституции имеет место при реализации механизма, закреплённого в ч. 2 ст. 112 Конституции Республики Беларусь, согласно которой, если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции Республики Беларусь, он принимает решение в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным [1]. Более подробный механизм реализации указанной статьи Конституции закреплён в Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, ст. 7 которого предусматривает, что, если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного правового акта Конституции Республики Беларусь, он принимает решение в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и после вступления в законную силу судебного постановления ставит соответственно перед Верховным Судом Республики Беларусь вопрос о внесении им предложения в Конституционный Суд Республики Беларусь о признании данного нормативного правового акта неконституционным [2]. Анализ указанных норм свидетельствует, что суды общей юрисдикции сами не вправе напрямую обратиться в Конституционный Суд Республики Беларусь, минуя Верховный Суд Республики Беларусь. Если обратиться к статистике, то с 1995 г. по настоящее время в Конституционный Суд от высших судебных инстанций поступило только 15 предложений о проверке конституционности нормативных актов: 5 – от Верховного Суда и 10 – от ВХС. При этом Верховный Суд обращался в Конституционный Суд последний раз в 1997 г., ВХС – в 2000 г. [3]. Кроме этого, установленный законодательством механизм предусматривает, что судебный запрос

в Верховный Суд направляется только после принятия судом окончательного решения и вступления судебного постановления в законную силу. Таким образом, суд общей юрисдикции должен самостоятельно решить вопрос о том, соответствует или не соответствует Конституции норма, подлежащая применению, и во втором случае вынести решение в соответствии с конституционным актом. В этом случае, как отмечается некоторыми исследователями, суд общей юрисдикции, по сути, должен взять на себя выполнение функции конституционного контроля, что не совсем правильно [4]. Более правильным в таких случаях было бы применение процедуры преюдициального судебного запроса, широко используемой во многих странах. В рамках данной процедуры суд общей юрисдикции в ходе рассмотрения дела при возникновении сомнений в конституционности применяемого нормативного правового акта приостанавливает разбирательство и обращается в Конституционный Суд с запросом о его проверке. И только после вынесения решения органа конституционного контроля принимается решение по существу спора [4]. В настоящее время возможность приостановления производства по делу в случае выявления несоответствия нормативного правового акта Конституции предусмотрена только в рамках хозяйственного процесса.

Вопрос о неконституционности применяемого при рассмотрении спора нормативного акта может быть поставлен как по инициативе суда, который при подготовке дела к слушанию может обоснованно усомниться в конституционности нормативного правового акта, на основании которого должно разрешаться данное дело, так и на основании инициативных ходатайств сторон по делу, что следует из решения Конституционного Суда от 17 апреля 2006 г. № П-187/2006, который указал на то, что «при рассмотрении судами общей юрисдикции конкретного дела участники процесса вправе ставить на разрешение суда вопрос о внесении в Конституционный Суд предложения о проверке акта, подлежащего применению при разрешении спора, на предмет его конституционности» [5]. В связи с этим целесообразным представляется уточнение положения ст. 116 Конституции Республики Беларусь в части определения перечня государственных органов, уполномоченных на внесение предложений в Конституционный Суд путем дополнения этого перечня судами общей юрисдикции с правом преюдициального запроса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 дек. 2020 г. //

ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Сосновский, А. А. О совершенствовании деятельности Конституционного Суда [Электронный ресурс] / А. А. Сосновский, А. П. Дербин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Масловская, Т. С. Белорусская модель казуального конституционного контроля: состояние и перспективы развития [Электронный ресурс] / Т. С. Масловская // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. О правовом регулировании порядка приглашения иногородних граждан для работы и жительства в г. Минске [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 17 апр. 2006 г., № П-187/2006 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

Н. А. ЖУРОВИЧ

Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

Важным элементом права на судебную защиту является конституционное право каждого на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде. Эта норма закреплена в ст. 62 Конституции Республики Беларусь [1].

А. К. Гагиев справедливо отмечает, что указанное право является субсидиарным по отношению к праву на судебную защиту, поскольку для многих категорий граждан при отсутствии такой помощи со стороны государства право на судебную защиту станет иллюзорным [2].

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК Республики Беларусь) говорит о том, что граждане вправе вести свои дела в суде лично либо через представителей. Этот выбор они могут сделать не будучи малолетними или недееспособными. В таких случаях закон четко определяет необходимость представления их интересов другими лицами.

В тех случаях, когда лицо решает вопрос об участии в деле представителя, ст. 72 ГПК Республики Беларусь устанавливает исчерпывающий перечень лиц, имеющих право быть представителями. К ним относят:

- 1) адвокатов;
- 2) работников юридических лиц – по делам этих лиц;
- 3) уполномоченных общественных объединений (организаций), которым законом предоставлено право представлять и защищать в суде права

и законные интересы членов этих общественных объединений (организаций) и других лиц;

4) уполномоченных организаций, которым законодательством предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы других лиц;

5) законных представителей;

6) близких родственников, супруга (супругу);

7) представителей, назначенных судом;

8) одних из процессуальных соучастников – по поручению этих соучастников;

9) патентных поверенных [3].

Перечень лиц содержится в ч. 2 названной статьи. Ч. 1 говорит о том, что представителем в суде может быть дееспособное лицо, имеющее надлежащим образом оформленное полномочие на ведение дел в суде, за исключением лиц, перечисленных в ст. 73 ГПК Республики Беларусь. Однако следует отметить, что не любое дееспособное лицо даже при наличии специально оформленных документов в качестве представителя может им быть, потому что, как указывалось выше, перечень является исчерпывающим. В связи с этим считаем части статьи несогласованными и требующими новой редакции. Например, «представителем в суде может быть дееспособное лицо, имеющее надлежащим образом оформленное полномочие на ведение дел в суде, за исключением лиц, перечисленных в ст. 73 настоящего Кодекса. А именно: 1); 2); 3) и т. д.». Данная редакция позволит четко определить, что представителем может быть не любое лицо, а только то, которое указано в ч. 2 ст. 72 ГПК Республики Беларусь, но к ним предъявляются требования о достижении дееспособности и оформления полномочий на ведение дела.

Помимо исчерпывающего перечня лиц, имеющих право быть представителями в гражданском судопроизводстве, ГПК Республики Беларусь содержит перечень лиц, которые не могут ими быть:

1) лица, не достигшие совершеннолетия, кроме несовершеннолетних родителей – по делам своих детей;

2) лица, признанные в установленном законом порядке недееспособными или ограниченно дееспособными;

3) судьи, следователи и прокуроры, кроме тех случаев, когда они участвуют в деле в качестве законных представителей недееспособных лиц, либо представителей суда, прокуратуры, либо другого органа расследования [3].

Реализацию права на юридическую помощь в уголовном судопроизводстве осуществляет защитник. Согласно ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, им может быть адвокат, а по ходатайству обвиняемого – близкие родственники или его законные представители [4].

По мнению Т. В. Вороновича, приглашая в качестве защитника одного из близких родственников либо законных представителей, обвиняемый часто рассчитывает не столько на юридическую помощь, сколько на психологическую поддержку, что, безусловно, имеет для него важное значение. В то же время качество оказываемой при этом помощи также не должно страдать, она должна быть достаточно квалифицированной, иначе обвиняемый рискует остаться без реально юридической помощи [5, с. 101].

Согласно закону «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», одной из задач адвокатуры является оказание квалифицированной юридической помощи лицам при осуществлении ими прав, свобод и законных интересов. Обеспечить такую помощь могут граждане Республики Беларусь, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по специальности не менее трех лет, которые прошли стажировку, сдали квалификационный экзамен и получили лицензию на занятие адвокатской деятельностью.

Адвокатская деятельность имеет ряд гарантий:

– в своей деятельности адвокат независим и руководствуется только законом;

– установлен запрет на вмешательство в деятельность адвоката, если эта деятельность осуществляется в рамках закона, а также при взаимодействии с клиентом устанавливается обязанность сохранения адвокатской тайны;

– при общении адвоката с клиентом должна соблюдаться конфиденциальность, недопустимо ограничение их количества и продолжительности.

Адвокат осуществляет свою деятельность на возмездной основе с заключением договора на оказание юридической помощи. Законом также предусмотрены случаи, когда юридическая помощь может осуществляться за счет коллегий, республиканского и местного бюджетов [6].

При рассмотрении уголовных дел обвиняемому вне зависимости от его материального положения будет предоставлен защитник и обеспечена профессиональная помощь. В гражданских и административных процессах участие адвоката связано с материальной возможностью оплатить его работу. В связи с этим стороны могут проигрывать дела по причине неумения подтвердить свое требование или возразить против него. В таких случаях люди имеют возможность обращаться в юридические клиники при высших учебных заведениях, где студенты юридического факультета оказывают помощь в поиске нормативных правовых актов, регулирующих спорное правоотношение, сборе доказательств, а также в составлении процессуальных документов.

Таким образом, реализация права на юридическую помощь дает возможность человеку, не обладающему специальными знаниями в области права, обеспечить защиту своих прав при рассмотрении и разрешении дел в суде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь. – Минск : Беларусь, 2006. – 157 с.
2. Гагиев, А. К. Право на судебную защиту как конституционная гарантия [Электронный ресурс] / А. К. Гагиев // Рос. юстиция. – 2013. – № 12 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 1999 г., № 238-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 18-19. – 2/13.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г., № 295-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 77-78. – 2/71.
5. Воронович, Т. В. Конституционно-правовое содержание принципов уголовного процесса / Т. В. Воронович // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2015. – № 1. – С. 95–105.
6. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь : закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012. – № 2. – 2/1884.

К содержанию

А. С. ИГНАТЕНКО

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ЗАЩИТЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРОХОЖДЕНИИ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь, что указано в ст. 57 Конституции Республики Беларусь 1994 г. (далее – Конституция). Конституционная норма в ч. 2 ст. 57 устанавливает, что порядок прохождения воинской службы, основания и условия освобождения от воинской службы либо замена ее альтернативной определяются законом. В развитие данной нормы Конституции изданы соответствующие законодательные акты, иные нормативные правовые акты, которые детально определяют порядок прохождения воинской службы, в том числе обязанности, права и их ограничения, гарантии и компенсации.

Из требований таких законодательных актов, как Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих», Закон Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-ХП (в редакции от 10 декабря 2020 г. № 65-З) «О воинской обязанности и воинской службе» (далее – Закон о воинской службе), следует, что исполнение воинской службы как особого вида государственной службы реализуется путем прохождения гражданами Республики Беларусь военной службы или службы

в резерве, военных или специальных сборов в период состояния в запасе Вооруженных Сил Республики Беларусь или других войск и воинских формирований Республики Беларусь.

В преамбуле Закона о воинской службе определено, что исполнение гражданами Республики Беларусь воинской обязанности (конституционного долга по защите Республики Беларусь) осуществляется путем прохождения воинской службы. Законодатель фактически отождествляет важнейшие понятия «конституционный долг по защите Республики Беларусь» и «воинская обязанность», причем с оговоркой, что исполнение осуществляется путем прохождения воинской службы.

Цель установления воинской обязанности (конституционного долга) заключается в создании и постоянном функционировании системы мероприятий, направленных на защиту Республики Беларусь, прохождение гражданами воинской службы, подготовку их к вооруженной защите Республики Беларусь.

Непосредственное исполнение гражданами воинской обязанности (конституционного долга по защите Республики Беларусь) представляет собой военную службу, которая является, как гласит Закон о воинской службе, основным видом воинской службы в составе Вооруженных Сил и других воинских формирований. Таким образом, преобладающее большинство граждан, исполняющих конституционную обязанность защиты Отечества, обладают статусом военнослужащего. Военнослужащим является гражданин, проходящий военную службу в Вооруженных Силах или других воинских формированиях (абз. 10 ст. 1 Закона о воинской службе).

Состав, структура статуса военнослужащих, предельно четко определенных Законом о статусе военнослужащих, опирается на конституционное установление об обязанности и священном долге дееспособных, здоровых граждан Республики Беларусь мужского пола, достигших совершеннолетия, обеспечить вооруженную защиту белорусского государства.

В свою очередь, детальный порядок прохождения военной службы определен Положением, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 25 апреля 2005 г. № 186 (в редакции от 02.05.2019 № 167).

Особенности военной службы заключаются в возложении на военнослужащих обязанностей по подготовке к вооруженной защите и по вооруженной защите Республики Беларусь, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с повышенным риском для жизни и здоровья. Ограничение военнослужащих в правах и свободах компенсируется предоставлением им государством дополнительных социальных льгот, прав и гарантий.

По мнению ученого-правоведа В. В. Козлова, ограничения, связанные с прохождением военной службы, – это установленные нормами военного

права обстоятельства, при наличии или возникновении которых военнослужащие не могут проходить военную службу и подлежат увольнению, а граждане не могут поступить на военную службу [1]. К примеру, отправление религиозных обрядов может осуществляться военнослужащими в свободное от исполнения обязанностей военной службы время. Право на определение отношения к религии предполагает замену воинской службы на альтернативную в соответствии с нормами Закона «Об альтернативной службе».

Там же В. В. Козлов отмечает, что запреты, связанные с прохождением военной службы, являются правовыми нормами, определяющими действия, несовместимые с исполнением обязанностей военной службы, установленные действующим законодательством в целях эффективного и качественного исполнения военнослужащими функций в сфере обороны и безопасности государства. Отдельные политические права и свободы (к примеру, ст. 36 Конституции запрещает военнослужащим быть членами политических партий и общественных объединений, преследующих политические цели) ограничиваются законом. Участие военнослужащих в забастовках, а равно иное неисполнение обязанностей военной службы в целях урегулирования вопросов, связанных с прохождением военной службы, запрещаются.

Следует отметить, что правовой статус военнослужащих характеризуется наличием в том числе определенных запретов и ограничений, установленных не только законодательством о воинской обязанности и военной службе, но и, например, законами «О борьбе с коррупцией», «О государственной службе в Республике Беларусь». Это обусловлено тем, что исполнение конституционной обязанности посредством прохождения военной службы является одним из видов государственной службы, и законодатель счел возможным распространить на военнослужащих те же антикоррупционные требования к служебному поведению, запреты и ограничения, которые ранее были введены в отношении государственных служащих.

Правовые ограничения военнослужащих детерминированы задачами, принципами организации и функционирования военной службы, направленными на обеспечение должного исполнения военнослужащими конституционного долга, военной обязанности по защите государства, нарушение или несоблюдение которых влечет правовые последствия. В систему правовых ограничений следует включить: запреты; ограничения, опосредованные юридическими фактами; обязанности; юридическую ответственность. Следовательно, ограничения прав при прохождении воинской службы являются частью правового статуса военнослужащих, в то время как правовые ограничения военнослужащих связаны с их должным поведением во время службы.

Таким образом, конституционная обязанность защиты Республики Беларусь выражается через воинскую обязанность (конституционный долг по защите Республики Беларусь) посредством прохождения воинской службы. Понятие «ограничения, связанные с прохождением военной службы» следует отличать от понятия «правовые ограничения военнослужащих», так как правовые ограничения – это более широкое понятие, означающее установленную действующим законодательством систему правоограничивающих норм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлов, В. В. Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации (о некоторых проблемах правовых ограничений военнослужащих, установленных статьей 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих») / В. В. Козлов // Право в Вооруженных Силах. – 2001. – № 5.

К содержанию

И. Ю. КИРВЕЛЬ

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ И ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ

Право на судебную защиту, закрепленное в ст. 60 Конституции Республики Беларусь [1], призвано гарантировать всем заинтересованным лицам защиту их прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом. Создание условий для беспрепятственной реализации данного права характеризует государство как правовое. Ст. 10 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей [2] конкретизирует данную конституционную норму, обозначив, что гражданам Республики Беларусь гарантируется право на судебную защиту от посягательств на жизнь и здоровье, честь и достоинство, личную свободу и имущество, иные права и свободы, предусмотренные актами законодательства. Как граждане, так и организации вправе реализовать право на судебную защиту от незаконных действий (бездействия) государственных органов, иных организаций, их должностных лиц.

Данные и иные нормы отраслевого законодательства, обеспечивающие осуществление конституционного права на судебную защиту, нашли свою практическую реализацию в деятельности судебной системы Республики Беларусь. Несмотря на высокую нагрузку на судей, суды успешно

решают задачи, поставленные перед ними обществом и государством. Так, В. Калинин, первый заместитель председателя Верховного Суда Республики Беларусь, отметил, что характеризовать эффективность судебной системы может число обжалуемых судебных постановлений, которое сегодня является незначительным. Так, по уголовным делам обжалуется каждый четвертый приговор, а по гражданским делам обжалуются только несколько процентов от общего числа вынесенных судебных решений, процент обжалуемых судебных решений по экономическим делам составляет примерно 10 % [3]. Таким образом, на современном этапе в нашем государстве и сформированы нормативные предпосылки для обеспечения конституционного права на судебную защиту, и созданы условия для его практической реализации.

Однако сегодня перед обществом и государством встают новые вызовы, требующие принятия превентивных мер для поддержания современной, уже сложившейся системы функционирования государственных органов и общественных институтов. Такими современными глобальными вызовами являются пандемии, чрезвычайные положения и другие исключительные ситуации, которые могут повлиять на нормальное функционирование современного общества и государства. Столкнулась с подобной ситуацией и судебная система Республики Беларусь, поскольку пандемия COVID-19 затронула и кадровый состав судов, и участников правосудия. Помимо необходимости соблюдения рекомендаций Министерства здравоохранения, направленных на предотвращение распространения инфекции COVID-19 (масочный режим, рассадка, ограничение количества слушателей в открытых судебных заседаниях и т. д.), увеличилось количество отложений судебных разбирательств, приостановлений производств по делам различных категорий из-за болезни участников процессов [3].

В целом пандемия COVID-19 не повлияла существенным образом на реализацию заинтересованными лицами права на судебную защиту, хотя ограничение количества лиц, присутствующих в открытом судебном заседании, в определенной степени послужило препятствием к полной реализации принципа гласности судебного разбирательства, а отложение судебных разбирательств и приостановление производств по рассматриваемым судами делам не способствовали соблюдению принципа процессуальной экономии. К сожалению, следует констатировать, что современные глобальные вызовы могут не ограничиться только пандемией COVID-19, и судебной системе следует быть готовой решать стоящие перед ней задачи и в других сложных условиях.

Следует отметить, что нормативные правовые акты, регламентирующие организацию судов общей юрисдикции и их процессуальную деятельность по рассмотрению и разрешению дел в рамках различных судопроиз-

водств, не затрагивают вопросы, возникающие в связи с чрезвычайными ситуациями природного, социального, техногенного характера и в связи с проведением противоэпидемических мероприятий, и не определяют особенности правового регулирования обращения в суд и судебной защиты прав граждан и организаций в связи с указанными ситуациями.

В Республике Беларусь к основным нормативным правовым актам, регулирующим вопросы, связанные с введением чрезвычайного положения, с защитой населения и территории государства от распространения инфекций, эпидемий, относятся законы Республики Беларусь «О чрезвычайном положении» от 24 июня 2002 г. № 117-З [4], «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 7 января 2012 г. № 340-З [5], «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 5 мая 1998 г. № 141-З [6]. Данные нормативные правовые акты регламентируют лишь общие вопросы обеспечения жизнедеятельности общества и государства в обозначенных в них ситуациях.

Ч. 3 ст. 30 Закона Республики Беларусь «О чрезвычайном положении» определяет, что судопроизводство в судах осуществляется в соответствии с законодательством, действующим на момент введения чрезвычайного положения. Исходя из данной нормы, не ясно, сохраняется ли действие законодательства, применяемого до принятия Указа Президента Республики Беларусь, которым введено чрезвычайное положение, или же указ Президента установит новые ограничительные правила. С учетом особой важности сохранения гарантий судебной защиты прав граждан и организаций в период чрезвычайного, военного положения, введения ограничений, направленных на предотвращение распространения инфекционных заболеваний, предлагаем дополнить Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей разд. VI «Организация деятельности судебной системы в период чрезвычайных, военных положений, введения ограничений, направленных на предотвращение распространения инфекционных заболеваний». В данном разделе необходимо четко обозначить возможные ограничения в деятельности судов и организации судопроизводства по всем категориям дел в вышеуказанных ситуациях. Это позволит оперативно организовать работу судебной системы в чрезвычайных и иных исключительных ситуациях и подготовит не только суд, но и участников процесса к возможным изменениям, а также позволит сохранить организационно-правовые гарантии отправления правосудия.

Таким образом, реализация права на судебную защиту должна быть обеспечена должным образом не только в период стабильного функционирования государства, но и в период введения чрезвычайных положений, ограничений, связанных с распространением инфекционных заболеваний и возникновения иных исключительных ситуаций. Закрепление в законодательстве положений, регулирующих организацию судебной системы и

порядок судопроизводства еще до наступления вышеуказанных ситуаций, позволит обеспечить нормальное функционирование всей судебной системы и создаст гарантии защиты прав и свобод каждого, кто в ней нуждается.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 6-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 64 с.

2. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Интервью первого заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Валерия Калинковича информагентству «БелТА» в преддверии заседания Пленума [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь : интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice/press_office/160f16160f9f41f1.html. – Дата доступа: 24.11.2021.

4. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 июня 2002 г., № 117-З : с изм. и доп. от 14.07.2021 г. № 117-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 340-З : с изм. и доп. от 15.07.2019 г. № 217-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 141-З : с изм. и доп. от 17.07.2020 г. № 50-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

И. В. КОЛОДИНСКАЯ

Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТПУСКОВ РАБОТНИКАМ, ДОПУЩЕННЫМ К ВСТУПИТЕЛЬНЫМ ИСПЫТАНИЯМ ПРИ ПРИЕМЕ В УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Право гражданина на получение образования является его конституционным правом и гарантируется государством. Отношения между работником и нанимателем, связанные с совмещением работы с получением

образования, регулируются нормами трудового права, закрепленными в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК), благодаря которым обеспечивается реализация права работника на образование [1, с. 33].

В гл. 15 ТК, посвященной вопросам совмещения работы с получением образования, имеются нормы, содержащие гарантии не только для работников, реально совмещающих работу с получением образования в соответствующих учреждениях образования, но и для тех, кто только намеревается совмещать работу с учебой [2, с. 87].

Для таких работников в соответствии со ст. 212 ТК предусмотрены отпуска для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования для получения среднего специального и высшего образования, а также для сдачи вступительных испытаний при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы послевузовского образования, для получения послевузовского образования согласно ст. 219 ТК:

– работникам, допущенным к вступительным испытаниям при приеме в учреждения образования для получения среднего специального образования, предоставляются отпуска без сохранения заработной платы продолжительностью не менее 7 календарных дней;

– работникам, допущенным к вступительным испытаниям при приеме в учреждения образования для получения высшего образования, – не менее 12 календарных дней, не считая времени на проезд к месту нахождения учреждения образования и обратно;

– работникам, допущенным к вступительным испытаниям при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы послевузовского образования, для получения послевузовского образования, могут предоставляться отпуска без сохранения заработной платы продолжительностью до 12 календарных дней [3, с. 73].

Вышеуказанные отпуска являются гарантией для работников, совмещающих работу с получением образования, и предназначены для обеспечения реализации ими конституционного права на образование.

Необходимо отметить, что продолжительность отпусков для работников, допущенных к вступительным испытаниям, в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 272-З «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь», была сокращена. В научной литературе такой подход законодателя объясняют переходом учреждений образования на новые формы вступительных испытаний, и в частности на централизованное тестирование, что объективно уменьшает количество дней на сдачу вступительных экзаменов [4, с. 69].

Обратим внимание на особенности предоставления социальных отпусков работникам, допущенным к вступительным испытаниям.

1. Срок таких отпусков является материальным, а не процессуальным, поэтому при его исчислении не применяются правила, установленные в ст. 10 ТК [5].

2. Рассматриваемые отпуска предоставляются работникам без сохранения заработной платы, однако в коллективном или трудовом договоре может быть предусмотрено сохранение заработной платы за время нахождения в таком отпуске, а также его более продолжительные сроки [6, с. 87].

3. Они имеют строго целевую направленность и предоставляются работникам только на время вступительных испытаний: экзаменов, тестирования (при неиспользовании перенос таких отпусков на следующий рабочий год не предусмотрен) [7, с. 20].

4. Основанием для предоставления отпусков для сдачи вступительных испытаний является письменное заявление работника с приложением документа учреждения образования, обеспечивающего получение соответствующего образования, который подтверждает «допуск» данного работника к прохождению вступительных испытаний (как правило, такой документ выдается (высылается) учреждением образования непосредственно абитуриенту) [8, с. 56].

5. Законодатель не связывает право работника на отпуск для сдачи вступительных испытаний с наличием направления нанимателя либо договоров на обучение работников [9, с. 83].

6. Предоставление отпусков для сдачи вступительных испытаний работникам, допущенным к таким испытаниям при приеме в учреждения образования для получения среднего специального и высшего образования, является обязанностью нанимателя.

7. Предоставление отпусков для сдачи вступительных испытаний работникам, допущенным к вступительным испытаниям при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы послевузовского образования, для получения послевузовского образования, является правом нанимателя.

Важно отметить, что в ст. 212 и 219 ТК не определено, на какой период предоставляются отпуска для сдачи вступительных испытаний. Такие отпуска могут предоставляться на период сдачи вступительных испытаний, на период подготовки к вступительным испытаниям или на период подготовки и сдачи вступительных испытаний. От периода предоставления отпусков для сдачи вступительных испытаний может зависеть их продолжительность. Отсутствие в ст. 212 и 219 ТК определения таких периодов позволяет нанимателю устанавливать их самостоятельно. На наш взгляд, данное обстоятельство не способствует созданию благоприятных условий для подготовки и сдачи работниками вступительных испытаний.

На основании вышеизложенного предлагаем в ст. 212 и 219 ТК слова «предоставляется отпуск без сохранения заработной платы продолжитель-

ностью» заменить словами «предоставляются отпуска без сохранения заработной платы на период подготовки и сдачи вступительных испытаний продолжительностью».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шишко, А. И. Совмещение работы с обучением / А. И. Шишко // Кадровая служба. – 2011. – № 11 (123). – С. 33–36.
2. Подгруша, В. Совмещение работы с обучением: утверждены новые подходы / В. Подгруша // Налоговый вестн. – 2007. – № 19 (188). – С. 52–62.
3. Солдатова-Толстова, Т. А. Совмещение работы с получением образования / Т. А. Солдатова-Толстова // Отдел кадров. – 2014. – № 8. – С. 69–75.
4. Кунцевич, Е. В. Совмещение работы с обучением / Е. В. Кунцевич // Кіраванне ў адукацыі. – 2008. – № 11 (85). – С. 68–72.
5. Кривой, В. И. Совмещение работы с обучением. Комментарий к ст. 205, 213, 214, 215, 216, 219 Трудового кодекса Республики Беларусь / В. И. Кривой // Кадровая служба. – 2009. – № 10 (98). – С. 13–24.
6. Важенкова, Т. Н. Трудовые и социальные отпуска: правовое регулирование и практика применения / Т. Н. Важенкова. – Минск : Дикста, 2008. – 132 с.
7. Рыбалко, А. Н. Гарантии работникам, совмещающим работу с обучением / А. Н. Рыбалко, Н. В. Свирид // Заработная плата. – 2009. – № 8 (44). – С. 19–24.
8. Кривой, В. И. Совмещение работы с обучением. Учебные отпуска. Комментарий к статьям 206, 208, 211, 212, 214, 216, 219 обновленного Трудового кодекса Республики Беларусь / В. И. Кривой // Кадровая служба. – 2008. – № 6 (82). – С. 53–59.
9. Коробкина, Т. В. Совмещение работы с обучением: комментарий к изменениям / Т. В. Коробкина, Л. И. Матусевич // Отдел кадров. – 2008. – № 2 (85). – С. 76–85.

К содержанию

Н. В. КОПЫТКОВА, Л. А. СУББОТИНА

Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

ПРАВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Каждое новое поколение людей всегда отличается от предыдущего. Глобальная информированность, технический прогресс, равноправие полов меняют мировоззрение и систему ценностей как в семейных отношениях, так и в бизнесе. Современные дети рано взрослеют, приобретаемые ими знания позволяют им иметь собственное мнение, делают их самостоятельными и независимыми. Следствием этого является рост подросткового и детского предпринимательства во всем мире. Например, Алина Морс (США) в 13 лет стала основателем компании Zollipops. Вместе с отцом они стали делать леденцы без сахара, заменяя его натуральными подсластителями. Сейчас их розничный объем продаж достиг 6 млн долларов. Тимур

Кузьмин (Россия) в 13 лет придумал IT-решение для американских мини-кофеен в офисах и торговых центрах и продал его при поддержке старшей сестры, заработав свои первые 316 тыс. долларов [1].

В нашей стране дети пока не достигли таких успехов в бизнесе, однако сфера возможной деятельности подростков весьма разнообразна. Молодежь активно разрабатывает и оформляет веб-сайты, создает рекламные ролики, организует детские праздники, занимается модельной деятельностью. Все больше подростков желают заниматься производством одежды, мебели, экологически чистых продуктов и т. п. Такая деятельность должна активно поддерживаться государством, в том числе и на законодательном уровне. Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь, «государство создает необходимые условия для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии». Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи, утвержденная постановлением Министерства образования Республики Беларусь № 82 от 15 июля 2015 г., обращает внимание на усиление экономического воспитания подрастающего поколения и популяризации среди них предпринимательства.

В Республике Беларусь несовершеннолетние граждане вправе осуществлять доступные им виды хозяйственной и профессиональной деятельности наравне с другими гражданами. Условием для самостоятельного занятия предпринимательской деятельностью несовершеннолетним до 18 лет является приобретение дееспособности в полном объеме либо путем эмансипации в соответствии со ст. 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), либо вступлением в брак с 15 до 18 лет согласно ч. 2 ст. 18 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье.

Возможность ведения хозяйственной деятельности несовершеннолетними от 14 до 18 лет может осуществляться как в качестве индивидуального предпринимателя, так и не зарегистрированного в качестве такового с письменного согласия своих законных представителей на совершение сделок, что в полной мере согласуется со ст. 25 ГК. Буквальное толкование данной статьи приводит к выводу, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет совершают все сделки с письменного согласия своих законных представителей, кроме тех, которые указаны в п. 2 ст. 25, а значит, все сделки по распоряжению своим заработком и собственными доходами они могут совершать самостоятельно. Полагаем, что применительно к предпринимательской деятельности понятие «доход» следует толковать в расширительном смысле – это не только деньги, но и имущество, приобретенное за счет дохода и заработка. В этой связи хотелось бы возразить В. В. Копину и другим авторам, которые полагают, что «несовершеннолетний с 14 до 18 лет, занимаясь предпринимательской деятельностью,

должен каждый раз получать от своих законных представителей соответствующее письменное разрешение на совершение сделки» [2]. Дело в том, что сделка является самым распространенным способом распоряжения своими доходами, следовательно, несовершеннолетний, решивший что-то купить, продать или иным способом распорядиться своим доходом, может это сделать без согласия родителей. И лишь те сделки, которые выходят за рамки п. 2 ст. 25 ГК, он должен совершать с письменного согласия или последующего одобрения своих законных представителей.

Согласно п. 1 ст. 22 ГК гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Согласно ст. 19 Налогового кодекса Республики Беларусь, индивидуальными предпринимателями признаются физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. В свою очередь, ст. 26 ГК установлено, что несовершеннолетний, достигший 16 лет, может быть объявлен полностью дееспособным (эмансипация), если он с согласия законных представителей уже занимается предпринимательской деятельностью. Но каким образом несовершеннолетний может заниматься предпринимательской деятельностью на законных основаниях до признания его эмансипированным? Зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя несовершеннолетний не может в силу отсутствия решения об эмансипации, а стать эмансипированным он не может, так как не имеет статуса предпринимателя. Здесь мы видим противоречия между нормами ГК, которые законодателю следует устранить.

На наш взгляд, выходом из такой ситуации может быть предоставление несовершеннолетнему возможности зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя при наличии нотариального согласия родителей или других законных представителей на занятие предпринимательской деятельностью. Так, согласно закону Российской Федерации «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», несовершеннолетний, достигший 14 лет, может стать предпринимателем на законных основаниях, если представит в регистрирующий орган нотариально удостоверенное согласие родителей, усыновителей или попечителя на осуществление им предпринимательской деятельности (подп. «з» п. 1 ст. 22.1) [3]. Представляется разумным закрепление подобной нормы в белорусском законодательстве. Полагаем, что назрела необходимость внести соответствующие дополнения в Положение о государственной регистрации субъектов хозяйствования 2009 г. и конкретизировать вопросы регистрации несовершеннолетних в качестве предпринимателей. В настоящее время этот документ не содержит ни одной нормы относительно легализации предпринимательской деятельности несовершеннолетних.

Белорусское законодательство не определяет виды деятельности, которые могут быть не доступны для несовершеннолетних. Однако даже если несовершеннолетний будет признан эмансипированным либо вступит в брак до 18 лет, это не сделает его полноценным и равноправным участником гражданского оборота. Законодательством установлены определенные возрастные ограничения, которые вполне оправданы. Например, к управлению такси допускаются лица не моложе 20 лет с общим водительским стажем не менее двух лет. Многие виды деятельности можно осуществлять только при наличии лицензии или специального образования, которое подросток просто не успеет получить.

Тем не менее с каждым годом в нашей стране все больше появляется молодых людей, желающих реализовывать свой творческий потенциал через ведение честного и легального бизнеса. Именно законодательству отводится главная роль в создании благоприятных условий и правовых гарантий для начинающих предпринимателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кобяков, И. Z значит успех: как юное поколение создает бум предпринимательства [Электронный ресурс] / И. Кобяков. – Режим доступа: <https://snob.ru/entry/168769>. – Дата доступа: 22.10.2021.

2. Копин, В. В. Осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетними гражданами [Электронный ресурс] / В. В. Копин. – Режим доступа: <http://kaznachey.com/doc/7bOaDeb9kTP/>. – Дата доступа: 02.11.2021.

3. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] : Федер. закон, 8 авг. 2001 г., № 129-ФЗ : в ред. от 02.07.2021 г. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/. – Дата доступа: 09.11.2021.

К содержанию

Н. Ю. ЛЕБЕДЕВ

Российская Федерация, Новосибирск, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

ОДИН ИЗ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь права и свободы любого человека признаются высшей государственной ценностью, и оба государства берут на себя обязанность обеспечить их полноценное соблюдение и охрану [1; 2].

Одним из наиболее значимых принципов обоих государств было не только закрепление в конституциях самого факта иметь в собственности жилище, но и законодательное провозглашение неприкосновенности жилища человека. Безусловно, для любого человека в его повседневной жизни необходимо ощущение безопасности и защищенности. Неприкосновенность жилища гарантирует то, что никто и никогда против воли самого человека не пересечет границы места его проживания и тем самым будет соблюдаться его право на личную жизнь.

Однако в ходе реализации своего права человек не должен нарушать права других людей, а тем более совершать противоправные (преступные) действия. В связи с тем, что государство в одинаковой степени гарантирует охрану и соблюдение прав, свобод и интересов своих граждан независимо от пола, происхождения, должностного положения и других факторов, неотъемлемой частью входящих в систему государственных регуляторов является закрепление на законодательном уровне обстоятельств, при установлении которых государство оставляет за собой возможность определенного ограничения прав любого человека.

Не является исключением и возможность ограничения конституционного принципа неприкосновенности жилища. При этом и Российская Федерация, и Республика Беларусь в своих конституциях и других нормативных правовых актах подробно закрепили основания, условия, границы и сам порядок проникновения в жилище человека против его воли.

Несмотря на то что в настоящее время как данный принцип, так и ситуации, при которых он может быть ограничен, достаточно детально прописаны, помимо конституций, и в других законодательных актах наших государств, хотелось бы рассмотреть на примере анализа нормативных правовых актов Российской Федерации проблемный аспект, связанный с неоднозначностью и даже противоречивостью самого понятия «жилище» и его содержанием в правовом пространстве России.

Данный проблемный аспект не является новым, и многие ученые обращались к его исследованию и предлагали интересные решения, заслуживающие нашего внимания. Рассмотрим понятие «жилище» и приближенные по содержанию понятия, закрепленные в нормативных правовых актах России, а также попытаемся сформулировать проблемность сложившейся ситуации.

В первую очередь отметим, что в Конституции Российской Федерации не закреплено понятие «жилище». По всей видимости, предполагалось, что данное понятие будет закреплено в соответствующем кодексе и в последующем будет использоваться в юридической практике на всей территории страны.

Однако разработчики Жилищного кодекса Российской Федерации решили вообще не использовать закрепленный в Конституции Российской

Федерации термин «жилище». В данном законе использован термин «жилое помещение» (ст. 15), под которым понимается «изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства (далее – требования))» [3]. В данном определении сделан акцент на три признака, которые отличают жилое помещение от нежилого:

1. Помещение должно быть изолированным.
2. Помещение должно быть недвижимым имуществом.
3. Помещение должно быть пригодным для проживания и отвечать различным нормам и требованиям законодательства.

Далее кодекс дает классификацию жилых помещений, к которым отнес: жилой дом или часть жилого дома, квартиру или часть квартиры, а также комнату (ст. 16 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Указанные признаки весьма поверхностно проводят правовую границу между жилыми и нежилыми помещениями. Даже указание на «пригодность к постоянному проживанию» звучит весьма неубедительно, так как многие служебные нежилые помещения, в которых работники и сотрудники отдыхают ввиду специфики выполняемой работы или службы, отвечают указанным требованиям намного больше, чем определенные частные дома и квартиры.

В Гражданском кодексе Российской Федерации [4] понятие «жилище» также не имеет нормативного закрепления: помимо термина «жилое помещение», используются термины «жилье» (п. 4 ч. 3 ст. 50) и «жилой дом» (ст. 123.12.), более того, в ст. 22 Федерального Закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса» используется термин «жилые строения».

Гражданское право не только не внесло ясность в понимание конституционного понятия «жилище», но и придало ему еще большую абстрактность. Если обратиться к отраслям права уголовно-правового цикла, а именно к уголовно-процессуальному праву, то в п. 10 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации мы впервые можем увидеть понятие «жилище», но его содержание не просто противоречит тому, что представлено в других нормативных правовых актах, а включает в себя весьма дискуссионные позиции.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом России, «жилище – индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания» [5].

Обращаем внимание, что авторы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при формулировании определения «жилища», по всей видимости, не стали обращаться к другим нормативным правовым актам, в связи с чем данное понятие приобрело весьма извращенные формы, а именно в качестве жилища признается теперь любое «...иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания», т. е. одним из признаков стало «использование для временного проживания». На практике встал вопрос, является ли «жилищем» палатка туристов, вагончик вахтовика, купе поезда дальнего следования и др.

Исходя из изложенного, можно увидеть, что проблематика заключается в том, что при необходимости проникновения в помещение в каждом конкретном случае представителям правоохранительных органов необходимо понять, есть ли у них законные конституционные основания для этого, является ли помещение жилым (жилищем) или нет, требуется ли получение судебного решения.

Разрешение данной проблемы лежит на поверхности и заключается в том, что на законодательном уровне, а именно в Жилищном кодексе Российской Федерации, необходимо сформулировать и закрепить понятие «жилище», а также виды помещений, которые к нему относятся. При этом данное понятие должно быть взято за основу, а для единообразия понимания и правового использования в юридической практике во все остальные нормативные правовые акты должны быть внесены соответствующие изменения и корректировки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск, 2016.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек. 2004 г., № 188-ФЗ : в ред. от 28.06.2021 г. : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021 г. // КонсультантПлюс. – М., 2021.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : в ред. от 28.06.2021 г. : с изм. от 08.07.2021 г. // КонсультантПлюс. – М., 2021.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. от 01.07.2021 г. : с изм. от 23.09.2021 г. // КонсультантПлюс. – М., 2021.

К содержанию

Н. А. ЛУЦЕВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В системе прав, которыми обладает каждый человек в любой стране, несомненно, главенствующее место принадлежит праву на жизнь. Вопрос о содержании этого права является достаточно сложным, и каждый ученый, правовед, который занимается изучением данного вопроса, дает свою индивидуальную формулировку. Тем не менее в науке остается много проблем, которые связаны не только с пониманием содержания данного права, но и определением пределов его действия.

Право на жизнь – это неотъемлемое право каждого человека в любой стране, которое охраняется законом, а также является одним из основных прав человека. Если по какой-либо причине отсутствует право на жизнь, то невозможно реализовывать и другие права человека.

Профессор Д. М. Демичев утверждает, что право на жизнь – это фундаментальное право, которое является одним из основных прав человека, представляет собой абсолютную ценность мировой реализации, ибо все остальные права утрачивают смысл и значение в случае смерти человека. Не случайно преступления против жизни в большинстве демократических государств оставляют основу особо тяжких уголовно наказуемых деяний. Право на жизнь образует основу всех других прав и свобод, складывающихся в этой сфере [1, с. 187].

Правильной также можно считать точку зрения М. Н. Малеиной о том, что право на жизнь имеет несколько аспектов, в том числе право на сохранение жизни (индивидуальности) и право на распоряжение жизнью [2, с. 53].

Согласно ст. 24 Конституции Республики Беларусь, каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от различных противоправных посягательств. Смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда [3].

Изучив белорусское законодательство с целью определения границы начала действия права на жизнь, можно заметить некоторую его противоречивость. Конституция Республики Беларусь не содержит указания на момент, с которого начинают действовать права человека, гарантируемые ею, а в отношении субъектов прав употребляется понятие «каждый». Сведения же о правоспособности и моменте ее возникновения содержатся

в п. 2 ст. 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь, определяющем возникновение правоспособности гражданина в момент его рождения [4].

С правом на жизнь тесно связаны условия и порядок осуществления аборт и эвтаназии, критерии качества жизни, право на достойный уровень жизни и благоприятную окружающую среду. Право на жизнь требует от государства реализации позитивных обязательств, а именно мер по снижению уровня детской смертности, увеличению продолжительности жизни, повышению качества питания, борьбе с эпидемиями и т. п. Также государство должно принимать соответствующие меры для защиты жизни лиц, которые находятся под его юрисдикцией.

Государство обязано защищать жизнь человека от различных противоправных посягательств. Смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда.

Другим аспектом права на жизнь является вопрос об эвтаназии, или лишении человека жизни по его просьбе для того, чтобы избавить от предсмертных страданий. Анализ таких оснований и процедуры в нашей стране не получил своего развития.

Как в юридической, медицинской, так и в религиозной литературе обращается внимание на проблему абортов. В Республике Беларусь недостаточно развита просветительская работа. Важно, чтобы не только женщина, но также и мужчина знали о том факте, что при искусственном прерывании беременности на них ложится огромный груз ответственности за прекращение жизни.

Смертная казнь является одним из древнейших наказаний. Как известно, сущность любого наказания – кара. Кара – это система правоограничений, которые установлены законом, конкретно выражающихся при применении того или иного вида наказания. В смертной казни кара проявляется в максимальной степени. У осужденного, который приговорен к исключительной мере наказания, отнимается жизнь и, естественно, все остальные права и интересы. Но нужно заметить, что происходит это только после приведения приговора в исполнение, а до этого за ним сохраняются многие права. Речь идет о праве обжаловать приговор, а в предусмотренных законом случаях написать ходатайство о помиловании.

Все исследователи данного вида наказания отмечают, что смертная казнь приносит страдания. Осужденный к смертной казни ощущает страдания в момент вынесения приговора, в ожидании результатов рассмотрения поданных им жалоб и заявлений ходатайств о помиловании. В этой ситуации у большинства осужденных появляется страх смерти, который нередко сочетается с состоянием безысходности, иногда с осознанием своей вины, угрызениями совести и т. п. Говоря о страданиях, которые

вызывает осуждение к смертной казни, следует иметь ввиду также страдания родных и близких приговоренного.

Конституция Республики Беларусь не запрещает смертной казни. Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрено, что применение смертной казни (расстрела) в виде исключительной меры наказания впредь до ее полной отмены допускается за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. Смертная казнь не может быть назначена лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет; женщинам; мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора шестидесяти пяти лет (ст. 59 УК) [5].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что жизнь каждого человека признается в цивилизованном социуме в качестве самого ценного блага, право на нее является естественным и неотчуждаемым, полученным человеком с момента его рождения. Государство обязано защищать жизнь каждого человека от различных противоправных посягательств. Именно в этих целях человек имеет право не только на помощь, но и на защиту со стороны государства, которое к тому же обязано принимать все меры для создания внутреннего и международного порядка. Смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда. С целью обеспечения защиты права человека на жизнь Конституция Республики Беларусь допускает применение наказания в виде смертной казни, указав одновременно на его исключительный и временный характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демичев, Д. М. Конституционное право : учебник / Д. М. Демичев. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – 416 с.
2. Малеина, М. Н. О праве на жизнь / М. Н. Малеина // Совет. государство и право. – 1992. – № 2. – С. 50–59.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
4. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. – Дата доступа: 18.11.2021.
5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>. – Дата доступа: 18.11.2021.

К содержанию

С. Ю. МАРКИН

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

СОБСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В связи с активным развитием информационных технологий, внедрением технических средств фото- и видеосъемки, с учетом динамичного обмена информацией в сети Интернет актуальность правовой охраны собственного изображения физического лица, по нашему мнению, презюмируется.

Внешний облик человека неотчуждаем и индивидуален, является уникальной характеристикой личности и средством ее идентификации. Внешний облик человека может быть воспроизведен в скульптуре, живописи, фото- и видеоизображениях, представляться как в позитивном, так и в негативном контексте, а использование изображения в отдельных случаях может нанести вред правам и законным интересам физического лица. Следует отметить, что данное благо может иметь материальный носитель, а его использование может являться средством извлечения материальных и нематериальных выгод. Учитывая указанные обстоятельства, считаем целесообразным рассмотреть правовую охрану собственного изображения физического лица.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК РБ) право физического лица на собственное изображение не поименовано среди нематериальных благ. Однако, учитывая то, что перечень нематериальных благ, закрепленный в ст. 151 ГК РБ, не является исчерпывающим, указанная норма допускает отнесение к ним иных личных неимущественных прав и других нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения, неотчуждаемых и непередаваемых иным способом, отнесение права на собственное изображение физического лица к нематериальным благам видится обоснованным. В этой связи в соответствии с п. 2 ст. 151 ГК РБ указанное нематериальное благо, по нашему мнению, подлежит защите «в соответствии с гражданским законодательством в случаях и порядке, предусмотренных этим законодательством, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 11) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения».

По нашему мнению, в качестве способов защиты рассматриваемого нематериального блага могут выступать пресечение действий, нарушаю-

щих право или создающих угрозу его нарушения, самозащита права, компенсация морального вреда (пп. 3, 6 и 10 ст. 11 ГК).

Следует также отметить особое значение правовой охраны изображения физического лица в сети Интернет в связи с размещением в киберпространстве изображений различных лиц без их согласия, а иногда в виде и контексте, порочащих их честь и достоинство.

Специфика права на собственное изображение физического лица обусловила его фрагментарное регулирование специальными нормативными правовыми актами.

Новеллой правового регулирования персональных данных явился Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных). Указанный закон определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Учитывая данную дефиницию, отметим, что собственное изображение физического лица подпадает под регулирование Закона о защите персональных данных.

Однако на отношения, касающиеся случаев обработки персональных данных физическими лицами в процессе исключительно личного, семейного, домашнего и иного подобного их использования, не связанного с профессиональной или предпринимательской деятельностью, или отнесенные в установленном порядке к государственным секретам, действие Закона не распространяется.

Согласно ст. 17 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», информация о частной жизни физического лица и персональные данные относятся к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Подп. 4.6, 4.7 п. 4 ст. 34 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» закреплены обязанности журналиста получать согласие на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни физического лица от самого физического лица либо его законного представителя, за исключением случаев, установленных законодательными актами, а также получать согласие физических лиц на проведение аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемок, за исключением их проведения в местах, открытых для массового посещения, на массовых мероприятиях, а также случая, предусмотренного ст. 40 данного Закона.

В соответствии с п. 9 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе», в рекламе не допускается использование образов граждан Республики Беларусь без их согласия или согласия их

законных представителей, если иное не предусмотрено настоящим Законом или Президентом Республики Беларусь.

Нормы указанных правовых актов регулируют правоотношения, связанные с собственным изображением физического лица, фрагментарно и лишь в определенной сфере общественных отношений, они обеспечивают лишь отдельные аспекты защиты образа и изображения физического лица. По нашему мнению, имеется необходимость в закреплении в ГК РБ отдельных положений, связанных с защитой права физического лица на собственное изображение.

В своем решении от 30 октября 2018 г. № Р-1145/2018 Конституционный Суд Республики Беларусь отметил, что в действующем законодательном регулировании имеется правовой дефект, обусловленный отсутствием в гражданском законодательстве надлежащего правового механизма использования и охраны изображения гражданина, и решил в целях обеспечения конституционного принципа верховенства права, защиты каждого гражданско-правовыми средствами от незаконного вмешательства в его личную жизнь, устранения правовой неопределенности в правовом регулировании использования и охраны изображения гражданина в гражданском законодательстве признать необходимым внесение соответствующих изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь.

Однако в настоящее время данные изменения в ГК РБ не внесены. Кроме того, отсутствуют нормы, регулирующие режим охраны и использования собственного изображения физического лица на конкретном материальном носителе.

В Гражданском кодексе Российской Федерации охране изображения гражданина посвящена ст. 152.1, согласно которой обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина, а после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей, за исключением определенных случаев.

В соответствии с п. 2 указанной статьи изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в обороте экземпляры материальных носителей, содержащих изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением п. 1 статьи, подлежат на основании судебного решения изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то ни было компенсации.

Согласно п. 3 указанной статьи, если изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением п. 1 статьи, распространено в сети

Интернет, гражданин вправе требовать удаления этого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения.

Считаем целесообразным использовать позитивный опыт Российской Федерации и дополнить ГК РБ соответствующими нормами, включив их в гл. 8, регулиующую нематериальные блага и их защиту.

Таким образом, в целях устранения пробела правового регулирования считаем необходимым дополнение ГК РБ нормами о гражданско-правовой охране собственного изображения физического лица, которые учитывали бы существо данного нематериального блага, а также закрепляли надлежащий правовой механизм его использования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г. : с изм. и доп., вступившими в силу с 01.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 30 окт. 2018 г., № Р-1145/2018 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 7 дек. 1990 г., № 395-1 : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : одобр. Советом Федерации 28 нояб. 1994 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

К содержанию

Е. В. ПРУДНИКОВ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СМЫСЛ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ ИМУЩЕСТВА

В соответствии с ч. 2, 3 ст. 44 Конституции Республики Беларусь 1994 г., неприкосновенность собственности, право ее наследования охраняются законом; собственность, приобретенная законным способом, защищается государством.

Вместе с тем, согласно п. 1 ст. 283 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (в редакции Закона от 5 января 2021 г. № 95-3), если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

Предусмотренный п. 1 ст. 283 ГК механизм защиты добросовестно приобретенного владения в цивилистике именуется ограничением виндикации и призван установить баланс между правами собственника имущества и интересами его добросовестного приобретателя. По мнению Е. А. Суханова, «истребование имущества во всех без исключения случаях могло бы серьезно осложнить гражданский оборот, ибо тогда любой приобретатель оказался бы под угрозой лишения полученного имущества и потому нуждался бы в дополнительных гарантиях» [1].

В этой связи вопрос защиты добросовестных приобретателей имущества от действий собственника или третьих лиц, в том числе государственных органов, носит междисциплинарный характер.

Для целей обоснования необходимости защиты беститульного владения добросовестного приобретателя чаще всего прибегают к аргументации этического (неправового) характера. Так, например, в монографической литературе, обосновывающей этическую природу добросовестности, отмечается, что сложность проблемы исчерпывающего формулирования содержания оценки добросовестности обусловлена прежде всего тем, что добросовестность отражает некую систему представлений, сложившихся в обществе, о нравственности поведения субъекта права в гражданском обороте, т. е. при приобретении, осуществлении и защите права, а также при исполнении обязанности [2]. Основанием защиты добросовестного

приобретателя с рассматриваемой точки зрения является соответствие его поведения сложившимся устоям общества и, как следствие, необходимость поощрения такого поведения.

В наиболее близкой для Республики Беларусь правовой системе Российской Федерации добросовестность приобретателя в конституционно-правовом смысле рассматривается именно с субъективной («этической»), а не объективной стороны.

Так, Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения п. 1 ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца» отмечено, что добросовестным приобретателем применительно к недвижимому имуществу в контексте п. 1 ст. 302 ГК Российской Федерации в его конституционно-правовом смысле в правовой системе Российской Федерации является приобретатель недвижимого имущества, право на которое подлежит государственной регистрации в порядке, установленном законом, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых могло узнать об отсутствии у отчуждателя такого права [3].

Во многом аналогичная трактовка добросовестности дана в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2020 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Волкова» [4].

Добросовестный приобретатель в таком случае добрый и совестливый человек, не способный нарушить чужое право на вещь, а значит, принявший меры к установлению действительного правообладателя и убежденный в управомоченности отчуждателя. Этическая трактовка добросовестности приобретения предполагает от приобретателя активных действий по установлению управомоченности отчуждателя вещи. В этом проявляется так называемое положительное содержание добросовестности.

Так, например, в полном соответствии с изложенным, в ч. 7, 8 п. 5 решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 6 июня 2017 г. № Р-1086/2017 «О правовом регулировании специальной конфискации» указывается, что при принятии решения о применении специальной конфискации важное значение имеет выяснение обстоятельства, является ли приобретатель подлежащего конфискации имущества добросовестным, т. е. знал ли и мог ли он знать о преступном происхождении приобретаемого имущества; данное обстоятельство предполагает обязанность приобретателя имущества выяснять вопрос о его происхождении [5].

Однако невозможность описания всего многообразия общественных отношений обуславливает оценочность категории добросовестности, в свою очередь основанной на таких же оценочных категориях добра и совести.

Фактическое же состояние владения является основанием для правовой фикции, предположения (презюмции) наличия права, включающего в себя правомочие на владение, у фактического владельца.

Таким образом, приобретая вещь у неуправомоченного отчуждателя, лицо предполагает (презюмирует) наличие у него права на вещь. При этом приобретатель для того, чтобы являться добросовестным, необязательно должен считать отчуждателя собственником отчуждаемой вещи, вполне достаточно, чтобы он считал отчуждателя лицом, «надлежаще управомоченным на отчуждение». Соответственно, его внутреннее понимание происходящего не соответствует действительности, а значит, приобретатель действует ошибочно.

Как отмечается в литературе, заблуждение – необходимое условие наступления ошибки, а ошибка – следствие заблуждения [6]. В общей теории права ошибки делят на юридические и фактические: юридическая ошибка состоит в неправильном представлении о содержании правовой нормы или ложном выводе из таковой, фактическая ошибка основана на неверном представлении о фактических обстоятельствах, подлежащих юридической оценке, квалификации [7]. Очевидно, что юридическая ошибка не может служить основанием для ограничения виндикации. Таким образом, полагаем, что с юридической точки зрения добросовестность приобретения представляет собой извинительное незнание о неуправомоченности отчуждателя (фактическую ошибку) и не имеет общего с добросовестностью с этической точки зрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское гражданское право [Электронный ресурс] : учебник / В. С. Ем [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

2. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития [Электронный ресурс] : монография / Е. Е. Богданова [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Василевской // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

3. По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 22 июня 2017 г. № 16-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

4. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Волкова [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 26 нояб. 2020 г. № 48-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

5. О правовом регулировании специальной конфискации [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Респ. Беларусь, 6 июня 2017 г., № Р-1086/2017 //

Пех.by. – 2021. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/155508>. – Дата доступа: 14.11.2021.

6. Казгериева, Э. В. Общенаучная постановка проблемы ошибок и необходимость теоретического обоснования в правоведении [Электронный ресурс] / Э. В. Казгериева // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

7. Самойлов, Е. Ю. Добросовестность как предпосылка защиты приобретателя в гражданском обороте [Электронный ресурс] / Е. Ю. Самойлов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

К содержанию

А. С. СЛАБОСПИЦКИЙ¹, Е. В. БАЙДИНА²

¹Российская Федерация, Москва, Московский университет имени С. Ю. Витте (МУИВ), РПА Минюста России

²Российская Федерация, Ярославль, Ярославский автомеханический колледж

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Принцип доступности государственных судов Казахстана рассмотрен через призму расширения возможностей использования информационных технологий и умеренной автоматизации процесса взаимодействия сторон с сотрудниками суда с целью снижения роли человеческого фактора и бюрократизации в судебном процессе.

Положения, характеризующие доступность правосудия, содержатся в международных нормах и были зафиксированы в 1948 г. во Всеобщей декларации прав человека. Идея беспрепятственного доступа к суду была признана в качестве одной из фундаментальных.

В дальнейшем необходимость законодательного регулирования доступности правосудия нашла свое отражение в принятых Комитетом министров Совета Европы Рекомендациях от 14 мая 1981 г. № R(81)7, в которых заложены направления развития законодательства государственных органов относительно путей доступа к правосудию.

Кроме того, если посмотреть статистику, то наблюдается экстенсивный рост судебных споров во всех государствах, образованных на постсоветском пространстве. Вследствие этого объемы работы (нагрузка на одного судью) выросли многократно. Такое положение создает проблемы не только для судей, а в первую очередь для тяжущихся, поскольку перегрузка судов негативно сказывается на доступности правосудия. Возникают огрехи в работе, которые тормозят рост доверительного отношения к правосудию. В данном случае продолжает быть актуальной позиция профессора В. Ф. Яковлева о том, что общество стоит перед вопросом:

«как добиться в этих условиях доступности и как обеспечить высокое качество судебных решений?» [1, с. 53]. Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян отмечали, что задача может решаться различными способами, один из которых – использовать более рациональные методы обеспечения доступности и качества правосудия [2]. И один из них – это изменение компетенции судов, о чем отмечали, например, В. М. Шерстюк [3], Е. А. Борисова [4] и М. И. Клеандров [5]. В качестве причин расширения полномочий юстиции указывается удаленность лиц, участвующих в деле, от места проведения судебного заседания.

М. А. Аленова, М. Пацация видят решение проблемы именно во внедрении цифровых технологий [6], а В. Д. Зорькин обращает внимание, что незачем заимствовать чужой опыт, выдержавший проверку временем [7].

Казахстан активно переводит правосудие из бумажной формы в электронную. Согласно данным статистики за 2019 г., более 75 % всех обращений в суд подано в электронном виде.

Начиная с 2014 г., запущен единый интернет-портал судебных органов, сервис «Судебный кабинет», который позволил лицам обращаться в суд в электронном виде путем авторизации с использованием электронно-цифровой подписи (ЭЦП), а также ознакомиться с судебными актами, в том числе с протоколами судебных заседаний.

Создан форум «Галдау», который включает в себя обобщения судебной практики, в случае ее отсутствия – справочную информацию о законодательстве, регулирующем соответствующие правоотношения. Участником данного форума может стать любое лицо, прошедшее авторизацию. Форум позволяет задавать вопросы действующим судьям и формировать блок комплексных ответов на часто задаваемые вопросы.

Система видеоконференцсвязи применяется не только между судами, но и с медицинскими учреждениями, с районными и областными центрами Республики Казахстан.

Верховный суд Республики Казахстан способствовал созданию и таких сервисов, которые пока не имеют аналогов в российском и белорусском правосудии. К примеру, решена проблема мгновенного дистанционного получения заверенной копии судебных актов для дальнейшего предъявления в другие органы власти. Так на судебных актах появился QR-код, что для выполнения вышеуказанной задачи оказалось достаточно. Более того, в случае если тяжущийся пожелает получить заверенный судебный акт в бумажном виде, идти в канцелярию суда также не обязательно: данной функцией обладают и центры получения государственных услуг.

Внесение соответствующих поправок в процессуальное законодательство будет способствовать снижению нагрузки на сотрудников канцелярии суда, а также ускорит процесс взаимодействия между органами власти,

организациями и приведет к повышению доступности правосудия не только до, но и в процессе судебного разбирательства, что немаловажно по его завершении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковлев, В. Ф. Избранные труды. Т. 3. Арбитражные суды: Становление и развитие / В. Ф. Яковлев. – М. : Статут, 2013. – 749 с.
2. Бондарь, Н. С. Правосудие: ориентация на Конституцию : монография / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 224 с.
3. Шерстюк, В. М. Реорганизация судебной системы – а что дальше? / В. М. Шерстюк // Закон. – 2011. – № 3. – С. 101–107.
4. Борисова, Е. А. К вопросу о реорганизации судебной системы Российской Федерации / Е. А. Борисова // Арбитраж. и гражд. процесс. – 2014. – № 3. – С. 12–18.
5. Клеандров, М. И. Объединение Верховного и Высшего арбитражного судов Российской Федерации и конфигурация судейского сообщества / М. И. Клеандров // Журн. рос. права. – 2013. – № 9. – С. 52–60.
6. Аленов, М. А. Внедрение в Казахстане электронного правосудия: нормативная основа и перспективы / М. А. Аленов // Право и государство. – 2013. – № 3 (60). – С. 71–73.
7. Зорькин, В. Д. Буква и дух Конституции / В. Д. Зорькин // Рос. газ. – 2018. – № 7689 (226).

К содержанию

А. В. ШАВЦОВА

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЗВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одним из важнейших аспектов государственного суверенитета Республики Беларусь является обеспечение государственной, общественной и национальной безопасности. На урегулирование данной области направлена в первую очередь Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 г. [1] (далее – Концепция). Важным теоретико-правовым аспектом, вызывающим научный интерес, является использование в названии и тексте Концепции оборота «национальная безопасность».

В соответствии с разд. I «Основные положения», белорусская Концепция «закрепляет совокупность официальных взглядов на сущность и содержание деятельности Республики Беларусь по обеспечению баланса интересов личности, общества, государства и их защите от внутренних и внешних угроз». Исходя из данного положения, следует, что основным

предметом регулирования является обеспечение безопасности интересов личности, общества, государства. Однако в названии Концепции заявлено обеспечение именно и только национальной безопасности. При этом как самостоятельные элементы предмета правового регулирования в тексте Концепции нация, общество (личность), государство не названы, более того, прямо не упоминаются и среди основных терминов разд. I «Основные положения». Вместе с тем детальный анализ содержания данного документа позволяет сделать вывод, что отдельные аспекты данных элементов предмета правового регулирования все же присутствуют в Концепции.

В Концепции национальной безопасности со всей очевидностью возникает объективная необходимость не только в использовании понятия «нацио-нальная безопасность», но также в соотношении и разграничении его с понятиями «государственная безопасность» и «общественная безопасность».

Анализируя содержательное значение термина «национальный» относительно к рассматриваемой Концепции, логично предположить, что он применим к какой-либо нации. Республика Беларусь – многонациональное государство. Возникает правомерный вопрос: об обеспечении безопасности какой нации идет речь – только ли белорусов, как государствообразующей нации, исторически положившей начало нашему государству? Подробный и всесторонний анализ текста Концепции национальной безопасности свидетельствует также об отсутствии в ней прямых положений, направленных на регулирование безопасности самой нации. Важно при этом обратить внимание на многонациональный состав Республики Беларусь, что позволит избежать искажения толкования термина «национальный» исключительно в отношении белорусской нации. Необходимо также уточнить содержание понятия «национальная безопасность», определив ее не только через призму интересов государства, а указав в первую очередь на основные компоненты обеспечения безопасности самой нации.

Вместе с тем данный вид безопасности (национальная безопасность) определяется в тексте Концепции в контексте преимущественно государственных интересов. Такой вывод позволяет сделать анализ понятий «национальная безопасность», «национальные интересы», «источник угрозы национальной безопасности», «угроза национальной безопасности», в которых речь идет прежде всего о безопасности государства, Республики Беларусь, и государственных интересах [1, п. 4 разд. I]. Существенная часть содержания данного документа характеризует различные аспекты (виды) государственной безопасности. Таким образом, совершенно обоснованно в названии Концепции, равно как и в п. 4 разд. I, наряду с термином «национальная безопасность» должен присутствовать термин «государственная безопасность».

Наиболее близкой к области обеспечения национальной безопасности представляется демографическая безопасность, поскольку именно от нее зависит в первую очередь сам факт существования нации, а также уровень ее развития, социальной защищенности, обеспеченности интересов, тенденции развития, возможности самоидентификации и самореализации как культурологически, так и политически. Понятие «демографическая безопасность» представляет собой значимый фактор влияния на численный состав нации и ее право на существование, признанное международными стандартами в области прав человека.

Предусмотренная Концепцией демографическая безопасность определяется в этом документе в соответствии с абз. 9 п. 4 разд. I достаточно точно, вне всякой связи с понятием «нация», опять же в контексте государства и общества, а именно как «состояние защищенности общества и государства от демографических явлений и тенденций, социально-экономические последствия которых оказывают негативное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь» [1].

Кроме того, социальная безопасность определяется исключительно как «состояние защищенности жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз» [1, абз. 8 п. 4 разд. I]. Термин «общество» также нельзя отождествлять с нацией, более того, в состав того или иного общества могут входить несколько наций или этнических групп, других национальных общностей. Исследование содержания понятия «национальная безопасность» и сравнительно-правовой анализ его с понятиями «демографическая безопасность» и «социальная безопасность» позволяет сделать вывод, что они не только не тождественны, но совершенно отличны. Более того, понятия «демографическая безопасность» и «социальная безопасность» ориентированы не на нацию, а прежде всего на общество и государство. Так, «социальная безопасность – состояние защищенности жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз; демографическая безопасность – состояние защищенности общества и государства от демографических явлений и тенденций, социально-экономические последствия которых оказывают негативное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь». Следовательно, правомерно сделать вывод, что в своей совокупности они направлены на обеспечение безопасности общества и государства.

Анализ нормативных правовых актов других государств (Австрии [2], Российской Федерации [3, п. 42 разд. IV], Украины [4, п. 3 ст. 1], Таджикистана [5, п. 10 ст. 1] и др.), аналогичных Концепции Республики Беларусь, показал, что в них часто наряду с национальной безопасностью закрепляется также и общественная. Это подтверждает обоснованность нашего

вывода о необходимости разграничения и правовой регламентации наряду с национальной также общественной и государственной безопасности.

С целью приведения в соответствие названия Концепции Республики Беларусь и реального содержания необходимо наряду с национальной использовать в ее названии слова «государственная» и «общественная» безопасность. В п. 4 разд. I Концепции в качестве первого понятия следует закрепить определение понятия «безопасность», затем – «государственная безопасность», а также целесообразно было бы ввести понятие «безопасность общества / общественная безопасность».

Обеспечение безопасности государства, общества, нации и личности представляет собой важнейшее направление государственной политики, имеющее стратегическое значение, требующее политически корректного, научно обоснованного и всестороннего правового регулирования, что предполагает необходимость совершенствования законодательства в данной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080.

2. Доктрина безопасности и обороны [Электронный ресурс] : постановление Парламента Австрии, 12 дек. 2001 г. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110423154629/http://constitutions.ru/archives/5451>. – Дата доступа: 01.12.2021.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 31 дек. 2015 г., № 683. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>. – Дата доступа: 01.12.2021.

4. Про національну безпеку України [Електронний ресурс] : Закон України, 21 червня 2018 р., № 2469-VIII : із зм. і доп. від 30 березня 2021 р. № 1357-IX. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T182469.html. – Дата доступа: 01.12.2021.

5. О безопасности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Таджикистан, 27 нояб. 2014 г., № 1137 : в ред. от 03.08.2018 г. № 1540. – Режим доступа: http://ncz.tj/system/files/Legislation/721_ru.pdf. – Дата доступа: 01.12.2021.

К содержанию

СЕКЦИЯ 3
ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ, АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНЫХ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М. Н. АНДРЕЙЧУК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Изучение законодательства об административных правонарушениях зарубежных стран и особенно вопросов его эффективности должны оставаться в центре внимания белорусских ученых и законодателей [3, с. 121].

В данной статье проведен сравнительно-правовой анализ белорусского и российского законодательства в области правового регулирования ответственности за административные правонарушения против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь об административных правонарушениях позволяет выявить существенные сходства и различия. Главным различием является наличие в системе административного права Республики Беларусь двух кодифицированных актов – Кодекса об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях, в то время как в Российской Федерации существует лишь один кодекс.

Большинство административных правонарушений в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП Российской Федерации) в зависимости от видов является политическими (38 составов).

Самое распространенное административное наказание представлено административным штрафом. Он исчисляется суммой в рублевом эквиваленте. Максимальная сумма такого штрафа предусматривается для граждан в размере 10–20 тыс. рублей.

В некоторых статьях КоАП Российской Федерации максимальная сумма административного штрафа может превышать 200 тыс. рублей

(6848 белорусских рублей). Например, согласно ст. 5.18. КоАП Российской Федерации «Незаконное использование денежных средств при финансировании избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума», санкцией будет штраф на граждан в размере от 20 000 до 25 000 рублей; на должностных лиц – от 30 000 до 40 000 рублей; на юридических лиц – от 300 000 до 1 000 000 рублей».

В минимальной сумме штраф исчисляется в отношении проступков (ст. 5.38. КоАП Российской Федерации). В некоторых случаях используются прочие имущественные санкции, включая конфискацию (используется вместе с административными штрафами как дополнительное административное наказание), предупреждение (как альтернатива административным штрафам) или предупреждение, выносимое в случаях, установленных ст. 5.35 КоАП Российской Федерации, в качестве санкции, альтернативной административному штрафу.

К субъектам административных правонарушений, установленных гл. 5 КоАП Российской Федерации, относятся негосударственные организации, должностные лица публичных органов или негосударственных юридических лиц, а также граждане – физические лица, не наделенные полномочиями должностного лица. В исключительных случаях к административной ответственности могут быть привлечены публичные субъекты, а именно публичные организации, например государственные, в том числе телерадиовещательные организации (ч. 2 ст. 5.5 КоАП Российской Федерации), публичные организации, нарушающие законодательство о труде и охране труда (ч. 1 ст. 5.27 КоАП Российской Федерации), а также должностные лица муниципальных органов или федеральных органов исполнительной власти (ст. 5.59 и ч. 1, 2 ст. 5.63 КоАП Российской Федерации).

К субъектам основного массива административных правонарушений, установленных гл. 10 КоАП Республики Беларусь, относятся физические лица, достигшие 16-летнего возраста (например, ст. 10.6 «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, уличного шествия, пикетирования или участию в них»). В некоторых составах субъект, достигший 14-летнего возраста (например, ст. 10.1 КоАП Республики Беларусь «Умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания»). Согласно ст. 10.5 КоАП Республики Беларусь «Отказ в предоставлении гражданину информации», субъектом может быть только должностное лицо. В соответствии со ст. 10.4 КоАП Республики Беларусь «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей» субъектом может быть только лицо, достигшее 16-летнего возраста, вменяемое, а также юридические лица.

В ст. 10.15 КоАП Республики Беларусь «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности» субъектом

определены как физические лица, достигшие 16-летнего возраста, вменяемые, так и юридические лица и индивидуальные предприниматели.

КоАП Российской Федерации предусматривает административную ответственность специальных субъектов, таких как председатель избирательной комиссии, главные редакторы и редакции средств массовой информации, работодатели.

По непосредственному объекту как основанию классификации указанные административные правонарушения можно подразделить на следующие группы:

1) посягающие на политические права и свободы граждан (ст. 5.1–5.25 КоАП Российской Федерации – избирательные права и свободы граждан и участников референдума, ст. 5.38 – право проведения публичных мероприятий);

2) посягающие на свободу совести, свободу вероисповедания, на вступление в религиозное объединение или на выход из него (ст. 5.26 КоАП Российской Федерации);

3) посягающие на трудовые права граждан и охрану труда (ст. 5.27–5.34, 5.40 КоАП Российской Федерации);

4) посягающие на социальную защиту, на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних (ст. 5.35–5.37 КоАП Российской Федерации);

5) посягающие на иные социальные права: отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 5.39 КоАП Российской Федерации); непредоставление на безвозмездной основе услуг по погребению, невыплата социального пособия на погребение (ст. 5.41 КоАП Российской Федерации); нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости (ст. 5.42 КоАП Российской Федерации).

Административные правонарушения, посягающие на права и свободы человека и гражданина, по КоАП Республики Беларусь подразделяются:

– на личные (против личных прав и свобод) (ст. 10.1, 10.2, 10.8, 10.16 КоАП Республики Беларусь);

– политические (против политических прав и свобод) (ст. 10.5–10.7, 10.9, 10.10, 10.19, 10.21 КоАП Республики Беларусь);

– социально-экономические и культурные (ст. 10.3, 10.4, 10.11–10.15, 10.17, 10.18, 10.20 КоАП Республики Беларусь).

Делая общий вывод о правовом регулировании ответственности за административные правонарушения против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь и отдельных зарубежных странах, следует отметить, что законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в области административных правонарушений против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина, преследуя общие цели, имеют в своем

содержании существенные различия как в концептуальных подходах, так и в способах противодействия конкретным проявлениям административных правонарушений, а также в санкциях, которые предусмотрены в КоАП.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : вводится в действие с 1 марта 2021 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2021. – 512 с.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : в ред. от 24.03.2021 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

3. Шергин, А. П. Административная политика: проблемы формирования и реализации / А. П. Шергин // Актуальные проблемы кодификации административно-деликтного законодательства : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. Г. Татаряна. – М., 2003 – С. 14–16.

К содержанию

Е. В. АНТОНЧИК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Административное правонарушение – это противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность [2, с. 1].

Любой проступок ведет за собой наказание с целью воспитания, восстановления справедливости, а также предотвращения новых правонарушений. Поэтому административное правонарушение ведет за собой административную ответственность. Административная ответственность – это вид юридической ответственности, который определяет обязанности субъекта претерпевать лишения государственно-властного характера за совершение административного правонарушения [2, с. 1].

По общему правилу административная и уголовная ответственность наступает с 16 лет. Однако существуют правонарушения и преступления, влекущие ответственность с 14 лет:

- 1) умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия (ст. 9.1);
- 2) мелкое хищение (ст. 10.5);

- 3) умышленное уничтожение либо повреждение имущества (ст. 10.9);
- 4) нарушение требований пожарной безопасности в лесах или на торфяниках (ст. 15.29);
- 5) жестокое обращение с животными (ст. 15.45);
- 6) разведение костров в запрещенных местах (ст. 15.58);
- 7) мелкое хулиганство (ст. 17.1);
- 8) нарушение правил, обеспечивающих безопасность движения на железнодорожном или городском электрическом транспорте (ч. 1–3, 5 ст. 18.3);
- 9) нарушение правил пользования средствами железнодорожного транспорта (ст. 18.4);
- 10) нарушение правил пользования транспортным средством (ст. 18.9);
- 11) нарушение правил пользования метрополитеном (ст. 18.10);
- 12) нарушение требований по обеспечению сохранности грузов на транспорте (ст. 18.34);
- 13) уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности (ст. 19.4);
- 14) нарушение порядка вскрытия воинских захоронений и проведения поисковых работ (ст. 19.7);
- 15) незаконные действия в отношении газового, пневматического или метательного оружия (ст. 23.46);
- 16) незаконные действия в отношении холодного оружия (ст. 23.47) [2, с. 19].

В 2020 г. проведено 25 заседаний, на которых рассмотрено 146 материалов в отношении несовершеннолетних и их родителей. К административной ответственности привлечено 54 родителя, не исполняющих обязанности по воспитанию детей, 91 несовершеннолетний. На 1 января на контроле состоит 80 подростков. В лидерах среди правонарушений – распитие спиртного. Задержано 60 подростков, которые скрашивали свой досуг пивом и более крепкими напитками. На 1 января в подростковом наркологическом кабинете наблюдается 112 несовершеннолетних, из них 105 человек в связи с употреблением алкоголя, четыре – за употребление токсических веществ, три – в связи с табачной зависимостью. К сожалению, нередко именно взрослые вовлекают несовершеннолетних в антиобщественное поведение. Как прокомментировал начальник ИДН, сотрудниками ГОВД составлено 43 протокола на граждан, распивающих и приобретающих подросткам спиртное, а также выявлено четыре случая продажи несовершеннолетним спиртного (в прошлом их было шесть). По-прежнему регистрируется немало правонарушений, связанных с транспортом и безопасностью движения (за год составлено 20 таких протоколов). Ребята садились за руль, не имея водительского удостоверения, переходили улицу и железнодорожные пути в неустановленных местах.

Отмечается снижение правонарушений, совершенных подростками в состоянии алкогольного опьянения, нарушений несовершеннолетними правил дорожного движения. Тем не менее допущен рост мелких хулиганств, краж, правонарушений, совершенных в состоянии токсического опьянения. Статистика указывает на то, что преступность несовершеннолетних действительно существует. Пусть она несравнима с преступностью взрослых, но и не изжита. Административных правонарушений также совершается большое количество [3, с. 2].

Причины, из-за которых подростки совершают преступления и правонарушения, различны: неблагополучные семьи, плохая компания, незанятость во внеучебное время, отсутствие контроля со стороны родителей и др. Нередко правонарушения совершаются группой подростков. Это объясняется тем, что они довольно сильно зависимы от мнения окружающих, а также авторитета в коллективе. Противоправные деяния часто совершаются в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ. Многие подростки считают, что это избавляет от ответственности, что является ошибочным. Лицо, совершившее преступление в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, подлежит уголовной и административной ответственности, а иногда это обстоятельство является отягчающим обстоятельством.

Какие же последствия существуют после совершения правонарушения? В первую очередь это неизбежность применения административного взыскания, которое назначит комиссия по делам несовершеннолетних. На подростков в возрасте 14–16 лет могут налагаться административные взыскания, такие как предупреждение и штраф [4]. С 16 лет налагаются административные взыскания в виде штрафа, предупреждения и исправительных работ. Подросток, совершив даже одно правонарушение, может испортить себе будущее, так как привлечение к административной ответственности является основанием для постановки несовершеннолетнего на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних, а также занесения информации в единую государственную базу данных о преступлениях и правонарушениях, которая содержится там на протяжении всей жизни, что впоследствии может послужить препятствием для получения визы, поступления в специализированный вуз, прохождения службы в правоохранительных органах, занятия высших должностей и т. п.

В настоящее время проводится большое количество профилактических бесед с несовершеннолетними, сотрудники внутренних дел посещают школы и колледжи и рассказывают о всевозможных последствиях противоправных деяний. Администрации учреждений образования организовыв-

вают различные внеурочные мероприятия. Есть вероятность, что в ближайшее время не очень радостная статистика по правонарушениям несовершеннолетних уменьшится.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрах, Д. Н. Административное право : учеб. для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2009. – 756 с.
2. Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] : утв. резолюцией Генер. Ассамблеи ООН 29.11.1985 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
3. Круглов, В. А. Административно-деликтное право / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2006. – 492 с.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в Кодекс с 28 апр. 2015 г. изм. и доп. не вносились. – Минск : Амалфея, 2015. – 419 с.

К содержанию

Е. В. АСТАПЕНКО

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРОБЛЕМА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Административное право представляет собой отрасль правовой системы Республики Беларусь, призванную регулировать общественные отношения, которые возникают, развиваются и прекращаются в сфере государственного управления. Наука административного права имеет ряд проблем, одной из которых является проблема административно-правового регулирования миграционных процессов. История неразрывно связана с миграцией населения, которая происходила всегда по разным причинам, но всегда сопровождалась сменой места жительства. Миграция имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Она способствует заполнению ниш на рынке труда. Необходимо отметить, что в современном мире борьба ведется не только за сферы экономического влияния, но и за человеческий капитал. Многие страны на данный момент нуждаются в высококвалифицированных специалистах для работы в секторах экономики, которые быстро развиваются, или в тех, где существует нехватка местных трудовых ресурсов. Миграция создает не только больше возможностей для профессиональной реализации, но и прямые экономические выгоды для

стран, куда переезжают мигранты. Такая миграция также открывает и ряд социально-экономических проблем. К ним относится «утечка мозгов», трата заработанных денежных средств на территории другого государства. Также существует проблема, при которой работник за рубежом занят не по своей специальности, а выполняет неквалифицированную работу.

В настоящее время проблема административно-правового регулирования миграционных процессов требует научного осмысления. Однако специальных работ по данной проблематике написано крайне мало. Нерешенными остаются вопросы о связи миграционных процессов с правами граждан, с их правами на свободу перемещения и выбора места жительства [2].

Как показывает исторический и современный опыт многих стран, остановить миграционный поток людей исключительно средствами прямого ограничительного или принудительного характера достаточно сложно. Каждым государством вырабатывается своя система правовых средств. Это дифференцирует вопрос регулирования миграционных отношений. Созданные правовые средства позволяют въезжать на территории страны только иностранным мигрантам, в услугах которых заинтересовано государство. Государственное регулирование и управление в Республике Беларусь в области внешней трудовой миграции осуществляется Президентом Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь, органами внутренних дел Республики Беларусь и иными государственными органами Республики Беларусь в пределах их компетенции [1]. Право Республики Беларусь устанавливает обязанности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность, связанную с трудоустройством за пределами Республики Беларусь. Они обязаны: заключать договоры о трудоустройстве; заключать договоры о содействии в трудоустройстве; формировать и вести банк данных о гражданах и иностранцах, постоянно проживающих в Республике Беларусь, в порядке, определенном Советом Министров Республики Беларусь; согласовывать с Министерством внутренних дел Республики Беларусь информационные объявления о трудоустройстве за пределами Республики Беларусь и осуществлять другие обязанности, установленные нормативными правовыми актами нашей страны [1]. Необходимо обратить внимание, что в настоящее время в нашей стране созданы необходимые правовые механизмы реализации права на свободу передвижения, это право является основой для осуществления миграционной политики. Право на свободное перемещение и выбор места жительства – одно из самых существенных субъективных публичных прав личности. Данное право установлено Конституцией Республики Беларусь. Следует заметить, что в современном мире существует и насильственное перемещение людей вследствие их похищения. Данная проблема охватывает множество стран. Это привело к принятию мировым

сообществом ряда документов, регулирующих данный вопрос, например Конвенции об упразднении рабства, работорговли, институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7 сентября 1956 г. Учитывая негативные последствия нелегальной миграции, можно полагать, что государство должно выстроить такую миграционную политику, которая будет противодействовать теневой и способствовать притоку в страну мигрантов, в которых заинтересовано государство.

Внутренняя миграция является частью общего миграционного процесса. По данному вопросу Е. А. Мышняева пишет, что «...внутренняя миграция осуществляется с целью равномерного рассредоточения населения в интересах обеспечения экономической безопасности страны» [2].

В основе принципов правового регулирования миграционных отношений лежат предписания, которые касаются вопросов обеспечения прав и свобод граждан. В основе регулирования данных отношений лежат конституционные принципы, социально-правовые принципы, организационные и специальные принципы. К специальным относится принцип миграционного учета. К основным принципам внешней трудовой миграции в Республике Беларусь относятся: добровольность внешней трудовой миграции, недопустимость незаконной внешней трудовой миграции, защита рынка труда, недопустимость найма трудящихся-эмигрантов и трудящихся-мигрантов на условиях, унижающих их человеческое достоинство, наносящих вред их здоровью. Важным фактором является установление контроля на въезде и при прохождении административных процедур на территории страны. Однако во многих странах через границу легко проникнуть и ее трудно и дорого охранять, поэтому противодействие незаконному въезду является только частью проблемы. При пересечении границы Республики Беларусь независимо от способа ее пересечения надо пройти пограничный и таможенный контроль, а при необходимости – автомобильный, санитарно-карантинный и фитосанитарный виды контроля. Иностранцы могут пересекать границу Республики Беларусь по следующим документам: действительный документ для выезда за границу (паспорт) при наличии визы для граждан стран, с которыми Республика Беларусь имеет визовый режим; документ на возвращение в государство гражданства или проживания.

Проблемы, связанные с незаконной миграцией, в настоящее время довлеют над всеми правительствами в Европе. Лучшим подходом к урегулированию проблемы незаконной миграции является разработка и осуществление всеобъемлющей миграционной стратегии. Это позволит свести проблему к более управляемым масштабам, а также поможет избежать дальнейшего обострения ситуации. Следует сделать вывод о том, что проблемы правового регулирования миграционных процессов находятся

в центре внимания как граждан, так и политического руководства государств. Это вынуждает государства своевременно реагировать на новые вызовы и социальные угрозы современности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внешней трудовой миграции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 225-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 93-3 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Куракин, А. В. Вопросы административно-правового регулирования миграции / А. В. Куракин, М. В. Костенников, З. А. Саидов // Адм. и муниципал. право. – 2020. – № 2. – С. 39–52.

К содержанию

Е. Н. БУБЛИЙ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРИЧИНЫ СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Воспитание граждан, защита их прав и законных интересов являются важной задачей и неременным долгом общества. Особое значение для Республики Беларусь имеет в этом плане забота о подрастающем поколении.

В Республике Беларусь на протяжении уже длительного периода времени все также остается актуальной проблема подростковой преступности. Найти пути преодоления возможно лишь усилиями государственных органов, школы, семьи, всего нашего общества в целом.

Совершаемые несовершеннолетними правонарушения вызывают особую обеспокоенность общества, поскольку во многом определяют состояние правопорядка не только на сложившийся момент, но и в будущем. Комплекс мер противодействия противоправному поведению несовершеннолетних очень широк, и одной из таких мер является возможность привлечения несовершеннолетних к административной ответственности.

К детерминантам, которые сподвигают несовершеннолетних на совершение административных правонарушений, следует отнести:

1. Отсутствие надлежащего контроля со стороны родителей. В семьях, где несовершеннолетние совершили административные правонарушения, родители практически не уделяли внимания их воспитанию. Причинами разрыва семейных связей между детьми и родителями являются свержзанятость родителей, конфликтная ситуация в семье, отсутствие в семье благоприятной эмоциональной атмосферы, незнание и непонимание возрастных

и индивидуальных особенностей детей, в том числе особенностей подросткового возраста.

Сопутствующих факторов, склоняющих несовершеннолетнего на совершение правонарушения, множество, но при должном контроле со стороны родителей, при наличии активного участия родителей в жизни подростка все вышеописанные моменты не будут оказывать негативного воздействия на формирование его будущего.

2. Отрицательное влияние групп антиобщественной направленности. Стоит упомянуть ситуации, когда несовершеннолетние вовлекаются в деятельность деструктивных групп путем уговоров, просьб. Специфика преступной группы несовершеннолетних заключается в том, что она является фактором, формирующим у подростка антисоциальные взгляды, которые впоследствии приводят к совершению административных правонарушений.

3. Незанятость в свободное от учебы время. Важно отметить отсутствие фактора общественно-культурной агитации несовершеннолетних, что обуславливается слабой организацией кружков, спортивных секций, отсутствием мероприятий, направленных на вовлечение и закрепление в них несовершеннолетних. Также отмечается фактор несвоевременного трудоустройства лиц, не продолжающих обучение в общеобразовательных учреждениях, что ведет к увеличению свободного времени и возможности контактирования с лицами девиантного поведения [1, с. 172].

4. Недостатки учебно-воспитательной работы со стороны общеобразовательных учреждений. Основной задачей общеобразовательных учреждений, помимо образовательных услуг, является организация гражданско-патриотического воспитания и привитие дисциплины учащимся в процессе обучения.

Большинство несовершеннолетних преступников – это подростки, не окончившие общеобразовательное учреждение, что приводит к ослаблению социальных связей и облегчает контакт с источниками отрицательных влияний [2, с. 309].

К недостаткам учебно-воспитательной работы следует отнести:

- отсутствие связи между семьей и общеобразовательным учреждением в целях организации эффективного образовательного процесса;
- недостаточное мотивирование учеников к процессу обучения;
- отсутствие у педагогов желания и возможности компенсировать недостатки семейного воспитания.

Таким образом, противоправная деятельность несовершеннолетних начинается с проблем, возникающих в семье, в последующем возникают вопросы, связанные с неуспеваемостью в учебе, отстранением от жизни образовательного учреждения. Результатом этого зачастую становится знакомство и вступление в неформальные группы, имеющие антисоциальные

взгляды. Также причинами возникновения антисоциальных взглядов во время обучения подростка являются недостатки учебно-воспитательной работы в учреждении образования, снижение количества профилактических мероприятий, направленных на предупреждение совершения несовершеннолетними правонарушений.

В данном вопросе важно проводить активную работу по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию подростков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Преступность несовершеннолетних : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / Р. С. Данелян [и др.] ; под ред. А. В. Ростокинского. – М. : Юрайт, 2019. – 275 с.
2. Лазарев, В. В. Теория государства и права / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Юрайт, 2019. – 521 с.

К содержанию

С. Г. ВАСИЛЕВИЧ

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

НОРМЫ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В НОВОМ КоАП КАК ОТРАЖЕНИЕ ГУМАНИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Административно-деликтное законодательство, в отличие от блока актов законодательства, направленного на противодействие преступным посягательствам, не содержало конкретных мер по профилактике административных правонарушений. При общей численности населения 9,4 млн формально на каждого второго гражданина приходилось одно административное взыскание. Но если исходить из числа субъектов административной ответственности (для граждан – с 14 или 16 лет), то многие из них имели по несколько административных взысканий.

В связи с изложенным была осознана необходимость выработать комплекс мер, направленных на сокращение общего количества правонарушений, наметить пути профилактики, усилить стимулирующую роль норм административно-деликтного и процессуально-исполнительного законодательства, при выполнении которых лицо не считается административно наказанным. Итогом стало принятие в начале 2021 г. нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Он по многим направлениям принципиально отличается от прежнего аналогичного кодекса. В нем учтены многие идеи и предложения, высказанные в юридической науке.

В юридической науке подчеркивалась необходимость проведения более масштабной работы по профилактике административных правонарушений. Наложение административного взыскания служит поводом для анализа причин и условий, способствовавших совершению правонарушений. Статистические данные свидетельствуют о том, что органы административной юрисдикции крайне редко реагируют на выявленные причины и условия совершения правонарушений посредством внесения соответствующих представлений, что не способствует снижению на практике количества административных правонарушений.

В новом КоАП наиболее существенной новеллой стало определение «профилактические меры воздействия на правонарушителя». Им посвящена гл. 5 КоАП. Согласно ст. 5.1 к лицу, совершившему административное правонарушение, в целях предупреждения совершения им новых административных правонарушений могут применяться следующие профилактические меры воздействия: 1) устное замечание; 2) предупреждение; 3) меры воспитательного воздействия (в отношении несовершеннолетних). Профилактические меры воздействия применяются в случаях, предусмотренных КоАП, при освобождении лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности. Важно, что в КоАП даны разъяснения сути профилактических мер. Так, устное замечание заключается в разъяснении физическому лицу противоправного характера и общественной вредности совершенного им административного правонарушения и предостережении о недопустимости противоправного поведения с его стороны (ст. 5.2). Предупреждение состоит в письменном предостережении лица, совершившего административное правонарушение, о недопустимости противоправного поведения с его стороны и правовых последствиях повторного совершения данного административного правонарушения (ст. 5.3). Меры воспитательного воздействия применяются к несовершеннолетним, совершившим административное правонарушение, в случаях, предусмотренных гл. 9 КоАП (ст. 5.4). Гл. 9 КоАП посвящена вопросам административной ответственности несовершеннолетних. В ней предусмотрены особенности применения мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним. Так, при освобождении от административной ответственности несовершеннолетнего к нему в целях воспитания могут применяться следующие меры воспитательного воздействия: 1) разъяснение законодательства; 2) возложение обязанности принести извинения потерпевшему; 3) возложение обязанности загладить причиненный вред; 4) ограничение досуга. Сосредоточив внимание на профилактических мерах в отношении несовершеннолетних, законодатель тем самым обеспечивает уменьшение «притока» новых субъектов в число правонарушителей.

Ключевая особенность профилактических мер воздействия – отсутствие правовых последствий привлечения к административной ответственности, т. е. лицо, к которому применены профилактические меры воздействия, не будет считаться подвергавшимся административному взысканию.

В литературе обращается внимание на различие понятий профилактика и предупреждение. Нам близка позиция авторов, которые их разграничивают по субъектам, их осуществляющим, и считают, что «профилактика может быть реализована как органами официальной государственной власти, так и субъектами, не обладающими императивными правами и специальными полномочиями. Предупреждение, в свою очередь, представляет собой вид деятельности органов государственной власти» [1, с. 299].

Что касается профилактической работы среди несовершеннолетних, то в Республике Беларусь эта работа поставлена на хорошем уровне. Принят и действует ряд нормативных правовых актов, нацеленных на эту работу, в том числе Закон от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», Декрет Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» и др. Отметим, что в значительной мере благодаря Декрету Президента Республики Беларусь № 18 удалось консолидировать усилия большого числа органов (внутренних дел, образования, по труду и социальной защите, судебных) для профилактической работы с несовершеннолетними. Это содействовало укреплению законности и правопорядка. Вместе с тем эта работа должна быть продолжена, в том числе с усилением позитивного воздействия комиссий по делам несовершеннолетних, организаций, обеспечивающих досуг молодежи и детей.

Согласимся с позицией авторов, что первостепенное значение для формирования у несовершеннолетнего законопослушного поведения имеет семья. Особое внимание должно уделяться семьям, находящимся в состоянии кризиса [2, с. 185]. Как уже было отражено выше, значительную долю составляют административные правонарушения, связанные с нарушением скоростного режима. Помимо штрафной ответственности водителей, можно было бы ввести в практику перед выдачей водительского удостоверения проводить дополнительный инструктаж будущих водителей, демонстрировать фильмы о последствиях аварий на дорогах из-за нарушения существующих правил. В то же время целесообразно проанализировать существующие пределы скорости вне населенных пунктов, надо учитывать новый уровень дорог, их качество, пропускную способность, наличие дорожных развязок. Как показывает практика, значительное количество дорожных происшествий также обусловлено ненадлежащей дорожной

инфраструктурой. Исходя из этого, можно на соответствующих участках дорог несколько повысить допустимую предельную скорость. В западной практике дорожного движения есть примеры, когда полиция предъявляет претензии к водителю по причине того, что он движется с медленной скоростью, мешая общему потоку движения автомобилей. То есть вопросы профилактики значительно шире, чем просто привлечение к ответственности или освобождение от нее.

Управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения – одно из правонарушений, предупреждению которого государственные органы уделяют особое внимание. Отмеченное актуализирует проблему неотвратимости наказания водителей за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. В средствах массовой информации в последнее время часто звучат призывы к усилению ответственности за указанные действия. Здесь можно подумать и о таких мерах, как алкозамки, с целью исключения вообще возможности завести автомобиль, если водитель нетрезвый. Важно ответственное отношение к безопасности движения как водителей, так и самих пассажиров. Много примеров бравады со стороны молодых людей, которые сами, будучи пассажирами, употребляют алкоголь либо безразлично относятся к тому, что водитель делает это. Так, по опубликованным данным, 6 % молодых людей до 21 года сели за руль после употребления алкоголя, а 17 % ехали с водителем, который пил алкоголь. Важно в такой ситуации принять меры по прекращению вождения автомобиля такими лицами.

Обращаясь к анализу нового КоАП Республики Беларусь, отметим, что в нем по сравнению с КоАП 2003 г. исключено около 110 статей, которые не применялись в последние годы либо утратили свою актуальность. По более чем 230 составам правонарушений смягчена ответственность. Опыт показывает, что увеличение штрафных санкций не является действенной мерой и в большинстве случаев не влечет сокращения правонарушений. Это свидетельствует о дальнейшей гуманизации административно-деликтного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков, В. Ю. Профилактика и предупреждение административных правонарушений и преступлений / В. Ю. Волков, П. А. Макайда // Учен. зап. Крив. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. – 2020. – Т. 6 (72), № 3. – С. 297–303.
2. Бутова, М. В. О современном состоянии профилактики правонарушений среди несовершеннолетних / М. В. Бутова // Вестн. ВГУ. Сер.: Право. – 2021. – № 1. – С. 178–187.

К содержанию

В. А. ВАСЬКО

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

КОНКУРЕНЦИЯ В СФЕРЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Одним из самых действенных инструментов повышения эффективности работы рынков электроэнергии и снижения тарифов является усиление конкуренции между соответствующими участниками рынка. Конкуренция – основной фактор, который определяет эффективность работы соответствующих субъектов рынка электрической энергии: энергетических компаний, независимых производителей электроэнергии, конечных потребителей.

Белорусская электроэнергетика исторически развивалась как естественно-монопольная отрасль и фактически остается таковой и сегодня. Несмотря на то что Законом Республики Беларусь «О естественных монополиях» от 16 декабря 2002 г. № 162-З [1] к естественным монополиям в области электроэнергетики отнесены только услуги по передаче и распределению электрической энергии, услуги по оперативно-диспетчерскому управлению, на сегодняшний день энергетическая отрасль в Беларуси является естественной монополией, включающей вертикаль всех видов экономической деятельности, в том числе производство электрической и тепловой энергии, ее передачу и распределение, а также сбыт.

В Республике Беларусь в сфере электроэнергетики существующая система правового регулирования распространяется на единственного производителя с государственной формой собственности, которым является ГПО «Белэнерго», подчиненное Министерству энергетики Республики Беларусь.

Импорт электроэнергии и оптовую торговлю электроэнергией в республике осуществляет ГПО «Белэнерго». Оптовая торговля электроэнергией в республике сегодня осуществляется по типу «единого покупателя» на основании двухсторонних контрактов (оптовым покупателем импорта и избыточной электроэнергии региональных областных энергосистем и продавцом этой электроэнергии дефицитным энергосистемам является ГПО «Белэнерго»). В отношении режима диспетчеризации все контракты на куплю-продажу электроэнергии согласовываются с РУП «ОДУ» в части технической возможности их реализации.

Следует отметить, что мировой опыт реформирования электроэнергетики свидетельствует о постепенном движении различных стран мира,

в том числе и Республики Беларусь, по пути развития конкурентной среды, которая в конечном итоге должна способствовать привлечению инвестиций в сферу энергетики, снижению тарифов на электроэнергию для потребителей за счет повышения эффективности функционирования энергетики. Согласно данным, полученным в РУП «Гродноэнерго», в Гродненской области по состоянию на 2020 г. зарегистрировано 66 владельцев блок-станций, не входящих в систему Министерства энергетики. Для генерации электроэнергетических мощностей используются как возобновляемые, так и невозобновляемые источники энергии.

По мнению А. Григорьева, специфика электроэнергетики заключается в непрерывности процесса производства и потребления электроэнергии, так как ее практически невозможно хранить [2]. Именно этим обусловлена главная сложность развития конкуренции в данной сфере. Тем не менее реформирование электроэнергетической отрасли и внедрение конкуренции в тех сегментах электроэнергетики, в которых она возможна и целесообразна (в частности, в сфере производства и сбыта электрической энергии), необходимы.

Следует отметить, что процесс демонополизации и коммерциализации электроэнергетического рынка начался с 2012 г., когда была принята новая редакция Правил электроснабжения, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2011 г. № 1394 [3] (далее – Правила). Согласно упомянутым Правилам, энергоснабжающей организацией в Беларуси может стать любое юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, осуществляющее продажу потребителям произведенной или купленной электрической энергии и имеющее в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении электрические сети, по которым можно передавать электроэнергию потребителю, или источник электроэнергии. При этом в Правилах учитывается специфика снабжения и пользования электроэнергией, причем последняя признается товаром, который производится, передается, распределяется и потребляется.

Важным шагом к формированию внутреннего рынка электроэнергетики является подготовка и внесение Советом Министров Республики Беларусь 30 ноября 2020 г. в Администрацию Президента Республики Беларусь на рассмотрение проекта Указа Президента Республики Беларусь «О развитии конкуренции в сфере электроэнергетики» (далее – проект Указа). Данный проект Указа направлен на регулирование отношений между энергоснабжающими организациями системы Минэнерго, иными юридическими лицами, владеющими электрогенерирующими источниками (блок-станциями), и потребителями электроэнергии [4].

Проектом Указа предусматривается следующая возможность: для потребителей выбора поставщика электроэнергии (организации системы Минэнерго или владельцы блок-станций); для владельцев блок-станций выбора направлений реализации избытков электроэнергии (потребление собственными объектами или продажа организациям системы Минэнерго либо потребителям); формирование между владельцами блок-станций и потребителями договорных отношений по купле-продаже электроэнергии с ее поставкой от блок-станции до потребителя по электрическим сетям организаций системы Минэнерго.

Положения проекта Указа предусматривается распространить на организации жилищно-коммунального хозяйства и других владельцев блок-станций исходя из установленного Законом Республики Беларусь «О естественных монополиях» принципа равных (недискриминационных) условий доступа к услугам по передаче и (или) распределению электрической энергии по электрическим сетям энергоснабжающих организаций системы Минэнерго.

Как представляется, принятие указанного нормативного правового акта позволит создать условия по формированию между различными субъектами хозяйствования договорных отношений на передачу электрической энергии в пределах страны.

Таким образом, электроэнергетика Беларуси представляет собой вертикально-интегрированную модель управления энергетическим рынком, что дает возможность сохранять сложившуюся структуру и контролировать ценообразование, однако в перспективе влечет такие негативные последствия, как отсутствие экономических стимулов для повышения эффективности и необходимость государственного участия в финансировании отрасли либо перекладывания расходов на потребителей.

В настоящее время наблюдается тенденция к формированию конкурентной среды на электроэнергетическом рынке. Полагаем, что основными направлениями по совершенствованию рыночных отношений в сфере электроэнергетики должны стать конкуренция между поставщиками электроэнергии за потребителя (свободный выбор потребителем поставщика электроэнергии), конкуренция между производителями электроэнергии за участие в ее поставке на оптовом рынке электроэнергии, а также предоставление свободного доступа поставщиков и покупателей электроэнергии к электрическим сетям, в которых функционируют оптовые и розничные рынки электроэнергии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О естественных монополиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г., № 162-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Григорьев, А. Электроэнергетика сегодня: конкуренция без конкурентов? [Электронный ресурс] / А. Григорьев. – Режим доступа: <http://ipem.ru/news/publications/556.html>. – Дата доступа: 15.11.2021.

3. Об утверждении Правил электроснабжения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 окт. 2011 г., № 1394 : в ред. постановления от 02.07.2021 г. № 381 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. О развитии конкуренции в сфере электроэнергетики [Электронный ресурс] : проект Указа Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://forumpravo.by/files/Proekt_Ukaz_electroenergetika_19.06.2020.pdf. – Дата доступа: 15.11.2021.

К содержанию

Е. Н. ГОРБАЧ

Беларусь, Минск, Международный университет «МИТСО»

ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Использование цифровых технологий в экономике – одно из актуальных направлений современности. Широкомасштабное применение информационно-коммуникационных технологий привело к формированию глобального информационного общества и цифровой экономики. В этих условиях для Республики Беларусь особенно актуальным становится формирование условий для ускорения темпов цифровизации национальной экономики. Это предопределяет необходимость в оценке опыта правового регулирования цифровой экономики в государствах, признанных лидерами в изучаемом направлении.

Европейский союз (далее – ЕС) является одним из центров развития цифровой экономики в мире [1]. Правовые основы деятельности ЕС, связанной с развитием цифровой экономики, заложены в ст. 179, 180 Договора о функционировании Европейского союза, посвященных исследованиям и технологическому развитию. К настоящему времени процесс цифровизации экономики ЕС преобразовался в разветвленную сеть мер, охватывающих значительную часть общеевропейской повестки.

Стратегия создания Единого цифрового рынка ЕС (Digital Single Market) была принята 6 мая 2015 г. в связи с существенным отставанием стран ЕС от США по показателям, характеризующим эффективность национальной экономики. Фактически именно с начала этого периода можно утверждать, что в ЕС пришли к пониманию необходимости проведения системных мероприятий в сфере стимулирования цифровой трансформации [2]. Единый цифровой рынок ЕС подразумевал под собой снятие всех национальных барьеров в цифровой сфере между государствами ЕС

для облегчения ведения бизнеса, совершения частных покупок, доступа к информации при высоком уровне ее защиты.

Среди задач, направленных на создание благоприятных условий для развития цифровой экономики, особое место, согласно стратегии создания Единого цифрового рынка ЕС, занимало устранение непоследовательности в регулировании этой сферы на уровне ЕС и гармонизация правовых подходов государств-членов к регулированию отношений в цифровом пространстве [2].

Срок действия стратегии Единого цифрового рынка ЕС истек в 2019 г. Среди достижений указанной стратегии можно выделить снижение трансграничных ограничений в части условий использования роуминга мобильных устройств; создание инфраструктуры, обеспечивающей поддержку мобильной связи в стандартах 4G и 5G, что в первую очередь способствовало массовому переходу предприятий на модели Индустрии 4.0; развитие технологий электронного правительства, а также повышение качества и скорости информационного обмена между правительствами стран – участниц ЕС [2].

В дальнейшем в Европейском союзе, взявшем курс на цифровую трансформацию бизнеса и общества, в дополнение к уже существующим программам в области развития современных технологий, опираясь на стратегию Единого цифрового рынка, в 2019 г. была принята еще одна программа, направленная на внедрение цифровых технологий для бизнеса, граждан и государственных администраций.

Программа «Цифровая Европа», на реализацию которой Европейская комиссия в бюджете на 2021–2027 гг. заложила 9,2 млрд евро, направлена на повышение конкурентоспособности ЕС и обеспечение его граждан всеми навыками и инфраструктурой для применения новейших технологий. В рамках программы «Цифровая Европа» планируется финансировать проекты в пяти ключевых областях: суперкомпьютеры (2,7 млрд евро), искусственный интеллект (2,5 млрд), кибербезопасность (2 млрд), передовые навыки работы с цифровыми технологиями (700 млн), обеспечение широкого использования цифровых технологий в экономике и обществе, к чему относится поощрение малых и средних предприятий, а также государственных учреждений (1,3 млрд евро). Эта программа служит органическим дополнением к уже действующим мерам по поддержке развития средств коммуникаций в Европе, а также к 9-й рамочной программе ЕС по исследованиям и инновациям (Horizon Europe) на 2021–2027 гг. с бюджетом около 100 млрд евро в рамках новой стратегии ЕС «Европа-2030».

Европейская комиссия опубликовала коммюнике «Формирование цифрового будущего Европы» («Shaping Europe's digital future»), адресованное Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому

и социальному комитету и Комитету регионов в феврале 2020 г., в котором изложила свое видение цифрового будущего Европы. Оно подразумевает разработку в ближайшие годы ряда нормативных актов, стратегий и других документов, охватывающих различные аспекты использования технологий государством, бизнесом и гражданами [1]. Кроме того, Европейская комиссия в феврале 2020 г. опубликовала Белую книгу об искусственном интеллекте («On Artificial Intelligence – A European approach to excellence and trust») и коммюнике «Европейская стратегия в области данных» («A European strategy for data»), также являющиеся частью выработанной комиссией Европейской цифровой стратегии.

Европейской комиссией отмечено, что реализация цифровизации должна базироваться на трех основных принципах:

1) «технология, которая работает на благо людей», включающая в себя содействие развитию цифровых навыков всех жителей ЕС, защита населения от киберугроз, развитие искусственного интеллекта при соблюдении прав и интересов населения, ускоренное обеспечение высокоскоростным интернетом учреждений, а также использование возможностей суперкомпьютеров;

2) «понятная и конкурентоспособная цифровая экономика», а именно обеспечение доступа стартапов и малого бизнеса к финансированию, которое будет способствовать их дальнейшему росту, расширение границ ответственности онлайн-платформ в части предоставляемых ими услуг, обеспечение равных условий конкуренции и расширение доступа к качественным базам данных при одновременном соблюдении правил по защите персональных данных.

3) «открытое, демократическое и устойчивое общество», включающее в себя использование только тех технологий, которые помогут Европе стать климатически нейтральной к 2050 г., сократить углеродные выбросы в высокотехнологичных отраслях экономики, создать «Европейскую базу данных о здоровье» при сохранении их персональных данных, а также повышение качества медиаконтента в Интернете.

В марте 2021 г. Европейская комиссия представила новую стратегию цифровизации до 2030 г. – «Цифровое десятилетие» (Digital Decade). Основные цели данного документа получили название «Европейский цифровой компас» и были обобщены в четыре группы: развитие цифровых навыков и увеличение количества высококвалифицированных специалистов в сфере информационных технологий, создание безопасной, эффективной и устойчивой цифровой инфраструктуры, цифровая трансформация бизнеса, цифровизация государственных услуг. В настоящее время Европейский союз активно продолжает политику цифровизации экономики. В сентябре 2021 г. была анонсирована разработка политической программы

«Путь в цифровое десятилетие», в которую должны быть включены конкретные механизмы и дорожные карты, обеспечивающие достижение плановых показателей, которые зафиксированы в «Цифровом компасе». Утверждение данной программы запланировано на декабрь 2021 г. [2].

Таким образом, ЕС имеет широкую повестку по вопросам развития цифровой экономики, рассматривая переход к цифровой экономике как ключевой элемент плана по восстановлению после пандемии COVID-19. Республика Беларусь сделала цифровизацию экономики приоритетным направлением развития страны, но пока оно находится на стадии определения собственного подхода к цифровизации. В этой связи Беларуси необходимо следить за новыми инициативами ЕС в этой области и использовать наилучшие идеи на своей территории. Реформы ЕС в области регулирования «цифровой экономики» в будущем могут стать мировыми стандартами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмадзода, Н. С. Зарубежный опыт государственного регулирования в условиях цифровой экономики [Электронный ресурс] / Н. С. Ахмадзода. – Режим доступа: <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-1-104-118>. – Дата доступа: 03.11.2021.

2. Мерзлов, И. Ю. Опыт стратегического управления цифровой трансформацией в Европейском союзе: текущие результаты и направления дальнейшего развития [Электронный ресурс] / И. Ю. Мерзлов. – Режим доступа: <https://1economic.ru/lib/113695>. – Дата доступа: 03.11.2021.

К содержанию

И. И. КАЗЬЯНИН

Беларусь, Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

Привлечение военнослужащих к материальной ответственности в Вооруженных Силах Республики Беларусь осуществляется на основании совершенного дисциплинарного проступка, следствием которого стало причинение ущерба государственному имуществу, которое состоит на балансе воинской части. К государственному имуществу необходимо отнести вооружение, обмундирование, военную технику, деньги, здания, сооружения и иные ценности, принадлежащие государству.

Основанием для возбуждения производства по взысканию материального вреда с военнослужащего является приказ командира воинской части, издаваемый посредством применения ст. 27 Устава внутренней службы

Вооруженных Сил Республики Беларусь, согласно которой военнослужащий несет материальную ответственность за причиненный ущерб государству при исполнении им служебных обязанностей. Тем самым законодатель указывает на одно из обязательных оснований привлечения военнослужащего к материальной ответственности – исполнение служебных обязанностей, т. е. причинение вреда в служебное время. Отсюда автором делается вывод о том, что при причинении вреда государству военнослужащим вне служебного времени последний несет гражданскую ответственность на общих основаниях.

Характерной особенностью материальной ответственности военнослужащих является тот факт, что она наступает лишь за причиненный реальный ущерб государству, а такие понятия, как упущенная выгода, пользование чужими денежными средствами и др., не принимаются во внимание. Еще одной особенностью является недопущение привлечения военнослужащего к материальной ответственности, если факт порчи государственного имущества произошел вследствие выполнения приказа командира (начальника) или вследствие выполнения законных действий либо в связи с наступлением обстоятельств непреодолимой силы.

Кроме того, в рамках реализации принципа неотвратимости наказания, в соответствии со ст. 73 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь военнослужащий не освобождается от возмещения материального вреда при привлечении его к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. Сам порядок, условия и основания привлечения военнослужащего к материальной ответственности устанавливаются положением «О материальной ответственности военнослужащих», утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1477 от 22 ноября 2004 г. (далее – Положение).

В соответствии с п. 3 Положения, при привлечении военнослужащего к материальной ответственности должны учитываться следующие условия: причинение ущерба, наличие оснований дисциплинарного проступка, наличие причинно-следственной связи между действиями военнослужащего и материальным вредом, а также установленной вины военнослужащего в причиненном ущербе. В случае если хоть одно из вышеуказанных условий не будет выполнено, военнослужащий к материальной ответственности не привлекается.

Материальная ответственность военнослужащих делится на два вида: ограниченная и полная. Полная материальная ответственность военнослужащего наступает, когда военнослужащему в силу п. 11 Положения было передано имущество по разовой доверенности на хранение, перевозку, пользование или для иных целей; при умышленном уничтожении или повреждении имущества, а также вследствие освобождения военнослужащего

по нереабилитирующим основаниям и при совершении порчи имущества военнослужащим в алкогольном опьянении или наркотическом дурмане.

Ограниченная материальная ответственность военнослужащих носит дифференцированный характер и заключается в следующем. Для военнослужащих контрактной службы устанавливается возмещение материального вреда в размере ущерба, но не более их среднемесячного денежного довольствия. На военнослужащих срочной службы распространяется возмещение вреда не свыше одной базовой величины, а на командира части – не более трехкратной среднемесячной величины денежного довольствия. Тем самым законодатель устанавливает разность в выплате материального ущерба с условием занимаемого должностного положения и категории военнослужащих.

При рассмотрении ограниченной материальной ответственности военнослужащих автор считает, что применение категорированного подхода к возмещению вреда, указанного в п. 10 Постановления, является не совсем правильным, поскольку в практической деятельности при порче одинакового имущества все категории выплачивают ущерб в различном размере. И соответственно, каждый военнослужащий возместит определенную часть денежных средств от общей стоимости имущества. К примеру, оценка испорченного имущества будет равна половине среднемесячного денежного довольствия командира части, военнослужащего контрактной службы – в размере среднемесячного денежного довольствия, а срочной службы – в размере пяти денежных довольствий. Тем самым командир части ущерб погасит в полном объеме, военнослужащий контрактной службы – в размере половины от оцененного вреда, а военнослужащий срочной службы – в размере одной базовой величины.

В связи с этим автор считает, что использование принципа категорирования военнослужащих при применении ограниченной материальной ответственности является не совсем правильным, данная система подразумевает для каждого военнослужащего возмещение причиненного вреда в различном размере по одному и тому же проступку. В данном случае целесообразно ограничить материальную ответственность переквалифицировать в процентное соотношение причиненного вреда и установить в сумме, не превышающей 50 % от причиненного ущерба для всех категорий военнослужащих, а удержание с денежного довольствия военнослужащих установить следующим образом:

– для военнослужащих срочной службы ущерб возмещается в сумме 50 % от размера ущерба с обеспечением обязательства по возмещению вреда путем ежемесячного удержания с денежного довольствия не более 50 % от начисленной суммы;

– для военнослужащих контрактной службы, в том числе офицеров и командиров частей, – в размере 50 % от суммы установленного материального вреда с обеспечением обязательства по возмещению ущерба через ежемесячное удержание с денежного довольствия не более 25 % от начисленной суммы.

Таким образом, предложенная автором система возмещения причинения вреда при ограниченной материальной ответственности была бы более целесообразной, поскольку результат возмещения вреда будет общим для всех категорий военнослужащих и более эффективным. Также данное нововведение сможет способствовать повышению ответственности и дисциплинированности в воинских формированиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2001 г., № 355 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 04.09. 2014 г. № 432 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2001 г., № 355 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 04.09.2014 г. № 432 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Положение о материальной ответственности военнослужащих [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 нояб. 2004 г., № 1477 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

К. Д. КРУТОВЦОВА

Беларусь, Минск, Белорусский государственный экономический университет

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ НА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВАХ

Реклама, размещаемая на транспортных средствах, является одной из самых дешевых и часто используемых, вместе с тем есть достаточно сложностей в ее правовом регулировании. Как следует из проведенного изучения правовых источников, основные требования и ограничения изложены в Законе Республики Беларусь «О рекламе» (далее – Закон) и Положении о порядке размещения (распространения) и согласования наружной рекламы, рекламы на автомобилях, трамваях, троллейбусах, колесных тракторах,

автопоездах, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2007 № 1497 «О реализации Закона Республики Беларусь “О рекламе”» [1; 2]. Обратимся к практике реализации их правовых предписаний.

В анализируемых нормативных правовых актах закреплено, что реклама на транспорте не должна представлять опасности для участников дорожного движения, располагаться на стеклах, а также мешать узнаваемости цвета автомобиля. Однако, исходя из анализа практики правоприменения рекламы на транспортных средствах, современные рекламисты все чаще предлагают необычные рекламы, которые перестают быть просто «наклейкой на транспорте». Применяются 3D-изображения, яркие и броские цвета и расположение в самых непривычных местах. В таком случае и возникают проблемы с регулированием. Ведь некоторые аспекты юридически не закреплены, а значит, решение о доброкачественности рекламы принимается непросто. Например, не всегда можно понять, какая реклама может быть опасной для участников дорожного движения, если ее не протестировать. Так, безопасная, на первый взгляд, реклама может привлечь слишком сильное внимание водителя, тем самым нарушив его сосредоточенность, что может привести к застою транспорта либо в худшем случае к аварии. Если же подобное произойдет, то на ком будет лежать административная ответственность? На рекламодателе, рекламораспространителе или на самом водителе?

Правовое регулирование начинается с момента регистрации рекламы, перед выдачей разрешения проверяется ее соответствие всем правовым нормам. Однако даже однозначно утвержденная реклама может случайно стать причиной дорожного происшествия. Проблема состоит в том, что если речь касается психологических аспектов поведения и реагирования людей, то невозможно безошибочно предугадать, какую реакцию повлечет то или иное действие. Как бы то ни было, представляется, что подобная реклама должна иметь более строгое правовое закрепление в Законе. К числу таких правовых регуляторов возможно на законодательном уровне закрепить в квалификационных признаках административного правонарушения в сфере рекламной деятельности перечень используемых элементов рекламы, которые могут стать причиной повышенного внимания, а значит, быть не полностью безопасными для участников дорожного движения.

Еще одним проблемным моментом привлечения к административной ответственности за нарушения требований ст. 13.9. «Нарушение законодательства о рекламе» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее – КоАП) [3] применительно к предмету нашего исследования является квалификация признаков

правонарушения, связанных с размещением элементов габаритной рекламы на общественных транспортных средствах, которые частично перекрывают окна. С одной стороны, такая реклама не мешает обзору водителя в процессе управления транспортным средством, значит, напрямую не может послужить причиной аварии. В дальнейшем это деяние не может квалифицироваться как объективная сторона элемента состава административного правонарушения, так как не противоречит требованиям абз. 3 п. 1 ст. 14 Закона о рекламе: реклама не должна ограничивать обзорность с места водителя и видимость в направлении движения. Сложность состоит в том, чтобы определить, нарушает ли подобная реклама требования, изложенные в абз. 5 п. 1 этой же статьи, где закреплено, что реклама не должна размещаться на стеклах транспортного средства. Учитывая, как часто встречается транспорт с рекламой, заходящей на окна, можно сделать следующий вывод: либо такая реклама не признается размещенной на стеклах, либо она не проходит через строгое регулирование. Однако подобная реклама может заслонить обзор пассажирам данного транспорта и не дать возможности своевременно узнать о предстоящей общественной опасности. Следовательно, реклама, размещенная таким образом, тоже может поставить под угрозу безопасность участника дорожного движения. В силу этого в целях совершенствования состава административного правонарушения за нарушения размещения рекламы на транспортных средствах предлагается дополнить ст. 13.9. «Нарушение законодательства о рекламе» КоАП в части, касающейся установления запретов на размещение любых элементов габаритной наружной рекламы на общественном транспорте, препятствующей безопасному управлению ими.

Следующим спорным моментом при квалификации административной ответственности в области наружной рекламы на транспортных средствах является определение субъекта правонарушения. В большинстве случаев рекламодатели привлекаются к административной ответственности в виде денежного штрафа в размере от 5 до 50 базовых величин в зависимости от его идентификации. Согласно требованиям п. 2 ст. 18.1 КоАП, умышленное блокирование транспортных коммуникаций лицом, управляющим транспортным средством, повлекшее создание аварийной обстановки, влечет наложение штрафа в размере от 6 до 50 базовых величин с лишением права заниматься определенной деятельностью сроком от одного года до двух лет или без лишения. Тут же отмечено, что под созданием аварийной обстановки понимаются действия участников дорожного движения, вынудившие других его участников изменять скорость, направление движения или принимать иные меры по обеспечению

собственной безопасности или безопасности других лиц, а равно повлекшие повреждение другого транспортного средства или имущества других участников дорожного движения. В рассматриваемой правовой ситуации размещенная на транспорте реклама может стать причиной повышенного внимания, а следовательно, повлечь за собой изменение скорости, направления движения либо стать причиной аварии. Значит, ситуация подходит под требования норм КоАП. Однако не урегулированным в полной мере остается вопрос в том, кого именно из участников рекламного правоотношения считать субъектом административного правонарушения. Хотя нормы ст. 611 «Ответственность за вред, причиненный транспортным средством» Гражданского кодекса Республики Беларусь опосредованно предусматривают подобную ситуацию с точки зрения аренды транспортного средства, но применительно к виновности рекламодавца или рекламораспространителя полной ясности не определяют [4].

Изучение правовых источников в контексте указанного предмета исследования дает основания для вывода о том, что нормативное правовое регулирование рекламных мероприятий представляет собой важнейшую теоретико-правовую категорию административного права и имеет важное значение в процессе административного производства при размещении (распространении) рекламы на территории Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-3 : с изм. и доп. : текст по состоянию на 12 нояб. 2021 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700225>. – Дата доступа: 11.11.2021.

2. О реализации Закона Республики Беларусь «О рекламе» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 нояб. 2007 г., № 1497 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 09.07.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК2100091>. – Дата доступа: 11.11.2021.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. – Дата доступа: 11.11.2021.

К содержанию

Д. А. КУДЕЛЬ

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН, ИМУЩЕСТВА И ТЕРРИТОРИЙ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

В последнее время экономические реалии обозначили ряд острых проблем в сфере обеспечения имущественных прав граждан и юридических лиц, которые особенно значимо проявились при возникновении чрезвычайных ситуаций. В Республике Беларусь назрела практическая необходимость использовать дополнительные правовые инструменты, позволяющие обеспечить принцип неприкосновенности собственности как основополагающую социально-экономическую гарантию прав граждан и юридических лиц в сфере имущественных отношений. Решением подобной задачи является эффективная законодательная база, позволяющая своевременно реагировать на возникающие глобальные вызовы, ярким примером которых стала пандемия COVID-19.

На наш взгляд, в настоящее время одними из наиболее дискуссионных являются нормы о реквизиции и национализации имущества.

Принцип «неприкосновенности собственности» является основополагающим, обеспечивает единство всех норм права, характеризует сущность отрасли права и цели гражданского правового регулирования и, как правило, имеет обязательную силу в процессе регулирования и правоприменения.

Как отмечает ряд авторов, «при интерпретации принципа неприкосновенности частной собственности его следует рассматривать как фундаментальное, основное начало гражданского законодательства, которое в определенных случаях может быть ограничено. При этом, оценивая каждое ограничение исследуемого принципа, необходимо определить, во-первых, насколько оно оправданно с точки зрения баланса частных и общественных интересов. Во-вторых, имеет ли оно целью защиту одного из значимых общественных благ. И в-третьих, устанавливается ли оно на основании закона и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь. Если указанные условия соблюдены, то ограничения принципа неприкосновенности частной собственности следует признать допустимыми. Таким образом, если ограничения прав частного собственника осуществляются на основании закона и в системе конституционных координат, можно утверждать об ограничении принципа неприкосновенности частной собственности. В иных случаях речь идет о нарушении принципа неприкосновенности частной собственности» [1].

Представляется, что самым сложным моментом в соблюдении принципа неприкосновенности частной собственности и основным нарушением прав собственника является возможность принудительного отчуждения или ограничения права собственности, поэтому необходимо детально урегулировать правопрекращающие юридические факты (основания для принудительного прекращения права собственности). В ст. 236 Гражданского кодекса Республики Беларусь установлен исчерпывающий перечень оснований (в случаях, предусмотренных законом, а также в судебном порядке) принудительного изъятия имущества у собственника [2].

Из указанного перечня оснований для принудительного прекращения имущественных прав подавляющее большинство предполагает обязательную компенсацию. Принудительное безвозмездное прекращение права собственности возможно только в исключительных случаях: обращение взыскания на имущество по неисполненным обязательствам, конфискация, случаи противодействия коррупции, т. е. в случаях неправомерного поведения собственника.

Е. Н. Афанасьева указывает на невозможность отнесения норм о реквизиции к какой-либо конкретной отрасли права: «Данные отношения на различных этапах лежат в сфере публичного (конституционного, административного, финансового, бюджетного) и частного права. Реквизиция – межотраслевое явление, затрагивающее как публичные, так и частные отношения, которые регулируются как нормами гражданского, так и административного и иного законодательства. Предлагается рассматривать реквизицию в широком и узком смысле. В узком смысле, исходя из норм гражданского права, собственно реквизиционными называются отношения, возникающие непосредственно при изъятии имущества. Юридическим фактом, порождающим это правоотношение, будет решение (акт) компетентного государственного органа об изъятии конкретного имущества, в результате чего у компетентного государственного органа появится право изъять то или иное имущество и обязанность выдать компенсацию собственнику. А у собственника, соответственно, возникнет обязанность имущество передать (или не препятствовать его изъятию) и право требовать компенсации. Также после отпадения причин, по которым было необходимо произвести реквизицию, у собственника (бывшего собственника) в соответствии с действующим законодательством возникает право обратиться в суд с требованием о возврате сохранившегося имущества, и при вынесении положительного решения – у госоргана появится обязанность это имущество вернуть» [3].

Если рассматривать реквизиционные отношения в широком смысле, то необходимо говорить о системе разноотраслевых правоотношений:

1) для того чтобы реквизиционное правоотношение как таковое могло существовать, необходимо нормативное закрепление правил о реквизиции

в действующем законодательстве, принятие соответствующего нормативно-правового акта;

2) для применения механизма реквизиции необходимо наличие или реальная угроза чрезвычайных обстоятельств;

3) решение государственного органа о реквизиции. Именно с этого этапа и начинается конкретное реквизиционное правоотношение.

Реквизицию с полной уверенностью можно назвать межотраслевым институтом законодательства, который, имея свои особенности, но являясь частью чрезвычайного законодательства, призван выполнять специфические функции, присущие всем чрезвычайным актам, – действовать в экстренных критических ситуациях с целью восстановления нормального функционирования общества и государства, а также для защиты интересов личности.

Таким образом, в результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Анализ норм законодательства, принятых в развитие положений Конституции Республики Беларусь (ст. 44) об исключениях из принципа неприкосновенности собственности, не позволяет в полном объеме защитить имущественные интересы граждан и юридических лиц [4]. Выявлены проблемы правового регулирования изъятия (реквизиции) у собственника имущества, вытекающие из противоречий нормативных правовых актов друг другу и актам большей юридической силы.

2. В целях устранения возможных противоречий и споров при применении реквизиции представляется необходимым принятие постановления Совета Министров Республики Беларусь «О принудительном изъятии имущества при возникновении чрезвычайных ситуаций природного, социального, техногенного характера и в условиях проведения трансграничных противоэпидемических мероприятий», детально регламентирующего данный правовой инструмент (порядок оценки имущества, подлежащего реквизиции; перечень имущества, не подлежащего реквизиции; основания и порядок осуществления реквизиции и т. д.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теоретико-прикладные аспекты совершенствования гражданского законодательства с учетом современных интеграционных процессов / под ред. О. А. Бакинской. – Минск : Колорград, 2017. – 342 с.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Афанасьева, Е. Н. Реквизиция: гражданско-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. Н. Афанасьева. – Томск, 2009. – 187 л.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

К содержанию

Е. В. КУЗЬМИНА

Беларусь, Минск, БИП – Университет права
и социально-информационных технологий

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Актуальность темы обусловлена наличием проблемы квалификации действий, связанных с приобретением и использованием исключительного права на товарный знак, как акта недобросовестной конкуренции или злоупотребления правом. Исследование показало актуальность проблемы и в Российской Федерации [1].

В Беларуси регистрация товарного знака осуществляется в Национальном центре интеллектуальной собственности. Также есть возможность зарегистрировать товарный знак на территории других стран, так как Беларусь является участницей Мадридского соглашения о международной регистрации знаков и Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков. Мадридская система позволяет получить регистрацию товарного знака во всех государствах-членах путем подачи одной заявки непосредственно в национальное патентное ведомство своей страны. Данная система в значительной мере сокращает расходы на получение охраны товарного знака в нескольких странах, упрощает делопроизводство по получению и последующему управлению товарным знаком.

Вместе с тем правовая охрана товарному знаку предоставляется только в том случае, если он зарегистрирован. Если регистрация произведена не была, то использовать данный товарный знак может любое лицо. К сожалению, регистрация товарного знака и получение им правовой охраны не исключают недобросовестную конкуренцию, которая часто проявляется в использовании знака, сходного с зарегистрированным товарным знаком до степени смешения. Запрет несанкционированного использования товарного знака третьими лицами – это одна из составляющих исключительного права, и правообладатель пользуется ей по своему усмотрению.

Существуют целые фабрики, вся деятельность которых основана на незаконном использовании товарных знаков. Эти фабрики производят контрафактные товары, называемые в обиходе «подделкой». Контрафактными являются товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно применены товарный знак или обозначение, сходное с ним до степени смешения [2, ст. 29], т. е. это изделия, маркированные товарным знаком без разрешения его владельца, иными словами, выдаваемые с помощью товарного знака за товары правообладателя, но на самом деле не имеющие к нему никакого отношения.

Производство контрафактных товаров – это целая теневая область экономики, существующая параллельно с легальным производством, и отдельным правообладателям не под силу бороться с ней самостоятельно. Подделки существуют практически во всех областях, однако наиболее привлекательными для изготовителей контрафакта являются, по понятным причинам, те товарные знаки, которые уже завоевали определенную известность и присутствие которых на товаре способствует более активным продажам. Для борьбы с контрафактными товарами требуются организационные, технические, кадровые и административные ресурсы правоохранительных органов, а также их специфические полномочия. И правоохранительные органы действительно объединяют свои усилия со знаниями и усилиями правообладателей для борьбы с контрафактом как в рамках отдельных государств, так и в международном масштабе.

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях в ст. 13.33 предусмотрена административная ответственность за недобросовестную конкуренцию, в том числе за умышленное незаконное использование фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания), географического указания, включая введение в гражданский оборот товаров с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации участников гражданского оборота или их товаров [3].

Административный процесс по делам о недобросовестной конкуренции начинается по требованию потерпевшего лица либо его законного представителя, выраженному в форме заявления. Также процесс может быть начат прокурором либо по его письменному поручению органом, ведущим административный процесс, которым в соответствии со ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях является Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ). Процесс подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего либо его законного представителя с лицом, в отношении которого ведется административный процесс.

За последние три месяца МАРТ было вынесено более пятнадцати решений, касающихся нарушения законодательства в данной области, что говорит о высокой эффективности работы данного органа. В их числе решение Комиссии МАРТ от 3 сентября 2021 г. № 359/37-2021 в отношении УП «Пластпосуда», в действиях которого было установлено наличие совокупности признаков недобросовестной конкуренции, выразившихся в имитации этикетки (упаковки) вводимого в гражданский оборот на территории Республики Беларусь ЗАО «БеллаПак».

Поскольку каждый вид несанкционированного использования товарного знака представляет собой самостоятельное нарушение, правообладателю

телю необязательно в каждом конкретном случае до конца распутывать клубок незаконных действий, доискиваясь, кто произвел контрафактные товары или осуществил незаконный ввоз товаров с товарным знаком в Беларусь. К ответственности может быть привлечен любой из продавцов в незаконной цепочке и даже лицо, осуществляющее хранение товаров. Самостоятельность различных форм использования означает также то, что нарушителем может являться даже лицо, получившее право использования товарного знака по лицензионному договору, если договор касается, например, исключительно производства товаров на территории Беларуси и их последующей реализации, а лицензиат одновременно ввозит товары с товарным знаком из другой страны.

Одним из инструментов, который может помочь правообладателю в обнаружении и пресечении нарушений, является таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, который ведется Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь (далее – ГТК) [4]. Таможенный реестр – это не копия и не альтернатива Государственному реестру товарных знаков и знаков обслуживания, а совершенно особая база данных, в которую товарный знак, уже охраняемый на территории Беларуси, включается по заявлению правообладателя, имеющего достаточные основания полагать, что может иметь место нарушение его прав в связи с ввозом товаров в Республику Беларусь или их вывозом.

Таким образом, вопросы правоприменительной практики в сфере незаконного использования товарного знака являются актуальными в связи с наличием проблемы квалификации действий, связанных с приобретением и использованием исключительного права на товарный знак, как акта недобросовестной конкуренции или злоупотребления правом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашаров, З. Квалифицируем действия по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак в качестве недобросовестной конкуренции или злоупотребления правом [Электронный ресурс] / З. Кашаров, Э. Гапураева. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1474421/>. – Дата доступа 18.11.2021.

2. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 91-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.03.2021 г. № 91-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

А. А. КУРИЛЕНКО

Беларусь, Минск, Минский инновационный университет

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕТСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Важнейшей задачей современного мирового пространства является защита прав ребенка. В современном правовом поле правосудие над несовершеннолетними и обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов ребенка, т. е. ювенальная юстиция, представляют собой один из главных элементов государственной власти, который служит гарантией соблюдения и обеспечения предусмотренных законодательством прав и свобод детей [1, с. 69].

Важным международным документом, закрепляющим права ребенка, является Конвенция ООН о правах ребенка, в п. 1 ст. 3 которой предусматривается, что во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка [2].

Защита прав ребенка, находящегося в конфликте с законом, в сфере правосудия по делам несовершеннолетних (ювенальной юстиции), представляет систему взаимосогласованных действий государства, общественности и международных неправительственных организаций, направленных на разработку и обеспечение прав ребенка с целью формирования полноценной и гармонически развитой личности, содействие их закреплению в законодательстве [1, с. 69].

В Республике Беларусь присутствуют некоторые элементы ювенальной юстиции: инспекции по делам несовершеннолетних, приемник-распределитель, воспитательные колонии для несовершеннолетних. Однако в работе государственных органов и общественных организаций, осуществляющих профилактическую деятельность среди подростков, следует констатировать неупорядоченность и неурегулированность их отношений.

По нашему мнению, комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, органы труда и социальной защиты, органы внутренних дел осуществляют профилактику детской преступности. Однако необходимо учитывать, что в Республике Беларусь отсутствует единый государственный орган по вопросам детства.

Таким образом, можно сделать вывод, что значительно эффективнее могла бы проводиться работа над предупреждением противоправного поведения несовершеннолетних, если бы этим занималась специализиро-

ванная социальная служба, в состав которой входили бы педагоги, психологи и иные специалисты, которые обладают знаниями в области детской психологии [3, с. 81].

Ввиду того, что главной целью в системе ювенальной юстиции является защита прав несовершеннолетних, их правам и интересам отдается приоритет над правами взрослых, а именно родителей. Это касается и права на воспитание. Несовершеннолетний является самостоятельным субъектом, а права и обязанности родителей играют второстепенную роль и лишь принимаются во внимание.

Данная система придерживается «мягкого» правосудия над несовершеннолетними и отрицает такой вид наказания, как лишение свободы. Большое внимание она уделяет общественно полезному труду, вовлечению несовершеннолетних в бесплатные секции, клубы, кружки.

Сторонниками введения ювенальной юстиции в Республике Беларусь являются, как правило, люди, профессиональная и трудовая деятельность которых связана с работой с несовершеннолетними правонарушителями и детьми из неблагополучных семей. Сталкиваясь каждый день с детьми, совершившими общественно опасные деяния, работники правоохранительных органов, придерживаются того, чтобы была закреплена особая процедура рассмотрения дел о преступлениях и правонарушениях несовершеннолетних, которая будет отличаться от общей процедуры рассмотрения административных и уголовных дел.

Несмотря на бытующее мнение, что введение в действие ювенальной юстиции приведет к массовому отлучению детей от их родителей, сторонники введения ювенальной юстиции полагают, что основной задачей этого института должно стать сохранение кровной семьи для ребенка.

Подводя итог, считаем целесообразным сделать следующие выводы. По нашему мнению, самая важная проблема в работе белорусских субъектов профилактики – их ведомственная разобщенность. В Республике Беларусь повышение квалификации работников правоохранительного блока, социальных служб, учреждений здравоохранения и образования в указанных областях, как правило, на деле заканчивается участием в семинарах, круглых столах и т. п. Видится необходимым, помимо такой формы работы по повышению квалификации, в обязательном порядке указанным лицам получать высшее педагогическое образование с присвоением квалификации «педагог-психолог» или «детский психолог» в установленном белорусским законодательством порядке. Также институт ювенальной юстиции защищает права несовершеннолетних в соответствии с международными стандартами, которые установлены ООН, о чем свидетельствует опыт стран, внедривших данный институт в свою правовую систему. Поскольку ювенальная юстиция разработана для решения психологических,

социальных и правовых проблем детей, то, следовательно, отношения с их родителями в таких странах улучшаются, а специалисты оказывают помощь не только ребенку, но и его окружению, что благоприятно сказывается на снижении роста детских правонарушений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, Ю. А. Современный подход к защите прав несовершеннолетних в гражданском процессуальном законодательстве / Ю. А. Васильева, А. А. Куриленко // Управление в социальных и экономических системах : материалы XXX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14 мая 2021 г. / редкол.: Н. В. Суша (пред.) [и др.] ; Минский инновац. ун-т. – Минск : Минский инновац. ун-т, 2021. – С. 69–70.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка [Электронный ресурс] : [принята резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи от 20 нояб. 1989 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Васильева, Ю. А. Ювенальная юстиция в Республике Беларусь / Ю. А. Васильева, А. А. Куриленко // Проблемы и перспективы современной науки : сб. ст. участников X Респ. науч.-практ. семинара молодых ученых, Минск, 18 дек. 2020 г. / редкол.: В. В. Гедранович [и др.] ; Минский инновац. ун-т. – Минск : Минский инновац. ун-т, 2021. – С. 81–83.

К содержанию

В. Г. МИТЬКО

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ЗА СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Совершенствование административного законодательства привело к появлению нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). С принятием Кодекса появилось определенное количество новаций как в Общей части, так и в Особенной. Одной из главных новаций является введение института профилактических мер воздействия и в связи с этим – расширение перечня оснований для освобождения от административной ответственности. С целью усиления профилактической составляющей административной ответственности, сужения сферы применения административного взыскания до пределов, оптимально необходимых для поддержания общественного порядка, в разд. III КоАП включена гл. 5 «Профилактические меры воздействия» [1]. В частности, такими мерами являются устное замечание, предупреждение, меры воспитательного воздействия (в отношении несовершеннолетних),

применение которых осуществляется в рамках института освобождения от административной ответственности.

Указанные профилактические меры по общему правилу полагается назначать вместо административного взыскания за совершение правонарушений, не относящихся к категории грубых. В зависимости от определенных условий их применение будет обязательным (например, предупреждение за однократно совершенные административные проступки) либо факультативным (например, меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним).

Так, устное замечание – разъяснение физическому лицу противоправного характера и общественной вредности совершенного им административного правонарушения и предостережение о недопустимости противоправного поведения с его стороны [1] – предлагается объявлять в устной форме при малозначительности совершенного физическим лицом административного правонарушения до начала административного процесса (т. е. без составления протокола об административном правонарушении и иных процессуальных документов).

Предупреждение – письменное предостережение лица, совершившего административное правонарушение, о недопустимости противоправного поведения с его стороны и правовых последствиях повторного совершения административного правонарушения [1] – предлагается применять к физическим и юридическим лицам в случае признания ими факта совершения административного правонарушения и согласия на освобождение от административной ответственности с вынесением предупреждения. При этом применение предупреждения осуществляется:

- императивно – за совершенные однократно административные проступки;

- по усмотрению суда, органа, ведущего процесс, – за совершенные однократно значительные административные правонарушения.

Лицо считается совершившим административный проступок (значительное административное правонарушение) однократно в случае, если в течение одного года до его совершения оно не подвергалось административному взысканию и не освобождалось от административной ответственности с вынесением предупреждения за такое же нарушение.

На стадии подготовки дела к рассмотрению предупреждение применяется в упрощенном порядке, без составления протокола об административном правонарушении с вынесением постановления об освобождении от административной ответственности. В случае если административное правонарушение фиксируется работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, для применения предупреждения будет учитываться лишь критерий однократности административного правонарушения.

Особое внимание необходимо уделить мерам воспитательного воздействия, которые могут быть назначены несовершеннолетнему в качестве альтернативы административному взысканию при освобождении его от административной ответственности [1]. Законодатель, учитывая возраст этих лиц, подробнейшим образом изложил механизм и особенности привлечения их к ответственности. Важно отметить ст. 9.4 КоАП, в которой перечислены данные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним в случае совершения им административного правонарушения. К таким мерам относятся:

– разъяснение законодательства (разъяснение несовершеннолетнему противоправного характера и общественной вредности совершенного им административного правонарушения и причиненного этим правонарушением вреда, а также негативных правовых последствий повторного совершения им новых правонарушений);

– возложение обязанности принести извинения потерпевшему (возложение на несовершеннолетнего обязанности извиниться перед потерпевшим за совершенное административное правонарушение в публичной или иной форме, определенной судом, органом, ведущим административный процесс);

– возложение обязанности загладить причиненный вред (фактическое возмещение вреда, причиненного административным правонарушением);

– ограничение досуга (возложение на несовершеннолетнего обязанности соблюдения на срок до 30 суток определенного порядка использования свободного от учебы и (или) работы времени).

Данные меры позволят, исходя из условий жизни и воспитания подростка, уровня его интеллектуального, волевого и психического развития, ограничиться мерами воспитательного воздействия с целью дальнейшего недопущения им в своей жизни противоправного поведения, уважения действующего законодательства и формирования правовой культуры.

Ключевая особенность профилактических мер воздействия – отсутствие правовых последствий привлечения к ответственности: состояния подверженности административному взысканию, повторности административного правонарушения при совершении нового аналогичного правонарушения [4, с. 367]. Меры профилактического воздействия, за исключением устного замечания, которое не влечет для лица никаких негативных последствий, можно считать видом мер административного принуждения, так как они применяются должностными лицами органов, ведущих административный процесс вопреки воли лица за совершение административного правонарушения [3, с. 35].

Порядок применения профилактических мер воздействия определяет Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об админи-

стративных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-3, что закреплено в п. 3 ч. 1 ст. 1.1 данного Кодекса [2].

Таким образом, профилактические меры воздействия – это меры административного принуждения, применяемые к лицу, совершившему административное правонарушение при освобождении его от административной ответственности. Благодаря появлению таких мер, исходя из индивидуальной ситуации, органам государственного управления предоставлено право ограничиться только применением мер профилактического воздействия в отношении субъекта, при этом руководствуясь принципами законности, справедливости и гуманизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 93-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Семенюк, Д. П. Понятие и формы реализации административной ответственности / Д. П. Семенюк // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2021. – № 1. – С. 32–36.

4. Ратош, С. В. Совершенствование законодательства об административной ответственности в Республике Беларусь / С. В. Ратош // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы междунар. науч.-практ. конф, Санкт-Петербург, 26 марта 2021 г. / С.-Петерб. ун-т ; под ред. А. И. Каплунова. – СПб., 2021.

К содержанию

К. Д. МОЩУК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

В настоящее время общественные объединения являются одной из самых распространенных организационно-правовых форм некоммерческих организаций в Республике Беларусь.

Согласно ч. 1 ст. 1 Закона «Об общественных объединениях», общественным объединением является добровольное объединение граждан, которое в установленном законодательством порядке объединилось на основе

общности интересов для удовлетворения нематериальных потребностей и достижения уставных целей [1].

На территории Республики Беларусь могут создаваться международные, республиканские и местные общественные объединения.

Международными признаются общественные объединения, союзы, которые созданы на территории Республики Беларусь и их деятельность направлена не только в пределах Республики Беларусь, но и в нескольких иностранных государствах, если иное не предусмотрено Законом.

Республиканские общественные объединения – некоммерческие формирования, деятельность которых распространяется на всю территорию Республики Беларусь.

Местными признаются общественные объединения, союзы, деятельность которых распространяется на территорию одной или нескольких территориальных единиц Республики Беларусь [1].

Общественные объединения имеют особый административно-правовой статус, который направлен на удовлетворение нематериальных потребностей граждан, а также защиту их прав и законных интересов.

Содержание ст. 5 Конституции Республики Беларусь гласит, что данные некоммерческие формирования содействуют выявлению и выражению политической воли граждан и именно это является преобладающей чертой политического плюрализма в белорусском обществе [2].

Административно-правовым статусом общественных объединений является их правовое положение в сфере государственного управления. Элементами административно-правового статуса принято считать комплекс прав и обязанностей, административную правоспособность и административную дееспособность.

Права общественных объединений содержатся в гл. 4 Закона «Об общественных объединениях», одними из которых являются осуществление деятельности, направленной на достижение уставных целей; создание союзов; защита прав и законных интересов, а также представление законных интересов членов в государственных органах и иных организациях и т. д.

Общественные объединения и союзы имеют ряд принципов (содержатся в ст. 4 Закона «Об общественных объединениях»), которыми они руководствуются при осуществлении своей деятельности. К ним относятся принципы законности, добровольности, равноправия, самостоятельности и гласности [1].

Принцип законности предполагает создание общественных объединений и союзов в соответствии с данным Законом или иными законодательными актами, а их деятельность руководствуется исключительно Конституцией Республики Беларусь, Законом «Об общественных объединениях», иными актами законодательства и своими учредительными

документами. Данный принцип имеет наиболее общий и всеобъемлющий характер, содержание которого выражается в строгом и полном осуществлении предписаний правовых норм всеми субъектами права.

Принцип добровольности указывает на инициативный характер создания общественных объединений и определяет правовые гарантии, которые необходимы для их дальнейшей деятельности.

Принцип равноправия предопределяет наличие у каждого члена общественного объединения, союза равные права и обязанности независимо от своего статуса, территории деятельности, выполняемых целей и задач. Кроме того, это позволяет вступать в членство независимо от пола, расы, национальности, языка, отношения к религии или места жительства.

Принцип самостоятельности указывает на самостоятельное решение его членами вопросов деятельности объединения. Данный принцип характеризуется самостоятельным и свободным выбором членов формирования своей внутренней структуры, решаемых задач, целей, форм и методов деятельности.

Принцип гласности является гарантирующим механизмом демократизации и общественной жизни. В сущность гласности входит возможность получения достоверной, наиболее полной и точной информации об общественном объединении и его деятельности; свободное перемещение социальной информации в обществе, связанной с деятельностью общественного объединения; выражение публичной оценки и своего мнения относительно деятельности общественного объединения.

Обязанности являются одним из имманентных свойств административно-правового статуса общественных объединений. К ним относятся соблюдение законодательства Республики Беларусь, общепризнанных принципов и норм международного права, касающихся сферы его деятельности, а также норм, которые предусмотрены его учредительными документами.

Административная правоспособность подразумевает потенциальную возможность субъекта права воспользоваться установленными для него правами и свободами, а также нести юридические обязанности в сфере административного права, в то время как административная дееспособность предполагает способность субъекта права своими действиями осуществлять права и выполнять обязанности, которые предусмотрены административно-правовыми нормами, и нести ответственность.

Согласно ст. 8 Закона «Об общественных объединениях», общественные объединения создаются по инициативе граждан Республики Беларусь, достигших возраста 18 лет, за исключением молодежных и детских общественных объединений, где возраст вступления достигает 16 лет.

Общественные объединения в обязательном порядке должны быть зарегистрированы Министерством юстиции, что характерно для международных и республиканских общественных объединений. Регистрация местных общественных объединений осуществляется главным управлением областного, Минского городского исполнительного комитета.

Не только в Конституции Республики Беларусь, но и в Законе «Об общественных объединениях» содержится статья, которая категорически запрещает деятельность незарегистрированных общественных объединений, а также общественных объединений, пропагандирующих войну или экстремистскую деятельность на территории Республики Беларусь [1].

Ст. 10 Закона «Об общественных объединениях» регламентирует, что высшим органом общественного объединения, союза является съезд, конференция, общее собрание или иное собрание членов общественного объединения.

Ликвидации и реорганизации общественного объединения и союза посвящена ст. 19 Закона «Об общественных объединениях». Ликвидация осуществляется по решению высшего органа общественного объединения, союза или по решению суда в случаях, которые предусмотрены ст. 29 этого же Закона, реорганизация же осуществляется по решению высшего органа общественного объединения, союза в порядке, установленном законодательными актами.

Таким образом, в формулировку административно-правового статуса субъекта права входят комплекс прав и обязанностей, административная право- и дееспособность. Общественное объединение является одним из важных субъектов административного права, который способствует идее политического плюрализма в Республике Беларусь, а рассмотренные ранее принципы, которыми они руководствуются, являются так называемым фундаментом, основой для создания такого некоммерческого формирования и определяющими положениями для осуществления деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19403254>. – Дата доступа: 09.10.2021.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2021.

К содержанию

А. Н. НОВИК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В административном праве выделяют два основных вида субъектов: носители исполнительной власти, т. е. государство и носители субъективных прав и обязанностей, т. е. те лица, которые не обладают государственной властью. Так, иностранные граждане и лица без гражданства относятся к категории носителей субъективных прав и обязанностей.

Для начала необходимо выяснить, кто такие «иностранные граждане» и «лица без гражданства» на территории Республики Беларусь. В Законе Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» устанавливается, что иностранными лицами признаются те лица, которые не являются гражданами Республики Беларусь, а имеют принадлежность к гражданству другого государства. Лицами без гражданства являются те лица, которые не имеют принадлежности ни к гражданству Республики Беларусь, ни к гражданству другого государства [2].

Ст. 11 Конституции Республики Беларусь гласит, что иностранные граждане и лица без гражданства на территории нашей страны пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией или иными законами и международными договорами [1]. Однако некоторыми законодательными актами допускаются ограничения их прав и свобод в тех случаях, если это необходимо для защиты прав и свобод граждан Республики Беларусь, а также нашей безопасности.

В теории таких граждан классифицируют по многим критериям, но следует отметить, что в основном выделяются три категории иностранных граждан:

1. Постоянно проживающие – это те иностранные граждане, которые имеют разрешение и вид на жительство, которое выдается органами внутренних дел. Иностранцы, которые проживают на нашей территории постоянно, определяются уже как «иммигранты», и их правовое положение регулируется Законом Республики Беларусь «Об иммиграции».

2. Временно пребывающие – это те иностранные граждане, которые находятся на нашей территории на иных законных основаниях, т. е. прибывшие на срок до 90 суток или на основании визы, или в порядке,

который не требует визы, и не имеющие разрешения на временное проживание на территории Республики Беларусь.

3. Проезжающие через территорию Республики Беларусь транзитом. Такие лица осуществляют транзитный проезд по документу для выезда за границу при наличии визы. Их деятельность контролируется Министерством внутренних дел Республики Беларусь совместно с Комитетом государственной безопасности Республики Беларусь. Нарушения условий транзитного проезда влекут ответственность в соответствии с нашим законодательством.

Рассмотрим понятие «административно-правовой статус». Данный статус определяет совокупность прав и обязанностей гражданина, которые закрепляются административно-правовыми нормами, и устанавливает его положение в сфере государственного положения. Административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь определяется рядом нормативно-правовых актов, таких как Конституция Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства», Закон Республики Беларусь «Об утверждении Правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республики Беларусь» и др. Также следует заметить, что во многих случаях одна группа правоотношений регулируется одновременно несколькими нормативно-правовыми актами, которые принимают разные органы государственного управления.

Согласно нашему законодательству, они обязаны быть зарегистрированными при въезде на нашу территорию и иметь при себе документ, удостоверяющий их личность, или иные документы, установленные законодательными актами.

Основные права, свободы и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь закрепляются в гл. 2 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» [2].

Иностранные граждане и лица без гражданства имеют право вступать в профессиональные союзы и общественные объединения, однако не могут быть членами политических партий. Они имеют право заниматься трудовой и предпринимательской деятельностью на нашей территории наравне с гражданами Республики Беларусь, при этом соблюдая некоторые исключения.

Как и граждане Республики Беларусь, они имеют право на образование наравне с несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь, также имеют право на охрану здоровья, т. е. право на доступное медицинское обслуживание, при этом при въезде на нашу территорию им необходимо иметь договор обязательного медицинского страхования.

Иностранцы имеют небольшой круг особенностей административно-правового статуса, который кардинально отделяет их от граждан Республики Беларусь:

1. Ограничение участия в выборах и референдумах, а именно не могут избирать и быть избранными в выборные государственные органы в Республике Беларусь.

2. Иностранные граждане и лица без гражданства не исполняют воинскую повинность.

3. Применение некоторых видов административного принуждения (депортация). Депортация может быть в отдельно предусмотренных случаях, например, если их действия противоречат интересам обеспечения государственной безопасности и охраны общественного порядка или если они грубо нарушили законодательство о их правовом положении в Республике Беларусь (например, нарушение пограничного режима).

Иностранцы наделены и кругом обязанностей, касающихся соблюдения наших законов, уважения нашего народа и традиций, а также сохранения историко-культурного наследия.

Таким образом, можно сделать вывод, что административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь независим от их происхождения, социального, имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий и иных обстоятельств. Они имеют достаточно широкий круг прав и свобод, а также обязанностей наравне с гражданами Республики Беларусь, но и некоторые ограничения в правах, например связанных с государственной службой или участием в референдумах или выборах. В современных условиях действующее законодательство о правовом положении иностранцев на нашей территории во многом совершенствуется, в него вносятся корректировки и дополнения.

На наш взгляд, законодатели могли бы рассмотреть вопрос о внесении изменений, касающихся постоянно проживающих на территории Республики Беларусь иностранных граждан, например об исполнении ими воинской повинности в зависимости от срока постоянного нахождения их на нашей территории: если этот срок более пяти лет, то они будут обязаны исполнять воинскую повинность наравне с гражданами Республики Беларусь. Также можно добавить таким гражданам право на участие в выборах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2021.

2. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-З. – 2019. – Режим доступа: http://bseu.by/russian/international/law_int.htm. – Дата доступа: 09.10.2021.

К содержанию

В. Е. ПЕТУХОВА

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Законодательством Республики Беларусь установлен особый порядок привлечения лиц к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, который предполагает соединение в один процесс двух групп самостоятельных процессов. Один предусмотрен в Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (в редакции от 08.01.2018 № 98-З с изменениями) (далее – Закон № 98-З), а другой – в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК_оАП). Полагаем, что необходимость установления специальных правил производства по административным правонарушениям в сфере антимонопольного регулирования вполне объяснима. Различная природа мер принуждения, предназначенных для реагирования на нарушения антимонопольного законодательства, и мер административной ответственности делает необходимым раздельное их применение. В то же время указанные меры объективно взаимосвязаны, так как привлечение к административной ответственности обусловлено предварительным установлением факта нарушений антимонопольного законодательства по специальной процедуре.

Согласно ст. 13 Закона № 98-З одной из функций Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) является установление факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства [1, ст. 14]. Реализация данного полномочия возложена на постоянно действующую комиссию по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства.

При наличии достаточных оснований заинтересованное лицо подает в МАРТ заявление о нарушении, которое рассматривается в течение трех месяцев со дня его поступления. Если для установления факта наличия

(отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства необходимы совершение определенных действий, получение дополнительной информации, в том числе из иностранного государства, в сроки, превышающие трехмесячный срок, МАРТ вправе продлить срок рассмотрения заявления о нарушении, о чем уведомляется заявитель. Полагаем, такое продление сроков вполне оправданно. Действительно, для определения, имелись ли нарушения антимонопольного законодательства, необходимо провести сложную аналитическую работу по изучению товарных рынков, занимаемого в них положения конкретного субъекта хозяйствования, выявлению действий по злоупотреблению доминирующим положением или ограничивающих конкуренцию. Это требует не только временных затрат, но и специальных познаний в данной сфере. Однако такие действия не должны длиться неопределенное время. В связи с этим предлагаем дополнить первое предложение ч. 3 ст. 40 Закона № 98-3 словами «но не более чем на шесть месяцев».

Сравнивая порядок осуществления стадии подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению, урегулированный нормами ПИКоАП, и порядок проведения антимонопольного расследования МАРТ, можно отметить, что ПИКоАП устанавливает более жесткие процессуальные требования, чем Закон № 98-3. В ст. 40 Закона № 98-3 содержатся некоторые начала состязательности, присущие судебному процессу. Так, заявитель, лицо, в отношении которого подано заявление о нарушении, лицо, в действиях (бездействии) которого антимонопольным органом обнаружены признаки нарушения антимонопольного законодательства, а также лицо, чьи права, свободы и законные интересы затрагиваются в связи с установлением факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства, вправе знакомиться с содержанием заявления о нарушении и доказательствами, делать выписки из них, представлять доказательства, заявлять ходатайства, знакомиться с ходатайствами других лиц, возражать против ходатайств других лиц, давать пояснения в письменной и (или) устной формах. Подобные права предоставлены лицу, в отношении которого ведется административный процесс согласно ст. 4.1 ПИКоАП. В то же время Закон № 98-3 не содержит требования к доказательствам и правилам доказывания, что может повлечь формальный сбор весомых доказательств вменяемого нарушения либо их оценку не в соответствии с установленными критериями. Исходя из этого, процедура рассмотрения дела антимонопольным органом лишает субъектов-ответчиков необходимых процедурных гарантий защиты их прав не только в рамках этой процедуры, но и при последующем административном процессе. Кроме того, ни Закон № 98-3, ни Положение не устанавливают необходимости извещения и вызова заинтересованных лиц для участия в заседании

комиссии. На наш взгляд, это существенно влияет на полноту и всесторонность рассмотрения дела и вынесения объективного решения, так как, участвуя на заседании комиссии, стороны могли бы давать дополнительные пояснения, задавать друг другу вопросы, заявлять ходатайства, представлять дополнительные доказательства и др. В этом проявляются равные возможности по защите своих прав сторонами процесса. В связи с этим полагаем необходимым предусмотреть в Законе № 98-3 возможность участия в заседании комиссии заинтересованных лиц.

По результатам рассмотрения заявления о нарушении комиссией принимается решение, которое доводится до сведения заинтересованных лиц в течение пяти рабочих дней. Закон № 98-3 не содержит положений о моменте вступления в силу решения комиссии, однако из анализа ст. 44 можно сделать вывод о том, что решение вступает в силу со дня его принятия. С этого момента исчисляется и срок для обжалования решения – 30 календарных дней. Все процессуальные кодексы Республики Беларусь содержат правило, согласно которому срок на обжалование решения начинается течь с момента получения мотивировочной части, если было подано заявление о ее изготовлении. Полагаем, что нормы Закона № 98-3 в части обжалования должны быть гармонизированы с процессуальным законодательством Республики Беларусь. Так, следует указать на сроки изготовления решения комиссии в полном объеме и определить момент принятия решения датой его полного изготовления. Устранение отмеченных недостатков необходимо для предоставления заинтересованным лицам возможности полноценно в рамках действующего правового регулирования реализовывать свое право на обжалование, более качественно составлять жалобы, что в конечном счете повысит эффективность судебной защиты нарушенных прав.

Таким образом, порядок установления факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства, установленный в Законе № 98-3, с формальной точки зрения обособлен в определенной степени от административного процесса в соответствии с ПИКоАП. Представляется необходимым гармонизировать нормы указанных нормативных актов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г., № 94-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. № 98-3 : с изм. от 18.12.2019 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

Є. О. ПИЛИПЕНКО

Україна, Кривий Ріг, Криворізький навчально-науковий інститут
Донецького державного університету внутрішніх справ

ПРОБЛЕМНІ ПИТАННЯ ПРИТЯГНЕННЯ ДО АДМІНІСТРАТИВНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ ЗА ПРАВОПОРУШЕННЯ, ПЕРЕДБАЧЕНІ Ч. 1 СТ. 122-2 КУпАП

Відповідно до ст. 35 Закону України «Про Національну поліцію» від 02.07.2015 № 580-VIII, поліцейський може зупиняти транспортні засоби у разі: якщо водій порушив Правила дорожнього руху; якщо є очевидні ознаки, що свідчать про технічну несправність транспортного засобу; якщо є інформація, що свідчить про причетність водія або пасажирів транспортного засобу до вчинення дорожньо-транспортної пригоди, кримінального чи адміністративного правопорушення, або якщо є інформація, що свідчить про те, що транспортний засіб чи вантаж можуть бути об'єктом чи знаряддям учинення дорожньо-транспортної пригоди, кримінального чи адміністративного правопорушення; якщо транспортний засіб перебуває в розшуку; якщо необхідно здійснити опитування водія чи пасажирів про обставини вчинення дорожньо-транспортної пригоди, кримінального чи адміністративного правопорушення, свідками якого вони є або могли бути; якщо необхідно залучити водія транспортного засобу до надання допомоги іншим учасникам дорожнього руху або поліцейським або як свідка під час оформлення протоколів про адміністративні правопорушення чи матеріалів дорожньо-транспортних пригод; якщо уповноважений орган державної влади прийняв рішення про обмеження чи заборону руху; якщо спосіб закріплення вантажу на транспортному засобі створює небезпеку для інших учасників дорожнього руху; порушення порядку визначення і використання на транспортному засобі спеціальних світлових або звукових сигнальних пристроїв; якщо зупинка транспортного засобу, який зареєстрований в іншій країні, здійснюється з метою виявлення його передачі у володіння, користування або розпорядження особам, які не ввозили такий транспортний засіб на митну територію України або не поміщували в митний режим транзиту [1].

Поліцейський зобов'язаний зупиняти транспортні засоби у разі: якщо є інформація, що свідчить про порушення власником транспортного засобу митних правил, виявлені митними органами відповідно до Митного кодексу України, а саме: порушення строків тимчасового ввезення та (або) переміщення в митному режимі транзиту іншого транспортного засобу особистого користування, використання такого транспортного засобу для цілей підприємницької діяльності та (або) отримання доходів в Україні,

розкомплектування чи передачу у володіння, користування або розпорядження такого транспортного засобу особам, які не ввозили такий транспортний засіб на митну територію України або не поміщували в митний режим транзиту; якщо є інформація, що свідчить про те, що транспортний засіб, який зареєстрований в іншій країні, не зареєстрований в Україні у встановлені законодавством строки чи перебуває на території України з порушенням строків тимчасового ввезення та (або) переміщення в митному режимі транзиту, чи використовується для цілей підприємницької діяльності та (або) отримання доходів в Україні, чи переданий у володіння, користування або розпорядження особам, які не ввозили такий транспортний засіб на митну територію України або не поміщували в митний режим транзиту [1].

Невиконання водіями вимог поліцейського про зупинку транспортного засобу тягнучим адміністративну відповідальність за ч. 1 ст. 122-2 КУпАП. Санкція частини передбачає накладення штрафу в розмірі дев'яти неоподатковуваних мінімумів доходів громадян або позбавлення права керування транспортними засобами на строк від трьох до шести місяців [2].

Водієм, відповідно до Правил дорожнього руху, затверджених постановою Кабінету Міністрів України від 10.10.2001 № 1306 (у редакції нормативно-правового акту від 01.11.2021), є особа, яка керує транспортним засобом і має посвідчення водія (посвідчення тракториста-машиніста, тимчасовий дозвіл на право керування транспортним засобом, тимчасовий талон на право керування транспортним засобом) відповідної категорії. Водієм також є особа, яка навчає керуванню транспортним засобом, перебуваючи безпосередньо в транспортному засобі [3].

Виходячи зі змісту ч. 1 ст. 122-2 КУпАП та визначення поняття «водій», виникає доречне питання: чи можна притягнути до адміністративної відповідальності за невиконання вимог поліцейського особу, яка керує транспортним засобом, не маючи при цьому посвідчення водія? На сьогодні, на жаль, ні. Притягнути особу, яка не має посвідчення водія, за правопорушення, передбачене ч. 1 ст. 122-2 КУпАП не вбачається можливим, адже така особа, відповідно до чинного законодавства України, не визнається водієм. Більш того, навіть сам факт зупинення поліцейським транспортного засобу під керуванням такої особи також породжує питання щодо юридичного обґрунтування, адже відповідно до п. 1 ч. 1 ст. 35 Закону України «Про Національну поліцію», поліцейський може зупиняти транспортний засіб лише у разі, якщо саме водій порушив Правила дорожнього руху [1].

Уникнути та врегулювати у подальшому такі проблемні питання щодо притягнення винної особи до адміністративної відповідальності за ч. 1 ст. 122-2 КУпАП можна лише внесенням відповідних змін до визначення

поняття «водій», яким слід розуміти та визнавати будь-яку особу, яка керує транспортним засобом, а не тільки ту, що має посвідчення водія.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Про Національну поліцію [Електронний ресурс] : Закон України, 2 липня 2015 р., № 580-VIII. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/580-19#n282>. – Дата доступу: 15.11.2021.

2. Кодекс України про адміністративні правопорушення [Електронний ресурс] : Закон України, 7 грудня 1984 р., № 8073-X. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/80731-10#n998>. – Дата доступу: 15.11.2021.

3. Про Правила дорожнього руху [Електронний ресурс] : постанова Кабінету Міністрів України, 10 жовтня 2001 р., № 1306. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1306-2001-%D0%BF#n17>. – Дата доступу: 15.11.2021.

К содержанию

М. М. ПРОКОПУК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время гражданин Республики Беларусь является одним из основных субъектов административного права, т. е. его важным участником. основополагающим источником прав, свобод и обязанностей гражданина в административно-правовой сфере является Конституция Республики Беларусь. В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, законах, декретах и указах Президента, в постановлениях Правительства, актах министерств и иных органов отражается наиболее конкретное содержание административно-правовых отношений [1].

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь и Законом «О гражданстве Республики Беларусь» административно-правовой статус гражданина является составной частью его общего статуса.

Административно-правовой статус гражданина – юридическое закрепление положения гражданина в обществе, совокупность его субъективных прав и обязанностей, гарантий, а также ответственность, которые закреплены административно-правовыми нормами. Исходя из данного определения, представим структуру административно-правового статуса гражданина:

- гражданство;
- правоспособность;
- дееспособность;

- права и интересы гражданина;
- обязанности гражданина.

Согласно Закону «О гражданстве Республики Беларусь», гражданство – это устойчиво-правовая связь человека с Республикой Беларусь, которая выражается в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, которая основывается на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека. На гражданина распространяется суверенная государственная власть, которая действует на него независимо от границ государства [2, ст. 1].

В Республике Беларусь граждане равны перед законом независимо от каких-либо признаков. Равное положение граждан поддерживается во всех отраслях экономической, политической, социальной и культурной жизни.

Административная правосубъектность – это возможность участвовать в административно-правовых отношениях. Она включает в себя правоспособность и дееспособность. От объема правоспособности и дееспособности зависит содержание административно-правового статуса гражданина. Сама же административная правосубъектность зависит от возраста, состояния здоровья, в частности психического, наличия соответствующего образования и иных обстоятельств.

Следующим структурным элементом административно-правового статуса гражданина является его правовой статус, который можно разделить:

- на основные неотъемлемые права, такие как право на жизнь, здоровье, достоинство и т. д.;
- права и обязанности, закрепленные Конституцией и другими правовыми актами. В них входят право на образование, на создание предприятий, на землю и др.;
- гарантии реализации прав и обязанностей, механизм их охраны.

Также административно-правовой статус имеет свое содержание. В него входит административная правоспособность, которая возникает с момента рождения гражданина и заканчивается с его смертью, она не может быть отчуждаемой либо передаваемой, может быть временно ограничена в установленном законом порядке.

Кроме этого, содержание включает в себя совокупность прав и обязанностей, которые установлены Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях и другими нормативными правовыми актами Республики Беларусь.

Таким образом, административно-правовой статус гражданина Республики Беларусь состоит из устойчивой правовой связи гражданина с государством, из которой возникают права, обязанности и ответственность гражданина, закрепленные актами законодательства и позволяющие ему участвовать в управлении государством, а также удовлетворять публичные и личные интересы при помощи деятельности государственных органов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный правовой Интернет-портал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/gosudarstvo-i-pravo/pravovaya-sistema-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 08.10.2021.

2. О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 авг. 2002 г., № 136-З. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_grazhdanstve.htm. – Дата доступа: 08.10.2021.

К содержанию

Н. О. РАМАЗАНОВА

Беларусь, Минск, Белорусский государственный экономический университет

О СОВРЕМЕННОЙ ТРАКТОВКЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В условиях нарастания социально-политической напряженности в современном мире проблемы обеспечения национальной безопасности приобретают особое значение. Динамичное функционирование любого государства и общества невозможно, если не обеспечена их безопасность. Новые угрозы безопасности независимому белорусскому государству предъявляют принципиально новые требования и к системе обеспечения национальной безопасности, «которая должна обладать не только свойством быстрого реагирования на возникающую опасность, но и потенциалом для ее предотвращения» [1, с. 4–5].

Незаконная миграция представляет реальную угрозу белорусскому государству, провоцирует рост преступности, межнациональных конфликтов, вызывает социальную напряженность в обществе, наносит существенный вред экономическим интересам государства, что в конечном итоге подрывает безопасность Республики Беларусь. «В политической сфере она выступает прямой угрозой безопасности страны, ее геополитическим интересам и международному авторитету; в экономической сфере – способствует расширению масштабов теневой экономики, развивающейся вне экономического законодательства, изъятию из финансового оборота существенной доли денежных средств, ... в социальной сфере – приводит к усилению социальной напряженности» [2].

Следует согласиться с выводом А. В. Андриченко и И. В. Плюгиной о двустороннем характере связи миграции и безопасности: «это не только безопасность общества и государства, затрагиваемых миграционными процессами, но и безопасность личности, прежде всего самих мигрантов, которая во многом зависит от вида перемещения (миграции) и его оснований» [3, с. 311]. Безусловно, нелегально находящиеся в стране лица не могут пользоваться даже тем скромным объемом прав, которые им предо-

ставлены, большой проблемой является привлечение их к выполнению установленных обязанностей.

Как и обычная миграция, незаконная миграция порождается целым комплексом экономических, политических, демографических, военных, экологических и иных причин. Во многих случаях наблюдается сочетание различных причин, побудивших человека к незаконной миграции, что серьезно усложняет выбор мер противодействия ей.

Основной задачей, стоящей перед государством, является недопущение возможных социально-политических рисков в сфере миграции, в первую очередь национальной, расовой нетерпимости, ксенофобских настроений в обществе, изоляции мигрантов от принимающего социума.

При оценке миграционных рисков следует учитывать и приграничную маятниковую миграцию, имеющую свою специфику. В приграничных районах Беларуси, особенно в Гродненской и Брестской областях, активно функционируют иностранные общины, в том числе финансируемые из-за рубежа, чья деятельность зачастую носит явно деструктивный характер.

Следует отметить, что понятие «незаконный мигрант» трактуется достаточно широко, особенно в правоприменительной практике.

Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией (заключено в г. Москве 6 марта 1998 г.) относит к незаконным мигрантам граждан третьих государств и лиц без гражданства, нарушивших в том числе правила транзитного проезда через территорию сторон [4, ст. 1].

Концепция сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции (одобрена в г. Астане Советом глав государств СНГ 16 сентября 2004 г.) под незаконной миграцией понимает перемещение на территорию государства – участника СНГ, пребывание, перемещение с его территории граждан государств – участников СНГ, третьих государств и лиц без гражданства с нарушением законодательства данного государства [5].

Аналогичные определения можно встретить и в научных трудах. Так, например, по мнению А. И. Федорако, «незаконная миграция – въезд иностранцев в Республику Беларусь, пребывание (проживание) иностранцев в Республике Беларусь, транзитный проезд иностранцев через территорию Республики Беларусь, а также выезд иностранцев из Республики Беларусь в другие государства в нарушение действующего законодательства» [6, с. 9].

Е. Ю. Садовская под незаконным мигрантом предлагает понимать иностранца, «который въезжает в страну вне пунктов контроля, избегает досмотра официальными лицами, получает разрешение обманным путем или вступает в фиктивный брак для того, чтобы обойти иммиграционные законы» [7, с. 52].

А. Н. Шкилев придерживается позиции, что незаконная миграция – это «территориальное перемещение населения в физическом пространстве, вызванное социально-экономическими, политико-правовыми, национально-демографическими факторами в нарушение действующих норм международного права и национального законодательства» [8, с. 12]. Таким образом, он сводит понятие незаконной миграции исключительно к незаконному перемещению. Такой подход представляется не совсем верным, поскольку перемещение на первоначальных этапах может осуществляться вполне законно (например, въезд в страну на основании открытой визы, которая затем была просрочена).

По нашему мнению, неправильно сводить незаконную миграцию исключительно к трансграничным перемещениям и исключительно иностранных граждан, как это делается в большинстве предлагаемых дефиниций. Незаконно мигрировать могут и граждане Республики Беларусь. В частности, они также могут нарушать правила въезда (выезда) на территорию (за пределы) Республики Беларусь. Однако следует учитывать, что правила пересечения границы, как и вообще территориальных перемещений, для иностранцев и граждан Республики Беларусь существенно отличаются, поэтому сводить их воедино в рамках одной дефиниции нецелесообразно.

Представляется, что дефиниция незаконной миграции для целей законодательного регулирования должна отличаться одновременно емкостью и лаконичностью и включать в себя следующие ее проявления: незаконный въезд (выезд) на территорию (за пределы территории) Республики Беларусь; незаконное нахождение на территории Республики Беларусь; незаконный транзитный проезд через территорию Республики Беларусь, а также незаконное осуществление трудовой и иной не запрещенной законом деятельности на ее территории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов, А. В. Национальная безопасность, миграционная безопасность, миграционный правопорядок: теоретико-правовой анализ : монография / А. В. Степанов. – Пермь : ФКОУ ВПО «Перм. ин-т ФСИН России» ; Владимир : Владимир. юрид. ин-т ФСИН России, 2015. – 306 с.
2. Смирнова, В. А. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации / В. А. Смирнова // Миграц. право. – 2009. – № 1. – С. 36–40.
3. Андриченко, Л. В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения : монография / Л. В. Андриченко, И. В. Плюгина. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 392 с.
4. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией : заключено в г. Москве 6 марта 1998 г. // Ведомости Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 05.11.1999. – № 31. – Ст. 444.

5. Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции [Электронный ресурс] : одобр. решением Совета глав государств СНГ 16 сент. 2004 г. // Исполнительный комитет СНГ. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/page/428>. – Дата доступа: 21.08.2021.

6. Федорако, А. И. Деятельность органов внутренних дел Республики Беларусь в сфере обеспечения административно-правового режима миграции иностранных граждан и лиц без гражданства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. И. Федорако. – Минск, 2018. – 299 л.

7. Садовская, Е. Ю. Предупреждение незаконной миграции в Республике Казахстан / Е. Ю. Садовская // Нелегальная иммиграция. Науч. сер.: Междунар. миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В. А. Ионцев. – М. : МАКС-Пресс, 2002. – Вып. 9. – С. 50–64.

8. Шкилев, А. Н. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Шкилев. – Н. Новгород, 2006. – 31 с.

К содержанию

М. Д. СЕЙПИАНОВА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

СИСТЕМА ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРОФИЛАКТИКУ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Профилактика правонарушений – совокупность организационных, правовых, социальных, экономических, демографических, воспитательных и иных мер по выявлению и устранению причин и условий совершения преступлений или их недопущению. Профилактика правонарушений – важное средство обеспечения жизнедеятельности государства, которое во многом может предопределить его эффективное функционирование. С одной стороны, она связана с деятельностью государственных органов, общественных организаций и направлена на защиту публичных интересов, с другой – влияет на отношения между государством и личностью, в отношении которой реализуются меры профилактики, зачастую связана с вторжением в сферу ее прав и законных интересов.

Одна из наиболее актуальных и социально значимых задач, стоящих сегодня перед нашим обществом, – найти способы снизить рост преступности и правонарушений среди молодежи и повысить эффективность их профилактики.

Законодательство, которое регулирует деятельность по профилактике правонарушений несовершеннолетних, основывается прежде всего на Конституции Республики Беларусь, общепризнанных принципах международного права и состоит из Кодекса Республики Беларусь об образовании

от 13 января 2011 г. № 243-З, Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка», Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и других законодательных актов Республики Беларусь. Согласно данным законодательным актам, в Республике Беларусь определенными компетентными органами проводится предупреждающая беспризорность, безнадзорность и совершение преступлений среди несовершеннолетних деятельность, которая направлена на защиту законных прав и интересов детей, оказавшихся в социально опасном положении.

В системе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних субъектами являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы социальной защиты, органы опеки и попечительства, органы управления образования, органы внутренних дел, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости [1]. Эти органы выполняют определенные предупредительные функции в борьбе с правонарушениями, в том числе оказывают целенаправленное воспитательное воздействие на несовершеннолетних исходя из своих уставных положений и с помощью специальных форм и методов. Повышенную ответственность в организации правовоспитательной работы среди детей и подростков несут инспекции по делам несовершеннолетних. Следственные органы (следователи) являются важным звеном в системе внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Их задача состоит в том, чтобы всесторонне, объективно и полно исследовать все обстоятельства, при которых было совершено преступление, причины и условия его возникновения, принятие соответствующих мер к устранению этих причин и условий.

Ранняя профилактика является более приоритетной задачей, поставленной перед соответствующими органами, поскольку она позволяет выявлять и устранять антисоциальные изменения в личности ребенка, которые еще не стали устойчивыми, а значит, в будущем есть большая вероятность того, что будет предупреждено преступление, удастся избежать нанесения вреда, причинения убытка и применения строгих мер принуждения по отношению к несовершеннолетнему [3].

Мерами профилактики преступлений, которые применяются на ранних стадиях, являются:

– выявление и устранение источников негативного воздействия на подростков, которые могут способствовать асоциальному образу мышления и дальнейшему совершению ребенком преступлений;

– выявление неблагополучного воспитания и плохих условий проживания ребенка, формирование у несовершеннолетних ценностей и установок еще до момента их формирования;

– корректирующее и сдерживающее влияние на несовершеннолетнего с социально опасным поведением.

Если ребенок ранее совершал правонарушение, стоит на учете в органах по делам несовершеннолетних, то к нему могут и должны быть применены особые меры профилактики, не допускающие рецидива. Данный уровень профилактических мер включает исправление и перевоспитание несовершеннолетнего, который ранее нарушил закон, и устранение источников негативного влияния на подростка-нарушителя.

Как ранняя профилактика, так и предупреждение рецидивов правонарушения осуществляются разными методами и приемами в зависимости от ситуации. Например, профилактика преступлений в школе, имеющая общий характер, может заключаться в проведении специальных открытых уроков с приглашенными психологами, работниками детских исправительных учреждений, следователями по делам с несовершеннолетними.

Индивидуальная профилактическая работа в отношении несовершеннолетних, согласно закону, начинается со дня получения органом, учреждением или иной организацией, осуществляющими профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, документа, являющегося основанием для проведения индивидуальной профилактической работы [2].

Работа по профилактике безнадзорности, правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних должна основываться на принципах демократизма, гуманного обращения с несовершеннолетними, поддержки семьи и взаимодействия с ней. Предупреждение и профилактика преступлений, совершаемых среди несовершеннолетних лиц, в Республике Беларусь осуществляются определенными органами власти и социологическими институтами. Их способы и методы закреплены в законодательных актах, при этом они постоянно корректируются в соответствии как с общей ситуацией в стране, так и с частными случаями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-3 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генер. Ассамблеи 29 нояб. 1985 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. – Минск, 1999. – С. 258–276.

К содержанию

М. Е. СЕЙТЖАНОВА

Республика Казахстан, Кокшетау, Кокшетауский
гуманитарно-технический колледж

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Целью статьи является освещение антикоррупционных мер, принятых в Казахстане, анализ проблемных вопросов и попытка формулирования трендов продолжения антикоррупционной деятельности на основе перестройки сознания граждан. В статье предлагаются не только направления по ужесточению наказания за коррупционные действия, но и методы профилактики коррупции, обращается внимание на назревшую необходимость воспитания корректной гражданской позиции населения и повышения уровня нравственности граждан, модернизации антикоррупционной политики в Казахстане.

Международно-правовое определение коррупции, используемое в документах ООН, выглядит как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц и групп» [1].

Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» дает следующее определение коррупции: это «...не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ лицами, выполняющими государственные функции, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей либо иное использование ими своих полномочий для получения имущественной выгоды, а равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ» [2].

Историческими стадиями становления системы борьбы с коррупцией в Республике Казахстан является принятие законов «О борьбе с коррупцией» (1998), «О государственной службе» (1999, 2015), «Об общественных советах» (2015), Плана нации «100 конкретных шагов», закона «О противодействии коррупции» (2015) и др. В развитие антикоррупционных механизмов гражданского общества партией «Нұр Отан» принята Программа противодействия коррупции на 2015–2025 гг. Ее целями являются создание атмосферы «нулевой терпимости» к коррупционным проявлениям, формирование антикоррупционной культуры поведения, усиление общественного контроля [3]. Данные шаги были предприняты с учетом передового мирового опыта и позволили законодательно закрепить новый формат противодействия коррупции, ввести антикоррупционные рамки

для госслужбы и квазигосударственного сектора, актуализировать определение «коррупция», которое означает «незаконное использование лицами, занимающими ответственную государственную должность, лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, лицами, приравненными к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, должностными лицами своих должностных (служебных) полномочий и связанных с ними возможностей в целях получения или извлечения лично или через посредников имущественных (неимущественных) благ и преимуществ для себя либо третьих лиц, а равно подкуп данных лиц путем предоставления благ и преимуществ».

Сегодня можно констатировать тот факт, что система борьбы с коррупцией в Казахстане создана и работает. За последние несколько лет за коррупционные правонарушения были осуждены ряд топ-менеджеров. Коррупционные приговоры широко освещаются в СМИ. На основании результатов расследований за коррупционные преступления осужден и ряд высокопоставленных чиновников, что представляется весьма показательным и полезным для казахстанского общества, так как продажные должностные лица на государственной службе сводят на нет усилия власти по строительству прогрессивного государства. Однако данные меры скорее действуют по уже свершившимся фактам, но не искореняют их предпосылки, так как проблема глубоко укоренилась в головах сограждан, а антикоррупционное сознание в обществе формируется крайне медленно.

Следовательно, необходимы ужесточение наказания и обеспечение его неотвратимости на практике с использованием китайского и сингапурского опыта (например, введение обязательной нормы о конфискации имущества, принадлежащего коррупционеру и его ближайшим родственникам), перестройка сознания казахстанского гражданина в сторону формирования «нулевой терпимости». Коррупция, с одной стороны, «разъедает» сознание, с другой – является незаметной миной замедленного действия в фундаменте государства. Коррупционер по сути своей вор, и страшно то, что коррупционные отношения перестают быть единичными поступками, совершаемыми под воздействием определенных жизненных обстоятельств, а приобретают системно-функциональный характер, превращаясь в постоянное и гарантированное средство извлечения двусторонней выгоды.

В заключение попытаемся сформулировать тренды продолжения этой работы. Во-первых, необходимо ужесточить наказание за коррупцию и обеспечить его неотвратимость, для чего исключить из законодательства нормы, позволяющие коррупционеру откупиться, ввести обязательную норму о конфискации имущества коррупционеров и их ближайших родственников в пользу государства. Во-вторых, продолжать работу по обяза-

тельному декларированию госслужащими и членами их семей не только своих доходов, но и расходов, и одновременно по обеспечению прозрачности деятельности чиновников, развивая систему электронного правительства, в том числе через увеличение объема услуг, оказываемых населению в электронном формате, модернизацию системы госзакупок и оказания госуслуг. В-третьих, законодательно ввести обязательную ответственность руководителя за действия своих подчиненных, повлекшие коррупционные правонарушения, а также обязательную проверку деятельности учреждений и структурных подразделений, в которых имели место доказанные коррупционные правонарушения. В-четвертых, усилить идеологическую и воспитательную работу с гражданами (на всех уровнях – от дошкольного учреждения до вуза, организации, госоргана). Этих направлений должно быть больше, и все они должны работать на трансформацию сознания как граждан Казахстана, так и общества в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : [принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. резолюцией 58/4 Генер. Ассамблеи ООН]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/.

2. О противодействии коррупции : Закон Респ. Казахстан, 18 нояб. 2015 г., № 410-V : с изм. и доп. на 19.12.2020 г. – Астана : Акорда, 2015.

3. Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы : утв. Указом Президента Респ. Казахстан, 26 дек. 2014 г., № 986. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/ob-antikorrupcionnoi-strategii-respubliki-kazakhstan-na-2015-2025-gody.

К содержанию

В. И. ТЕЛЬПУК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

В настоящее время большое внимание стало уделяться предупреждению насильственной преступности и ее наиболее опасной разновидности – насилию в семье. Безусловно, проблема семейного насилия вызывает тревогу и беспокойство со стороны общественности и правоохранительных органов, так как на данный момент времени агрессия в семейных конфликтах может проявляться в различных формах. По статистике, жертвами семейно-бытовых конфликтов чаще всего становятся женщины и дети. При этом в большинстве случаев жертвы насилия не спешат обращаться

в правоохранительные органы, чтобы не спровоцировать агрессию со стороны обидчиков и вновь не стать их жертвами.

Однако в странах Содружества Независимых Государств, в том числе и в Республике Беларусь, указанной проблеме не уделяется должного внимания и зачастую насилия в семье рассматриваются правоохранительными органами и общественностью как обыденное явление.

Понятие «насилие в семье» в Республике Беларусь на законодательном уровне получило свое закрепление лишь в 2008 г. с принятием Закона «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Такой вид насилия наиболее распространен на территории Республики Беларусь. Так, только ежедневно в республике в органы внутренних дел поступает около 500 сообщений о фактах семейно-бытовых конфликтов, из которых свыше 70 % составляют случаи домашнего насилия в отношении женщин и детей [4]. Однако стоит также понимать, что значительное количество правонарушений остается вне поля зрения правоохранительных органов, так как многие жертвы насилия мирятся со своими обидчиками либо и вовсе не обращаются в правоохранительные органы.

Преступность в сфере семейно-бытовых отношений наиболее характерна в Республике Беларусь для сельских населенных пунктов, где ежегодно совершается около 40 % от зарегистрированного ее количества, хотя доля сельского населения в стране не превышает 25 % [3].

Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) предусмотрена административная ответственность за проявление фактов семейного насилия. В соответствии с ч. 2 ст. 10.1 КоАП Республики Беларусь нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенных в отношении близкого родственника, члена семьи или бывшего члена семьи, либо нарушение защитного предписания влекут наложение штрафа в размере до десяти базовых величин, или общественные работы, или административный арест [1].

Понятия «близкие родственники», «члены семьи» содержатся в ст. 1.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП Республики Беларусь).

По общему правилу административный процесс также может быть начат по требованию потерпевшей стороны, перечень таких деяний содержится в ст. 4.4 КоАП Республики Беларусь [1].

Необходимо отметить, что законодатель предоставил прокурору полномочия начинать административный процесс по ст. 10.1 КоАП Республики Беларусь. Так, согласно ч. 1 ст. 9.4 ПИКоАП Республики Беларусь, административный процесс может быть начат прокурором либо по его

письменному поручению должностным лицом органа внутренних дел при отсутствии требования потерпевшего либо его законного представителя и не подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего либо его законного представителя с лицом, в отношении которого ведется административный процесс [2].

На территории Республики Беларусь в последнее время активно принимаются меры по обеспечению защиты жертв домашнего насилия. Согласно Закону «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», в сферу правового регулирования введен институт защитного предписания. Вынесение такого защитного предписания является мерой индивидуальной профилактики правонарушений. Оно выражается в установлении гражданину, совершившему насилие в семье, ограничений на совершение определенных действий. В частности, применяется оно к гражданам за совершение предусмотренных ст. 10.1, 10.3, 19.1 КоАП Республики Беларусь административных правонарушений, которые совершены по отношению к члену семьи.

Таким образом, необходимо определить системный комплекс профилактических мер, направленных на предотвращение семейно-бытового насилия. Правоохранительным органам следует активнее привлекать психологов и социальных работников для работы с конфликтными семьями, проводить с ними совместные беседы, индивидуальные консультации, обсуждать правовые вопросы в сфере защиты женщин от домашнего насилия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь : форма № 453 // Единый государственный банк данных о правонарушениях / Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

4. Профилактика домашнего насилия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mintrud.gov.by/ru/profilaktika_dom_nasiliya/. – Дата доступа: 15.11.2021.

К содержанию

Н. Л. ТЕОДОРОВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

НОТАРИАТ ВО ФРАНЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Нотариат в Республике Беларусь призван обеспечивать защиту прав и законных интересов физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, государственных интересов путем совершения от имени Республики Беларусь нотариальных действий [1].

Нотариат в Республике Беларусь включает нотариусов, уполномоченных должностных лиц местных исполнительных и распорядительных органов, дипломатических агентов дипломатических представительств Республики Беларусь и консульских должностных лиц консульских учреждений Республики Беларусь [1].

Белорусский нотариат возглавляет Белорусская нотариальная палата. Также есть региональные нотариальные палаты от каждой области, в городах же это нотариальные конторы. Нотариат находится в прямом подчинении у Министерства юстиции Беларуси.

Работа нотариусов состоит из многочисленных процедур: помощь гражданам по различным вопросам юридического характера, заверение всевозможных документов, составление проектов документов, ведение наследственных дел и др. Кроме непосредственной работы с клиентами, осуществляется и обязательная ее часть – отчетность перед государством.

Современный французский нотариат – это хорошо организованное профессиональное объединение нотариусов. Его организационная структура состоит из трех уровней:

1. Общенациональный уровень – Высший Совет нотариата Франции. Впервые был сформирован в 1941 г. Официальный статус приобрел в 1945 г.

2. Региональный уровень – региональный совет нотариусов. Формируется в тех же регионах, в которых имеются апелляционные суды регионов.

3. Департаментский уровень – Нотариальная палата департамента. Формируется в одном или при нескольких департаментах Франции. Последнее зависит от количества нотариусов, практикующих в округе, и жителей департамента [2].

Характерная черта всех вышеперечисленных структур – то, что они являются профессиональными общественными объединениями, основанными на обязательном членстве нотариусов. Также все нотариальные структуры подчиняются Министерству юстиции Франции.

Нотариус имеет компетенцию на всей территории Франции, т. е. любой нотариус может удостоверить акты в любом месте. Нотариус – это одновременно лицо свободной профессии, обязанное хранить профессиональную тайну по отношению к своим клиентам, ответственное за деятельность своего предприятия, и официальное лицо, имеющее право удостоверить юридические акты; его вознаграждение определяется государственным тарифом, его действия находятся под постоянным контролем государственной власти, что касается их законности, и он располагает государственными полномочиями; его акты и его контракты аутентичны, т. е. по отношению к неустойчивым договорам они наделены силой государственного акта [2].

В целом нотариат Беларуси и нотариат Франции очень схожи между собой. Нотариусы совершают в основном такие же полномочия, структура очень схожа, есть территориальное деление, только территориальное деление самих стран разное. Подотчетны они министерству юстиции своей страны.

В некоторых французских университетах есть магистратуры со специальным нотариальным уклоном. Чтобы осуществлять нотариальную деятельность, нужно закончить как минимум второй курс такой магистратуры.

На наш взгляд, именно так должен осуществляться кадровый набор в нотариат. Беларуси следовало бы перенять такую практику, ведь на занятие нотариальной деятельностью у нпс может претендовать любое лицо, получившее высшее юридическое образование, в том числе и в вузах, в которых даже не читается учебный курс по нотариату. Также в Республике Беларусь нотариусом может стать любое лицо, имеющие три года стажа юридической практики, в то время как во Франции возможен переход из некоторых видов юридических работ (адвокатура, суд) при наличии 7–9 лет стажа. В Закон «О нотариате и нотариальной деятельности», в раздел о принятии в нотариусы, можно было бы добавить более высокие требования, которые соответствуют высокой квалификации. Например, необходимость прохождения квалификационного курса по нотариальной деятельности от Белорусской нотариальной палаты, который бы закреплялся сдачей квалификационного экзамена, после чего можно было бы идти на сам экзамен по принятию в ряды нотариусов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 июня 2004 г., № 305-З : с изм. и доп. от 29.06.2020 г. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by>. – Дата доступа: 10.11.2021.
2. Пиепу, Ж.-Ф. Нотариат во Франции и в мире / Ж.-Ф. Пиепу, Ж. Ягр // Нотариус. – 2012. – № 6.

К содержанию

А. Н. ЧЕРЕШКО

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Под девиантным поведением понимают отклоняющиеся поступки, которые не соответствуют установленным правилам, образцам в определенном обществе. Сферу девиантного поведения рассматривает административно-процессуальное право. К основным видам отклоняющегося поведения несовершеннолетних можно отнести воровство – тайное хищение чужого имущества, хулиганство – грубое нарушение общественного порядка, открытое выражение неуважения к устоявшимся нормам общества.

Формы проявления девиантного поведения могут быть достаточно своеобразны. Нарушение правил поведения в школе – срыв учебного процесса, оскорбления и угрозы в сторону одноклассников и учителя, прогулы занятий без уважительной причины и др. Грубость – невежливость, хамство, неуважение к окружающим. Ругательство – грубое, бранное выражение. Главной причиной ругательства является то, что родители сами позволяют себе таким образом выражаться в семье. Курение – вдыхание дыма препаратов, преимущественно растительного происхождения, тлеющих в потоке вдыхаемого воздуха, с целью насыщения организма.

Хотя причины возникновения отклоняющегося поведения у детей и подростков могут отличаться, их можно разделить на две группы. К первой группе относятся причины медицинского характера, это своего рода психические болезни. Вторую группу составляют причины, которые имеют социальный характер. Отклоняющееся поведение встречается и у психически здоровых людей. В этом случае причиной его появления является нежелание следовать общепринятым социальным нормам (аномия).

Необходимо указать, что все формы девиантного поведения предполагают реальность «собственных» мер административного принуждения. Примерной конструкцией применения мер административного принуждения является та, в которой меры на преодоление всех форм девиантного поведения применяются после того, как предыдущие меры принуждения не достигли желаемого результата. Основными мерами административного права, применяемыми к несовершеннолетнему с отклоняющимся поведением, являются поступление в орган внутренних дел, постановка на учет и последующее наблюдение. К родителям и иным лицам, пренебрегающим обязанностями по воспитанию несовершеннолетних, законодательство запланировало применение мер административного наказания. Задачей применения мер принуждения при сформировавшемся у несовершеннолетнего

девиантном поведении является исправление поступков подростка, адаптация его к нормам административного права. Спектр мер административного принуждения, применяемых в данном случае, значительно шире, чем при выявлении у несовершеннолетнего асоциального поведения.

К несовершеннолетнему подростку может быть применена административная ответственность за преступления или правонарушения, которые прописаны в ст. 4.2. Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ), где определен возраст, с которого наступает административная ответственность.

В нормативных правовых актах Республики Беларусь термины «профилактика» и «предупреждение» используются в контексте осуществления мер, направленных на выявление и устранение детерминант, способствующих безнадзорности, беспризорности, совершению правонарушений. Так, в Законе Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в редакции от 09.01.2017) профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних трактуется как система социальных, правовых и иных мер, которые направлены на выявление и устранение причин и условий.

Статьей 2 названного выше Закона предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений несовершеннолетних, как фактов, способствующих формированию у них девиантного поведения, определяется как одна из задач деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений [1].

Не подлежит административной ответственности физическое лицо, достигшее возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 настоящей статьи, если будет установлено, что вследствие отставания в умственном развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), оно во время совершения деяния было не способно сознавать его фактический характер или противоправность.

Органами, которые регулируют отклоняющееся поведение несовершеннолетних, являются: комиссии по делам несовершеннолетних; органы опеки и попечительства; Министерство образования Республики Беларусь, структурные подразделения областных (Минского городского) исполнительных комитетов, городских, районных исполнительных комитетов, местных администраций районов в городах, осуществляющих государственно-властные полномочия в сфере образования (органы управления образованием); Министерство здравоохранения Республики Беларусь, структурные подразделения областных (Минского городского) исполнительных комитетов, осуществляющих государственно-властные полномочия в сфере здравоохранения, органы управления здравоохранением других

республиканских органов государственного управления (органы управления здравоохранением); Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, структурные подразделения областных (Минского городского) исполнительных комитетов, городских, районных исполнительных комитетов, осуществляющих государственно-властные полномочия в сфере труда, занятости и социальной защиты (органы по труду, занятости и социальной защите); Министерство внутренних дел Республики Беларусь, территориальные органы внутренних дел Республики Беларусь. Другие органы, которые также работают с подростками (проявление девиантного поведения) совершают работу, которая установлена Законом и иными актами законодательства.

Реализация государственной политики в Республике Беларусь, направленной на устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений подростками, дала положительные результаты. За последних три года их количество уменьшилось на 27,7 %, однако проблема девиантного поведения несовершеннолетних остается актуальной. Каждое 12-е преступление совершается подростками 14–17 лет, когда их уже можно привлечь к уголовной ответственности. Данной категорией лиц совершено 6572 общественно опасных деяния, в которых участвовали 5664 подростка. Ежегодно еще около 1,5–2 тыс. несовершеннолетних совершают общественно опасные деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность [2, с. 39].

За совершение различных правонарушений на профилактический учет в ОВД сотрудниками милиции было поставлено 7561 несовершеннолетних. В Центр временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей МВД Республики Беларусь были направлены 367 безнадзорных, беспризорных подростков-правонарушителей, 315 – в социально-реабилитационные центры, 360 – в социальные приюты [2, с. 40].

Таким образом, девиантное поведение несовершеннолетних является важной общественно-педагогической проблемой. Это отклонение от социальных норм несовершеннолетних несет за собой административную ответственность. Девиантное поведение также может привести к нарушению Уголовного кодекса Республики Беларусь. Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 2003 : в ред. от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. – Режим доступа: https://kodeksy.by.com/zakon_rb_ob_osnovah_sistemy_profilaktiki_i_pravonarushenij_nesovershennoletnih.htm. – Дата доступа: 15.11.2021.

К содержанию

Н. Ю. ШКЛЁДА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

**ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПО АДМИНИСТРАТИВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Административные правоотношения затрагивают различные стороны жизни граждан. Это касается и несовершеннолетних. Привлечение несовершеннолетних к административной ответственности имеет ряд особенностей, которые определяются правовым положением несовершеннолетних в административном законодательстве.

Правовой статус несовершеннолетних закреплён в первую очередь в международно-правовых актах. Так, преамбула Конвенции о правах ребенка устанавливает, что ребенок ввиду своей физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту [1]. Что касается национального законодательства, то ключевым актом является Закон Республики Беларусь «О правах ребенка».

Административно-правовой статус несовершеннолетнего является неотъемлемой частью общего правового статуса несовершеннолетнего. И если в конституционных нормах общий статус лица приобретает политико-правовое значение, то административные нормы закрепляют его специфическое правовое значение. Другими словами, конкретизируется административно-правовой статус гражданина [2, с. 276].

Необходимо раскрыть административно-правовой статус несовершеннолетних через его составляющие элементы. Существуют различные мнения ученых по поводу определения понятия административно-правового статуса несовершеннолетних и элементов, входящих в него, которые образовали дискуссию.

Отмечая общую черту всех характеристик, можно сказать, что центральными компонентами данного рода правового статуса несовершеннолетних лиц являются их административные права и свободы.

Некоторые ученые условно предлагают разделить административные права несовершеннолетних на следующие группы:

1) личные права: право на жизнь, на охрану здоровья, право на защиту от всех форм насилия, право на имя, право на гражданство;

2) экономические права: право на собственность и использование объектов общественной собственности, право на социальное обеспечение;

3) культурные права: право на образование, на свободное развитие личности, участие в культурной и творческой жизни [3, с. 78].

Поскольку права и обязанности взаимообусловлены, то они не могут существовать изолированно друг от друга. Юридическая обязанность – это мера необходимого поведения, которая является гарантией осуществления субъектом предоставленных ему прав. Это объективно необходимая и возможная мера поведения, гарантирующая реальность возможностей, предоставляемых обществом и государством человеку.

Некоторые исследователи предлагают и такие определения юридических обязанностей: юридические обязанности граждан в сфере государственного управления заключаются в соблюдении норм административного и других отраслей права [4, с. 42].

Однако точно можно сказать, что каждому обязательству сопутствует определенное право – право органа требовать исполнения конкретного обязательства.

Следующим элементом административно-правового статуса несовершеннолетних является гарантия прав и административных свобод несовершеннолетних. Определяются гарантии как условия и методы, обеспечивающие их эффективное выполнение и надежную защиту для каждого человека [5, с. 32].

Основными особенностями административной гарантии прав и свобод являются: совокупность административно-правовых методов и средств; система гарантий для создания эффективных условий обеспечения прав; создание адекватных условий для реализации прав, свобод несовершеннолетних и их защиты; соблюдение уже существующих прав, свобод и законных интересов в соответствии с нормами конституционного и административного права.

Следующим элементом, который следует рассмотреть в контексте раскрытия понятия правового статуса несовершеннолетних в рамках административного законодательства, является административная правосубъектность. Административно-правовой статус лица определяется объемом и характером его правосубъектности, которую образуют административная правоспособность и административная дееспособность.

Обычно административную правоспособность определяют как возможность иметь права и нести определенные обязанности административно-правового характера.

Несовершеннолетние обладают особой дееспособностью, поскольку по достижении установленного законом возраста они могут как приобретать, так и утрачивать определенные права и обязанности. Одной из

особенностей правового статуса ребенка следует отметить наличие возрастных границ, ограничение которых весьма условно, особенно если речь идет о его субъективных правах.

Административная дееспособность – это способность субъекта самостоятельно осуществлять своими добровольными действиями предоставленные ему права и выполнять возложенные на него обязанности в области административного управления. Несовершеннолетние, как правило, обладают неполной административной дееспособностью. Неполная административная дееспособность несовершеннолетнего включает следующие компоненты: реализация несовершеннолетним своих прав (прием на образование как реализация права на образование); выполнение обязательств, возложенных на несовершеннолетнего (получение паспорта в качестве обязательства); нарушение своих обязанностей несовершеннолетними (нарушение паспортных правил) [6, с. 45].

Таким образом, административно-правовой статус несовершеннолетнего – это система прав, предоставленных несовершеннолетним гражданам определенного государства, и возложенных на него обязанностей в сфере государственного управления, закрепленных в нормах административного права, реализация которых обеспечивается гарантиями со стороны государства, а также ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей, которая устанавливается объемом и характером правосубъектности таких несовершеннолетних граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о правах ребенка : одобр. Генер. Ассамблеей ООН 20.11.1989 г. : вступ. в силу для СССР 15.09.1990 г. // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Вып. XLVI.
2. Труфанов, М. Е. Профилактика правонарушений несовершеннолетних в системе элементов административной правоприменительной политики / М. Е. Труфанов // Общество и право. – 2012. – № 4 (41). – С. 275–278.
3. Кеник, А. А. Защита прав ребенка и несовершеннолетних в Республике Беларусь / А. А. Кеник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Дикта, 2008. – 316 с.
4. Скворцова, Ю. С. Правовое регулирование предупреждения правонарушений несовершеннолетних / Ю. С. Скворцова, Д. А. Сарайкин // Мир науки и образования. – 2015. – № 4 (4). – С. 42–48.
5. Бодак, А. Н. Государственная защита детей в неблагополучных семьях – одно из важнейших направлений социальной политики в Республике Беларусь / А. Н. Бодак // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 9. – С. 31–35.
6. Шеина, И. А. Правоспособность и дееспособность субъектов административного права / И. А. Шеина // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – № 5 (5). – С. 234–243.

К содержанию

СЕКЦИЯ 4
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

А. А. АВДЕЙЧУК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

**РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ**

Актуальность темы состоит в том, что терроризм на сегодняшний день является серьезной угрозой безопасности общества, а особенно международный терроризм, в рамках борьбы с которым международное сообщество разработало ряд нормативных актов, являющихся важным инструментом для противодействия ему.

Согласно международно-правовым нормам, противоправные деяния против гражданского населения и различных объектов являются преступлениями, за совершение которых следует привлечение виновных к установленной законодательством ответственности [1, с. 5–6]. Такая норма вытекает из одного из основополагающих принципов международного гуманитарного права. Этот принцип заключается в защите гражданского общества во время вооруженных действий. Согласно этому принципу, все стороны возникших разногласий и конфликтов должны проводить различие между гражданским населением и военнослужащими [2].

Международное гуманитарное право определяет недопустимым проявление «террористических мер» или «террористических актов». Этот запрет вводится со следующей целью – подчеркнуть уголовную ответственность за совершение подобных деяний, а также индивидуальную защиту от коллективных наказаний и «мер запугивания или терроризма» [3, с. 18]. Также оно определяет недопустимым «акты насилия или угрозы насилием, ставящие перед собой цель – оказание негативного влияния на гражданское население» [3, с. 18].

Согласно публикации Международного комитета Красного Креста «Международное уголовное правосудие: учреждения», «даже законные нападения на военные объекты могут внушать страх гражданскому населению, но те положения, которые регулируют порядок ведения боевых действий, ориентированы на объявление противоправным нападение, которое ставит перед собой цель “терроризировать” гражданское население (например, применение артиллерии против гражданского населения в городах или стрельба по гражданским людям)» [3, с. 18–19].

В периоды вооруженных действий, кроме международного гуманитарного права, действует и международное право в области прав человека, однако за исключением нескольких ограничений, которые регулируются требованиями международных договоров.

В течение четырех последних десятилетий международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций (далее – ООН) разработало и опубликовало 13 конвенций, контртеррористическую стратегию и три протокола в качестве дополнений, уточнений, толкований конвенций. Эти международные нормативно-правовые документы посвящены предупреждению и искоренению терроризма. В конвенциях идет речь о различных вопросах, начинающихся с незаконного захвата воздушных судов и заложников и заканчивающихся борьбой с террористическими взрывами. Конвенции являются частью плана противодействия терроризму и средством для международного сотрудничества. Они обязывают государства-участники принимать различные правовые меры для предупреждения террористических актов, а также борьбы с действиями, связанными с террористической деятельностью, преследовать в уголовном порядке определенные виды деяний, устанавливать определенные юрисдикционные критерии и создавать нормативно-правовую основу для сотрудничества в вопросах экстрадиции и оказания правовой помощи. Глобальная контртеррористическая стратегия содержит конкретный план действий, общую стратегическую и операционную основу по противодействию терроризму, согласованную государствами-членами [4, с. 95–98].

В большинстве конвенций перечислены конкретные деяния, которые государства обязаны преследовать в уголовном порядке. Например, преступления, связанные с финансированием терроризма; преступления, связанные со статусом жертвы (захват заложников; преступления против защищаемых международным правом лиц); преступления, совершаемые против гражданской авиации, судов и стационарных платформ; преступления, связанные с использованием опасных материалов, и т. д.

Так, согласно Международной конвенции «О борьбе с финансированием терроризма», терроризмом является совершение любого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть кого-либо, как гражданского, так и любого другого лица, которое не принимает активного участия в военных действиях при военном положении, или причинить ему телесное повреждение, когда цель такого деяния заключается в том, чтобы запугать население или заставить органы государственной власти или международные органы совершить какие-либо действия либо воздержаться от их свершения.

Конвенция провозглашает, что обязательно преследование в уголовном порядке лиц, которые виновны в совершении преступлений, связанных с финансированием определяемого подобным образом терроризма [2].

Совет Безопасности ООН считает, что ратификация и эффективное применение конвенций являются одной из важнейших задач. 28 сентября 2001 г., действуя на основании гл. VII Устава ООН, он принял резолюцию 1373 (2001), определив в ней, что любой акт международного терроризма составляет «угрозу для международного мира и безопасности» и что «акты, методы и показавшая себя практика терроризма противоречат целям и принципам ООН» [2]. Также резолюция содержит информацию о том, что все государства-участники должны определить, что террористические акты – это уголовные преступления; ввести уголовную ответственность за содействие в подготовке и (или) при совершении террористических актов, а также за финансирование терроризма; деполитизировать террористические преступления; замораживать средства лиц, совершающих или готовящихся совершить террористические акты; укреплять международное сотрудничество в уголовной сфере [2].

В заключение стоит отметить, что международный терроризм сегодня является методом дестабилизации государств, предпосылкой для возникновения военных конфликтов, а также экологической угрозой. Для многих такая деятельность стала способом для решения проблем, в первую очередь политических. Террор в том числе является одним из видов давления на уполномоченных лиц к принятию важных политических решений, которые имеют негативные последствия для большинства населения. Террористические акты, произошедшие на рубеже XXI в., привели к необходимости создания международной системы защиты от терроризма. Международное сообщество сделало важный шаг для противодействия террористической деятельности, приняв конвенции, а также контртеррористическую стратегию и обязав государства-участники выполнять определенные действия согласно им. При этом стоит отметить, что международное сообщество не останавливается на достигнутом: на сегодняшний день продолжается активная работа по противодействию террористической деятельности в виде разработки нормативно-правовых актов, собраний, обсуждений и расширения круга государств – участников стратегий противодействия террору.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колосов, Ю. М. Ответственность в международном праве / Ю. М. Колосов. – 2-е изд., стер. – М. : Статут, 2014. – 224 с.
2. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru>. – Дата доступа: 21.10.2021.
3. Права человека, терроризм и борьба с терроризмом / Упр. верхов. комиссара ООН по правам человека. – Женева, 2008. – 113 с.
4. Родионова, Т. А. Международные правовые акты как источник влияния на российское законодательство / Т. А. Родионова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 19. – С. 94–100.

К содержанию

Е. С. ВЕРХОЛАЗОВА

Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ И ЛИЦАМ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Права человека как сложный правовой феномен нуждаются в механизме защиты, поскольку его отсутствие приведет к тому, что, несмотря на закрепление в нормативных правовых актах, они окажутся лишь декларированными, а не реально соблюдаемыми и исполняемыми органами государственной власти. Иными словами, государство должно не только провозгласить права человека, но и создать эффективный механизм их правовой защиты [1, с. 66].

Таким эффективным способом защиты является рассмотрение и разрешение споров в суде. Так как Республика Беларусь обеспечивает иностранным лицам свободный и беспрепятственный доступ к правосудию в таком же объеме, как и гражданам, то необходимость правовой защиты прав касается не только граждан Республики Беларусь, но и иностранных граждан.

Согласно ст. 11 Конституции Республики Беларусь иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами [2, с. 5]. Также право на судебную защиту закреплено в ст. 16 Закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства», согласно которой иностранцы в Республике Беларусь пользуются всеми средствами правовой защиты прав и свобод личности, предусмотренными законодательством Республики Беларусь [3].

Присутствие иностранного элемента вносит в порядок рассмотрения дел определенную специфику, что и предопределило выделение в рамках гражданского процессуального права групп норм, регулирующих особенности рассмотрения гражданских споров с участием иностранных лиц.

Согласно ст. 541 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК Республики Беларусь), иностранные граждане и лица без гражданства имеют право беспрепятственного обращения в суды Республики Беларусь и пользования в них всеми гражданскими процессуальными правами наравне с гражданами Республики Беларусь [4].

В Республике Беларусь основополагающим принципом международного гражданского процесса является принцип «закон суда». Согласно

этому принципу при рассмотрении дела с иностранным гражданином суд Республики Беларусь, решая процессуальные вопросы, применяет право своей страны. В исключительных случаях суд не разрешает спор по белорусскому законодательству, если в специальных законодательных актах или международном договоре предусмотрено иное, так как к источникам международного гражданского процесса относятся не только законодательные и иные правовые акты Республики Беларусь, но и международные договоры, в которых участвует Республика Беларусь.

При рассмотрении гражданских дел с участием иностранного элемента суд руководствуется непосредственно общими принципами гражданского судопроизводства, а также специальными принципами, которые закреплены в ГПК Республики Беларусь. К ним относятся:

- принцип приоритета международных договоров, который предполагает приоритет международных правил над национальным законодательством;
- принцип процессуального равноправия иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц с гражданами и юридическими лицами Республики Беларусь, который заключается в предоставлении иностранцам таких же прав, как и отечественным физическим и юридическим лицам;
- принцип соблюдения юрисдикции иностранных судов и иных правоприменительных органов, в соответствии с которым Республика Беларусь обязуется соблюдать юрисдикцию судов и иных правоприменительных органов иностранных государств не только в тех случаях, когда она установлена международным договором, но и при его отсутствии, если законодательством Республики Беларусь дело не отнесено к исключительной компетенции судов Республики Беларусь;
- принцип взаимности, в соответствии с которым существует возможность установить реторсии, т. е. ответные ограничения по отношению к гражданам и юридическим лицам тех государств, в которых допускаются специальные ограничения гражданских процессуальных прав граждан и юридических лиц Республики Беларусь («негативная взаимность») [4].

Важным аспектом рассмотрения гражданских дел с участием иностранного гражданина является определение подсудности. Так как участниками в таких делах являются иностранцы, то, основываясь на нормах, касающихся международной подсудности, необходимо определить, кто будет рассматривать данное дело – суд иностранного государства или суд Республики Беларусь.

Наиболее распространенными в мировой практике являются следующие критерии определения международной подсудности:

- подсудность по признаку гражданства сторон спора;
- подсудность по признаку места жительства ответчика;

- подсудность по признаку «фактического присутствия» ответчика [5, с. 18].

В основном при определении компетенции судов по делам с иностранным субъектом используется территориальный критерий места жительства (нахождения) ответчика. Данное положение закреплено в ГПК Республики Беларусь, в соответствии с которым судам Республики Беларусь подсудны следующие дела:

- по искам иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц к ответчикам, имеющим место жительства, или место пребывания, или место нахождения в Республике Беларусь;

- по искам к иностранным гражданам и лицам без гражданства, если они имеют место жительства на территории Республики Беларусь;

- по искам к иностранным юридическим лицам, если в Республике Беларусь находится орган управления, представительство или филиал такого юридического лица.

Кроме общих правил, применяются и иные критерии определения международной подсудности (критерий гражданства, местонахождение имущества и др.).

В случае если по определению подсудности дело с участием иностранных граждан разрешает суд Республики Беларусь, то рассмотрение дела, осложненного иностранным элементом, будет производиться в том же порядке, что и рассмотрение гражданского дела с участием граждан Республики Беларусь. При этом иностранные граждане, не владеющие или недостаточно владеющие русским или белорусским языком, имеют право принимать участие в судебных действиях с переводчиком, кроме того, имеют право выступать на судебном заседании на языке, которым они владеют. Протокол судебного заседания, а также иные документы ведутся строго на русском и (или) белорусском языке.

Таким образом, несмотря на определенные условия, установленные для участия иностранных граждан и лиц без гражданства в гражданском судопроизводстве, это не препятствует им реализовать свое право на судебную защиту в Республике Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акименко, К. В. Становление и развитие конституционно-правовых основ и гарантий защиты гражданских прав и свобод человека / К. В. Акименко // Право.by. – 2011. – № 4. – С. 64–69.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 63 с.

3. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-З : с изм. и доп. // Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. Романова, О. Н. Международный гражданский процесс / О. Н. Романова. – Минск : БГУ, 2015. – 78 с.

К содержанию

В. В. КРИШТАЛЬ

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Трансплантация органов и тканей человека является одним из методов спасения жизни человека. Сегодня в вопросе обеспечения прав человека при трансплантации выделяются интересы двух групп людей – доноров (как живого, так и посмертного) и реципиентов.

На сегодняшний день исследования в сфере трансплантации органов и тканей человека [1; 2] рассматривают права человека через призму биоэтики, или биомедицины. Аналогичная ситуация складывается как в международных [3–5], так и в региональных [6–8] договорах. Ни один международный договор не рассматривает права человека в контексте трансплантации органов и тканей человека отдельно, а лишь в контексте биомедицины.

В настоящее время подходы к пониманию прав человека в рамках трансплантации рассматриваются в контексте первого и четвертого поколений прав человека. Так, одним из важнейших прав в первом поколении выступает право на жизнь. Оно взаимодействует в контексте трансплантации органов и тканей в случаях «предоставления донором своего организма или его частей в лечебных целях; право реципиента на отказ от пересадки донорского органа или ткани при угрозе прекращения его жизни в случае такого отказа; права на защиту от любых незаконных посягательств на жизнь донора (преждевременной констатации смерти, принуждения к выполнению донорской деятельности)» [9].

Данное право включает в себя и вопросы риска для жизни в момент медицинского вмешательства и после него, в том числе на протяжении жизни доноров и реципиента. Однако такой риск в отношении лиц, участвующих в трансплантации, указывается только в стандартах [8], разработанных при центрах трансплантации.

Еще одним неотъемлемым правом является право не подвергаться пыткам, которое во взаимосвязи с трансплантацией выражается через

запрет проведения медицинских или научных опытов без свободного согласия. Так, Замечание общего порядка № 20 [11, п. 6] обращает внимание на защиту лиц, неспособных дать законное согласие (лиц, находящихся под стражей или в местах лишения свободы) при проведении опытов. Обеспечение согласия также важно и при экспериментальной трансплантации. Однако запрет пыток в трансплантологии в практике ЕСПЧ [12, с. 32] включает в себя и ненадлежащее информирование о презумпции согласия.

Следующим правом выступает право на свободу и личную неприкосновенность, в рамках которого каждый человек имеет право «распорядиться своими органами, тканями, телом как при жизни, так и на случай смерти» [13].

Не только право на распоряжение своими органами и тканями рассматривается в контексте права на личную неприкосновенность, но и надлежащая информированность [14, п. 86; 15, п. 156] о возможности возразить против такого изъятия. Можно констатировать, что практика стран по реализации предполагаемого согласия без обеспечения данного права является несовершенной и, как следствие, нарушает права человека.

Разумеется, в право на свободу и личную неприкосновенность входят вопросы обеспечения личной анонимности и конфиденциальности доноров и реципиентов. К такому роду информации относится «информация о распределении донорских материалов; мероприятиях, связанных с трансплантацией; о конечных результатах как для реципиентов, так и живых доноров; об организации, ресурсах и финансировании» [16, с. 12].

Одним из важнейших прав в области трансплантации является право на наивысший уровень здоровья. Оно раскрывается через «определение политики в области здравоохранения; реализации программ по охране здоровья, разработанных ВОЗ» [17, п. 1].

Так как трансплантация представляет собой медицинское вмешательство, то в контексте права на здоровье его реализация проявляется при выражении согласия либо отказа на такое вмешательство.

Право на здоровье содержит в себе взаимосвязанные элементы. Первый элемент – доступность, которая подразумевает наличие учреждений, товаров и услуг для реализации данного права. В контексте трансплантации это выражается в том, что государство должно обеспечить наличие специализированного направления по проведению трансплантации органов и тканей человека или отдельного учреждения, а также наличие подготовленного медицинского персонала. Также доступность проявляется в связке с недискриминацией в доступе к учреждениям, товарам (органам, тканям), в том числе к сведениям о их наличии, услугам по трансплантации. Недискриминация при трансплантации хорошо прослеживается в вопросе об уходе за донором, который «должен быть сопоставимым с уходом за реципиентом» [16, с. 7].

Следующим элементом в рамках права на здоровье является доступность информации без ущерба праву на конфиденциальность личных медицинских данных. К такой информации относится информирование о возможных рисках, преимуществах и последствиях для их здоровья в связи с предстоящим оперативным вмешательством.

Еще один элемент права на здоровье, которое взаимодействует с трансплантацией органов и тканей, – качество как медицинской процедуры, так и тканей и органов.

Интересным элементом доступности является экономическая доступность (с точки зрения расходов). Сегодня существует запрет на торговлю органами и тканями человека, однако некоторые расходы, понесенные донором, могут покрываться: «потеря дохода; оплата издержек, связанных с уходом, обработкой, сохранением и передачей человеческих тканей или органов для трансплантации; и те, которые связаны с поставкой и обеспечением безопасности, качества и эффективности продуктов человеческих тканей и органов для трансплантации» [16, с. 7]. Данные расходы должны быть экономически доступны для доноров и реципиентов.

В вопросах обеспечения равенства и недискриминации в сфере трансплантации органов и тканей необходимо руководствоваться «клиническими критериями и этическими нормами, а не факторами, связанными с полом, расовой принадлежностью, религиозными взглядами или экономическим состоянием реципиента» [16, с. 10]. В отношении донора законодательство также должно быть недискриминационным.

Наиболее дискуссионным является право на свободу вероисповедания. В иудаизме и исламе действует традиционный запрет на изъятие органов и тканей из тел покойных [18, с. 32]. Христианство относится к трансплантации органов и тканей человека как «к подражанию подвигу Спасителя, отдавшего Свою Жизнь и плоть во имя искупления наших грехов» [19]. «Католическая церковь занимается посильной проповедью трансплантации» [18, с. 33].

Так, права доноров при трансплантации могут быть нарушены в контексте прав человека, когда имеется нарушение прав посмертного донора, в случае изъятия органов и тканей у лица, чье вероисповедание идет в противоречие с трансплантацией органов и тканей человека, либо в случае принуждения донора, исповедующего религию, запрещающую данное медицинское вмешательство.

В контексте четвертого поколения прав человека ведутся дискуссии [20, с. 3; 21, с. 16] в сфере реализации соматических прав в трансплантологии по вопросу изъятия органов и тканей после смерти человека в связи с двумя вариантами оснований посмертного донорства (презумпция согласия и несогласия).

В соответствии с вышеизложенным можем констатировать, что права человека при трансплантации органов и тканей человека не закреплены в едином международном договоре, но на практике их обеспечение рассматривается через право на жизнь; запрет пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; право на свободу и личную неприкосновенность; право на наивысший достижимый уровень здоровья; запрет дискриминации; право на свободу вероисповедания. В контексте соматических прав встает вопрос об изъятии органов и тканей человека после смерти человека без нарушения прав посмертного донора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обеспечение прав человека в сфере трансплантации органов и тканей / С. М. Ананич [и др.] ; под ред. Н. С. Анцух. – Минск : Экоперспектива, 2020. – 128 с.
2. Носаненко, Г. Ю Трансплантация органов и тканей человека: проблемы и пути решения / Г. Ю. Носаненко, Р. В. Гаврилюк // Междунар. науч.-исслед. журн. Юрид. науки. – 2019. – № 2 (80). – С. 143–145.
3. Генетическая конфиденциальность и права человека [Электронный ресурс] : одобр. резолюцией 2001/30 ЭКОСОС, 2001 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ecosoc/sites/www.un.org.ecosoc/files/documents/2001/resolution-2001-39.pdf>. – Дата доступа: 14.11.2021.
4. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [Электронный ресурс] : одобр. Генер. конф. ЮНЕСКО, 19 окт. 2005 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml. – Дата доступа: 14.11.2021.
5. Права человека и биоэтика [Электронный ресурс] : одобр. резолюцией 2003/69 Ком. по правам человека ООН, 17 апр. 2003 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/E/CN.4/2003/L.95>. – Дата доступа: 14.11.2021.
6. О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах – участниках СНГ [Электронный ресурс] : Модельный закон, 18 нояб. 2005 г., № 26-10 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.
7. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины [Электронный ресурс] // Совет Европы. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007d004>. – Дата доступа: 14.11.2021.
8. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] // Совет Европы. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680081581>. – Дата доступа: 14.11.2021.
9. Поспелова, С. Г. Донорство как одна из форм реализации конституционного права человека на жизнь в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С. Г. Поспелова ; Моск. гуманитар. ун-т. – М., 2006. – 40 с.
10. Ethical guidelines for the evaluation of living organ donors Rights [Electronic resource] / L.Wright [et al.] // US National Library of Medicine National Institutes of Health. – Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3211588/>. – Data of access: 14.11.2021.

11. Замечание общего порядка № 20 – Статья 7 (запрещение пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания) [Электронный ресурс] // База данных договорных органов ООН УВК. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared%20Documents/1_Global/INT_CCPR_GE_C_6621_R.doc. – Дата доступа: 14.11.2021.

12. Overview of the case-law of The European Court of Human Rights [Electronic resource] // Council of Europe. – Mode of access: https://www.echr.coe.int/Documents/Short_Survey_2015_ENG.pdf. – Date of access: 14.11.2021.

13. Степанцева, Е. Н. О праве граждан распоряжаться своими органами и тканями [Электронный ресурс] / Е. Н. Степанцева // Научная электронная библиотека «КИБЕРЛЕНИНКА». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prave-grazhdan-rasporyazhatsya-svoimi-organami-i-tkanyami/viewer>. – Дата доступа: 14.11.2021.

14. Дело «Петрова против Латвийской Республики» [Электронный ресурс] : постановление Европ. Суда по правам человека, 24 июня 2014 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

15. Дело «Эльберте против Латвийской Республики» [Электронный ресурс] : постановление Европ. Суда по правам человека, 13 янв. 2015 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

16. Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf. – Дата доступа: 14.11.2021.

17. Замечание общего порядка № 14: Право на наивысший достижимый уровень здоровья [Электронный ресурс] // База данных договорных органов ООН УВК. – Режим доступа: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSmlBEDzFEovLCuW1AVC1NkPsgUedPIF1vfPMJ2c7ey6PAz2qaojTzDJmC000gX5V%2fxFevrspahcSeU9bh2LQL7w3VSXzGJBa34a%2fl3iQQCnKCXBTK16lGHFFvk>. – Дата доступа: 14.11.2021.

18. Хубулава, Г. Г. Религиозно-этический аспект трансплантации [Электронный ресурс] / Г. Г. Хубулава // Научная электронная библиотека «КИБЕРЛЕНИНКА». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-eticheskiy-aspekt-transplantatsii/viewer>. – Дата доступа: 14.11.2021.

19. Address of His Holiness John Paul II to participants of the First International Congress of the Society For Organ Sharing [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/speeches/1991/june/documents/hf_jp-ii_spe_19910620_trapianti_en.html. – Data of access: 14.11.2021.

20. Лаврик, М. А. К теории соматических прав человека / М. А. Лаврик // Сиб. вестн. – 2005. – № 3. – С. 83–89.

21. Поцелуев, Е. Л. Понятие и виды личных (соматических) прав человека [Электронный ресурс] / Е. Л. Поцелуев, Е. С. Данилова // Наука. Общество. Государство. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-i-vidy-lichnostnyh-somaticheskikh-prav-cheloveka>. – Дата доступа: 14.11.2021.

К содержанию

А. И. ЛАСТОВСКАЯ

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

НАРУШАЮТ ЛИ ГЕНОМНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА?

Проведение геномных исследований является одним из важнейших достижений в области науки и медицины. С их помощью появляется возможность выявлять предрасположенность к различным заболеваниям, увеличивать продолжительность жизни, получать дополнительную информацию о состоянии здоровья. Но стоит отметить, что имеются и негативные последствия стремительного развития медицины и науки, прежде всего в области этики, а также соблюдения прав человека.

Основной целью статьи является ответ на вопрос, нарушают ли геномные исследования права человека. При ответе на данный вопрос следует обратиться к международным актам, которые обеспечивают баланс между стремительным развитием науки и правами человека. Ориентиром для правотворчества в области прав человека является Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [1], которая закрепляет основные положения в области защиты прав человека, отраженные через специализированные правовые акты. Такими актами являются: Международная декларация о генетических данных человека, принятая резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 октября 2003 г. [2], Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принятая резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г. [3], Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принятая 11 ноября 1997 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО [4] и др.

Основная мысль вышеуказанных актов заключается в следующем: защита генома превалирует над интересами науки и медицины, научно-технический прогресс приносит значительную пользу, но прогресс должен быть направлен на признание достоинства человеческой личности и всеобщее уважение и соблюдение прав человека и основных свобод. Конечно, при проведении геномных исследований есть риск нарушить права человека, но для недопущения нарушений выработаны следующие меры для защиты: для сбора данных необходимо согласие лица, причем данное согласие может быть отозвано, право быть или не быть информированным о результатах исследований, возможность получения консультаций в области последствий проведения исследований и иные меры защиты лица от возможных негативных последствий.

Однако надлежащая правовая база не гарантирует полной защиты человека от негативных последствий исследований, вышеуказанные правовые акты скорее представляют собой больше план действий на будущее, рекомендации и цели по гуманизации геномных исследований, а не реально достигнутый результат.

Безусловно, право на жизнь является основным и незыблемым правом человека и не должно нарушаться ни при каких обстоятельствах. Проведение геномных исследований определенным образом оказывает влияние на данное право: например, есть возможность редактировать и изменять геном человека, который согласно ст. 1 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, принятой 11 ноября 1997 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО, «лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода». Генетическое редактирование возможно уже на стадии эмбриона, что не просто может повлечь сильные количественные различия по полу, риск исчезновения определенных коренных наций и народностей, но и вообще ставит под угрозу существование жизни. Можно сказать, что геномные исследования являются своего рода «экспериментом» и несут в себе определенные риски. Так, редактирование ДНК повышает вероятность заказа «дизайнерских младенцев», где генетический код эмбрионов, созданных с помощью стандартного экстракорпорального оплодотворения, переписывается так, чтобы у детей были черты, которые родители находят желательными или необходимыми [5, с. 57].

В результате такого редактирования нарушается ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой человек имеет право на личную неприкосновенность. В случае редактирования уже на этапе зарождения жизни данное право нарушается. Также искусственно создается неравенство, так как задача редактирования – создать «идеального ребенка», не только предупреждая передачу генетических заболеваний, но и определяя будущий пол, особенности внешности, что не отвечает ни моральным, ни этическим нормам. Таким образом, зарождение жизни представляет собой не естественный процесс, а коммерческий проект.

Во Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, принятой резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г., отражено, что индивидуальность человека имеет биологические, физиологические, социальные, культурные и духовные аспекты, в то время как геномное редактирование данное разнообразие не учитывает. Безусловно, стремление науки в геномном редактировании избавить человека от заболеваний, увеличить продолжительность жизни является благом, но данное редактирование может пойти в такие крайности, как выбор цвета глаз, волос, роста и т. д., что вообще несет в себе риски чуть ли не «геномного фашизма», когда одни люди будут считаться достойными жизни (с тща-

тельно отредактированным геномом), а другие – нет, поскольку имеют несоответствующую общественным стандартам внешность, наследственные заболевания и т. д. Нацистская расовая идеология включала в себя абсолютно благие намерения (по мнению приверженцев): уничтожение лиц с различными наследственными болезнями, инвалидов, слабоумных, недопущение смешения рас и т. д. [6, с. 11–12], однако на практике реализация данной теории привела к разжиганию национальной розни, уничтожению людей по национальным признакам, массовым репрессиям, что вообще в корне нарушает права человека. Исторический опыт показал, что идея вмешательства в индивидуальность человека заканчивается крайне неблагоприятно. Таким образом, есть смысл оглянуться на историческое прошлое, чтобы не допускать ошибок, стоящих множества жизней, пресекать любые формы сегрегации и дискриминации.

Подводя итог, следует отметить, что геномные исследования несут в себе определенные риски и неблагоприятные последствия, что требует не только определенной осторожности в самой процедуре исследования, редактирования, изменения генома, но и особого внимания со стороны правового обеспечения. Особого внимания требует вопрос соблюдения прав человека. Всеобщая декларация прав человека, а также иные вышеуказанные акты должны стать ориентиром и правовой инструкцией для проведения геномных исследований, а требования, отраженные в них, обязательно соблюдаться для всеобщего блага и сохранения жизни, уважения человеческого достоинства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН, 10 дек. 1948 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 25.10.2021.

2. Международная декларация о генетических данных человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией Генер. конф. ЮНЕСКО, 16 окт. 2003 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml. – Дата доступа: 20.09.2021.

3. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией Генер. конф. ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании, 19 окт. 2005 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml. – Дата доступа: 20.09.2021.

4. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека [Электронный ресурс] : принята Генер. конф. Орг. Объед. Наций по вопросам образования, науки и культуры, 11 нояб. 1997 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml. – Дата доступа: 25.09.2021.

5. Пестрикова, А. А. Риски геномных исследований / А. А. Пестрикова // Актуал. проблемы рос. права. – 2019. – № 8 (105).

6. Поляков, И. М. Расовая теория на службе фашизма / И. М. Поляков, Е. А. Финкельштейн, З. А. Гуревич. – М. : Книга по требованию, 2014. – 204 с.

К содержанию

О. О. ЛЕМЕШЕВСКИЙ

Беларусь, Минск, Военная академия Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ МОЛОДЕЖНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

В течение 2021 г. на все государственные органы Республики Беларусь легла ответственность по реализации работы с молодежью на фоне информационного воздействия стран Европы. Большая информационная война за умы молодежи идет давно, в 2020 г. воздействие западных стран путем подачи фейковой информации с помощью экстремистских телеграм-каналов возымело устойчивый и растущий характер.

В этих условиях для Беларуси весьма актуальным стал вопрос молодежной интеллектуальной и трудовой миграции, причем не только внешней, но и внутренней. Она оказывает значительное влияние на экономическое развитие нашей страны. При развитии различных отраслей народного хозяйства необходимо учитывать наличие собственных высококвалифицированных ресурсов, их правильное размещение по территории страны, совершенствовать условия трудовой иммиграции высококвалифицированных работников, создать условия для их заинтересованности в этом.

Несоблюдение этих условий может привести к отрицательным последствиям. Когда во всех странах идет борьба за привлечение наиболее молодой и активной, а также квалифицированной части иностранных работников, выезд большого количества рабочей силы может оказать отрицательное влияние на демографические тенденции: снизить рождаемость, ухудшить здоровье и брачно-семейные отношения.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, население Беларуси с 2019-го по 2021 г. имеет устойчивые тенденции к уменьшению [1] (таблица).

Таблица – Численность населения Республики Беларусь в разрезе областей и г. Минска (человек)

	На начало года			Среднегодовая численность	
	2019	2020	2021	2019	2020
Все население					
Республика Беларусь	9 429 257	9 410 259	9 349 645	9 419 758	9 379 952

В 2020 г. получила распространение практика привлечения молодежи из других стран для выполнения определенных видов работ в рамках международных культурно-образовательных программ.

Немаловажным в изучении молодежной трудовой миграции является исследование характера выполняемой работы. Как правило, подавляющее большинство трудоустройств молодежи связано с физической работой.

Давая оценку потенциалу трудовой миграции из Республики Беларусь, необходимо отметить, что в реальной жизни миграционные намерения молодежи не всегда реализуются. Между желанием найти временную работу за границей и возможностью его реализации стоит много условий и обстоятельств, способствующих или затрудняющих его осуществление. Кроме того, наличие значительного потенциала трудовой миграции в молодежной среде не подкреплено знанием законодательства о выезде [2, с. 157].

Выявлена следующая тенденция: чем меньше молодежь реально знакома со страной будущей иммиграции, тем выше оценка ее привлекательности. И наоборот: чем большая доля раньше бывавших в этих странах, тем меньшая оценка привлекательности условий жизни в ней. В условиях информационного воздействия создается ложное представление о возможности реализации себя в странах Западной Европы и США. Желающие выехать не учитывают европейский миграционный и экономический кризис, рост национализма в странах Европейского союза [3]. Исходя из этого, можно определить следующие условия как для удержания нашей рабочей силы внутри страны, так и для привлечения иностранных высококвалифицированных работников:

- проведение и участие в гражданско-патриотических, волонтерских, социально значимых и культурно-досуговых проектах и мероприятиях для детей и молодежи;

- поддержка молодежных инициатив и креативных идей в инновационной, научной, профессиональной, интеллектуальной и творческой деятельности;

- выявление лидерского и творческого потенциала детей и молодежи, развитие их организаторских качеств, подготовка к работе в органах самоуправления;

- повышение уровня профессиональной компетентности руководителей в области интеллектуального и КВН-движения, специалистов по работе с молодежью;

- развитие малозатратных форм занятости молодежи, в том числе лагерей труда и отдыха, студенческих строительных отрядов;

- оказание помощи молодежи в организации своего бизнеса, что предполагает организацию эффективного информационного обеспечения, предоставление профессионально ориентированных услуг и необходимой профессиональной подготовки, приоритетного кредитования молодежного малого бизнеса и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Численность населения на 1 января 2021 г. и среднегодовая численность населения за 2020 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/migratsiya/statisticheskie-izdaniya/index_28098. – Дата доступа: 21.10.2021.

2. Масленкова, Е. В. Внешняя трудовая миграция как фактор конкурентоспособности рабочей силы / Е. В. Масленкова // Образование как инструмент управления качеством жизни : материалы междунар. конф. – Минск, 2002. – С. 157–160.

3. Основные внутренние проблемы Европы [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://topwar.ru/4154-osnovnye-vnutrennie-problemy-evropy.html>. – Дата доступа: 21.10.2021.

К содержанию

М. В. МАХЛЯНКОВА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ КОНВЕНЦИИ КАК СПОСОБ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ БЕЗГРАЖДАНСТВА

Безгражданство – актуальная проблема в современном мире. Миллионы людей сталкиваются с ней. В последние годы причиной безгражданства является распад государств, когда границы «смещаются», а человек вынужден оставаться на месте своего жительства.

Гражданство – это прежде всего возможность иметь и реализовывать свои права и законные интересы. Отсутствие гражданства несет негативные последствия для жизни людей. Статус апатрида не только лишает человека социальных льгот, но и препятствует участию в политическом процессе, отнимает право владеть собственностью и свободно передвигаться [1].

В настоящее время перед мировым сообществом остро стоит проблема безгражданства. Страны предпринимают попытки предотвращения данной ситуации, особенно меры по защите особо уязвимых категорий лиц, таких как дети, женщины и инвалиды. Действительно, нуждающимися в эффективной защите являются те, кто не имеет правовых связей с государством в плане гражданства или национальности.

Деятельность международного сообщества направлена на сокращение количества лиц без гражданства посредством реализации существующих документов Организации Объединенных Наций и Совета Европы, касающихся гражданства и его отсутствия. Говоря о системе международной защиты беженцев и лиц без гражданства, необходимо отметить, что одним

из основных способов правовой защиты являются документы, направленные на искоренение безгражданства. Это прежде всего конвенция ООН 1954 г. «О статусе апатридов», конвенция ООН 1961 г. «О сокращении безгражданства».

В настоящий момент не все государства имплементируют указанные выше конвенции в национальное законодательство, что определенным образом тормозит развитие международной защиты прав лиц без гражданства. Таким образом, международное сообщество не всегда может контролировать государства в данной сфере. Ведь именно имплементация является реализацией международных обязательств на национальном уровне. Отсутствие согласованных подходов государств к приобретению и потере гражданства продолжает создавать случаи безгражданства. Право на гражданство является международно признанным, однако сегодня насчитывается около 12 млн апатридов. Динамика роста лиц без гражданства не утешительна.

Рассмотрим указанные выше конвенции ООН и определим их роль в защите прав лиц без гражданства, а также необходимость имплементации конвенций государствами.

Правовой статус лиц без гражданства регламентируется конвенцией «О статусе апатридов» 1954 г. Данная конвенция обеспечивает возможности реализации прав лиц без гражданства. Однако подписали ее всего 66 стран. Согласно нормам данной конвенции, личный статус апатрида определяется законом страны его постоянного проживания.

Апатриды обладают меньшим объемом гражданских прав и свобод, чем граждане государства пребывания. У лиц без гражданства отсутствуют конституционные и политические права, они лишены возможности обратиться к консульской или дипломатической защите. Как и иностранные граждане, апатриды не несут воинской обязанности, на них распространяются те же профессиональные ограничения. В таких вопросах, как авторские и промышленные права, доступ к правосудию и правовая помощь, апатридам должен быть предоставлен национальный режим. Таким образом, конвенция направлена на предоставление определенного круга прав лицам без гражданства. Имплементируя данную конвенцию, государство проводит политику, направленную на защиту данных лиц.

Значимым правовым механизмом предотвращения и сокращения лиц без гражданства является конвенция ООН «О сокращении безгражданства» 1961 г. Она направлена на сокращение апатридов. Предусматривается, что лицу, родившемуся на территории государства, должно быть предоставлено гражданство, если такое лицо может стать апатридом. Закрепляется также положение о том, что утрата гражданства должна быть связана только с приобретением нового гражданства. Государство, согласно ст. 9 указанной

выше конвенции, не вправе лишать лицо гражданства по расовым, этническим, религиозным или политическим основаниям.

Особенность конвенции «О сокращении безгражданства» – создание международного органа, в который лица без гражданства могут обращаться с жалобами на невыполнение участниками конвенции ее норм. Функции такого органа возложены на верховного комиссара ООН по делам беженцев. Апатриды могут обращаться к верховному комиссару с требованиями о помощи, что закреплено в ст. 11 конвенции «О сокращении безгражданства».

Верховный комиссар борется против нарушений в области защиты прав и свобод лиц без гражданства и беженцев. Деятельность верховного комиссара направлена на то, чтобы нормы в области прав человека реализовывались по отношению к лицам, не имеющим гражданства. Управление верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) координирует международные действия по обеспечению во всемирном масштабе защиты прав беженцев.

Участниками конвенции на настоящий момент являются лишь 37 государств. Безусловно, Генеральная Ассамблея ООН призывает государства, которые еще не являются ее участниками, рассмотреть вопрос о присоединении к данному международному документу. Именно подписание странами данной конвенции способствует предотвращению споров, связанных с гражданством, посредством международного сотрудничества и принятия правил, действующих для всех.

При присоединении к конвенции «О сокращении безгражданства» не исключена возможность того, что государству придется столкнуться с лицами, не имеющими гражданства. В данном случае большую роль играет имплементация государством конвенции 1954 г. «О статусе апатридов», направленной на регулирование статуса лиц без гражданства. Таким образом, присоединение сразу к двум конвенциям является ключевым шагом в решении проблемы безгражданства.

Следует отметить, что члены Содружества Независимых Государств приняли две конвенции, в которых затрагиваются вопросы гражданства, – конвенцию СНГ «О правах и основных свободах человека», в ст. 24 которой закреплено право каждого на гражданство и указано, что никто не может быть произвольно лишен гражданства или права изменить свое гражданство, и конвенцию СНГ 1993 г. «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», в которой также упоминаются «лица без гражданства» [2].

Ввиду того, что проблема безгражданства – проблема мирового масштаба, ее решение возможно только путем всеобщих усилий. Данная проблема требует международного регулирования, которое возможно при присоединении государств к конвенциям ООН, регулирующим вопросы безгражданства.

Одним из способов уменьшения количества лиц без гражданства может быть упрощение приобретения гражданства путем натурализации. Послабление условий, например уменьшение квалификационного периода (периода времени, в течение которого лицо находится в стране), может способствовать уменьшению количества лиц без гражданства.

Имплементация конвенции «О статусе апатридов» 1954 г. и конвенции «О сокращении безгражданства» 1961 г.

– направлена на реализацию прав человека, включая право на гражданство;

– минимизирует риски появления лиц без гражданства;

– наделяет апатридов определенными правами, тем самым предоставляя всем право на участие в жизни общества;

– позволяет улучшить международные отношения путем разработки единых концепций в решении вопросов в области права на гражданство и предотвращения случаев безгражданства;

– помогает УВКБ ООН мобилизовать международную помощь в целях предотвращения и сокращения безгражданства.

Таким образом, проблема безгражданства может быть решена только путем всеобщих усилий посредством принятия и соблюдения международных норм, которые защищают такие категории граждан, как лица без гражданства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глобальный план действий по ликвидации безгражданства на 2014–2024 годы [Электронный ресурс] // Отдел международной защиты. – Режим доступа: <https://cutt.ly/UgjiH0>. – Дата доступа: 17.11.2021.

2. Миграция, вынужденная миграция и безгражданство : пособие по вопросам беженцев / А. В. Селиванов [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2020. – 200 с.

К содержанию

А. Н. ПОЛЕШКО

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЗАЩИТУ ЛИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ МЕДИЦИНЫ

Право человека на защиту личной информации является одним из основополагающих прав человека в современном информационном обществе. Способы обработки и хранения информации с применением технических средств увеличивают риски доступа к конфиденциальной информа-

ции третьих лиц, что обосновывает актуальность вопроса о защите персональных данных.

Важным вопросом является обеспечение конфиденциальности в электронном здравоохранении и право пациента запретить доступ к информации о его здоровье. Переход к интегрированным электронным медицинским картам, содержащим всю информацию о состоянии здоровья пациента с его рождения, увеличивает риск ее распространения за пределами учреждений здравоохранения. Определение границ права на контроль доступа к информации о своем здоровье связано в основе с правом на защиту личной жизни, регламентированным ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1].

В качестве примера защиты персональных данных в контексте цифровой медицины можно привести Швецию с ее развитой и разветвленной системой здравоохранения. У каждого пациента есть личный кабинет на сайте 1177.se, созданном по госзаказу, в котором хранятся история болезни, история обследований и назначений. В отличие от многих стран, шведская система устроена так, что врач не может посмотреть документы больного без его разрешения. Это сделано, чтобы защитить персональные данные человека. У каждого доктора есть специальная электронная карта-пропуск в систему, пациент всегда видит, какой врач просматривал его записи [2].

Несмотря на создание национальных коммуникационных сетей, Интернет продолжает оставаться единым информационным пространством, поэтому национальное право самостоятельно не может создать тот профиль регулирования, который защитит внутренние информационные ресурсы от посягательств. Также национальное право не может регулировать стандарты трансграничного обмена информацией, что приводит к необходимости создания единой международной системы защиты персональных данных [3].

Право на защиту персональных данных признается одной из составных частей единой фундаментальной системы, отвечающей за защиту прав человека. Нормы, регулирующие эту сферу, принимаются в рамках правовых актов, носящих общегуманитарный характер и принимаемых в рамках ООН и других организаций, комплексно отвечающих за эту сферу.

Важным международным актом, конкретизирующим право человека на защиту информации, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [4]. Помимо этого, данный вопрос регламентируется в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [5]. На основании данных актов разработана концепция информационных прав человека.

Таким образом, разработанные нормы имеют достаточно важное значение в области норм о защите прав человека и должны стать основой для

розробки національного законодавства не тільки країн Євросоюзу. Крім того, питання захисту персональних даних в процесі цифровізації медицини дуже мало освітлено в наукових працях, незважаючи на його актуальність, що може створювати певні труднощі в розумінні і трактуванні вже існуючих норм.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи, 10 дек. 1948 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Официальный сайт Министерства здравоохранения и социальных дел Швеции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/sveriges-regering/utrikesdepartementet/>. – Дата доступа: 16.11.2021.
3. Международная система защиты персональных данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://searchinform.ru/resheniya/biznes-zadachi/zaschita-personalnykh-dannykh/realizaciya-zashchity-personalnyh-dannyh/mezhdunarodnaya-sistema-zashchity-personalnyh-dannyh/>. – Дата доступа: 16.11.2021.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : [заключена в г. Риме 04.11.1950 г.]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/theeuropean-convention-on-human-rights-and-its-protocols>. – Дата доступа: 17.11.2021.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи, 16 дек. 1966 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractecon.shtml. – Дата доступа: 17.11.2021.

К содержанию

Я. М. САДИКОВА

Україна, Суми, Сумська філія Харківського національного університету внутрішніх справ

ТРАНСФОРМАЦІЯ МІЖНАРОДНИХ СТАНДАРТІВ В СФЕРІ ПРАВОСУДДЯ В ПРОЦЕСІ ЇХ ВПРОВАДЖЕННЯ

Світ, де зникають кордони, де правовідносини розвиваються швидко і без врахувань територій та юрисдикцій, в умовах глобалізації, а відповідно, глобального «міжнародного спілкування», змушує зосередити увагу на питаннях, пов'язаних з цими процесами.

Для ілюстрації важливості питання щодо впровадження міжнародних стандартів правосуддя, а саме стандартів правосуддя, дружнього до дитини, показовою може стати справа «Курочкін проти України» (Заява № 42276/08), рішення в якій було прийнято 20 травня 2010 р. В цій справі було допущено порушення Конвенції з прав людини, оскільки національні суди скасували усиновлення дитини заявником, незважаючи на те, що

в суді хлопчик висловив бажання залишитися зі своїм прийомним батьком, так само як і прийомний батько не бажав скасування усиновлення. Рішення вказує на низку проблем, які існують в цивільному судочинстві, в тих справах, в яких беруть участь діти. Ці проблеми переважним чином пов'язані з тим, що діти не сприймаються як суб'єкти права і учасники справи в силу їх віку та відсутності (недостатності) дієздатності.

До ключових міжнародно-правових актів з прав дитини, в яких закладено основи правосуддя за участю дитини належать Конвенція ООН про права дитини 1989 р., Конвенція про цивільно-правові аспекти міжнародного викрадення дітей, Європейська конвенція про здійснення прав дітей тощо. На основі Конвенції про права дитини розроблені та прийняті 17 листопада 2010 р. Керівні принципи Комітету міністрів Ради Європи щодо правосуддя, дружнього до дітей (далі – Керівні принципи). Аналіз міжнародних договорів та Керівних принципів дозволяє виділити перелік стандартів дружнього до дитини правосуддя.

В Керівних принципах стандарти структуровано в ієрархічній тричленній системі: фундаментальні стандарти, загальні елементи правосуддя, дружнього до дітей, та елементи правосуддя, дружнього до дітей на окремих стадіях судочинства (до судового розгляду під час судового розгляду, після судового розгляду). Міжнародні стандарти, так само як і принципи національного цивільного процесу, виконують одну важливу функцію: впливають на змістовну характеристику системи, наділяють систему новою якістю, хоча ототожнювати систему принципів цивільного національного судочинства та систему міжнародних стандартів не варто [1]. Провести чітку межу між міжнародними стандартами та принципами неможливо. Досить часто спостерігається перевтілення міжнародних стандартів в принципи здійснення національного судочинства. Система міжнародних стандартів дружнього до дітей правосуддя, яку запропоновано в Керівних принципах, варто розглядати як систему інструментів для реалізації основної засади – правосуддя має сприймати дитину як суб'єкта права і враховувати вікові, психологічні, поведінкові та інші особливості такого суб'єкта. Таким чином, принцип один – правосуддя має бути дружнім до дітей, а втілення та реалізація цього принципу (стандарту) здійснюється починаючи від формулювання загальних або фундаментальних засад до конкретних поведінкових правил. Фундаментальними засадами дружнього до дитини правосуддя названо участь, найкращі інтереси дитини, гідність, захист від дискримінації, верховенство права.

Однак досягнення відповідності міжнародним нормам і стандартам сприймається через локальні історичні, культурні та політичні фільтри [2, с. 6]. По відношенню до питання щодо кримінальної юстиції та ювенальної юстиції Мунсі (Muncie) слушно зауважив, що вони продовжують функціонувати таким чином, що є специфічними для місцевих умов та

культурного контексту та відображають цілі окремих політиків і програм [3]. Усі програми та заходи, що розробляються на виконання міжнародних зобов'язань та виконання міжнародних договорів, в будь-якому разі проходять етап «націоналізації» положень. Стандарти та правила, визначені міжнародними документами, адаптуються та трансформуються через спектр культурних, релігійних, політичних уявлень, традицій та цінностей кожної держави.

Ще один суттєвий момент «адаптації» міжнародних стандартів у сфері здійснення судочинства і захисту прав людини пов'язаний з відчуттям того, що міжнародні стандарти відчуються як іноземні правила. В міжнародному цивільному процесі *Lex fori* володіє фактичною монополією в сфері врегулювання процесуальних правовідносин. Іншими словами, процесуальні (процедурні питання) традиційно відносяться до сфери *Lex fori*. Для визначення порядку розгляду та вирішення спору національний суд застосовує свої власні правила та процедури. І тут має проявлятися етноцентризм (хоча і дещо і іншому аспекті, ніж це має місце в міжнародному приватному праві). Тому імплементація міжнародних стандартів в правила внутрішнього законодавства буде сприйматися більш легко, втратиться відчуття чужерідності. Судді пройняті концепціями і цінностями правового порядку, до якого вони належать, а це впливає на сам спосіб формулювання змісту і предмету спору, який необхідно вирішити, а так само на зміст рішення, яке слід постановити [4; 5].

Все це обумовлює висновок про те, що при впровадженні міжнародних стандартів здійснення правосуддя для зменшення супротиву реформам варто проводити імплантацію відповідних норм до національного законодавства. Однак важливим є завжди тримати в центрі уваги досвід іноземних держав та аналіз ситуації під міжнародним (автономним) кутом, оскільки національне бачення завжди буде відрізнятися від міжнародного.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Садикова, Я. М. До питання про систему європейських стандартів захисту прав людини та принципів здійснення судочинства / Я. М. Садикова // Право і суспільство. – 2015. – № 6, ч. 3. – С. 46–50.
2. Dao, Le Thu. Social, Cultural and Systemic Barriers to Child Justice Reform: Lessons from Vietnam / Le Thu Dao, Yv. Dandurand. – Youth Justice, 2021. – P. 1–20.
3. Muncie, J. International Juvenile (In)justice: Penal Severity and Rights Compliance / J. Muncie // International Journal for Crime Justice and Social Democracy. – 2013. – Vol. 2. – P. 43–62.
4. Niboyet, M.-L. Droit international privé / M.-L. Niboyet, G. de Geouffre de la Pradelle. – Paris : LGDJ, 2007. – P. 53.
5. Gannagé, P. L'égalité de traitement entre la loi du for et la loi étrangère dans les codifications nationales de droit international priv. / P. Gannagé // Annuaire de l'institut de droit international. – 1989. – Vol. 63-I.

К содержанию

V. V. SASKEVICH, O. V. EMELYANOVICH

Belarus, Minsk, Belarusian State University

INTEGRATION OF GENDER DIMENSION IN TEACHING AND RESEARCH

Gender equality is crucial for modern society. For the last years Belarus has done a lot to mainstream gender perspective in health care, education and promoting innovation. This abstract focuses on practical issues of integrating gender dimension in teaching and research at the Law Faculty of the Belarusian State University (BSU).

Teaching. The Law Faculty Curriculum includes compulsory disciplines, Constitutional Law and Human Rights integrating gender perspectives. There is a selective course on Legal Guarantees of Gender Equality elaborated with support of the Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law (RWI).

Professors of the Law Faculty produced a study guide “Legal Guarantees and Implementation of Gender Equality Principle” [1]. The study guide comprises applied and theoretical aspects of legal work for achieving gender equality in the Republic of Belarus. It is intended for legal clinics, teaching legal disciplines in educational institutions at all levels. The study guide’s content includes common theoretical and practical legal issues to illustrate the gender dimension of the Constitutional Law, International Law, Labour Law, Family Law. The specialized section of the BSU Legal Clinic for Gender Equality was established. An Internet Center web link on Legal Issues of Gender Equality was launched on the Law Faculty website [2]. It contains main legal documents on gender equality, training presentations for Legal clinic students-consultants, useful Internet links including a forum link for asking questions related to protection of the rights of women and men on-line. The above mentioned activities were implemented within the UNESCO’s Participation Programme.

International Summer University annually is hosted by the Law Faculty. Each year there is a new topic for study. The VI International Summer University was devoted to “The legal status of women in the modern world: content and methods of protection”. It gathered more than 130 participants from different countries.

Research. Annually the Law Faculty holds conferences and round tables with gender-focused issues for students, professors and interested researchers. Gender-oriented researches are popular among students, LLM and PhD researchers.

Methodical Guidelines on Integration of a Gender Dimension in Legal Research [3] were developed and published within international cooperation among universities. The Guidelines are based on application of an inter

disciplinary research approach. It suggests various methods for effective integrating gender dimension in research cycle: design phase, technological and reflexive phases.

Belarusian universities collection of gender-focused publications [4] was launched on the platform of BSU Electronic Library. There are full texts of gender-focused publications in different fields of science: law, history, sociology, psychology, etc. Publications of Law Faculty professors and researchers can be found in this collection.

REFERENCES

1. Правовые гарантии и реализация принципов гендерного равенства [Электронный ресурс] : практ. пособие / Г. А. Василевич [и др.] ; под ред. С. А. Балашенко, В. В. Саскевич. – Минск, 2018. – 126 с. – Режим доступа: https://law.bsu.by/pub/16/10684_posobie.pdf. – Дата доступа: 11.11.2021.

2. Интернет-центр по правовым вопросам обеспечения гендерного равенства [Электронный ресурс] / БГУ. – Режим доступа: <https://law.bsu.by/novosti/novosti-yuridicheskoy-kliniki/10684-internet-tsentr-po-pravovym-voprosam-obespecheniya-gendernogo-ravenstva.html>. – Дата доступа: 11.11.2021.

3. Рекомендации по интеграции гендерного измерения в юридические исследования [Электронный ресурс] / Л. А. Краснобаева [и др.] ; под общ. ред. Т. В. Лисовской. – Минск, 2018. – 44 с. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/221373>. – Дата доступа: 11.11.2021.

4. Коллекция публикаций по гендерной тематике белорусских ВУЗов [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/233595>. – Дата доступа: 11.11.2021.

К содержанию

А С. СКАЛКОВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ РЕБЕНКА

Международно-правовое регулирование прав ребенка является составляющей частью общей системы международно-правовой защиты прав человека, так как ребенком является человек в возрасте до достижения совершеннолетия. Цель данной статьи – раскрыть международно-правовые основы регулирования прав ребенка, их структурные компоненты, особенность, историческое формирование и специфику современного состояния в Республике Беларусь.

Международная защита прав ребенка представляет собой систему взаимосогласованных действий государства и неправительственных

международных организаций, направленных на разработку и обеспечение прав ребенка. Международно-правовые основы регулирования прав ребенка нацелены на формирование полноценной и гармонично развитой личности, содействие и закрепление в национальном законодательстве прав ребенка и оказание международной помощи и поддержки детям, нуждающимся в этом. Необходимость особой защиты детей ввиду их физической и умственной незрелости, особенностей, а следовательно, вытекающей из этого потребности в охране и заботе, обеспечении условий для нормального развития и образования представлена в ряде международно-правовых документов.

Тема защиты прав ребенка имеет не столь давнюю историю. Первой организацией Международного фонда безопасности детей стала британская организация «Спасите детей» (1919), главной целью которой являлось создание мощного аппарата по защите детей во всем мире. В 1920 г. в Женеве создан Международный союз спасения детей, а в 1923 г. принята Женевская декларация по защите прав детей. В 1924 г. Пятой Ассамблеей Лиги Наций в Женеве одобрена и утверждена Декларация прав ребенка.

Одним из первых шагов в деятельности Генеральной Ассамблеи ООН по защите прав детей было образование в 1946 г. Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). В 1948 г. Генеральной Ассамблеей была принята Всеобщая декларация прав человека, признавшая, что дети являются особым объектом защиты. Следующим важным этапом в развитии международно-правовой основы регулирования прав ребенка стало принятие ООН в 1959 г. Декларации прав ребенка, в которой были провозглашены социальные и правовые принципы, касающиеся защиты и благополучия детей.

Декларация не имела обязательной силы, она носила рекомендательный характер. В Декларации прав ребенка провозглашались основные принципы, программные положения защиты прав ребенка.

Следующим этапом в формировании международно-правового регулирования прав ребенка явилось принятие Конвенции о правах ребенка – договора, соглашения по специальному вопросу, имеющего обязательную силу для государств, которые его ратифицировали (подписали). В 1989 г. 159 государств – участников Организации Объединенных Наций приняли Конвенцию о правах ребенка – договор, направленный на защиту детей и одобренный максимальным числом стран. Согласно Конвенции, ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по национальным законам не установлен более ранний возраст достижения совершеннолетия. Одним из принципов Конвенции является следующий: «Наилучшим интересам ребенка должно уделяться

первоочередное внимание при принятии решений, которые могут их затрагивать» [1].

В 1989 г. 20 ноября Генеральная Ассамблея ООН единогласно утвердила Конвенцию о правах ребенка (приняла ее текст). Конвенция содержит 54 статьи, учитывающие практически все моменты, связанные с жизнью и положением ребенка в современном обществе. Она имеет равное значение для народов всех регионов мира. Конвенция представляет собой документ особого социально-нравственного значения, ибо она утверждает признание ребенка частью человечества, недопустимость его дискриминации, приоритет общечеловеческих ценностей и гармоничного развития личности. Конвенция провозглашает преобладание интересов детей над потребностями государства, общества, религии, семьи, специально выделяет необходимость особой заботы государства и общества о социально не защищенных группах детей: сиротах, инвалидах, беженцах, правонарушителях.

Конвенция – правовой документ высокого международного стандарта – провозгласила ребенка полноценной и полноправной личностью, самостоятельным субъектом права. Важная роль данного документа состояла в том, что впервые на международном уровне было зафиксировано данное специфическое отношение к ребенку. Определяя права детей, которые отражают весь комплекс гражданских, политических, экономических и культурных прав человека, Конвенция устанавливала и правовые нормы, ответственность государства, предлагала создание специального органа контроля – Комитета ООН по правам ребенка.

Основная идея Конвенции заключалась в наилучшем обеспечении интересов ребенка. Положения Конвенции сводятся к четырем основным требованиям, которые нацелены на обеспечение прав детей: выживание, развитие, защита и обеспечение активного участия в жизни общества.

Общими принципами Конвенции о правах ребенка являются:

1. Свобода от дискриминации, которая основана на том, что дети разного пола и возраста имеют различные интересы и потребности, но все они наделены одинаковыми правами и должны иметь равное обращение вне зависимости от пола, национальности, происхождения, состояния здоровья.

2. Наилучшее обеспечение интересов ребенка ориентировано на то, чтобы взрослые, принимая решения и планируя свои действия, всегда учитывали интересы ребенка. Этот принцип касается семьи, органов власти, судов, государственных и частных институтов.

3. Право ребенка на жизнь и развитие подразумевает то, что родители обязаны делать все возможное, чтобы ребенок мог нормально развиваться и реализовывать свои способности. Государство предлагает родителям всевозможную помощь и поддержку. Если, несмотря на помощь

государства, родители не могут обеспечить ребенку необходимые условия, государство берет эту обязанность на себя.

4. Уважение взглядов ребенка заключается в том, что в любых вопросах, которые касаются ребенка, необходимо прислушиваться к нему, учитывать его мнение, а не просто принимать решение за него, пусть даже в его интересах. Данный принцип следует соблюдать во всех аспектах жизни ребенка.

5. Ребенок имеет право на жилище; на жизнь и здоровое развитие; на особую заботу при ограниченных возможностях; на равные права независимо от национальности, пола и религии; на образование; на семью; на имя, гражданство, сохранение своей индивидуальности; на пользование родным языком; на собственное мнение и право свободно выражать его; на здравоохранение и социальное обеспечение; на полезное и качественное питание; на отдых и досуг, участие в играх, культурной жизни, занятие искусством; на защиту от экономической эксплуатации; на защиту от жестокого обращения; на защиту от всех форм сексуальной эксплуатации [1].

Республика Беларусь, признавая приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и важность международного сотрудничества для улучшения положения детей, подписала и ратифицировала Конвенцию о правах ребенка в 1990 г. [2]. Став участником данной Конвенции, Республика Беларусь заявила международному сообществу о своем обязательстве привести национальное законодательство в соответствие с положениями Конвенции, обеспечив тем самым правовую базу для создания в стране достойных условий жизни и реального осуществления каждым ребенком как полноправным субъектом всего комплекса конституционных прав человека без какой бы то ни было дискриминации. Принятые обязательства естественным образом обусловили необходимость разработки на национальном уровне комплексной системы мер и осуществления программ, направленных на воплощение в жизнь положений Конвенции. В основу нового белорусского законодательства о детях положены важнейшие международно-правовые документы ООН, содержащие основные требования государственной политики в отношении семьи и детей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернышева, В. Н. Охрана прав детей в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / В. Н. Чернышева. – Режим доступа: <https://sad57bobruisk.schools.by/pages/ohrana-prav-detej-v-respublike-belarus>. – Дата доступа: 15.10.2021.

2. Конвенция по правам ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CRC/Pages/CRCIndex.aspx>. – Дата доступа: 20.10.2021.

К содержанию

А. В. СОЛОНЕВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Проблема, связанная с беженцами, является довольно острой и актуальной в современном мире.

В соответствии с Международной конвенцией о статусе беженцев от 28 июля 1951 г., а именно ст. 1, беженцем является лицо, которое в результате событий, происшедших до 1 января 1951 г., и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений [1, ст. 1].

В связи с данным определением можно выделить следующие виды беженцев:

1. Лицо, признанное беженцем по признаку расы.
2. Лицо, признанное беженцем по признаку вероисповедания.
3. Лицо, признанное беженцем по признаку личных политических убеждений либо по принадлежности к определенной социальной группе, при этом данное лицо не хочет либо не может пользоваться защитой государства, гражданином которого является.

Однако стоит выделить еще один вид беженцев. Лицо, которое в силу природных катаклизмов, стихийных бедствий, техногенных и экологических катастроф не может либо же не желает оставаться на территории страны, гражданином которой оно является, должно иметь возможность получить статус беженца. Данный вид беженцев можно выделить наравне с вышеперечисленными видами как лица, претендующие на статус беженца по признаку расы, вероисповедания, личных политических убеждений либо принадлежности к определенной социальной группе, так как лицо, которое вынуждено покинуть свою страну проживания из-за природных катаклизмов, стихийных бедствий, техногенных и экологических катастроф подвергается не меньшей опасности, чем лица, перечисленные в Конвенции о статусе беженца. Для него также характерна угроза жизни и здоровью, посягательство на его социальные и политические права. Следуя из этого, можно сделать вывод, что такие лица также могут претендовать на получение статуса беженца.

В то же время существует еще одно понятие – вынужденные переселенцы. В соответствии с постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 27 ноября 2015 г. № 43-5 вынужденным переселенцем признается лицо, которое является гражданином государства, вынужденное покинуть место жительства на территории одного территориального образования и прибывшее на территорию другого территориального образования вследствие совершенного в отношении него либо членов его семьи насилия или преследования в иных формах при межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтах, сопровождающихся массовыми нарушениями прав и свобод человека и гражданина, законности, правопорядка и общественной безопасности [2, ст. 2].

Определения «беженец» и «вынужденный переселенец» имеют много точек соприкосновения, но, несмотря на это, у них есть различия:

1. Беженец не является гражданином той страны, в которой он ищет убежище и защиту вследствие преследования или угрозы жизни и здоровью в своей стране. А вынужденный переселенец, наоборот, является гражданином той или иной страны, однако он вынужден покинуть место жительства на территории одного территориального образования и прибыть на территорию другого территориального образования вследствие совершенного в отношении него либо членов его семьи насилия или преследования в иных формах при межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтах, сопровождающихся массовыми нарушениями прав и свобод человека и гражданина, законности, правопорядка и общественной безопасности.

2. Отличие заключается в правах беженцев и вынужденных переселенцев. Беженцы не имеют некоторых прав, которые доступны вынужденным переселенцам. Например, беженцы не несут воинской обязанности, им также не доступны некоторые политические права: право на мирные шествия, демонстрации, право избирать и быть избранными, управление государственными делами, право на участие в референдумах, допуск к государственной службе и отправлении правосудия.

3. Третье отличие – срок действия статуса беженца и временного переселенца. Срок действия статуса беженца – 1,5 года, а срок действия статуса временного переселенца – 5 лет с возможностью дальнейшего продления [3].

В соответствии с вышеперечисленным можно сделать несколько заключений:

1. Можно выделить еще один вид беженцев – лица, которые в силу природных катаклизмов, стихийных бедствий, техногенных и экологических катастроф не могут либо же не желают оставаться на территории

страны, гражданином которой они являются, так как жизнь, здоровье, права и свободы данных лиц подвержены не меньшей опасности, чем других видов беженцев.

2. Хотя понятия «беженец» и «вынужденный переселенец» и схожи, между ними существуют различия. Главное различие заключается в том, что беженец не является гражданином той страны, в которой он ищет убежище и защиту вследствие преследования или угрозы жизни и здоровью в своей стране, а вынужденный переселенец, наоборот, является гражданином той или иной страны, однако он вынужден покинуть место жительства на территории одного территориального образования и прибыть на территорию другого территориального образования вследствие совершенного в отношении него либо членов его семьи насилия или преследования в иных формах при межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтах, сопровождающихся массовыми нарушениями прав и свобод человека и гражданина, законности, правопорядка и общественной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция ООН о статусе беженцев [Электронный ресурс] : [принята в г. Женеве 28.06.1951 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml. – Дата доступа: 16.11.2021.

2. Международная миграция: проблемы, сотрудничество и перспективы развития [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 27 нояб. 2015 г., № 43-5. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=n21500090&q_id=0. – Дата доступа: 20.11.2021.

3. Дружинин, Д. А. Экспертный ответ: чем отличается беженец от вынужденного переселенца [Электронный ресурс] / Д. А. Дружинин. – 2017. – Режим доступа: <https://bestmem.ru/migranty/bezhentcy/otliche-bezhenetcev-vynuzhdennykh-pereselentcev.html>. – Дата доступа: 20.11.2021.

К содержанию

Е. А. СТАРУН

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

КОМИТЕТ ООН ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА: ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Комитет ООН по правам ребенка (КПР) (в иностранной терминологии Committee on the rights of the child (CRC)) – орган, состоящий из независимых экспертов, который контролирует реализацию Конвенции о правах ребенка государствами-участниками. Комитет также может рассматривать

индивидуальные жалобы на предполагаемые нарушения Конвенции о правах ребенка и ее двух Факультативных протоколов, касающихся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (ФПТД) и участия детей в вооруженных конфликтах (ФПВК) со стороны государств-участников, подписавших Конвенцию, а также может проводить расследования предполагаемых нарушений прав, закрепленных Конвенцией и ее двумя факультативными протоколами. В 2011 г. был одобрен третий Факультативный протокол, касающийся процедуры сообщений (ФППС), который позволяет детям обращаться в Комитет с жалобами касательно нарушений их прав, закрепленных в Конвенции и первых двух Факультативных протоколах к ней. Протокол вступил в силу в 2014 г.

Комитет ООН по правам ребенка в системе международной защиты прав человека относится к договорным органам. В настоящее время существует десять договорных органов, представляющих собой комитеты независимых экспертов. Девять из них наблюдают за выполнением государствами-участниками договоров ООН в области прав человека, в то время как десятый – Подкомитет по предупреждению пыток, учрежденный в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции против пыток, – проверяет места заключения в государствах – участниках Факультативного протокола. Органы учреждены в соответствии с положениями конкретного договора и нацелены на наблюдение за его выполнением. Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ) содействует деятельности договорных органов в согласовании их методов работы с установленными требованиями.

Особое место в структуре международной системы защиты прав человека занимает Комитет ООН по правам ребенка. Создание Комитета ООН по правам ребенка как специального органа контроля было запланировано Конвенцией о правах ребенка, принятой в 1989 г. и ратифицированной в 1990 г. большим количеством государств. Конвенция о правах ребенка является международным договором, в котором признаются права детей. Ст. 1 Конвенции говорит о том, что ребенком является каждый человек до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее [1]. Конвенция предписывает государствам-участникам обязанности по обеспечению каждого ребенка специальными мерами защиты и помощью; доступом к образованию и здравоохранению; возможностями развивать свою личность, способности и таланты в полной мере; возможностями расти в среде счастья, любви и понимания; информацией и условиями для участия в достижении своих прав доступным и активным способами, без какой-либо дискриминации.

Цель данной статьи – на основании изучения имеющихся источников рассмотреть особенности деятельности Комитета ООН по правам ребенка как структурного компонента системы международной защиты прав человека.

Все государства, состоящие в Комитете по правам ребенка, обязаны регулярно предоставлять ему доклады о выполнении соответствующих прав. Через два года после присоединения к Конвенции все государства должны предоставить первоначальный доклад, а затем и периодические доклады каждые пять лет. Комитет изучает каждый доклад и излагает государству-участнику свои соображения и рекомендации в виде «заключительных замечаний». Участники Комитета встречаются для предварительного изучения докладов, которые они получили от государств-членов, и подготовки к дискуссии с представителями докладывающих стран. Помимо докладов государств, рабочая группа встречается с органами и учреждениями ООН, некоторыми НПО и иными органами по правам человека, которые предоставили им информацию. По результатам предварительной сессии составляется «список вопросов», с учетом которых КПП будет рассматривать ситуацию в отдельном государстве в рамках проверки. Список вопросов направлен на предоставление правительству предварительных обзоров вопросов, которые КПП рассматривает как приоритетные для обсуждения. Таким образом, Комитет также имеет возможность запрашивать дополнительную или обновленную информацию в письменном виде у правительства государства до момента проведения сессии. Подобный подход предоставляет правительствам возможность лучше подготовиться к обсуждению вопросов с КПП, которое чаще всего проводится в течение трех-четырех месяцев после проведения рабочей группы. После окончания проводимого рабочей группой обсуждения по докладу конечные результаты для государства-участника оформляются в виде перечня вопросов. Такой перечень содержит предварительную информацию по вопросам, которые, по мнению Комитета, необходимо обсудить в первую очередь. Он направляется соответствующему правительству вместе с приглашением принять участие в предстоящем пленарном заседании Комитета, которое посвящено рассмотрению соответствующего доклада. До начала заседания правительству рекомендуется подготовить письменные ответы на поставленные вопросы.

Такой подход предоставляет правительствам возможность лучше подготовиться к предстоящему обсуждению. В процессе обсуждений могут затрагиваться проблемы, которые не отражены в перечне вопросов. Этот факт является причиной, почему Комитет предпочитает обсуждать доклад с высокопоставленными должностными лицами, например с министрами или их заместителями, а не с представителями, не обладающими правом на принятие решений.

Проводимые с государствами-участниками дискуссии являются конкретными и целенаправленными и предполагают обсуждение достигнутых результатов и хода работы. Несмотря на то что в обсуждениях принимают

участие все члены Комитета, в большинстве случаев дискуссии по докладу каждой страны проводят два члена Комитета, выступающие в роли докладчиков. После завершения процесса рассмотрения доклада, Комитет принимает заключительные замечания, в которых подводится итог по рассмотрению доклада соответствующего государства. Заключительные замечания получают общий доступ и должны служить основой для проведения национальных дебатов по вопросу о путях содействия соблюдению положений Конвенции. Заключительные замечания рассматриваются в качестве важного документа, поэтому Комитет ожидает от правительств выполнения содержащихся в них рекомендаций [2].

К особенностям работы Комитета по правам ребенка можно отнести тот факт, что он публикует собственную интерпретацию Конвенции в форме замечаний общего порядка и размещает публикации итогов дебатов в дни общей дискуссии. Эти комментарии важны, так как представляют собой окончательные замечания КПП в отношении определенного права и способствуют развитию прав ребенка. Каждый год дети, НПО, эксперты приглашаются для подачи документов на участие в однодневных дебатах с заинтересованными сторонами (агентствами ООН, членами КПП, НПО, учеными, детьми и т. д.). Все поданные документы размещены в библиотеке (CRIN – Children’s Rights International Network). Один раз в год Комитет предоставляет доклад в Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН, где также заслушивается заявление председателя КПП, после чего Генеральная Ассамблея принимает резолюцию по правам ребенка.

Комитет по правам ребенка представляет собой сложную многоступенчатую систему, которая при рассмотрении какого-либо вопроса может задействовать ряд органов и отраслей ООН. Во время своих заседаний предъявляет жесткие требования к государственной политике в отношении семьи и детей в странах-участницах, подписавших Конвенцию. Конвенция по правам ребенка является значимым документом для всех государств, которые ее ратифицировали, в том числе и для Республики Беларусь. Став участником Конвенции, Республика Беларусь взяла на себя обязательства привести национальное законодательство в соответствие с положениями Конвенции, обеспечив тем самым правовую базу для создания достойных условий жизни и реального осуществления каждым ребенком всего комплекса прав человека без всякой дискриминации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция по правам ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CRC/Pages/CRCIndex.aspx>. – Дата доступа: 20.10.2021.
2. Права детей: изложение фактов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/rights/children/monitoring.shtml>. – Дата доступа: 20.10.2021.

К содержанию

Ж. В. ХАЦУК

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Актуальность данной темы связана с возросшей проблемой беженцев, т. е. лиц, вынужденно покидающих страну своего местожительства и ищущих новое место проживания. Наиболее остро данная проблема проявилась в странах Европейского союза (далее – ЕС). Высокий уровень жизни в странах ЕС, развитые социальная и экономическая сферы во все времена притягивали в эти страны миллионы беженцев из стран третьего мира. После вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 г. юрисдикция Суда Европейского союза (далее – Суд ЕС) распространилась и на сферу построения Общей европейской системы убежища. Кроме того, Хартия ЕС об основных правах приобрела юридически обязательную силу, что также привело к расширению юрисдикции Суда ЕС, в том числе в области соблюдения прав лиц, ищущих убежище. В 2020 г. в Европейском союзе было зарегистрировано около 1,3 млн мигрантов. Национальный состав беженцев также различается: среди них можно встретить сирийцев (50 %), ливийцев (15 %), иракцев (10 %), афганцев (8 %), граждан ближневосточных и африканских стран (17 %). Также растет количество беженцев из Судана, Эфиопии, Эритреи, Пакистана [1]. В 2021 г., по прогнозам аналитиков и экспертов, беженцев в Европе будет все больше. Агентство ЕС по контролю границ Frontex в текущем году зафиксировало значительное увеличение количества нелегальных пересечений внешних границ Евросоюза.

Миграционный кризис на восточных границах ЕС возник весной 2021 г. вследствие резкого увеличения наплыва нелегальных мигрантов из стран третьего мира. На фоне ухудшения отношений с Беларусью Литва заявила о растущем потоке нелегальных мигрантов, проникающих в страну через белорусско-литовскую границу. В начале июля власти Литвы объявили экстремальную ситуацию государственного уровня, режим чрезвычайной ситуации объявлен пока до 10 ноября 2021 г. На границе с Польшей в нынешнем году на белорусском участке границы уже задержано большое количество нелегальных мигрантов. В Варшаве было принято решение усилить охрану границы с Беларусью, а 23 августа 2021 г. в Польше заявили о строительстве забора на границе с Беларусью. Второго сентября 2021 г. польское правительство объявило режим чрезвычайного положения.

В международном праве ратифицирован ряд документов, регулирующих предоставление международной защиты беженцам, однако зачастую данные документы затрагивают не все категории лиц, которым требуется предоставление подобной защиты. Международная система является неоднородной по своей сути и регулируется универсальными международно-правовыми нормами, региональным и национальным правом.

Неоднократно столкнувшись с проблемой наплыва большого количества беженцев, государства – члены ЕС предприняли ряд мер по правовому регулированию статуса лиц, нуждающихся в международной защите, ограничению въезда, содействию возвращению. Однако в связи с принятыми мерами по борьбе с нелегальной миграцией лица, действительно нуждающиеся в международной защите, не смогли получить доступ к процедуре. В 1992 г. Верховный Комиссар ООН по делам беженцев Садако Огата выразила озабоченность относительно защиты беженцев в будущем, заявив, что «на пороге 94-х годов Европа оказалась на перепутье. Отвернется ли Европа от тех, кто был вынужден покинуть родину, или она подтвердит свою давнюю традицию защищать права угнетенных и лишившихся дома людей? Возведет ли Европа новые стены, зная, что в прошлом они не смогли остановить тех, кто бежал от преследований тоталитарных режимов?» [2].

В 1990-х гг. проблема беженцев в ЕС набрала максимальный оборот. Государствам ЕС пришлось осознать невозможность решения ее на национальном уровне. В 1992 г. был подписан Маастрихтский договор о Европейском союзе [3], который расширил возможности сотрудничества между государствами – членами ЕС, в том числе по предоставлению убежища (ст. K1). Следующими шагами стали подписание в 1997 г. Амстердамского договора и принятие решения о создании общих минимальных условий по приему лиц, ищущих убежища, и мер по предоставлению дополнительных форм защиты.

Процесс становления понятия статуса беженцев и процедуры его предоставления до сих пор продолжается, в том числе и в Беларуси. Изучение опыта государств ЕС по унификации статуса беженца, предоставляемого согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 г. (далее – Конвенция 1951 г.), и дополнительных форм защиты может быть активно использовано и в других государствах. Это позволит усовершенствовать национальное законодательство о беженцах и избежать противоречий с нормами международного права [4]. Согласно ст. 16 Конвенции 1951 г., «каждый беженец имеет право свободного обращения в суды на территориях всех договаривающихся государств». Более того, государства должны обеспечить беженцам то же положение, что и своим гражданам [4]. Вполне очевидно, что данное положение общего характера распространяется на

судебную защиту в случае возникновения не только разногласий между беженцем и принимающим государством в отношении его статуса, но также любых других вопросов, требующих подобной защиты.

По смыслу Конвенции 1951 г. гарантия судебной защиты предоставляется только лицам, которые могут быть признаны беженцами согласно ее положениям. Следовательно, беженец может обжаловать прекращение действия статуса беженца или лишение его этого статуса. Однако представляется, что в данном случае будет иметь значение не только факт наличия статуса к моменту обращения в судебную инстанцию, но и потенциальная возможность его предоставления в отсутствие исключających условий [4]. Таким образом, не только беженец, которому статус был предоставлен, может обжаловать решение о его прекращении или изъятии, но и лицо, ходатайствующее о предоставлении статуса беженца, которое удовлетворяет условиям ст. 1 Конвенции 1951 г., т. е. определению «беженец» [4]. В настоящий период дела по вопросам убежища рассматриваются Судом ЕС в двух аспектах: во-первых, толкование и разъяснение норм актов ЕС по вопросам убежища, во-вторых, соблюдение при их реализации положений Хартии ЕС по основным правам. Судебная практика развивает право ЕС по вопросам убежища, при этом создавая новые источники в форме судебных прецедентов. На основе решений Суда ЕС уже имеется определенная база прецедентного права, которая содержит толкования и разъяснения различных норм права ЕС по вопросам убежища. Но, как уже отмечалось, нормы права ЕС по вопросам убежища не должны противоречить основным правам человека и должны применяться в соответствии с ними. Согласно учредительным договорам, соблюдение основных прав человека входит в общие принципы ЕС.

Таким образом, стабилизация ситуации в ЕС будет зависеть от готовности государств – членов ЕС пересмотреть свою законодательную базу и найти компромиссы с целью адекватного распределения числа беженцев на территории государств – членов ЕС. Но в первую очередь для решения европейского миграционного кризиса требуется готовность всего мирового сообщества приложить максимальные усилия для разрешения конфликтов, повлекших массовые потоки беженцев, с целью установления мира и порядка, условий для соблюдения прав человека на территории тех стран, где в настоящее время происходят вооруженные конфликты и где ввиду сложившихся обычаев ущемляются права человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасов, А. Беженцы в странах Европы [Электронный ресурс] / А. Тарасов // Copyright Visasam. – 2013–2021. – Режим доступа: <https://visasam.ru/emigration/europe-emigration/bezhency-v-evrope.html>. – Дата доступа: 17.10.2021.

2. Ogata, S. Statement to international conference on «Fortress Europe? Refugees and Migrants: Their Human Rights and Dignity» / S. Ogata // Akademie Graz. Austria. – 23 May 1992. – P. 13.

3. L'Union européenne élargie les traités de Rome et de Maastricht // Textes comparés – 1995. Edition. – Paris : La Documentation française, 1995. – 347 p.

4. Конвенция о статусе беженцев [Электронный ресурс] : принята 28 июля 1951 г. Конф. полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созван. в соответствии с резолюцией 429 (V) Генер. Ассамблеи от 14 дек. 1950 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml. – Дата доступа: 17.10.2021.

К содержанию

Т. И. ЧУГУНОВА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

САМОЗАЩИТА ПРАВ В КОНТЕКСТЕ РУКОВОДЯЩИХ ПРИНЦИПОВ ООН ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

В условиях расширения потребительского рынка, появления новых товаров и услуг, в том числе интернет-сервисов, возникает необходимость совершенствования правового регулирования защиты прав потребителей. Наличие в этом вопросе эффективных механизмов является одним из условий существования успешной экономики и цивилизованного гражданского оборота.

Генеральная Ассамблея ООН 22 декабря 2015 г. приняла резолюцию 70/186 «Защита интересов потребителей», утвердившую «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для защиты интересов потребителей». В названном документе (п. 37) государствам-членам рекомендуется «обеспечивать потребителям доступ к средствам правовой защиты, которые не влекут за собой расходы, задержки или необоснованное снижение ценности конкретного товара или услуги для потребителя и в то же время не создают чрезмерное или необоснованное бремя для общества и коммерческих предприятий» [1].

В Республике Беларусь потребитель имеет право на защиту своих прав и интересов в случае их нарушения. В гражданском законодательстве (ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь – далее ГК) закреплен достаточно обширный перечень универсальных способов защиты прав: признание права; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности; самозащита права; возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсация морального вреда; прекра-

щение или изменение правоотношения и др. Специальные способы предусмотрены в Особенной части ГК по отдельным видам обязательств, а также в Законе Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (например, требование обмена товара ненадлежащего качества, предоставления товаров из подменного фонда на время гарантийного ремонта и др.). Потребитель вправе выбирать способы защиты прав по своему усмотрению, самостоятельно оценивая правильность и эффективность сделанного выбора. При этом каждый способ может применяться только в определенном порядке, который и определяет форму защиты гражданского права.

Современная правоприменительная практика свидетельствует о возрастании тенденции ко все более широкому использованию механизмов саморегуляции в разрешении гражданско-правовых споров, в том числе с участием потребителей (применение медиации, претензионный порядок и др.). Зачастую совершение активных действий самим заинтересованным лицом наиболее оперативно и эффективно приводит не только к разрешению правового спора, но и к урегулированию в целом конфликта.

Ст. 13 ГК допускает защиту гражданских прав «непосредственными действиями лица, права которого нарушаются, если такие действия не сопряжены с нарушением законодательства», т. е. самозащиту. Таким образом, юрисдикционная защита не исключает самостоятельных усилий потребителей по защите своих прав, что в полной мере соответствует рекомендациям резолюции 70/186 [1].

Вместе с тем, несмотря на обоснование на доктринальном уровне существования самозащиты как самостоятельной формы защиты нарушенных или оспоренных прав (А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой) [2], ГК не только не содержит ее дефиниции, но и включает самозащиту в перечень способов защиты. Полагаем возможным согласиться с позицией авторов, относящих самозащиту к формам защиты права. Это позволяет сделать вывод о смешении в ст. 11 ГК способа и формы защиты, что представляется неверным.

По поводу определения самозащиты в юридической литературе развернулась широкая дискуссия. В ней участвовали многие белорусские и российские ученые, среди которых М. И. Брагинский, В. А. Витушко, С. С. Вабищевич, В. П. Грибанов, О. П. Зиновьева, Н. С. Кораблева, Г. А. Свердлык, Е. А. Суханов и др. В частности, В. А. Витушко формулирует самозащиту как «фактические действия правомочного лица по предотвращению нарушения его права» [3, с. 285]. В. П. Грибанов вывел следующее определение самозащиты: «совершение управомоченным лицом не запрещенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов» [4, с. 168]. По мнению М. С. Кораблевой, «самозащитой признается такая форма

защиты гражданских прав, способами которой являются не противоречащие закону самостоятельные действия граждан и юридических лиц, осуществляемые с целью наиболее оперативного пресечения правонарушения, восстановления нарушенных прав и компенсации потерь без применения принудительной силы государства в лице его органов» [5, с. 8]. Данное определение представляется наиболее полным. Однако, как мы видим, автор считает, что в рамках самозащиты могут совершаться любые самостоятельные действия, не связанные с нарушением законодательства и с обращением за защитой нарушенных прав в государственные органы.

Полагаем, что вопрос о характере действий (физического и правового характера), которые могут совершаться при самозащите гражданских прав, в том числе прав потребителей, не должен оставаться полностью открытым, поскольку отсутствие норм, регулирующих особенности самозащиты, может вызывать споры относительно того, представляет ли поведение потребителя способ самозащиты или им не является. Так, в юридической литературе высказано мнение, что потребитель вправе воспользоваться такими способами самозащиты, как удержание вещи до удовлетворения его требований об оплате неустойки или возмещения убытков, а также приостановление исполнения встречного обязательства. Н. В. Южанин подобные обеспечительные меры одностороннего характера причисляет к категории «оперативных мер в рамках формы самозащиты» [6, с. 21]. Исследователь Е. С. Богданова отмечает, что в рамках договорных отношений «не исключается самозащита и посредством фактических действий управомоченной стороны», а в качестве примера таких действий приводит «устранение недостатка товара» [7, с. 39].

Таким образом, изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Самозащиту права следует в ст. 13 ГК определить как форму защиты права, исключив из перечня способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 11 ГК.

2. Ст. 13 ГК необходимо дополнить определением самозащиты права и признаками, позволяющими отнести то или иное действие к ее способам.

3. Учитывая, что перечень способов самозащиты права в целом невозможно сформулировать исчерпывающе и сделать его закрытым, законодательство должно предоставлять участникам гражданского оборота возможность устанавливать в договорном порядке иные способы защиты, в том числе самозащиты.

4. Защита прав потребителей имеет свою специфику в силу того, что потребитель является более слабой стороной в потребительских отношениях. В связи с этим в Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» целесообразно включить гл. 7 «Самозащита прав потребителя». Поскольку каждой форме защиты права соответствуют способы защиты,

в названной главе надлежит предусмотреть примерный перечень способов самозащиты (действия), которые потребитель имеет право использовать в рамках данной формы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Защита интересов потребителей [Электронный ресурс] : резолюция 39/248, принятая Генер. Ассамблеей ООН 22 дек. 2015 г. – Режим доступа: <https://www.un.org/ga/70/docs/70res2.shtml>. – Дата доступа: 12.11.2021.

2. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Ю. Валявина [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби : Проспект, 2005. – Т. 2. – 848 с.

3. Витушко, В. А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В. А. Витушко. – Минск : Беларус. навука, 2007. – Ч. 1. – 566 с.

4. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав : монография / В. П. Грибанов. – 2-е изд. – М. : Статут, 2020. – 414 с.

5. Кораблева, М. С. Гражданско-правовые способы защиты прав предпринимателей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. С. Кораблева. – М., 2002. – 215 л.

6. Южанин, Н. В. Самозащита гражданских прав: вопросы теории / Н. В. Южанин // Юрист. – 2015. – № 19. – С. 17–22.

7. Богданова, Е. Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов / Е. Е. Богданова // Журн. рос. права. – 2003. – № 6. – С. 39–45.

К содержанию

Е. Н. ШЕПЕЛЕВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

УЧАСТИЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Права человека – это неотъемлемая часть жизни каждого индивида, существующего в обществе и правовой среде. Они являются базовыми и неотчуждаемыми, данными нам от рождения. Эти универсальные права (право на жизнь, личное достоинство, свободу, неприкосновенность и пр.) присущи всем людям независимо от национальности, пола, цвета кожи, исповедуемой религии, используемого языка или любых других аспектов, и факт обладания ими никак не зависит от действий государства. Однако универсальный характер базовых прав человека вовсе не исключает необходимости их фиксации как на международном уровне через декларации и конвенции, так и на местном посредством закрепления в конституции как в главном законе государства [1]. Кроме того, необходимо постоянное поддержание высоких стандартов основных прав и свобод человека,

создание действенного механизма их реализации, без существования которого они могут превратиться в фикцию, остаться на уровне декларативных положений.

На международном уровне основы прав человека преимущественно закреплены во Всеобщей декларации прав человека, которая была принята резолюцией 217 А Генеральной Ассамблеи ООН. Многими государствами признано, что Всеобщая декларация прав человека, став базовым и в своем роде вдохновляющим документом, предопределила дальнейшее развитие законодательства в этой сфере и поспособствовала принятию более 70 важнейших актов по правам человека, которые применяются сегодня на постоянной основе как в планетарном масштабе, так и на региональных уровнях [2]. В последующем основные принципы и идеи Декларации были более четко выражены и отражены в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и иных документах, ставших обязательными для подписавших их государств.

Конституция Республики Беларусь, признавая человека, его права и свободы высшей ценностью, налагает на государство ответственность перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности [3]. Поэтому вполне естественно, что реализация этой функции становится основополагающим принципом деятельности любого государственного органа.

Министерство иностранных дел Республики Беларусь – это республиканский орган государственного управления, который в своей деятельности подчиняется Правительству Республики Беларусь и проводит единую государственную политику в сфере иностранных отношений, осуществляя координацию внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь. В соответствии с белорусским законодательством Министерство иностранных дел активно принимает участие в ратификации международных договоров Республики Беларусь, давая заключение о соответствии международного договора международным обязательствам Республики Беларусь [4]. Таким образом, это полномочие предопределяет возможность Министерства иностранных дел Республики Беларусь играть ключевую роль в вопросе применения на территории нашей страны положений международных конвенций (в том числе тех, которые содержат нормы, касающиеся основополагающих прав и свобод человека), несмотря на то, что сама ратификация международных договоров осуществляется непосредственно Национальным собранием Республики Беларусь.

Помимо такого опосредованного участия в ратификации международных договоров, Министерство иностранных дел Республики Беларусь

осуществляет и иные полномочия, связанные с международными отношениями в сфере закрепления и последующей реализации базовых прав человека. В первую очередь речь идет о защите прав и интересов белорусских граждан и организаций за рубежом, а также о координации сотрудничества государственных органов Беларуси с соответствующими органами иностранных государств, международных организаций и межгосударственных образований. Сюда же можно отнести и правомочие по осуществлению контроля за тем, как государственные органы Республики Беларусь исполняют ратифицированные международные договоры [4].

Выскажем предположение, что достаточно широкий перечень полномочий Министерства иностранных дел Республики Беларусь все-таки можно несколько усовершенствовать, более предметно обозначив некоторые компетенции. Например, по аналогии с законодательством Российской Федерации [5], возможно, стоит конкретизировать положение о защите прав белорусских граждан за рубежом, дополнив его нормой об обязанности Министерства иностранных дел Республики Беларусь следить за назреванием кризисных ситуаций в других государствах, безопасными условиями пребывания там своих граждан, при необходимости создавая и обеспечивая работу ситуационно-кризисного центра.

Полагаем, что закрепление такого полномочия Министерства иностранных дел Республики Беларусь в рамках его непосредственной деятельности будет способствовать дальнейшему совершенствованию механизма обеспечения прав и законных интересов белорусских граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Universal Declaration of Human Rights [Electronic resource] : was proclaimed by General Assembly resolution 217 A, 10 December 1948 // United Nations General Assembly. – Mode of access: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>. – Date of access: 23.10.2021.

2. OHCHR: What are the human rights [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ohchr.org/EN/pages/home.aspx>. – Date of access: 23.10.2021.

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016.

4. Вопросы Министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 июля 2006 г., № 978 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=c20600978>. – Дата доступа: 24.10.2021.

5. Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 11 июля 2004 г., № 865 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19071/85e3e42770e5565b384dd761150ed959ff7e06ba/. – Дата доступа: 24.10.2021.

К содержанию

СЕКЦИЯ 5
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО
И ТАМОЖЕННОГО ПРАВА

П. П. АРТЮХ

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В настоящее время вопросы таможенного регулирования имеют важное значение для любого государства, так как развитая таможенная система выступает главным методом воздействия государства на экономику и внешнеторговые связи. В связи с созданием Евразийского экономического союза данные вопросы стали еще острее, ведь государствам-участникам необходимо стремиться к унификации и гармонизации собственного законодательства с наднациональными актами, заключенными в рамках Союза, и общепринятыми международными соглашениями в таможенной сфере, а также к сотрудничеству с сопредельными государствами.

Одним из важнейших вопросов таможенного регулирования выступает проблема защиты прав интеллектуальной собственности. Все больше разногласий между государствами возникает именно на этой почве, так как применение ненадлежащих, а порой и сложных для субъектов хозяйствования механизмов защиты ведет к убыткам и распространению контрафактной продукции.

Распространение контрафактной продукции на территориях государств довольно часто является следствием проявления коррупции и увеличения числа преступлений экономического характера. Однако конечные потребители продукции вносят не меньший вклад в распространение контрафактной продукции: осознанно приобретают контрафактные товары либо вовсе не знакомы с таким явлением и несознательно поддерживают их реализацию. В этой связи необходимо проводить информирование населения относительно вопросов негативного воздействия контрафактной продукции на производителей оригинальной продукции и, как следствие, на экономику в целом.

Законодательное регулирование вопросов защиты прав интеллектуальной собственности состоит из ряда международных соглашений и конвенций, а также национальных норм каждого государства.

Из международных договоров, к которым присоединилась Республика Беларусь, можно выделить следующие:

- Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности 1967 г.
- Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.
- Мадридское соглашение о международной регистрации знаков 1891 г.
- Договор о патентной кооперации 1970 г.
- Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1971 г.
- Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву 1996 г. [1].

Данные международные акты затрагивают вопросы предоставления охраны иностранным гражданам и организациям, а также объем такой охраны, общий порядок предоставления охраны, минимальные требования и процедуры, которые должны предусматривать национальное законодательство и др. Как правило, для иностранных правообладателей предусмотрен национальный режим, предполагающий наличие для них тех же прав, что и у граждан данной страны.

Согласно национальному законодательству Республики Беларусь, за нарушение данных прав субъект может понести как административную (ст. 9.21 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [2]), так и уголовную (при нанесении ущерба, превышающего в 500 раз размер базовой величины (ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь [3])), ответственность.

Закон Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» от 10 января 2014 г. № 129-З в качестве объектов интеллектуальной собственности выделяет:

- товары, содержащие объекты авторского права и смежных прав;
- товарные знаки и знаки обслуживания;
- наименования мест происхождения товара [4].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что не все объекты интеллектуальной собственности подлежат таможенной защите, что, в свою очередь, влечет за собой злоупотребления данным пробелом в законодательстве недобросовестными субъектами хозяйствования и перемещение не подлежащих таможенной защите объектов интеллектуальной собственности через границу Республики Беларусь, что влечет за собой ущерб этими действиями производителям товаров, чьи права не были защищены.

Правообладатели же, объекты интеллектуальной собственности которых подлежат таможенной защите, для ее получения должны внести свой объект в соответствующий реестр, который ведется Государственным

таможенным комитетом Республики Беларусь и в каждом государстве – члене Евразийского экономического союза отдельно. Из этого вытекает следующая проблема. Необходимо ведение общего реестра объектов интеллектуальной собственности для участников Евразийского экономического союза, что позволит упростить процедуры таможенной защиты как для государства, так и для субъектов хозяйствования, а также сократить время проведения соответствующих процедур таможенной защиты.

Кроме различного рода недостатков законодательной базы, «поощряют» нарушение прав и сами правообладатели. Так, например, применение такой меры, как приостановление выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, предполагает информирование правообладателя о возможном нарушении его прав. Но зачастую она неэффективна по вине самих правообладателей из-за их нежелания заниматься данным вопросом сознательно либо из-за незнания в полной мере механизмов воздействия на такого рода нарушения.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что вопросы защиты объектов интеллектуальной собственности не урегулированы должным образом. Необходим комплексный подход к модернизации методов таможенной защиты, совершенствование законодательства в этой области и ограничение как поступлений контрафактных товаров на территорию государства, так и потребления таких товаров населением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный центр интеллектуальной собственности. Международные акты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ncip.by/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye/dogovory/>. – Дата доступа: 11.11.2021.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kodeksy.by/koap/statya-9.21>. – Дата доступа: 11.11.2021.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn----ctbcgfviccvibf9bq8k.xn--90ais/statya-201>. – Дата доступа: 11.11.2021.

4. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=N11400129>. – Дата доступа: 12.11.2021.

К содержанию

Е. А. БАРАНОВА

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

ПРИМЕНЕНИЕ АНТИДЕМПИНГОВЫХ МЕР В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

Одной из форм недобросовестной конкуренции является демпинг. Он нарушает свободу предпринимательства на международном рынке посредством использования недозволенных методов ведения торговли. Слово «демпинг» происходит от английского *dumping*, что означает крупные поставки партий товаров по бросовым ценам, чтобы заполнить рынок импортера и устранить конкурентов на этом рынке [1, с. 252]. Также демпинг можно определить как ценовую дискриминацию между национальными рынками.

Демпинг нарушает справедливую конкуренцию в мировой торговле, его основная цель – освоение новых иностранных рынков сбыта, заполнение их своими дешевыми товарами, более конкурентоспособными по сравнению с продукцией внутреннего производства. В современных международных торговых отношениях как фирмы, так и государство зачастую прибегают к демпингу как к способу быстро пополнить бюджет, а также реализации своих экономических интересов.

Демпинг может преследовать также и политические цели. Более экономически развитое государство применяет демпинг в торговле с менее развитыми государствами, при этом стремится подавить конкуренцию национальных производителей и постепенно установить над ними экономический контроль.

Демпинг создает негативные последствия как для государства-экспортера, так и для государства-импортера. Для государства-экспортера это выражается в том, что налогоплательщики несут на себе все расходы, связанные с демпинговым экспортом. Для государства-импортера это влечет ухудшение положения отрасли экономики, которое наступает в результате демпингового импорта, что проявляется в сокращении объема производства товара, снижении рентабельности производства такого товара, негативном влиянии на товарные запасы, трудоустройство, заработную плату и некоторые другие показатели [1, с. 252–253].

На борьбу с демпинговым импортом в механизме государственного регулирования внешнеторговой деятельности нацелено прежде всего применение антидемпинговых мер, под которыми понимаются мероприятия по ограничению демпингового импорта товара, осуществляемые посредством введения антидемпинговой пошлины, в том числе временной анти-

демпинговой пошлины, либо принятию ценовых обязательств. В качестве эффективной формы государственного регулирования международной торговли выступает применение антидемпинговых санкций.

В настоящее время из числа нетарифных мер регулирования чаще всего используются антидемпинговые меры и, соответственно, антидемпинговые пошлины. Согласно Приложению № 8 к Договору о Евразийском экономическом союзе, антидемпинговая пошлина – пошлина, которая применяется при введении антидемпинговой меры и взимается таможенными органами государств-членов независимо от ввозной таможенной пошлины. Антидемпинговая пошлина предназначена для защиты внутреннего рынка от импорта товаров по демпинговым ценам.

Согласно ст. 23 Закона Республики Беларусь «О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами», ставка антидемпинговой пошлины не должна превышать размера демпинговой маржи по данному товару. Ставка антидемпинговой пошлины может быть меньше размера демпинговой маржи, если она является достаточной для устранения материального ущерба или угрозы его причинения [2].

Применению антидемпинговых мер должно предшествовать антидемпинговое расследование, проводимое в целях определения наличия материального ущерба отрасли экономики. Антидемпинговое расследование – довольно сложный процесс для предприятий, но при положительном результате обеспечивается защита от зарубежных конкурентов в течение пяти лет, если оно не будет оспорено в ВТО через формирование торгового спора. Основные этапы антидемпингового расследования:

1. Жалоба.
2. Извещение.
3. Опросник.
4. Проверочный визит.
5. Публичные слушания.
6. Промежуточные итоги.
7. Окончательные итоги [3, с. 43].

По итогам антидемпингового расследования могут быть введены временные антидемпинговые пошлины на основании предварительного заключения органа, а затем установлены окончательные антидемпинговые пошлины.

Таким образом, антидемпинговые меры созданы для сохранения и поддержания справедливых конкурентных условий в международной торговле. Но мировой опыт показывает, что в течение последних десятилетий увеличилось количество случаев злоупотребления использованием антидемпинговых расследований и антидемпинговых мер без видимых причин, когда демпинга фактически нет.

В основном антидемпинговые меры негативно сказываются на состоянии торгово-экономических отношений между странами, которые вовлечены в антидемпинговые процедуры. Применение антидемпинговых мер, как и начало антидемпингового расследования, приводит к значительному снижению экспорта иностранного государства и повышению цен на продукцию импортного происхождения, что вытесняет иностранного экспортера с внутреннего рынка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горина, М. С. Актуальная проблематика антидемпинговых мер при импорте товаров в международной торговле [Электронный ресурс] / М. С. Горина, Е. М. Кондратьева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 5, ч. 1. – С. 252–257. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnaya-problematika-antidempingovyh-mer-pri-importe-tovarov-v-mezhdunarodnoy-torgovle>. – Дата доступа: 14.11.2021.

2. О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 2004 г., № 346-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Коваль, А. Г. Антидемпинговые меры в современной экономике: международные тенденции и российская практика [Электронный ресурс] / А. Г. Коваль, О. Ю. Трофименко // Экон. анализ: теория и практика. – 2015. – № 15 (414). – С. 41–51. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antidempingovyie-mery-v-sovremennoy-ekonomike-mezhdunarodnye-tendentsii-i-rossiyskaya-praktika>. – Дата доступа: 14.10.2021.

К содержанию

О. А. БАРАНЧУК, А. Д. ПАРФЕНОВ

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

На сегодняшний день в условиях стремительного развития межгосударственных торговых отношений, расширения товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, а также увеличения числа участников внешнеторговой деятельности от таможенных служб требуется обеспечение проведения эффективного таможенного контроля не только товаров, перемещающихся через таможенную границу, но и транспортных средств. В данном случае незаменимым помощником таможенных органов становятся технические средства таможенного контроля. Применение технических средств таможенного контроля (ТС ТК) способствует как повышению

качества, так и сокращению времени проведения таможенного осмотра и досмотра.

Под техническими средствами таможенного контроля понимаются «специальные установки, аппараты, детекторы, анализаторы, инструменты, приспособления и другие технические средства, применяемые должностными лицами таможенных органов при проведении таможенного контроля в целях обеспечения соблюдения законодательства Беларуси о таможенном деле и международных договоров Беларуси» [1]. Существуют следующие виды технических средств таможенного контроля:

1) технические средства оперативной диагностики таможенных документов (например, приборы проверки подлинности документов и банкнот, лупы, микроскопы, видеоспектральные компараторы и др.);

2) технические средства инспекции объектов таможенного контроля (рентгеновские установки досмотра багажа и товаров, инспекционно-досмотровые комплексы, различные виды весов, средства линейных измерений);

3) технические средства таможенного поиска и досмотра (металлоискатели, экспресс-анализаторы наркотических и взрывчатых веществ, досмотровые зеркала, досмотровые эндоскопы, видеоэндоскопы, досмотровые щупы, досмотровые фонари, портативные телевизионные системы досмотра, сканеры скрытых полостей, разнообразные наборы инструментов);

4) технические средства оперативной диагностики и классификации содержимого объектов таможенного контроля (технические средства идентификации драгоценных металлов и камней, химические средства экспресс-анализа наркотических веществ, средства отбора проб);

5) технические средства оформления объектов таможенного контроля (флуоресцентные фломастеры, ультрафиолетовые облучатели и фонари, средства считывания маркировки товаров, средства наложения и снятия таможенных обеспечений);

6) технические средства контроля носителей аудио-, видеоинформации, наблюдения и регистрации (аудио- и видеосистемы, аппаратные комплексы контроля цифровых носителей информации, фотоаппараты, диктофоны, видеокамеры, приборы ночного видения, бинокли);

7) технические средства контроля делящихся и радиоактивных материалов (автоматизированные системы и поисковые приборы радиационного контроля с детекторами гамма- и нейтронного излучения, радиометры-спектрометры, дозиметры рентгеновского и гамма-излучения) [2].

Особые трудности в рамках таможенного контроля вызывает проверка содержимого крупногабаритных грузов, а также транспортных средств. Проведение таможенного осмотра и таможенного досмотра таких грузов существенно облегчается с использованием инспекционно-досмотровых

комплексов (ИДК), так как они позволяют сократить время и упростить процедуру осмотра. Произведенный анализ показывает, что использование ИДК при проведении осмотра транспортных средств занимает около 10 минут, в то время как физический досмотр транспортного средства может занимать до 4 часов. На сегодняшний день таможенными органами Республики Беларусь эксплуатируется 10 инспекционно-досмотровых комплексов: 4 мобильных ИДК, 5 стационарных и 1 железнодорожный [3].

Статистика показывает, что по состоянию на 2020 г. применение инспекционно-досмотровых комплексов пополнило доход государства более чем на 10 млн белорусских рублей. За 2020 г. использование таких комплексов позволило обнаружить более 1750 нарушений, в число которых входят и преступления, связанные с незаконным перемещением наркотических средств.

«Неинтрузивные технологии контроля позволяют быстро проверить содержимое транспортных средств без необходимости разгрузки товара, таким образом подтвердить или опровергнуть результаты оценки рисков» [3].

Внедрение и применение ИДК значительно облегчает и ускоряет работу таможенных служб и имеет ряд преимуществ, о которых говорилось ранее, однако наряду с этим имеется и ряд проблем. К ним следует отнести прежде всего высокую стоимость данного технического средства и его дорогостоящее техническое обслуживание. Нельзя не отметить, что работа в зоне ИДК может негативно влиять на состояние здоровья сотрудников таможенных органов. Поэтому не стоит исключать факт того, что существует потенциальная угроза жизни человека, который проводит таможенный осмотр с помощью инспекционно-досмотрового комплекса.

В качестве еще одной проблемы в рассматриваемой области можно выделить то, что анализ получаемого рентгеновского изображения требует от таможенника большой сконцентрированности и опыта. Работа с таким оборудованием может быть очень тяжелой как физически, так и морально, поэтому специалист должен быть достаточно квалифицирован и иметь необходимый уровень подготовки для такой работы. Кроме этого, сотрудник должен хорошо знать и разбираться в строении транспортных средств, так как иначе он может попросту не увидеть незаконно перемещаемые товары, материалы или вещества.

Главный минус всех существующих в современном мире инспекционно-досмотровых комплексов – это одномерность рентгеновского изображения объекта контроля. Поэтому Д. А. Безугловым, П. Н. Башлы, В. Ф. Вербовым и С. Н. Гамидуллаевым [4, с. 16–17] предложены конструкции и метод перемещения источника рентгеновского излучения, который дает возможность получить многомерное изображение. Такое изобра-

жение позволило бы сделать проведение таможенного осмотра еще более качественным, так как одномерное изображение не всегда может дать однозначный ответ о перемещаемых объектах.

Применение технических средств при проведении таможенного осмотра и досмотра обеспечивает высокий уровень выявления незаконно перемещаемых объектов через таможенную границу. П. Н. Афонин отмечает, что «применение ТСТК ориентировано на решение важной государственной проблемы обеспечения экономической безопасности страны при обеспечении требований соблюдения законодательства в сфере таможенного дела, действующих запретов и ограничений» [5, с. 9–10].

Существующая на сегодняшний день система технических средств таможенного контроля хоть и является действенной и качественной, однако требует постоянного совершенствования и модернизации. Огромным минусом является то, что не все пункты пропуска Республики Беларусь оснащены должным и достаточным количеством ТС ТК.

Обеспечение экономической безопасности государства – одна из основных задач таможенных служб. На современном этапе обустройство пунктов пропуска на границе имеет очень большое значение для системы таможенных органов государств, так как это позволяет проводить таможенный контроль и совершать различные таможенные операции качественнее и эффективнее. Роль государства в рассматриваемой сфере заключается в постоянном мониторинге новых технологий и внедрении их на таможенные посты с целью повышения оснащенности пунктов пропуска. Именно по этим причинам техническим средствам таможенного контроля отводится такое огромное значение в системе государственной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фаминский, И. П. Основы таможенного дела : учеб. пособие / И. П. Фаминский, В. А. Орешкин ; под ред. В. Г. Драганова. – Минск : Экономика, 1998. – 687 с.
2. О технических средствах таможенного контроля и порядке их применения [Электронный ресурс] : постановление Гос. тамож. ком. Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 79 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Государственный таможенный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gtk.gov.by/>. – Дата доступа: 15.11.2021.
4. Об импортозамещении инспекционно-досмотровых комплексов таможенных органов / П. Н. Башлы [и др.] // Фундам. исслед. – 2017. – № 3. – С. 15–19.
5. Афонин, П. Н. Основы применения технических средств таможенного контроля : учебник / П. Н. Афонин, Д. Н. Афонин, С. Н. Гамидуллаев ; под ред. С. Н. Гамидуллаева. – СПб. : Интермедия, 2018. – 288 с.

К содержанию

В. О. БОБКОВ

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ВЕДЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

Жизнедеятельность общества в целом и отдельных личностей в частности подвергается воздействию финансового права вследствие его воздействия на реализацию государством и местными исполнительными и распорядительными органами своих функций.

Денежные фонды государства формируются благодаря эффективному правовому регулированию их экономической деятельности, а также при помощи норм финансового права.

Невозможно представить развитие страны, ее жизнедеятельность, возможность создания безопасных условий развития экономики без правового регулирования общественных денежных отношений. В современный период развитие Беларуси как экспортно ориентированного государства с социально ориентированной рыночной экономикой объективно связано с финансовыми, налоговыми отношениями и механизмом их правового регулирования [1]. Наиболее важное место в механизме финансовой деятельности государства занимают правовое регулирование налогообложения, государственное и банковское кредитование, валютное регулирование и др.

Финансовая деятельность государства – это не что иное, как выполнение государством своих задач и функций посредством плановой мобилизации денежных средств, создания финансовых фондов, расходования бюджетных средств. От финансовой деятельности государства зависит как его жизнедеятельность, так и жизнедеятельность каждого гражданина.

Необходимо иметь в виду, что финансовая деятельность государства заключается в правомерном поведении субъектов финансового права, сосредоточенном на поддержке либо усовершенствовании юридического механизма регулирования финансовых отношений. Главной тенденцией влияния на механизм финансово-правового регулирования со стороны финансовой деятельности является применение таких действий, как правотворчество и правореализация.

Однако вследствие такого применения финансового законодательства правоприменитель сталкивается с соответствующими трудностями в сфере совершенствования законодательства, регулирующего деятельность основных звеньев механизма бюджетной, налоговой деятельности и финансового контроля. Связь понятий «финансы» и «финансовые ресурсы» обуславливает исследование механизма правового влияния на положение финансовой и денежной систем страны, которые также поддаются влиянию

современной рыночной экономики, поскольку она характеризуется постоянной инфляцией, которая, в свою очередь, вызвана неэффективной экономической политикой и диспропорциями в процессе общественного воспроизводства.

Действия хозяйствующих субъектов обусловлены экономическими законами государства. Но непосредственно юридические законы обязаны гарантировать соответствие хозяйственной деятельности участников рынка экономическим законам, так как лишь в данном случае возможно достигнуть эффективности экономической деятельности. Таким образом, из-за растущей в настоящее время значимости финансового права в жизни общества и экономической деятельности государства считается важным отметить значение правовых средств, с помощью которых достигаются цели правового регулирования общественных отношений в сфере общественных финансов, денежного обращения, финансовой политики.

Помимо этого, государственная финансовая политика реализуется через создаваемую самим государством систему органов государственного финансового контроля, так как непосредственно она гарантирует эффективное государственное руководство механизмом образования, распределения и применения денежных фондов государства. Увеличение значимости и необходимости всей системы финансового контроля в нынешних экономико-правовых реалиях является одним из ключевых компонентов системы управления и государственного контроля государства.

Все упомянутые проблемы актуализируют вопросы правотворчества и правоприменения в финансовой сфере, так как непосредственно нормами финансового права регулируется вся деятельность государства по формированию, развитию, распределению и использованию фондов денежных средств. Следовательно, говоря об эффективности финансовой политики, следует помнить и о финансово-правовой политике, т. е. эффективность финансовой политики целиком пропорциональна эффективности механизма реализации такой политики.

Следует обозначить, что непосредственно финансово-правовая политика гарантирует реализацию финансовой политики с помощью принятия, а также использования государственными и местными органами власти правовых актов, нормы которых устанавливают права, полномочия, обязанности участников правоотношений и ответственность за их несоблюдение. Все упомянутое ранее обуславливает немаловажную значимость финансово-правовой политики в обеспечении эффективности функционирования государства, а также осуществлении запланированных перспектив развития государства. Ее значимость увеличивается в связи с определением новых социально-экономических и других задач государства, для реализации которых необходимы крупные финансовые затраты.

Несмотря на то что урегулирование взаимоотношений в сфере управления финансами с помощью правовых средств имеет свои особенности, важное значение при анализе воздействия права на конкретные общественные отношения имеет четкость содержания правового акта, последовательность его структуры, эффективность и точность правовой нормы. Следовательно, эффективными правовыми средствами можно противодействовать давлению предприятий-монополистов, диспропорциям социального воспроизводства, безрезультативной экономической политике (главным причинам современной инфляции и стагнации экономики), что, в свою очередь, обеспечивает эффективную финансово-правовую политику.

Совместно с этим необходимо отметить отдельные проблемные вопросы финансового права, касающиеся отраслевых особенностей научного объяснения принципов финансового права. Современное финансовое право как независимая отрасль права и его многочисленные и разнообразные источники находятся в непрерывном процессе различных изменений, отмен и дополнений. Эффективности этого процесса способствовала бы системность его проведения, которая охватывала бы названную отрасль права в целом с учетом взаимной связи между ее подотраслями и институтами, взаимодействуя с нормами других отраслей права. Следует указать, что отношения, составляющие предмет финансового права, неоднородны. Составляющими системы финансового права как отрасли права являются такие подотрасли, как бюджетное и налоговое право, а также институты банковской деятельности, денежного обращения, валютного регулирования и др., которые взаимосвязаны с нормами гражданского права.

Проявление межотраслевых связей финансового права можно доказать объективно. Межотраслевые связи – это связи между правовыми нормами, в нашем случае между нормами финансового права и других отраслей права. Преимуществом существования таких связей в законодательстве является то, что они определяют место финансового права в системе отечественного права и способствуют оптимизации правового регулирования. Например, термины гражданского права и других отраслей права, используемые в Налоговом кодексе, применяются в тех значениях, в каких они используются в этих отраслях права [2, с. 24].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics>. – Дата доступа: 10.11.2021.
2. Налоговый кодекс Республики Беларусь : 29 дек. 2009 г., № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : с изм. и доп., вступ. в силу с 03.01.2021 г. – Минск : Амалфея, 2021. – 832 с.

К содержанию

Ю. А. БОГДАНЁНОК

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

ВНЕДРЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕЗБУМАЖНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ СООБЩЕНИИ

Значение железных дорог определяется их способностью осуществлять регулярные перевозки в течение всего года, перевозить большую долю массовых грузов и обеспечивать мобильность трудовых ресурсов. Роль железных дорог среди других видов транспорта определяется большой дальностью перевозок, удаленностью производственных площадок основного сырья от пунктов потребления и морских портов. Транзитный потенциал железнодорожного транспорта является значительным.

Республика Беларусь, не являющаяся участницей универсальных международных конвенций (МГК, МПК и КОТИФ), имеет двусторонние соглашения о железнодорожных перевозках с рядом государств как ближнего, так и дальнего зарубежья. В них должны учитываться вопросы координации железнодорожных перевозок, а также особенности правового регулирования деятельности предприятий, учреждений и организаций железнодорожного транспорта, поддержания технологических связей между железными дорогами, создания системы ответственности за нарушение технологических параметров транспортной работы [1].

В Республике Беларусь, как и в других государствах мира, сфера железнодорожного транспорта является естественной монополией. Белорусская железная дорога выступает в качестве монополиста.

Белорусская железная дорога имеет важнейшее значение для жизнеобеспечения многоотраслевой экономики и социальной сферы республики. На ее долю приходится около 75 % всех выполняемых в республике грузовых и более 50 % пассажирских перевозок [2, с. 26].

Белорусская железная дорога активно реализует мероприятия, направленные на использование современных информационных технологий в производственных процессах железнодорожного транспорта, в том числе при организации международных грузовых перевозок. В этом отношении наиболее перспективным способом улучшения организации и обслуживания грузовых перевозок является использование юридически значимых электронных документов, электронной цифровой подписи (ЭЦП), криптографической защиты каналов и централизованных автоматизированных систем, работающих на принципах web-объектов. Таким информационно-коммуникационным инструментом на Белорусской железной дороге

является специальная автоматизированная система «Электронная перевозка», разработанная на основе юридически значимых электронных транспортных, грузосопроводительных и других технологических документов, подписанных ЭЦП [3].

На полигоне грузовых железнодорожных перевозок Республика Беларусь – Российская Федерация с 2012 г. ведется планомерный, поэтапный перевод двусторонних международных грузовых перевозок на безбумажные технологии посредством применения электронных накладных СМГС, подписанных ЭЦП [4].

Учитывая тот факт, что Белорусская железная дорога является транзитной дорогой, взаимодействие со всеми соседними железнодорожными перевозчиками происходит практически одновременно. При этом учитываются не только технические и технологические особенности использования юридически значимых электронных документов в информационных системах соседних стран, но и правовые аспекты организации электронного документооборота в правовой сфере каждой страны в соответствии с требованиями национальных законодательств.

Для автоматизации этой деятельности Белорусская железная дорога внедрила информационную систему на базе Республиканского транспортно-экспедиционного унитарного предприятия «БЕЛИНТЕРТРАНС – транспортно-логистический центр», которая позволяет автоматизировать формирование электронной предварительной таможенной информации о железнодорожных грузах, пересекающих латвийско-белорусскую границу, на основе электронных перевозочных и грузосопроводительных документов (инвойс), подписанных ЭЦП. В современных экономических условиях Белорусская железная дорога рассматривает задачу оптимизации международных перевозок грузов путем внедрения инновационных подходов, основанных на электронных документах, электронной цифровой подписи, криптографической защиты в качестве одного из основных эффективных инструментов повышения производственной привлекательности железнодорожного транспорта.

Что касается внедрения электронных технологий, то следует отметить, что в настоящее время действует «Временная технология перевозки грузов в частных вагонах и частных порожних вагонов из Российской Федерации в Республику Беларусь и обратно в прямом международном сообщении по безбумажной технологии». При перевозке грузов и частных порожних вагонов по территории Российской Федерации в прямом международном сообщении с Республикой Беларусь, а также с Республикой Казахстан действует «Технология оформления электронных накладных с применением электронной подписи при перевозках в прямом международном железнодорожном сообщении с государствами – членами Таможенного союза».

Электронное взаимодействие предполагает комплекс мер законодательного, технологического и технического характера, таких как совершенствование технико-технологических решений в части совершения таможенных операций при экспорте, импорте и транзите, создание правовых условий в части совершения таможенных операций в электронной форме при перемещении транзитных товаров через несколько государств – членов Союза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Згурская, К. И. Некоторые проблемы правового регулирования деятельности железнодорожного транспорта в Республике Беларусь / К. И. Згурская // Идеи правового государства в юридической доктрине и конституционной практике Беларуси: история и современность: (к 20-летию принятия Конституции Республики Беларусь и 15-летию образования Союзного государства Беларуси и России) : материалы междунар. науч.-теорет. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Минск, 27–28 нояб. 2014 г. / редкол.: Д. М. Демичев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Экоперспектива, 2014. – С. 147–149.

2. Тихиня, В. Г. Международные перевозки грузов и пассажиров / В. Г. Тихиня. – Минск : Право и экономика, 1998. – 151 с.

3. О выявлении недостатков, связанных с организацией движения поездов, в части согласования перевозок и оформления перевозок грузов, в том числе с применением безбумажных технологий : аналит. докл. / Евраз. экон. комис. – М., 2019.

4. Сосновский, В. Г. Состояние железнодорожной системы Республики Беларусь и перспективы ее развития / В. Г. Сосновский // Информ. бюл. Администрации Президента Респ. Беларусь. – 2007. – № 2 (129). – С. 67–78.

К содержанию

А. А. ВАКУЛА

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРАУДФАНДИНГА В ЕАЭС

С каждым днем появляется все больше новых цифровых технологий, а цифровое пространство становится не только площадкой для работы и развлечений, но и инструментом для реализации различного рода задач. На сегодняшний день с помощью различных ресурсов в глобальной компьютерной сети Интернет имеется возможность воплощать в реальность свои идеи.

Одним из лучших примеров воплощения идеи в реальность является финансирование с использованием механизма краудфандинга. Данный инструмент финансирования достаточно новый как для всего мира, так и для Республики Беларусь. В настоящее время объемы финансирования

с использованием краудфандинга достигают весьма внушительных размеров. С использованием данного механизма финансируется большое количество стартапов, социальных, благотворительных, культурных проектов.

Использование краудфандинга как перспективного способа общественного финансирования проектов является актуальным вопросом, в том числе среди государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). Цифровые технологии, в частности их использование для осуществления финансирования, предоставляют колоссальные перспективы для экономического, социального и культурного развития экономики ЕАЭС.

Анализ существующих национальных цифровых инициатив государств – членов ЕАЭС был представлен в «Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». В данном документе отмечен тот факт, что в условиях динамично развивающейся цифровизации важным моментом является выработка общего согласованного подхода для обеспечения получения ожидаемых выгод [1].

О необходимости принятия единой цифровой повестки в рамках ЕАЭС, помимо национальных программ и стратегий на локальном уровне, было заявлено в 2015 г., а в 2017 г. был принят документ, определяющий основные направления по данному вопросу [1]. Сегодня в соответствии с планом реализации цифровой повестки закончен первый этап, активно продолжается реализация второго этапа. В 2020 г. активно шел процесс согласования новых стратегических направлений развития интеграции в ЕАЭС до 2025 г.

В целях развития общей цифровой инфраструктуры Евразийская экономическая комиссия для реализации цифровой повестки рекомендовала рассмотреть возможность создания на территории ЕАЭС механизма привлечения инвестиций. Краудфандинг, в свою очередь, может послужить толчком для развития предпринимательской деятельности и, как следствие, экономики.

С правовой точки зрения вполне очевидным является тот факт, что для развития краудфандинга на территории ЕАЭС необходима разработка единого законодательства о краудфандинге и принятие соответствующих нормативных правовых актов как на локальном, так и на наднациональном уровне. Наличие единого законодательства позволит защитить инвесторов (реципиентов) от любого рода рисков, в том числе правовых. С учетом вышеизложенного имеется необходимость анализа текущего состояния, а также перспектив развития механизма финансирования с использованием краудфандинга в государствах – членах ЕАЭС.

В значительной степени развитие краудфандинга в государствах – членах ЕАЭС будет зависеть от уровня финансового и технологического развития каждого из государств – членов Союза, а также уже имеющегося правового регулирования в каждом из государств на локальном уровне. Уже имеющаяся практика правового регулирования данных отношений на национальном уровне, а также наличие высокоразвитых финансовых технологий данных государств в значительной степени позволят сократить время интеграции в данном направлении.

Как положительный отметим тот факт, что в государствах – членах ЕАЭС уже имеется практика осуществления финансирования с использованием краудфандинга, о чем свидетельствует наличие практически в каждом государстве – члене ЕАЭС своих краудфандинговых платформ, а также имеется правовое регулирование данных отношений либо проводится работа по регулированию данного способа финансирования.

Одновременно стоит отметить, что на уровне ЕАЭС нет единого централизованного органа, который бы осуществлял анализ ситуации с краудфандинговыми платформами. В данной связи полагаем, что в ЕАЭС имеется необходимость создания такого органа, который бы направлял и осуществлял развитие краудфандинга на наднациональном уровне.

Вероятнее всего, процессы глобализации, а также активное и постоянное сотрудничество государств – членов ЕАЭС в формировании единого финансового рынка приведут к унификации государствами – членами ЕАЭС подходов к правовому регулированию финансирования с использованием краудфандинга. Например, Европейский союз уже разработал концепцию регулирования краудфандинга. Это подтверждает признание в Европейском союзе краудфандинга в качестве одного из источников финансирования и перспективность его дальнейшего развития [2].

Для формирования единого финансового рынка ЕАЭС, возможно, следует осуществить трансграничное регулирование краудфандинга, а именно создать правовое регулирование, которое будет распространяться на краудфандинговые платформы, имеющие намерения осуществлять трансграничную деятельность, при этом сохранив без изменений правовой статус и национальные правила для краудфандинговых платформ, осуществляющих краудфандинговую деятельность только на территории определенного государства – члена ЕАЭС.

Альтернативным вариантом вышесказанному может быть рассмотрение возможности создания единой краудфандинговой платформы ЕАЭС. На данной краудфандинговой платформе будет осуществляться финансирование проектов всех государств – членов Союза. Указанную краудфандинговую платформу можно создать на основе уже эффективно работающей

интегрированной информационной системы Союза. Единая краудфандинговая платформа ЕАЭС должна расширять возможности финансирования в интересах развития экономики в государствах – членах ЕАЭС.

Помимо отсутствия единого правового регулирования краудфандинга на наднациональном уровне, имеется проблема отсутствия специальных институтов. Данная проблема характерна не только для ЕАЭС, но и для всех интеграционных образований. Поскольку, как отмечалось ранее, отсутствует проработанная концепция краудфандинга, остаются открытыми вопросы о том, какие конкретно институты нужны и какими функциями и полномочиями они должны обладать. Отсутствует однозначное, определенное наднациональное взаимодействие по данному вопросу, стандарты, статистика, в связи с чем невозможно выставление рейтингов проектам для развития в последующем института страхования краудфандинговых проектов. В данной связи предлагается принять отдельный документ, регулирующий краудфандинг, поскольку, как уже отмечалось, краудфандинг в настоящее время является новым и перспективным источником финансирования.

Стремление создать единый финансовый рынок может положительно отразиться на развитии краудфандинга в государствах – членах ЕАЭС. В рамках внедрения единого финансового рынка для развития краудфандинга необходимо рассмотреть вопрос о создании необходимых институтов, а также проработать вопрос о возможности появления единой наднациональной краудфандинговой платформы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс] : решение Высш. Евраз. экон. совета, 11 окт. 2017 г., № 12 // Цифровая повестка ЕАЭС. – Режим доступа: <https://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/9ed/реш+12+коп.pdf>. – Дата доступа: 09.11.2021.

2. Положение о европейских поставщиках краудфандинговых услуг для бизнеса и внесении поправок в Регламент (ЕС) 2017/1129 и Директиву (ЕС) 2019/1937 [Электронный ресурс] : утв. регламентом Европ. парламента и Совета Европ. союза, 7 окт. 2020 г., № 2020/1503 // Законодательство ЕС. Издательский офис Европейского союза EUR-Lex. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32020R1503>. – Дата доступа: 27.10.2021.

К содержанию

В. А. ГОЛУБЕВА, А. О. АВДАШКОВА

Беларусь, Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Сегодня мир стоит на пороге цифровой революции, которая затронет все сферы общественной жизни. Криптовалюта постепенно занимает свое достойное место в жизнедеятельности государства и общества. С момента появления первой в мире криптовалюты прошло чуть более десяти лет, но за данный промежуток времени вышеуказанный феномен прочно укрепился в сознании людей и представляет большую значимость.

Ник Сабо, ученый в области информатики, первым назвал криптовалюту «цифровым золотом», и сегодня данное название очень популярно. В текущем году, по состоянию на 16 ноября 2021 г., согласно данным портала CoinMarketCap, капитализация одного только биткоина составила более 1,16 трлн долларов [1]. Такие завораживающие числа и привлекают множество людей, желающих заработать на «цифровом золоте». В связи с этим данные общественные отношения не могут остаться без внимания законодателя.

Правовое регулирование оборота криптовалют в Российской Федерации осуществляется на основании положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). Российское законодательство цифровую валюту определяет как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» [2].

Основным отличием криптовалюты от цифровых финансовых активов (токенов) (далее – ЦФА) согласно вышеуказанному закону является то, что в отношении ЦФА всегда существует обязанное лицо, в отношении

цифровой валюты обязанного лица нет. ЦФА, как разновидность цифрового права, является объектом гражданских прав и в этой связи выступает законным объектом гражданско-правовых сделок. Цифровая валюта объектом гражданского права прямо не признана. Соответственно, объектом налогообложения (налог на доходы физических лиц) в Российской Федерации на данный момент является только ЦФА, т. е. токены. Ответственность за неуплату налога наступает в соответствии со ст. 122 НК РФ, согласно которой размер штрафа составляет 20 % от неуплаченной суммы налога при неумышленной неуплате и 40 % при умышленной [3]. Проведя анализ российского законодательства, можем сделать вывод, что данная сфера не совсем полно регулируется, так как криптовалюта и токены – тесно взаимосвязанные понятия, и с точки зрения законодательного регулирования их следует рассматривать как равнозначные объекты.

В Республике Беларусь криптовалюта по аналогии с Российской Федерацией прямо не признана объектом гражданских прав, однако понятия «токен» и «криптовалюта» легализованы Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). В соответствии с Декретом № 8 токен – это запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой» [4]. Криптовалюта – это биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена [4]. Как следует из данных определений, белорусский законодатель не разграничивает понятия «токен» и «криптовалюта», а значит, в качестве объекта налогообложения они должны рассматриваться как единое целое.

Подп. 3.1 Декрета № 8 установлено, что до 1 января 2023 г. не признаются объектами обложения подоходным налогом с физических лиц доходы физических лиц от деятельности по майнингу, приобретения (в том числе в порядке дарения), отчуждения токенов за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги и (или) обмена на иные токены [4].

На наш взгляд, предоставленная льгота призвана обеспечить достижение двух целей: во-первых, повысить интерес к осуществлению криптовалютных операций на территории Беларуси, во-вторых, дать время, в том числе налоговым органам, для установления порядка и методик определения налоговой базы по подоходному налогу. Такие меры можно считать рациональными, поскольку для Республики Беларусь данная сфера является очень молодой и малоизученной. Несмотря на то что криптовалюта и токены признаны объектами гражданских прав, не следует предпринимать скоропалительных решений и признавать криптовалюту и токены объектом налогообложения.

Декрет № 8 сделал Республику Беларусь частью передового мирового сообщества. Это один из немногих случаев, когда государство не стремится к абсолютному контролю деятельности на своей территории. Немало сделано для упрощения взаимоотношений и их интеграции в уже существующие нормы гражданского и налогового права.

Таким образом, проанализировав положения законодательств Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере криптовалютных отношений, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации токены как объекты гражданских прав облагаются налогом, а следовательно, можно предположить, что и криптовалюта, получив статус объекта гражданских прав, будет облагаться налогом. Что же касается Республики Беларусь, то криптовалюта и токены в соответствии со льготами, установленными Декретом № 8, не признаются объектами налогообложения до 1 января 2023 г.

Внедрение криптовалюты и токенов в денежную систему государства окажет положительное влияние на состояние экономики, информационного развития и других сфер жизнедеятельности общества и государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данные портала CoinMarketCap [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://coinmarketcap.com> – Дата доступа: 16.11.2021.

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 31 июля 2020 г., № 259-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобр. Советом Федерации 24 июля 2020 г. // КонсультантПлюс. – М., 2021.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 31 июля 1998 г., № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 16 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 17 июля 1998 г. // КонсультантПлюс. – М., 2021.

4. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

О. П. ГУЗЕНКО

Україна, Кривий Ріг, Криворізький навчально-науковий інститут
Донецького державного університету внутрішніх справ

НОТАТКИ З ПИТАНЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ СУТНОСТІ ДЕРЖАВНОГО ФІНАНСОВОГО АУДИТУ

Правова основа державного фінансового аудиту не втрачає своєї актуальності так, як впливає на формування грошових потоків і їх розподіл відповідно стратегічній програмі бюджетного комітету. При цьому саме державний фінансовий аудит виступає провідним інструментом, котрий

покликаний виконувати вимоги котрі встановлені для державного фінансового контролю. Це пов'язано з тим, що державний фінансовий аудит є різновидом державного фінансового контролю і полягає у перевірці та аналізі органом державного фінансового контролю фактичного стану справ щодо законного та ефективного використання державних чи комунальних коштів і майна, інших активів держави, правильності ведення бухгалтерського обліку і достовірності фінансової звітності, функціонування системи внутрішнього контролю. Результати державного фінансового аудиту та їх оцінка викладаються у звіті.

Нагадаємо, що початок ХХІ ст. ознаменувався оновленням повноважень вищих контрольних органів багатьох країн, переорієнтацією їх на здійснення державного аудиту. На порядок денний вийшли стратегічні задачі: визначення економічності, ефективності, результативності використання ресурсів країни і якості державного управління.

Про актуальність та сучасність питань державного аудиту свідчать наукові дискусії, наукові розробки провідних науковців, котрі розкривають різні проблематичні аспекти його процедур проте обмежено торкаються питань правової регламентації. Останнім часом науковці торкаються проблем державного фінансового аудиту пропонуючи його розуміти як форма державного аудиту, що полягає у незалежній, об'єктивній та достовірній перевірці з метою висловлення аудитором думки щодо відповідності представленої фінансової інформації вимогам стандартів фінансової звітності та нормативно-правових актів. До складу науковців, що переймаються даною проблемою варто віднести Н. С. Шалімова, М. М. Бліхар, В. А. Таращенко, Н. С. Шалімова [1], Є. В. Мних, М. О. Никонович, С. В. Бардаш [2], Л. О. Сухарева та Т. В. Федченко [3], О. А. Шевчук [4] та ін. Водночас мало висвітленим на сьогодні залишається питання сутнісного змісту державного фінансового аудиту з позиції розбіжностей, котрі мають місце в окремих законодавчих положеннях.

Доцільно зазначити, що законодавець можливість проведення аудиторського контролю закріпив Господарським, Податковим та Бюджетним кодексами України, Законами України «Про аудиторську діяльність» [5], «Про основні засади здійснення державного фінансового контролю в Україні» [6], «Про Рахункову палату» [7] та іншими правовими регуляторами.

Нагадаємо, відповідно до ст. 3 Закону України «Про аудиторську діяльність» [5] законодавець пропонує розуміти понятійну категорію «аудит» як перевірку даних бухгалтерського обліку і показників фінансової звітності суб'єкта господарювання з метою висловлення незалежної думки аудитора про її достовірність в усіх суттєвих аспектах та відповідність вимогам законів України, положень (стандартів) бухгалтерського обліку або інших правил облікових процедур. Разом з тим законодавець у постанові

Кабінету Міністрів України «Питання проведення Державною фінансовою інспекцією, її територіальними органами державного фінансового аудиту» [8] надає трактування поняття «державний фінансовий аудит» та зазначає, що такий вид аудиту «...полягає у перевірці та аналізі діяльності, фактичного стану справ щодо законного та ефективного використання державних чи комунальних коштів і майна, інших активів держави, правильності ведення бухгалтерського обліку і достовірності фінансової звітності, функціонування системи внутрішнього контролю суб'єктів господарювання державного сектору економіки, а також інших суб'єктів господарювання, що отримують (отримували в період, який перевіряється) кошти з бюджетів усіх рівнів та державних фондів або використовують (використовували у період, який перевіряється) державне чи комунальне майно».

Водночас, оновлений закон «Про Рахункову палату» [7] також містить власне визначення державного фінансового аудиту, який «...полягає у перевірці, аналізі та оцінці правильності ведення, повноти обліку і достовірності звітності щодо надходжень і витрат бюджету, встановлення фактичного стану справ щодо цільового використання бюджетних коштів, дотримання законодавства при здійсненні операцій з бюджетними коштами».

Як показують проведені дослідження у Законі України «Про основні засади здійснення державного фінансового контролю в Україні» [6] законодавцем закріплено, що здійснення державного фінансового контролю забезпечує центральний орган виконавчої влади, уповноважений Кабінетом Міністрів України на реалізацію державної політики у сфері державного фінансового контролю. При цьому таким органом, відповідно до Постанови Кабінету Міністрів України «Про затвердження Положення про Державну аудиторську службу України» [9], законодавець обирає саме Державну аудиторську службу. Одночасно законодавець звертає увагу на той факт, що норми Положення розширюють повноваження органу державного фінансового контролю і визначають Державну аудиторську службу відповідальною не лише за реалізацію державного фінансового контролю, але і за формування державної політики у сфері державного фінансового контролю.

Узагальнюючи результати дослідження можна зробити наступні висновки. Нині можна вважати законодавчо доведеним, що для досягнення оптимальної ефективності державного фінансового аудиту потрібно рухатися одночасно і досить рівномірно одразу за декількома напрямками, зокрема, такими, як формування правової бази аудиту, яка відповідає політичному устрою і економічному розвитку країни, створення на всій території країни єдиного поля державного фінансового аудиту за наявності вираженої контрольної вертикалі, а також утворення стійкого кваліфікованого кадрового потенціалу органів державного фінансового аудиту. Сукупність

зазначених подій сприятиме, з одного боку, покращенню системи управління державним фінансовим аудитом, з іншого боку, надасть можливість підвищити його результативність в майбутньому.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Шалімова, Н. С. Державний фінансовий аудит: проблеми теорії і практики : монографія / Н. С. Шалімова, М. М. Бліхар, В. А. Тарашенко ; за заг. ред. О. А. Шевчука та А. В. Лісового. – Ірпінь : Ун-т держ. фіскальної служби України, 2020. – 390 с.
2. Державний фінансовий аудит: методологія та організація : монографія / Є. В. Мних [та ін.] ; за ред. Є. В. Мних. – Київ : Київ. нац. торг.-екон. ун-т, 2009. – 318 с.
3. Сухарева, Л. О. Державний аудит ефективності: системність, організація, методика : монографія / Л. О. Сухарева, Т. В. Федченко. – Донецьк : ДонНУЕТ, 2013. – 288 с.
4. Шевчук, О. А. Система державного фінансового контролю: формування та розвиток в Україні : монографія / О. А. Шевчук. – Ірпінь : Ун-т ДФС України, 2016. – 378 с.
5. Про аудиторську діяльність [Електронний ресурс] : Закон України, 22 квіт. 1993 р., № 3125-ХІІ : в ред. від 14.09.2006 р. // Відомості Верхов. Ради України. – 1993. – № 23. – Ст. 243. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3125-12>.
6. Про основні засади здійснення державного фінансового контролю в Україні [Електронний ресурс] : Закон України, 26 січня 1993 р., № 2939-ХІІ [Назва Закону в ред. Закону № 5463-VI від 16.10.2012 р.] // Відомості Верхов. Ради України. – 1994. – № 13. – Ст. 110. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2939-12>.
7. Про Рахункову палату [Електронний ресурс] : Закон України, 2 липня 2015 р., № 576-VIII // Офіційний вісн. України. – 2015. – № 63. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/315/96-%D0%B2%D1%80>.
8. Питання проведення Державною фінансовою інспекцією, її територіальними органами державного фінансового аудиту [Електронний ресурс] : постанова Кабінету Міністрів України, 25 березня 2006 р., № 361. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/361-2006-%D0%BF>.
9. Про затвердження Положення про Державну аудиторську службу України [Електронний ресурс] : постанова Кабінету Міністрів України, 3 лютого 2016 р., № 43. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/43-2016-%D0%BF>.

К содержанию

К. И. ДОРНЯК

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В самом широком смысле интеллектуальная собственность означает закрепленные законом права, которые являются результатом интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной и художественной областях. Интеллектуальная собственность давно признана

ключевым и практически неисчерпаемым ресурсом экономики. На сегодняшний день это определяет необходимость исследования развития института интеллектуальной собственности, его трансформации в условиях цифровой экономики. К термину существует два основных подхода. Первый подход «классический»: цифровая экономика – это экономика, основанная на цифровых технологиях, где речь идет об электронных товарах и сервисах, производимых электронным бизнесом и электронной коммерцией. Второй подход – расширенный (широкое определение): цифровая экономика – это экономическое производство и система экономических отношений, основанных на использовании информационно-коммуникационных технологий [1].

Современные цифровые реалии, возникшие в связи с новыми технологическими возможностями, стали неотъемлемой частью человеческой жизни: например, цифровые подписи стали обычным явлением и нашли подтверждение в Законе «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» № 113-3 от 28 декабря 2009 г., а виртуальные объекты (результаты интеллектуальной деятельности) больше не считаются чем-то необычным. Но в то же время они еще должным образом не интегрированы в национальную правовую систему. С появлением цифровых технологий в экономической жизни общества возникла необходимость правового регулирования данной сферы.

В соответствии с Законом «Об авторском праве и смежных правах» № 262-3 от 17 мая 2011 г. к объектам интеллектуальной собственности относятся результаты интеллектуальной деятельности: произведения науки, литературы и искусства, изобретения, полезные модели, промышленные образцы и т. д. [5].

Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий появляется новая категория авторского права – цифровые произведения. В настоящее время в Республике Беларусь ведется работа над подготовкой новой редакции Закона «Об авторском праве и смежных правах» № 262-3 от 17 мая 2011 г., так как представляется обоснованным более широкое раскрытие основных видов соглашений: об отчуждении авторских прав, лицензионного, авторского. При передаче автором какому-либо лицу исключительных имущественных прав рекомендуется четко оговаривать возможности и рамки использования произведений в цифровой среде.

В соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 983 Гражданского кодекса Республики Беларусь использование другими лицами объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых их правообладателю принадлежит исключительное право, допускается только с согласия правообладателя [2]. Такое положение можно расценивать как запрещающее распространять информацию, нарушающую права на объекты

интеллектуальной собственности, посредством интернет-ресурсов без согласия правообладателя.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 утверждена Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. – основной практический инструмент внедрения передовых информационных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества в предстоящий период [4].

Это далеко не весь перечень всех нормативно-правовых актов, регулирующих результаты интеллектуальной деятельности, т. е. интеллектуальной собственности. Существует также Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [3], регулирующий правовые основы применения электронных документов, определение основных требований, предъявляемых к электронным документам, а также правовых условий использования электронной цифровой подписи в электронных документах.

В настоящее время в Республике Беларусь ведется работа над 31-м проектом постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2021–2030 годы» [6], в рамках которого планируется рассмотреть вопросы совершенствования законодательства в области защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет.

Кроме того, 12 ноября 2021 г. в Бишкеке на заседании Совета глав правительств стран Содружества Независимых Государств (СНГ) было подписано Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ по охране и защите прав на объекты авторского права и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях. Это позволяет объединить усилия государств – участников СНГ по защите прав на объекты авторского права и смежных прав в современных условиях, в том числе в части разработки и реализации мероприятий по предупреждению и пресечению незаконного использования объектов авторского права и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, включая применение технических средств защиты.

Таким образом, для законопроектной деятельности в сфере цифровой экономики в Республике Беларусь актуальными являются: 1) необходимость выработки алгоритма выявления отношений, требующих правового урегулирования, 2) соблюдение системности при внесении изменений в законодательство и 3) полное использование потенциала действующего законодательства.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что появление цифровых произведений повлекло необходимость совершенствования национальных нормативных актов в сфере интеллектуальной собственности.

Глобальность решаемых проблем приводит к тому, что изначально новые нормы формируются на межгосударственном уровне. В дальнейшем такие положения находят свое отражение в законодательных актах национальных государств. Формирование цифровой среды еще далеко от завершения, в связи с чем можно ожидать дальнейшего развития нормотворческой деятельности в целях поддержания баланса интересов правообладателей, авторов и общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 16.06.2017. – Режим доступа: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>. – Дата доступа: 21.10.2021.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. : с изм. и доп. от 16 мая 2017 г. № 226-3 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Об электронном документе и электронной цифровой подписи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113-3 : в ред. от 8 нояб. 2018 г. № 96-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
4. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.
5. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 : с изм. и доп. от 15 июля 2019 г. № 216-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
6. Шакель, Н. В. Авторское право в цифровой среде: тенденции международного и национального правового регулирования / Н. В. Шакель // Юрид. журн. – 2020. – № 4 (20). – С. 19–22.

К содержанию

Я. В. ЗАМАЛЮДИНОВА

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ПОСЛЕ ВЫПУСКА ТОВАРОВ

Таможенный контроль после выпуска товаров является важным проверочным процессом. Обязательство соблюдения правовых норм при перемещении товаров обеспечивает лишь проведение полного таможенного контроля после выпуска товаров. В настоящее время таможенный контроль после выпуска товаров можно отнести к наиболее перспективным и эффективным мерам по обеспечению соблюдения таможенного законодательства.

Использование в деятельности таможенных органов контроля после выпуска товаров увеличивает синергетический эффект для государства, который выражается в снижении уровня преступности в экономике, а также повышении эффективности и качества предоставления таможенных услуг.

Данная система предусмотрена для обнаружения и предотвращения правонарушений, так как это предполагает упрощение и повышение эффективности самого процесса проведения таможенного контроля в целом. Таким образом, достаточно большое влияние уделяется таможенному контролю после выпуска товаров как на национальном уровне государств – членов ЕАЭС, так и на уровне ЕАЭС.

Данный вопрос является существенным для Республики Беларусь, Российской Федерации и для других государств-членов. Одна из причин возникновения этой проблемы – значительное увеличение товарооборота между государствами. При таможенном контроле после выпуска товара у таможенных органов отсутствует возможность для проведения фактического досмотра. Должностное лицо таможенного органа может проверить только документы и сведения. Зачастую многие решения таможенных органов обжалуются участниками внешнеэкономической деятельности, так как они не соглашаются с результатами проведенных таможенных проверок.

На сегодняшний день рассматриваются актуальные вопросы проведения таможенного контроля, в том числе выбора объектов, контроля ввоза и оборота товаров, а также ключевые вопросы взаимодействия таможенных и налоговых органов, значительное внимание уделяется либерализации и упрощению таможенных процедур в процессе таможенного контроля.

За основу берется выездная таможенная проверка, которая производится после выпуска товаров. Выбор проверяемых лиц достаточно широк: декларант; таможенный представитель; лицо, во владении либо в пользовании которого находились товары с нарушением порядка (реализаторы); иные лица, напрямую либо косвенно участвующие в сделках с товарами; владельцы магазинов беспошлинной торговли, таможенных и любых других складов; лица, осуществляющие временное хранение товаров, и лица, обладающие полномочиями в отношении товаров после их выпуска.

Типовые схемы нарушений можно разделить на две группы. Это схемы фискальной направленности, такие как занижение налогооблагаемой базы, когда заявляются недостоверные сведения о таможенной стоимости товаров, и занижение сумм подлежащих уплате таможенных платежей. Второй блок схем нарушения – это схемы уклонения от соблюдения мер нетарифного регулирования, запретов и ограничений. В этих двух схемах есть множество способов реализации уклонения от таможенных платежей.

Способы реализации схем уклонения от уплаты таможенных платежей:

- подмена документов;
- оффшорные зоны;
- в транспортной логистике;
- зарубежные перевалочные склады (фирмы-однодневки и недобросовестные банки).

Что касается способа занижения сумм таможенных платежей, то используются такие схемы, как:

- заявление недостоверных сведений о коде товаров;
- использование фирм-однодневок;
- несоблюдение требований и условий предоставления льгот по уплате таможенных платежей;
- заявление недостоверных сведений о стране происхождения товаров;
- декларирование одних товаров под видом других.

В эпоху активного внедрения цифровых технологий основными целевыми ориентирами формирования новых подходов к организации и проведению таможенного контроля после выпуска товаров являются совершенствование организации и проведения таможенного контроля после выпуска товаров, включающее цифровую трансформацию технологий таможенного контроля после выпуска товаров, применение автоматизированных технологий для выбора объектов таможенного контроля после выпуска товаров и реализацию электронного документооборота между проверяемыми лицами и таможенными органами.

Целью перечисленных мероприятий является повышение результативности мероприятий таможенного контроля после выпуска товаров за счет совершенствования механизмов взаимодействия между таможенными и налоговыми органами, которое обеспечит своевременное получение подразделениями таможенного контроля после выпуска товаров всей необходимой информации.

Вследствие этого таможенный контроль после выпуска товаров является инструментом, направленным на реализацию таможенных услуг, который способствует разрешению противоречия, сложившегося во внешней торговле товарами. Соответственно, успешное и продуктивное проведение таможенного контроля после выпуска товаров является преимущественным направлением совершенствования таможенного администрирования, также позволяет не только ускорить процесс совершения таможенных операций, но и снизить нарушения в области таможенного законодательства, обеспечить полноту взимания таможенных платежей, создать благоприятные условия для деятельности законопослушных участников внешнеэкономической деятельности.

Из этого можно заключить, что в течение последующих лет основное внимание следует уделить автоматизации таможенного контроля после

выпуска. В целях минимизации субъективного фактора в принятии решения о назначении таможенных проверок применяют технологии автоматического выбора объектов контроля. Ранее существующие подходы планируется оптимизировать с контролем, проводимым на этапе декларирования и выпуска товаров. Также предполагается установить возможность осуществления электронного обмена документами и сведениями между таможенными органами и банками в рамках контроля после выпуска товаров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новиков, С. В. Таможенный контроль после выпуска товаров как инструмент реализации государственных услуг в сфере таможенного дела / С. В. Новиков // Вестн. Рос. тамож. акад. – 2019. – № 1. – С. 140–147.
2. Таможенный контроль после выпуска товаров: современные тенденции, проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/147/41402/>. – Дата доступа: 16.11.2021.
3. Первые шаги в науке : альм. науч. работ студентов. – СПб. : РИО С.-Петербур. фил. Рос. тамож. акад., 2020. – Вып. XIX. – 274 с.

К содержанию

В. В. КАДАЛА

Україна, Кривий Ріг, Криворізький навчально-науковий інститут
Донецького державного університету внутрішніх справ

ДЕЯКІ ПРАВОВІ АСПЕКТИ В СФЕРІ ДЕРЖАВНОГО ФІНАНСОВОГО КОНТРОЛЮ

Державний фінансовий контроль був і залишається актуальною проблемою, котра має бути вирішена сучасними методами та підходами, з урахуванням існуючих реалії у правовій площині. Очевидним є те, що правові інструментарії, з огляду на швидкі зміни, які відбуваються в суспільстві, вплив регульованого ринку, непередбачувальні події, котрі викликають карантинними обмеженнями, потребують уточнення та удосконалення.

За своєю суттю державний фінансовий контроль розуміють як діяльність державних органів і недержавних організацій по забезпеченню законності, фінансової дисципліни й доцільності у процесі мобілізації, розподілу й використання централізованих та децентралізованих фондів коштів. З приводу рольового значення державного фінансового контролю доволі слушно висловився І. Є. Труш [1, с. 141]. Науковець вважає, що від того «...як побудована в країні система державного фінансового контролю, значною мірою залежать, довіра до держави як власних громадян, так і зарубіжної спільноти, а також умови розвитку бізнесу, економічне зростання країни, формування сприятливого інвестиційного клімату».

В свою чергу, І. М. Якимчук [2, с. 34], вивчаючи питання розвитку системи державного фінансового контролю, вважає, що державі необхідно сконцентрувати зусилля за трьома напрямками:

- забезпечити розробку законодавчих норм, які відповідають поточному моменту і єдиної методології державного контролю;
- провести розробку стандартів державного фінансового контролю, які підкріпити правовими нормативами з метрологічними пропозиціями;
- адаптувати існуючі передові наукові розробки в сфері інформаційних технологій, спрямованих на створення єдиного простору контрольної діяльності.

За результатами проведених досліджень І. М. Якимчук [2, с. 34] стверджує, що «...сукупність запропонованих рішень дозволить підняти ефективність контрольних заходів органів фінансового контролю, знизити кількість порушень бюджетного законодавства та поліпшити загальну економічну та соціальну ситуацію в державі».

Чисельні наукові праці свідчать про актуальність питань удосконалення правового регулювання процедур державного фінансового контролю, особливо з позиції накопичення та розподілу бюджетних ресурсів. Крім того, науковці розкривають не лише напрямки покращення фінансового контролю, а й зазначають чинники, які мають негативний вплив на формування державних фінансових ресурсів. До складу науковців варто включити таких, як І. Є. Труш [1], І. М. Якимчук [2], К. П. Проскура, Т. М. Міщенко, О. Г. Рябчик, М. М. Бліхар [3], О. А. Шевчук [4], Л. В. Дікань, О. В. Кожушко, Ю. О. Лядова та ін. [5], В. Ф. Піхоцький [6] та ін. Науковці надають різні пропозиції стосовно того, які саме зміни варто внести до порядку проведення державного фінансового контролю, щоб підвищити його результативність, проте обмежено висвітлюють зміни до правових регуляторів, котрі на їхню думку сприятимуть закріпленню намічених шляхів покращення.

Відомо, що правовою базою здійснення державного фінансового контролю є перш за все Конституція України, яка визначає принципи, основні права і обов'язки державних органів і громадських організацій в сфері контролю. Як показують дослідження окремі питання фінансового контролю відображені в законах, указах Президента України, постановах Кабінету Міністрів України, інструкціях і наказах, рішеннях органів публічної влади, статутах і інших актах, що регламентують правове положення органів публічної адміністрації та інших учасників фінансових правовідносин.

Зокрема, відповідно до Закону України «Про основні засади здійснення державного фінансового контролю в Україні» [7] здійснення державного фінансового контролю забезпечує центральний орган виконавчої влади, уповноважений Президентом України на реалізацію державної політики

у сфері державного фінансового контролю, який забезпечується через проведення державного фінансового аудиту, перевірки державних закупівель та інспектування (далі – контрольні заходи). При цьому, за результатами аналізу матеріалів контрольних заходів доводиться констатувати про значну кількість фінансово-господарських порушень, що виявляються у сфері використання державних ресурсів та майна.

Проведені дослідження показують, що державний фінансовий контроль на сьогодні більш орієнтований на здійснення його вже після завершення фінансово-господарських операцій, що не дає змогу органам державного фінансового контролю належним чином запобігати правопорушенням та причинам і умовам, які їм сприяють. Разом з тим, як свідчить світовий досвід, саме попередження правопорушень є більш результативним та ефективним, ніж, власне, усунення вже вчинених порушень.

Одночасно слід віддати належне законодавцю, який відповідно до пп. 4 п. 16 постанови Кабінету Міністрів України від 29.11.2006 № 1673 «Про стан фінансово-бюджетної дисципліни, заходи щодо посилення боротьби з корупцією та контролю за використанням державного майна і фінансових ресурсів», поклав на Державну фінансову інспекцію України обов'язок забезпечити широке висвітлення в засобах масової інформації результатів контрольних заходів, що проводяться Державною фінансовою інспекцією та її територіальними органами, та рішень, прийнятих щодо осіб, винних у порушенні фінансово-бюджетного законодавства.

За результатами проведених досліджень варто зробити ряд висновків. По-перше, державний фінансовий контроль в Україні регламентується пакетом законодавчих актів, котрі забезпечують виявлення порушень в бюджетних процесах. Ми вважаємо, що саме державний фінансовий контроль має забезпечувати ефективний рівень використання бюджетних ресурсів, позабюджетних фінансових ресурсів та власності держави. По-друге, основними параметрами елементів системи державного фінансового контролю виступають законність, доцільність, ефективність і оптимальність організаційної структури. По-третє, проблема адаптування інструментів державного фінансового контролю вирішується, з боку наукової еліти, саме в законодавчому руслі, проте потребує посиленої уваги з метою підвищення рівня результативності проведених процедур у майбутньому. По-четверте, науковці пропонують до напрямків покращення державного фінансового контролю включити розробку законодавчих норм і єдиної методології державного фінансового контролю, розробку стандартів контролю і розвиток новітніх інформаційних технологій, спрямованих на створення єдиного інформаційного простору контрольної діяльності. По-п'яте, для боротьби з корупційними проявами у фінансовій сфері необхідно запровадити принцип прозорості на етапах бюджетних розподілів та відкритість у системі контролю у цій сфері.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Труш, І. Є. Державний фінансовий контроль в умовах економічних трансформацій / І. Є. Труш // Причорномор. екон. студії. – 2017. – Вип. 14. – С. 141–144.
2. Якимчук, І. М. Державний фінансовий контроль в Україні та перспективні напрями його вдосконалення / І. М. Якимчук // Економіка та держава. – 2021. – № 7. – С. 34–39.
3. Державний фінансовий аудит: проблеми теорії і практики : монографія / К. П. Проскура [та ін.] ; за заг. ред. О. А. Шевчука та А. В. Лісового. – Ірпінь : Ун-т держ. фіскальної служби України, 2020. – 390 с.
4. Шевчук, О. А. Система державного фінансового контролю: формування та розвиток в Україні : монографія / О. А. Шевчук. – Ірпінь : Ун-т ДФС України, 2016. – 378 с.
5. Контроль у бюджетних установах: теорія та практика : монографія / Л. В. Дікань [та ін.]. – Харків : ХНЕУ ім. С. Кузнеця, 2016. – 332 с.
6. Піхоцький, В. Ф. Система державного фінансового контролю в Україні: концептуальні засади теорії та практики : монографія / В. Ф. Піхоцький. – Львів: Вид-во НУ «Львівська політехніка», 2014. – 336 с.
7. Про основні засади здійснення державного фінансового контролю в Україні [Електронний ресурс] : Закон України, 26 січня 1993 р., № 2939-ХІІ [Назва Закону в ред. Закону № 5463-VI від 16.10.2012 р.] // Відомості Верхов. Ради України. – 1994. – № 13. – Ст. 110. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2939-12>.

К содержанию

А. А. КВЯТОВИЧ

Беларусь, Минск, БИП – Университет права и социально-информационных технологий

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ И ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вопросы информатизации и цифровизации затрагивают все сферы экономики и жизнедеятельности общества. Не является исключением и таможенная сфера. Развитие информатизации и цифровизации в области применения информационных систем и технологий в деятельности таможенных органов Республики Беларусь – один из основных факторов экономической и технологической безопасности страны. Вопросы использования современных инновационных технологий в борьбе с нарушениями таможенного законодательства являются достаточно актуальными.

Важным направлением деятельности таможенных органов Республики Беларусь является внедрение информационных систем и технологий, что содействует внешнеэкономическому развитию страны, повышению эффективности таможенного администрирования, улучшению качества предоставления таможенных услуг и снижению коррупционных рисков.

Применение информационных систем и технологий в деятельности таможенных органов играет значительную роль для ведения внешней торговли, а также для таможенного регулирования. Информационные системы и технологии упрощают, ускоряют и обеспечивают безопасность в развитии внешнеэкономической деятельности, устраняют бюрократические барьеры. Это обусловлено тем, что информационные системы и технологии повышают качество проведения таможенного контроля и совершения таможенных операций в отношении товаров, которые перемещаются через таможенную границу, а также содействуют увеличению товарооборота через таможенную границу.

Информационные системы и технологии, используемые таможенными органами, призваны упрощать и ускорять взаимодействие участников внешнеэкономической деятельности с таможенными органами.

Использование информационных систем и технологий в деятельности таможенных органов осуществляется в соответствии с таможенным законодательством.

В соответствии со ст. 365 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенные операции могут совершаться с использованием информационных систем и информационных технологий таможенных органов, декларантов и иных заинтересованных лиц, а также информационных систем государственных органов (организаций) государств-членов в рамках информационного взаимодействия. Разработка, создание, внедрение, эксплуатация, сопровождение, модернизация информационных систем, информационных технологий и средств защиты информации, используемых при совершении таможенных операций, осуществляются в соответствии с законодательством государств-членов. Таможенными органами применяются информационные системы и информационные технологии, разрабатываемые, производимые и (или) приобретаемые таможенными органами в соответствии с законодательством государств-членов [1].

Применение информационных систем и технологий при осуществлении таможенных операций регулируется Законом Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь». Так, согласно ст. 16 данного закона, таможенные органы и их должностные лица в пределах своей компетенции имеют право осуществлять деятельность по технической защите информации, в том числе криптографическими методами, включая применение электронной цифровой подписи, в части удостоверения формы внешнего представления электронного документа на бумажном носителе, представляемого в таможенный орган либо таможенным органом, а также в части оказания услуг по распространению открытых ключей проверки подписи. Ст. 72 вышеназванного закона гласит, что информационные системы и информационные

технологии используются таможенными органами в целях обеспечения выполнения возложенных на них функций, в том числе обмена информацией с государственными органами, оказания государственных услуг населению, участникам внешнеэкономической деятельности по предоставлению информации в электронном виде [2].

На сегодняшний день применение информационных систем и технологий в деятельности таможенных органов является достаточно актуальным вопросом, так как их деятельность связана с обработкой и анализом значительного объема различной информации. Информационные системы и технологии определяют направления формирования и развития таможенных органов Республики Беларусь и механизмов таможенного управления. К таким механизмам можно отнести:

- систему электронного декларирования;
- внедрение электронной цифровой подписи;
- технологию удаленного выпуска;
- электронный документооборот;
- институт предварительного информирования;
- систему управления рисками.

Активное внедрение передовых информационных систем и технологий происходит на современном этапе развития таможенного дела. Таможенные органы Республики Беларусь применяют в своей деятельности информационные системы и технологии для совершенствования реализации таможенного контроля и таможенных операций в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу. Кроме этого, основной задачей таможенных органов является недопущение нарушений в сфере экономической безопасности страны. Обеспечение экономической безопасности является гарантией защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, а также условием стабильности и эффективной жизнедеятельности общества.

Применение современных информационных систем и технологий в таможенном деле имеет множество преимуществ:

- существенное сокращение сроков проведения таможенных операций;
- снижение издержек участников внешнеэкономической деятельности и таможенных органов;
- предотвращение коррупционных явлений, так как при применении информационных систем и технологий минимизируется человеческий фактор.

Эффективность от внедрения информационных систем и технологий в деятельность таможенных органов высока, однако с развитием таких систем и технологий систематически возникают различные проблемы, например правовые, организационные, финансовые и технические. Они

носят объективный или субъективный характер и могут быть прогнозируемыми или непредсказуемыми. Возникновение проблем является объяснимым, поскольку осуществляется преобразование системы работы таможенных органов, на что необходимо затратить достаточно много материальных, временных и трудовых ресурсов. Однако после достижения запланированных целей деятельность таможенных органов будет осуществляться на качественно новом уровне и иметь огромное значение во внешнеэкономическом развитии страны.

Таким образом, информационные системы и технологии активно внедряются в деятельность таможенных органов Республики Беларусь. Развитие информационных систем и технологий в целом является приоритетным направлением для таможенных органов Республики Беларусь. Благодаря внедрению и использованию информационных систем и технологий в деятельность таможенных органов Республики Беларусь последние обладают оперативной информацией о результатах реализации своих задач. Применение информационных систем и технологий способствует росту объективности принимаемых решений таможенными органами Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : 11 апр. 2017 г. – 2021. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/dep_tamoj_zak/Pages/tk_eaes.aspx. – Дата доступа: 01.11.2021.

К содержанию

А. Н. КОРШЕНКОВА

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ПРЕДПРИЯТИЕ КАК ИМУЩЕСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС: ОСОБЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Общеизвестно, что иностранные граждане могут осуществлять предпринимательскую деятельность на территории Республики Беларусь в одной из следующих форм – с образованием юридического лица (коммерческой организации) и как индивидуальный предприниматель с учетом ограничений, установленных законодательством Республики Беларусь, в частности Законом Республики Беларусь от 04.01.2010 № 105-З «О правовом

положении иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь» с изменениями и дополнениями (далее – Закон № 105-3). В соответствии с ч. 1 ст. 11 Закона № 105-3 наибольший объем прав и свобод при осуществлении предпринимательской деятельности на территории Республики Беларусь имеют иностранные граждане, которые постоянно проживают на территории Республики Беларусь. В соответствии с ч. 3 ст. 11 Закона № 105-3 установлен запрет на осуществление в Республике Беларусь предпринимательской деятельности без образования юридического лица для временно пребывающих и временно проживающих в Республике Беларусь иностранных граждан.

В ходе осуществления предпринимательской деятельности любым субъектом хозяйствования, в частности иностранным гражданином либо лицом без гражданства, а также иностранными юридическими лицами, неизбежно образуется «набор» имущества из материальных и нематериальных элементов, необходимых для ее осуществления. Предприятие как имущественный комплекс, образуемый в вышеуказанной ситуации, подпадает под определение инвестиции в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 «Об инвестициях» (далее – Закон № 53-3), ст. 1 Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах – членах Евразийского экономического сообщества, заключенного в г. Москве 12 декабря 2008 г. Поскольку предприятие как имущественный комплекс в соответствии со ст. 130 Гражданского кодекса относится к недвижимому имуществу, создание данного объекта гражданских прав, а также сделки с ним подлежат государственной регистрации. При этом действующее законодательство Республики Беларусь не содержит ограничений на создание предприятий как имущественных комплексов на территории Республики Беларусь иностранными гражданами либо лицами без гражданства, иностранными юридическими лицами. Однако определенные ограничения установлены в отношении вещных прав вышеперечисленных субъектов на земельные участки, которые потенциально могут входить в состав предприятия как имущественного комплекса. Проанализировав нормы Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-3 (далее – КоЗ), можно сделать вывод, что земельные участки могут принадлежать иностранным гражданам и лицам без гражданства только на праве аренды (ст. 4 и 17 КоЗ) и на праве собственности – в случае, если данные граждане являются родственниками наследодателя, в случае получения ими по наследству земельных участков, предоставленных наследодателю в частную собственность, если иное не установлено законодательными актами (ст. 12 КоЗ), а юридическим лицам, не являющимся резидентами Республики Беларусь, – только на праве аренды (ст. 17 КоЗ).

На наш взгляд, представляет интерес высказанное в юридической литературе мнение о том, что предприятие как имущественный комплекс является одним из самых доступных видов недвижимого имущества для иностранцев [1, с. 229]. В значительной степени это обусловлено заинтересованностью Республики Беларусь в привлечении иностранных инвестиций. Действительно, иностранные граждане и лица без гражданства, а также иностранные юридические лица являются субъектами приватизации и вправе приобретать доли в уставных фондах, а также предприятия как имущественные комплексы на соответствующих аукционах и конкурсах, что подтверждается нормами абз. 3 ст. 1 и ст. 4 Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-ХІІ «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества». В соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона № 53-З иностранные юридические лица, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно не проживающие в Республике Беларусь, осуществляющие инвестиции на территории Республики Беларусь, в том числе путем участия в уставных фондах коммерческих организаций, признаются иностранными инвесторами. Признавая вышеуказанных субъектов иностранными инвесторами, законодатель предоставляет им ряд важных гарантий, направленных на защиту капиталовложений (ст. 11 Закона № 53-З).

Не представляет сомнения тот факт, что организации с иностранными инвестициями занимают важнейшее место в экономической системе Республики Беларусь. Так, по информации, содержащейся в Проекте постановления Совмина «Об утверждении Стратегии привлечения прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь до 2035 года», в настоящее время примерно каждый десятый работник занят в организациях с иностранными инвестициями, четверть выручки получена предприятиями с зарубежным капиталом, около 1/3 всего внешнего товарооборота страны приходится на организации с иностранными инвестициями. Большая часть организаций с иностранным участием создана в виде совместных предприятий.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что предприятие как имущественный комплекс может принадлежать иностранному гражданину, лицу без гражданства, а также иностранному юридическому лицу на праве собственности. При этом иностранный гражданин либо лицо без гражданства могут использовать предприятие как имущественный комплекс для осуществления предпринимательской деятельности, оставаясь его собственниками, только после государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя либо в случае образования им коммерческой организации в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных

Гражданским кодексом Республики Беларусь и при условии соблюдения установленных законодательством Республики Беларусь ограничений. Также полагаем, что иностранный гражданин или лицо без гражданства, иностранное юридическое лицо могут выступать в качестве стороны по договору продажи предприятия, а также регистрировать создание предприятия как имущественного комплекса. Таким образом, создание и приобретение иностранным юридическим лицом, иностранным гражданином либо лицом без гражданства предприятия как имущественного комплекса является одним из способов осуществления инвестиций по законодательству Республики Беларусь. Стимулирование прямых иностранных инвестиций путем совершенствования законодательства, устанавливающего правовой режим предприятия как имущественного комплекса (например, упрощение процедуры государственной регистрации предприятия как имущественного комплекса путем исключения данного объекта гражданских прав из перечня недвижимого имущества), позволит смягчить последствия такого негативного экономического явления, как превышение импорта товаров над экспортом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисенко, С. А. Вещные права иностранных граждан на недвижимое имущество в Республике Беларусь / С. А. Денисенко // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2010. – Вып. 2. – С. 206–231.

К содержанию

Н. М. КУНАЙ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Одной из важнейших функций органов пограничной службы является обеспечение пограничной безопасности. Ее реализация невозможна без правоохранительной деятельности, осуществляемой в виде предупреждения, выявления и пресечения преступлений и административных правонарушений, создающих для нее угрозу. Данные правовые положения закреплены в первых статьях Закона Республики Беларусь «Об органах пограничной службы Республики Беларусь», что является констатирующим признаком данных правоохранительных органов [1].

Привлечение к административной ответственности правонарушителя невозможно без наделения соответствующими процессуальными полномочиями, а именно на составление протоколов об административном правонарушении и рассмотрение дел о выявленных административных проступках. В соответствии со ст. 3.11 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях органы пограничной службы Республики Беларусь рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 5 ст. 18.19, ст. 24.18–24.21, 24.35, ч. 1 и 3 ст. 24.56 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, протоколы о совершении которых составлены должностными лицами органов пограничной службы Республики Беларусь [2]. К данным правонарушениям Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях относит следующие виды административных деликтов:

- эксплуатация или допуск к участию в дорожном движении транспортного средства без договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств;
- незаконное пересечение государственной границы Республики Беларусь (далее – государственная граница);
- нарушение пограничного режима;
- нарушение режима государственной границы;
- нарушение режима в пунктах пропуска через государственную границу;
- нарушение законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства [3].

Объективно, что в административно-процессуальную компетенцию органов пограничной службы отнесены конкретные правонарушения, посягающие непосредственно на правопорядок, связанный с обеспечением нормального функционирования государственной границы, пунктов пропуска и соблюдением национального законодательства всеми гражданами, в том числе и иностранными в период пребывания ими на территории Республики Беларусь.

В то же время полагаем, что во время обеспечения вышеобозначенных задач должностные лица органов пограничной службы вынуждены пресекать иные нарушения правопорядка, будучи неуполномоченными на административно-процессуальные действия в отношении правонарушителей, а именно на составление протоколов о совершении административных правонарушений и тем более на рассмотрение этих административных деликтов.

Полагаем, что в настоящее время деятельность органов пограничной службы в пунктах пропуска не обеспечена в надлежащей степени админи-

стративно-процессуальными полномочиями. Так, например, на пункте пропуска могут находиться физические лица в состоянии алкогольного опьянения, распивающие спиртные напитки либо совершающие действия, нарушающие спокойствие граждан, – мелкое хулиганство.

В пункте пропуска не несут службу сотрудники органов внутренних дел, и пресечение таких противоправных деяний становится обязанностью должностных лиц органов пограничной службы. Однако это ограничено существующими нормами административно-деликтного и процессуального законодательства. Даже административное задержание в дальнейшем будет предполагать составление протокола по факту проступка либо передачи правонарушителя в уполномоченный (в данном случае территориальный) орган внутренних дел. Второе, с нашей точки зрения, только усложняет работу органов пограничной службы. Среди ученых и практиков существует точка зрения, что к лицам, совершающим противоправные деяния в пункте пропуска и не подпадающим под юрисдикцию органов пограничной службы, можно применять нормы, закрепленные в Законе Республики Беларусь «О государственной границе Республики Беларусь», а именно ст. 43 «Права и обязанности физических лиц, находящихся в пункте пропуска», запрещающие совершать иные действия, препятствующие осуществлению пограничного и иных видов контроля [4]. Но вряд ли само по себе, например, нахождение лица в пьяном виде в пункте пропуска мешает осуществлению пограничного контроля. И даже требование прекратить противоправное деяние не сможет дать позитивного результата по объективным причинам. Но и прекращение, например, мелкого хулиганства в любом случае требует адекватной реакции на уже совершенное и пресеченное правонарушение.

Полагаем, что с целью максимально возможного обеспечения правопорядка в пунктах пропуска, следует наделить должностных лиц органов пограничной службы полномочиями на составление протоколов в отношении лиц, совершивших правонарушения против общественного порядка и общественной безопасности в пунктах пропуска. Право на рассмотрение данных материалов оставить у компетентных государственных органов, закрепленных Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об органах пограничной службы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2008 г., № 454-З : в ред. от 15.01.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.
2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред.

Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. О Государственной границе Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 419-3 : с изм. и доп. : текст по состоянию на 10 янв. 2015 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

И. В. МИЦКОВИЧ

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ТАМОЖЕННЫЕ ОРГАНЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современном мире каждый гражданин хотя бы раз сталкивался с таможенными органами. Кто-то во время путешествия со школой, кто-то с родителями, а кто-то при осуществлении своих непосредственных служебных функций. Так или иначе нам представлена только малая часть работы данного государственного органа.

Самым распространенным убеждением является то, что функции таможенных органов ограничиваются проверкой перевозимого нами груза и постановкой отметки в паспорте о пересечении границы. В такие моменты мы смотрим на данный орган обычным взглядом и даже не задумываемся о многих важных аспектах, касающихся его структуры и обязанностей. Если же рассматривать его через призму права, то приходит осознание, что таможенные органы входят в число правоохранительных органов нашей страны. Они ведут борьбу с различного рода преступлениями и тем самым стоят на страже нашей безопасности.

Таможенные органы в пределах своей компетенции обеспечивают на таможенной территории Союза выполнение следующих задач: защита национальной безопасности государств-членов, жизни и здоровья человека, животного и растительного мира, окружающей среды; создание условий для ускорения и упрощения перемещения товаров через таможенную границу Союза и т. д. [1, пп. 1, 2 ч. 1 ст. 351].

В соответствии с ч. 1, 2 ст. 354 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) таможенные органы являются органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях или уголовных правонарушениях, производство по которым отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с законодательством государств-членов, также они осуществляют оперативно-розыскную деятельность [1].

Как и любой орган государственной власти, они имеют согласованную систему, представленную Государственным таможенным комитетом, восемью таможнями и учреждением образования «Государственный институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь» [2].

В соответствии со ст. 351 ТК ЕАЭС таможенные органы выполняют следующие функции:

- совершение таможенных операций и проведение таможенного контроля, в том числе в рамках оказания взаимной административной помощи;

- взимание таможенных платежей, а также специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, контроль правильности их исчисления и своевременности уплаты, возврат (зачет) и принятие мер по их принудительному взысканию;

- обеспечение соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования, запретов и ограничений, мер защиты внутреннего рынка в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Союза;

- противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при проведении таможенного контроля за перемещением через таможенную границу Союза наличных денежных средств и (или) денежных инструментов и т. д. [1].

Основу правового статуса таможенных органов составляет Таможенный кодекс Республики Беларусь, а также различные положения, в числе которых Положение о Государственном таможенном комитете Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь, и Положение о таможнях, утвержденное Государственным таможенным комитетом (далее – ГТК).

ГТК представляет собой орган государственного управления в таможенной области и входит в систему республиканских органов государственного управления. ГТК – государственный правоохранительный орган, который реализует государственную таможенную политику и осуществляет непосредственное руководство таможенным делом. К его обязанностям относится управление единой системой таможенных органов, образованных им же, таможнями (создание, реорганизация, ликвидация) и государственными учреждениями, которые создаются для осуществления таможенной деятельности [2].

ГТК подчиняется Совету Министров Республики Беларусь, а по отдельным вопросам своей деятельности, предусмотренным законодательными актами, – Президенту Республики Беларусь. В своей деятельности данный орган руководствуется Конституцией Республики Беларусь, Положением о Государственном таможенном комитете, распоряжениями Президента Республики Беларусь и иными нормативными правовыми актами.

Заключительным звеном в системе таможенных органов Республики Беларусь являются сами таможи, которые в своей деятельности подотчетны ГТК и на практике занимаются реализацией функций, возложенных на них вышестоящими органами.

Таможи создаются на местном уровне, в соответствии с территориальным принципом и решают поставленные перед ними задачи, связанные с осуществлением таможенной политики государства. ГТК и таможи при выполнении своих должностных обязанностей осуществляют аналогичные функции, только если у Государственного таможенного комитета в обиходе реализуются функции организационного, обеспечительного, регулирующего характера, то у таможен – осуществление таможенного контроля, таможенного оформления, взимания таможенных платежей.

Таким образом, таможенные органы занимают немаловажное место как в системе государственного управления, так и в обыденной жизни населения. Через таможенные органы проходит большой поток граждан как нашей страны, так и зарубежья. При осуществлении своей деятельности данные органы выполняют большое количество задач, связанных с осуществлением правоохранительных функций в деле борьбы с контрабандой, перевозкой нелегальных веществ через границу (наркоторговля), ведут процессы по привлечению виновных лиц к ответственности в соответствии с действующим законодательством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/. – Дата доступа: 20.10.2021.

2. О некоторых вопросах таможенных органов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 апр. 2008 г., № 228 : с изм. и доп. от 04.03.2021 г. № 77 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2021. – № 77. – 1/19541.

К содержанию

Д. Н. НАРУТА

Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОПРОС ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ**

Защита культурных ценностей, а также их перемещения через таможенную границу являются одним из основных направлений политики безопасности Европейского союза (далее – ЕС). В правовой доктрине прочно закрепилась точка зрения ученых о том, что правовое регулирование таможенной защиты культурных ценностей в ЕС построено на достаточно высоком уровне. Данный тезис несложно проследить в работах таких ученых, как С. Кувалдин, Г. Беловой, Т. Новак, Ц. Совински, В. Чижович, А. Герачка-Жольнска и др.

Г. Белова положительно оценивает существующие нормативно-правовые акты ЕС, регулирующие порядок охраны культурных ценностей, а также отмечает высокий вклад Болгарии в развитии идеи об охране культурных ценностей в ЕС [1].

В своем научном исследовании Т. Новак рассматривает некоторые вопросы защиты таможенными органами культурных ценностей как аспект политики безопасности ЕС. Эта сфера анализируется в контексте применения соответствующего уровня защиты с учетом того, что контрабанда культурных ценностей в значительной степени осуществляется организованными преступными группами, которые получают огромные прибыли, особенно во времена социальных волнений или войн [2].

Детальное изучение специфики незаконной торговли культурными ценностями, а также их защиты на территории ЕС показало, что данный вопрос в основном регулируется положениями международных конвенций и регламентами.

Полагаем, с мнениями вышеперечисленных ученых следует согласиться. Развивая доктрину таможенного права по вопросу защиты культурных ценностей, следует также отметить, что, по нашему мнению, успех таможенного законодательства, связанного с таможенной защитой культурных ценностей в ЕС, кроется в особенностях исторического процесса ее развития. На территории ЕС в этой области было принято много актов, имеющих наднациональный уровень.

После создания Европейского экономического сообщества возникла необходимость в принятии единых законов, регулирующих вопросы

перемещения культурных ценностей в рамках единого рынка, сформированного на территории ЕС. В связи с этим 9 декабря 1992 г. Совет министров Европейского союза принимает Регламент № 3911/92 о вывозе культурных ценностей, который носит обязательный для исполнения характер государствами – членами ЕС. Цель Регламента № 3911/92 о вывозе культурных ценностей состояла в регулировании вывоза товаров, отнесенных к культурным ценностям, за пределы территории ЕС путем установления системы контроля за их перемещением, поэтому вводилась единая европейская лицензия на вывоз культурных ценностей за пределы таможенной территории ЕС, действующая во всех государствах – членах ЕС [3].

Принятая 15 марта 1993 г. Директива Совета министров ЕЭС № 93/7 о возврате незаконно перемещенных ценностей с территорий государств – членов Европейского сообщества устанавливает основные механизмы возвращения в Сообщество культурных ценностей, которые были противоправно перемещены с территории государства-участника. Одной из целей Директивы является также создание условий для тесного сотрудничества между государствами-участниками, особенно при розыске незаконно вывезенных объектов [4].

Регламент № 116/2009 Совета (ЕС) об экспорте товаров культурного назначения, заключенный в Брюсселе 18 декабря 2008 г., определил, что экспорт «культурных товаров» за пределы Сообщества осуществляется на основе экспортных лицензий, выдаваемых уполномоченными органами государств-членов [5].

В законодательстве Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) разработан механизм правового регулирования таможенной защиты культурных ценностей. К основным источникам в данной сфере можно отнести Таможенный кодекс ЕАЭС, решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования», решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2014 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования».

Сопоставив правовое регулирование таможенной защиты культурных ценностей в ЕС и ЕАЭС, несложно отметить, что в ЕАЭС данный общеинтеграционный механизм охватывает меньший перечень вопросов. В частности, в праве ЕАЭС отсутствует единый инструмент правового регулирования возвращения культурных ценностей, незаконно вывезенных с территории государств – членов ЕАЭС. Полагаем, что в данной ситуации возможным способом решения этого вопроса может служить обращение к опыту ЕС.

Таким образом, анализ исторической особенности развития таможенной защиты культурных ценностей в ЕС позволил сделать вывод о том,

что наднациональный инструмент регулирования данных отношений касается более широкого перечня вопросов, в том числе включающих проблему возвращения культурных ценностей, незаконно вывезенных с территорий государств – членов ЕС. Полагаем, что данный вариант правового регулирования таможенной защиты культурных ценностей может быть воспринят в правовом поле ЕАЭС. В этой связи рекомендуем расширить правовое регулирование отношений в области таможенной защиты культурных ценностей в ЕАЭС путем разработки отдельного единого источника, ориентированного на единообразное правовое регулирование возврата незаконно вывезенных культурных ценностей с территорий государств – членов ЕАЭС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова, Г. Проблемы, связанные с охраной культурных ценностей в Европейском союзе / Г. Белова // Евраз. юрид. журн. – 2013. – № 3. – С. 75–80.
2. Новак, Т. Защита культурных ценностей таможенными администрациями как аспект политики безопасности Европейского союза / Т. Новак, Ц. Совински, В. Чижевич // Таможня : тамож. науч. журн. – 2015. – № 2. – С. 95–105.
3. Постановление № 3911/92 Совета министров ЕЭС о вывозе культурных ценностей от 9 декабря 1992 г. [Электронный ресурс] // EUR-Lex. – 2012. – Режим доступа: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31992R3911:EN:HTML>. – Дата доступа: 18.11.2021.
4. Директива № 93/7 Совета министров ЕЭС от 15 марта 1993 г. о возврате незаконно перемещенных ценностей с территории государств – членов Европейского сообщества [Электронный ресурс] // EUR-Lex. – 2012. – Режим доступа: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31993L0007:en:HTML>. – Дата доступа: 18.11.2021.
5. Регламент № 116/2009 Совета (ЕС) от 18 декабря 2008 г. об экспорте товаров культурного назначения [Электронный ресурс] // EUR-Lex. – 2021. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/?uri=celex:32009R0116>. – Дата доступа: 19.11.2021.

К содержанию

В. П. СКОБЕЛЕВ

Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет

ДОПУСТИМ ЛИ ВОЗВРАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ ПРИ ОТКАЗЕ ЛИЦА ОТ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В ПЕРИОД НАХОЖДЕНИЯ ДЕЛА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ?

Норма ч. 3 ст. 412 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) позволяет заинтересованному лицу отказаться от апелляционной жалобы в период нахождения дела в суде первой

инстанции и предписывает последнему выносить в таком случае определение о возврате апелляционной жалобы. Во втором предложении ч. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее – Постановление № 1), разъяснено, что данным определением «разрешается также вопрос о возврате государственной пошлины, уплаченной при подаче апелляционной жалобы (подп. 2.2 п. 2 ст. 292 Налогового кодекса Республики Беларусь)». Норма подп. 2.2 п. 2 ст. 292 Налогового кодекса (далее – НК) предусматривает возврат плательщику государственной пошлины, если «плательщик, уплативший государственную пошлину, отказывается от совершения юридически значимого действия до его совершения или до обращения в соответствующий орган, взимающий государственную пошлину».

Такое основание для возврата государственной пошлины, как «плательщик, уплативший государственную пошлину, отказывается от совершения юридически значимого действия до обращения в соответствующий орган, взимающий государственную пошлину», однозначно не относится, поскольку обращение плательщика во взимающий государственную пошлину орган уже имело место – произошла подача заинтересованным лицом апелляционной жалобы в суд первой инстанции, вынесший оспариваемое решение.

Что же касается другого закрепленного в подп. 2.2 п. 2 ст. 292 НК основания для возврата государственной пошлины («плательщик, уплативший государственную пошлину, отказывается от совершения юридически значимого действия до его совершения»), то для определения возможности его использования необходимо установить, в чем состоит содержание совершаемых судами юридически значимых действий в апелляционном производстве и с какого момента совершение данных действий можно считать начатым.

Из подп. 1.1 п. 1 ст. 284 НК следует, что в апелляционном производстве объектами обложения государственной пошлиной, т. е. теми юридически значимыми действиями, за совершение которых уплачивается государственная пошлина, является рассмотрение судами апелляционных жалоб. При этом рассмотрение апелляционных жалоб нельзя трактовать очень узко, только как деятельность судов второй инстанции (а вероятнее всего, именно из такой посылки исходил Пленум Верховного Суда, полагая, что если отказ от апелляционной жалобы происходит во время нахождения дела в суде первой инстанции, то, значит, совершение юридически значимого действия еще не началось, и потому применим подп. 2.2 п. 2 ст. 292 НК).

В апелляционном производстве правоприменительными функциями наделены суды не только второй, но и первой инстанции: они решают вопрос о возможности возбуждения апелляционного производства и совершают по делу ряд подготовительных действий до его передачи в вышестоящий суд. В теории гражданского процесса признано, что возбуждение дела и его подготовка являются стадиями рассмотрения дела [1, с. 24–28], причем эта констатация касается не только производства по делу в суде первой инстанции, но и апелляционного производства, и надзорного производства, и т. д. А это значит, что рассмотрение апелляционной жалобы (т. е. совершение юридически значимых действий в апелляционном производстве) начинается с момента поступления апелляционной жалобы в суд первой инстанции, т. е. с момента возникновения стадии возбуждения апелляционного производства.

Если юридически значимые действия, совершаемые судами, охватывают собой также стадию возбуждения дела, то для целей возврата государственной пошлины в гражданском судопроизводстве подп. 2.2 п. 2 ст. 292 НК не применим в части основания «плательщик, уплативший государственную пошлину, отказывается от совершения юридически значимого действия до его совершения», поскольку отказ плательщика всегда будет иметь место тогда, когда совершение юридически значимого действия уже началось. Для возврата государственной пошлины после обращения плательщика в суд необходимы специальные (другие) законодательные основания.

Такие специальные основания предусмотрены ст. 292 НК (подп. 2.4, 2.5 п. 2, подп. 3.2, 3.3 п. 3, подп. 4.2.5 п. 4 и др.), однако ни одно из них напрямую не говорит об апелляционном производстве. Анализ содержания этих оснований позволяет предположить, что к апелляционному производству может иметь отношение правило подп. 2.4 п. 2 ст. 292 НК («судом отказано в принятии искового заявления, заявления, ходатайства, жалобы или исковое заявление, заявление, ходатайство, жалоба возвращены») в той части, в которой оно говорит об отказе в принятии или возвращении жалобы, поскольку под жалобой здесь, очевидно, подразумевается также и апелляционная жалоба. Однако общий контекст подп. 2.4 п. 2 ст. 292 НК указывает на то, что правило касается только стадии возбуждения дела, в частности, если мы говорим об апелляционном производстве, то стадии возбуждения апелляционного производства – когда суд отказывает в принятии апелляционной жалобы в соответствии со ст. 404 ГПК или возвращает имеющую недостатки апелляционную жалобу после оставления ее без движения согласно ч. 2 ст. 407 ГПК.

Все остальные содержащиеся в ст. 292 НК основания для возврата государственной пошлины под апелляционную жалобу подвести невозможно.

А это значит, что если апелляционная жалоба была принята к производству, то последующий отказ от нее исключает возможность возврата уплаченной государственной пошлины, причем независимо от того, в суде какой инстанции находится дело в период такого отказа. В этом плане весьма показательной является констатация, сделанная Пленумом Верховного Суда в ч. 3 п. 10 Постановления № 1 по поводу прекращения апелляционного производства в связи с принятием судом второй инстанции отказа лица от апелляционной жалобы: «При этом возврат плательщику уплаченной при подаче апелляционной жалобы государственной пошлины налоговым законодательством не предусмотрен». Такое же разъяснение следовало включить и в ч. 2 п. 10 Постановления № 1 вместо слов «данным определением разрешается также вопрос о возврате государственной пошлины, уплаченной при подаче апелляционной жалобы (подп. 2.2 п. 2 ст. 292 Налогового кодекса Республики Беларусь)».

Единственный случай, когда может идти речь о возврате государственной пошлины в связи с отказом лица от апелляционной жалобы, – это когда такой отказ имел место до разрешения судом первой инстанции вопроса о возможности принятия апелляционной жалобы к производству, по аналогии со ст. 249 ГПК (истец может отказаться от поданного искового заявления до возбуждения судьей дела, на основании ходатайства об отказе от поданного искового заявления судья возвращает заявителю поданные им процессуальные документы). В таком случае здесь будет применим подп. 2.4 п. 2 ст. 292 НК, поскольку апелляционная жалоба возвращается судом на стадии возбуждения апелляционного производства, причем, на наш взгляд, на данном этапе процесса (пока производство не возбуждено) отказ от апелляционной жалобы не требует и санкционирования со стороны суда.

Поскольку определение о возбуждении апелляционного производства не выносится, с практической точки зрения будет достаточно проблематично установить, разрешен или же нет судом первой инстанции вопрос о возможности принятия апелляционной жалобы к производству. С одной стороны, в решении этого вопроса (исходя из предписаний ч. 1 ст. 417 ГПК) можно ориентироваться на трехдневный срок возбуждения дела, действующий для производства по делам в судах первой инстанции. Однако это не очень надежный критерий, поскольку вопрос о возбуждении апелляционного производства судья может как разрешить за один день, так и растянуть его решение на более длительный период, нежели трехдневный срок. С другой стороны, возможно устное уточнение у судьи (например, через судебного секретаря), разрешен ли им вопрос о принятии апелляционной жалобы к производству. В перспективе же нам представляется целесообразным принять законодательные меры по решению

обозначенной проблемы: ввести в гл. 32 ГПК правило о том, что вопрос о возбуждении апелляционного производства (о возможности принятия апелляционной жалобы или протеста к производству) должен решаться судьей суда первой инстанции в трехдневный срок с вынесением об этом соответствующего определения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – 379 с.

К содержанию

В. Г. СКУРАТОВ

Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

ЛЬГОТЫ ПО НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ В СИСТЕМЕ ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Ипотечное кредитование является одним из финансовых инструментов, способствующих обеспечению жильем физических лиц во многих государствах и, соответственно, решению одной из наиболее важных социальных проблем – жилищной. Государство может различными способами содействовать развитию системы ипотечного жилищного кредитования. В частности, в государстве могут быть установлены налоговые льготы как непосредственно для участников кредитных правоотношений (кредитодателя, кредитополучателя), так и для лиц, осуществляющих рефинансирование банков, предоставляющих ипотечные кредиты (далее – Инвестор).

При этом если льготы для кредитополучателей направлены главным образом на поддержание финансового положения этих лиц посредством снижения для них налоговой нагрузки, то налоговые льготы для инвесторов – на повышение привлекательности участия в механизмах рефинансирования, используемых в системе ипотечного кредитования, через освобождение от налогообложения части прибыли, получаемой в результате осуществления такой деятельности.

В соответствии с Налоговым кодексом Республики Беларусь в отношении первой из указанных выше категорий налогоплательщиков льгота состоит в том, что физические лица, состоящие на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, наделяются правом на имущественный налоговый вычет в сумме фактически произведенных расходов на погашение (возврат) кредитов банков, предоставленных на строительство либо

приобретение жилья. При этом следует обратить внимание, что такая льгота установлена только для граждан, признанных в соответствии со ст. 36 Жилищного кодекса Республики Беларусь нуждающимися в улучшении жилищных условий.

В отношении инвесторов налоговые льготы установлены, в частности, для лиц, совершающих операции с облигациями, обеспеченными обязательствами по возврату основной суммы долга и уплате процентов по кредитам на строительство, реконструкцию или приобретение жилья под залог недвижимости (далее – ипотечные облигации). Так, например, согласно ст. 181 Налогового кодекса от налогообложения налогом на прибыль освобождается валовая прибыль от операций с ипотечными облигациями как банков, осуществляющих привлечение во вклады (депозиты) средств физических лиц в белорусских рублях, так и иных эмитентов, являющихся налоговыми резидентами Республики Беларусь, в том числе выпущенных специальными финансовыми организациями при осуществлении операций секьюритизации. Однако такая формулировка основания предоставления налоговой льготы инвесторам содержит пробелы, отрицательно влияющие на развитие механизмов рефинансирования с использованием ипотечных ценных бумаг. Во-первых, в кодексе не указано, прибыль от каких операций с ипотечными облигациями освобождается от налогообложения. Учитывая, что операции с ценными бумагами (в том числе ипотечными облигациями) могут быть совершены как на первичном, так и на вторичном, как на биржевом, так и на внебиржевом фондовом рынке, с привлечением либо без привлечения профессиональных участников рынка ценных бумаг, с переходом или без перехода права собственности на такие фондовые инструменты, отсутствие четкого определения понятия «операция с облигацией» может привести к нарушению налогового законодательства и возникновению спорных ситуаций. Кроме того, необходимо отметить, что под операциями с ценными бумагами часто понимают совершение сделок с такими активами на вторичном рынке, и установление налоговых льгот в этом случае содействует главным образом обращению ипотечных ценных бумаг и лишь косвенно способствует рефинансированию первоначальных кредиторов по ипотечным кредитам. Для привлечения средств инвесторов непосредственно на рефинансирование владельцев прав требования по ипотечным кредитам (в том числе банков-кредитодателей) целесообразно в законодательстве закрепить льготу для инвесторов в виде освобождения от налогообложения части прибыли инвестора, направленной на приобретение ипотечных облигаций у эмитента.

К содержанию

Д. Т. ШОСТАК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина

БОРЬБА С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ КОНТРАФАКТНОЙ И ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЙ ПРОДУКЦИИ

Борьба с контрафактной и фальсифицированной продукцией является общемировой проблемой. Ее значимость постоянно возрастает в условиях глобализации экономики. Мировое сообщество адекватно оценивает сложившуюся проблему и разрабатывает меры борьбы как на международном, так и на национальном уровне. Проблема фальсификации и контрафакта ставит под угрозу экономическую безопасность государства. Контрафактом также является продукция, выпускаемая производителем, имеющим права на данную продукцию, но запрещенная к ввозу в определенное государство. Вред, наносимый контрафактной и фальсифицированной продукцией, можно разделить на несколько групп:

- 1) ущерб экономике государства путем отсутствия поступления налоговых платежей в бюджет государства;
- 2) подрыв инвестиционного климата государства;
- 3) ущерб владельцам авторских прав на продукцию и прав на товарные знаки;
- 4) ущерб здоровью потребителей контрафактной и фальсифицированной продукции.

Незаконный оборот продукции может осуществляться следующими способами:

- 1) фактический состав и свойства продукта не соответствуют заявленным характеристикам;
- 2) товары выдаются под известные бренды;
- 3) товары производятся под собственным товарным знаком продукции, но очень схожи с известным брендом в названии и оформлении;
- 4) товар тиражируется несанкционированно;
- 5) оригинальный товар импортируется без согласования правообладателя.

Общая сумма упущенной выгоды от фальсификации продукции составляет 250 млрд долларов США в год [1], невозможно сосчитать суммы, которые тратятся на расследования и судебные разбирательства; также стоит учесть, что физический и материальный ущерб причиняется множеству потерпевших. Масштабы фальсификации увеличиваются с каждым годом в связи с развитием технологий во всех цепочках поставок.

Фальсифицированная продукция зачастую порождает и иные уголовно наказуемые преступления: фальсификацию документов, фальсификацию сырья, которое может представлять опасность для здоровья потребителей. Фальсификат может быть связан с нарушением исключительных прав.

За реализацию контрафактной продукции предусмотрена административная ответственность ст. 10.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [3]. В выявлении контрафактной продукции должны быть заинтересованы прежде всего сами правообладатели, но проблема в таком случае зачастую заключается в их нежелании защищать свои бренды из-за отсутствия выгоды в борьбе против контрафактной продукции, а в конечном счете страдает потребитель. К уголовной ответственности за перевоз через государственную границу Республики Беларусь могут привлечь по ст. 228 Уголовного кодекса Республики Беларусь [4].

Необходимо реализовать систему мер таможенного, пограничного и иного контроля, блокирующего поступление контрафактной и фальсифицированной продукции из-за рубежа. Система должна быть продумана с учетом функционирования Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), т. е. в условиях отсутствия таможенного и отчасти пограничного контроля за товарооборотом между территориями государств, входящих в ЕАЭС. Следует отметить, что поступление крупномасштабных партий контрафактной продукции в Республику Беларусь из-за рубежа подрывает бизнес национальных производителей. Помощь в борьбе с фальсификатом и контрафактом может оказать разработка и введение в таможенных органах автоматизированной системы вычисления контрафакта и фальсификата, мониторинг интернет-сервисов, предлагающих приобрести промышленную продукцию, находящуюся в незаконном обороте, ввод маркировки на товар.

Восьмого апреля 2021 г. Совет Евразийской экономической комиссии утвердил перечень видов молочной продукции, которые обязаны маркироваться средствами идентификации. Работает маркировка следующим образом: производитель приобретает электронную марку и наносит ее на упаковку, этикетку или ярлык, после чего выдает поставщику электронную накладную, а последний сканирует каждый товар (то же обязан сделать и грузоперевозчик). В самом магазине должны сверить коды с теми, что указаны в накладной [5].

За 2021 г. в связи с незаконным перемещением через таможенную границу Республики Беларусь табачной продукции составлено более 390 протоколов об административных правонарушениях, выявлено почти 1,5 тыс. административных правонарушений, связанных с незаконным перемещением через границу алкогольной продукции, а также изъято более 400 л спиртосодержащей продукции [6].

К 18 октября 2021 г. в Национальный таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности включено 405 товарных знаков [7]. В реестре часто встречаются алкогольная продукция, кондитерские изделия, бытовая химия, автозапчасти, косметика и масла.

Вышеописанные факты свидетельствуют о том, что в настоящее время принимаются меры по предотвращению ввоза контрафактной и фальсифицированной продукции, однако стоит увеличить усилия как на национальном, так и на международном уровне (в том числе в рамках Таможенного кодекса ЕАЭС). Следует расширить список продукции, подлежащей маркировке, не ограничиваясь лишь молочной продукцией. В первую очередь требуется ввести маркировку алкогольной и табачной продукции в связи с большим количеством контрафактной и фальсифицированной продукции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пособие для парламентариев по Конвенции Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «МЕДИКРИМ», СДСЕ № 211) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tm.coe.int/16806a9676>. – Дата доступа: 18.10.2021.

2. Актуальные проблемы развития таможенного дела в условиях современных глобальных изменений [Электронный ресурс] : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. – Режим доступа: http://rta.customs.ru/nrta/attachments/4290_978-5-9590-0988-5.pdf. – Дата доступа: 18.10.2021.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.09.2021 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. Разъяснение Министерства по налогам и сборам по Витебской области «Маркировка молочной продукции и использование электронных накладных» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nalog.gov.by/ru/razjasnenija_vitebsk_ru/view/markirovka-molochnoj-produktsii-i-ispolzovanie-elektronnyx-nakladnyx-39537/. – Дата доступа: 28.10.2021.

6. Результаты правоохранительной деятельности таможенных органов в 2021 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.customs.gov.by/ru/pravoohraneniye-gu/>. – Дата доступа: 18.10.2021.

7. Национальный таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.customs.gov.by/uploads/gtk/files/document/Biznesmenam/reestr-intellektualnoj-sobstvennosti/Reestr131021.xlsx>. – Дата доступа: 18.10.2021.

К содержанию